

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИОРИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ПОЛОЖЕНИЕ
МЕНЬШИНСТВ В СТРАНАХ
РЕГИОНА

СОБЫТИЯ
ФАКТЫ
ОЦЕНКИ

Rus

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПОЛОЖЕНИЕ МЕНЬШИНИСТВ
В СТРАНАХ РЕГИОНА
СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.ОЦЕНКИ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94
ББК 63.3(4)
М821

Книга посвящена памяти Ларисы Семеновны Лыкошиной (1949–2017)

Редколлегия:
д.и.н. Т.В. Волокитина (отв. ред.), В.П. Мастеров, д.и.н. А.Ф. Носкова

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.Н. Шишелина
кандидат исторических наук Б.С. Новосельцев

Редактор-корректор
Л.А. Авакова

Предпечатная подготовка
к.и.н. А.Р. Лагно

М821 **Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки.** Сборник статей. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2019. — 336 с.

ISBN 978-5-4469-1553-8
DOI 10.31168/4469-1553-8

Научный сборник «Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки» посвящен памяти российской исследовательницы, известного специалиста по истории Польши, российско-польских отношений и проблем современной Восточной Европы Ларисы Семеновны Лыкошиной. Большое внимание Л.С. Лыкошиной уделяло истории национальных меньшинств, публикуя статьи, организуя научные мероприятия, выступая в качестве эксперта в российских и иностранных СМИ. В Институте славяноведения РАН в последние несколько лет она руководила научным проектом по данной проблематике. Настоящей работой коллеги и друзья Ларисы Семеновны завершают начатое ею дело.

Для специалистов по истории Восточной Европы, студентов высших учебных заведений и всех интересующихся данной проблематикой.

ISBN 978-5-4469-1553-8

9 785446 915538

© Коллектив авторов, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Содержание

Посвящение	5
Грамматика любви к истории. Лариса Лыкошина любила Бунина, но посвятила себя науке о развитии общества (<i>Валерий Петрович Мастеров</i>)	6
Геннадий Филиппович Матвеев	
Принцип самоопределения наций в политике держав и зарождение системы международной защиты национальных прав меньшинств (до 1917 года)	16
Дмитрий Станиславович Парфирьев	
«Музыкальная» обструкция украинских политиков в галицком сейме как инструмент борьбы за политическое равноправие	39
Николай Николаевич Станков	
Немецкий вопрос в Чехословацкой республике в 1918–1919 гг.	46
Татьяна Викторовна Волокитина	
Болгарские турки в условиях модернизационных вызовов первой половины XX в.	71
Анна Николаевна Канарская	
Национальные меньшинства Польши во второй половине 1930-х годов (по документам югославского посольства в Варшаве)	100
Альбина Федоровна Носкова	
Изгнание немецкого населения из Польши: формирование и реализация замысла (1939–1947 гг.)	115

Татьяна Викторовна Волокитина	
Борьба за Тешин. ТERRITORIАLНО-ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС в межгосударственных отношениях Чехословакии и Польши.	146
Анатолий Семенович Аникеев	
Македонский вопрос в балканской политике КПЮ в годы войны и мира (середина XX в.)	175
Татьяна Андреевна Покивайлова	
Переселения и депортации национальных меньшинств в Румынии (1940-е – начало 1950-х годов)	198
Александр Животич	
Национальная «карта» в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.)	211
Александр Сергеевич Стыкалин	
Еврейский вопрос в Венгрии XX века в «исторической политике» правительства В. Орбана	230
Елена Борисовна Лопатина	
Проблема автономии Силезии: от Ялты до наших дней.	251
Татьяна Георгиевна Биткова	
Этническое многообразие Румынии: проблемы, противоречия, перспективы	261
Юлия Александровна Щербакова	
Национальные меньшинства современной Словакии.	287
Анна Сергеевна Гладышева	
Цыгане Румынии в начале третьего тысячелетия.	313
Библиография работ Ларисы Семеновны Лыкошиной (2000–2017)	322
Сведения об авторах	333

Посвящение

Лизвестный историк-полонист, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, авторитетный эксперт по проблемам современной Восточной Европы, Польши и российско-польских отношений — это все о ней. Лариса Семеновна оставила заметный след в науке как автор нескольких монографий и более ста статей, принципиальный и настойчивый в отстаивании своих взглядов и убеждений исследователь.

В последние годы одним из направлений профессиональной деятельности нашей коллеги был научный проект «Национальные меньшинства Центральной и Юго-Восточной Европы как фактор политического и социокультурного развития», которым она руководила в Институте славяноведения. Лариса Семеновна разработала научную концепцию проекта, организовала и провела два «круглых стола» по данной теме, подготовила и опубликовала сборник статей «Национальные меньшинства стран ЦВОЕ в межвоенный период». В дальнейших планах значилось издание очередного сборника статей, но судьба распорядилась по-другому... И мы, коллеги и друзья Ларисы Семеновны, решились завершить начатое ею. Предлагая вниманию читателя эту книгу, мы хотим отдать дань уважения авторитетному историку, талантливому вдумчивому исследователю, светлому искреннему человеку — Ларисе Семеновне Лыкошиной.

Грамматика любви к истории.
*Лариса Лыкошина любила Бунина,
но посвятила себя науке о развитии общества*

С Ларисой Семеновной Лыкошиной меня познакомили ее коллеги из Института славяноведения РАН. Я и раньше знал, что она входит в круг известных российских полонистов, но воображение рисовало академического ученого, увлеченного научными разработками, погруженного в архивы и теоретические обобщения. И вдруг оказалось, что Лариса Семеновна была готова к нашему знакомству больше меня.

Будучи многолетним собкором советских и российских СМИ в Польше, я давно приобрел привычку постоянно следить за всем, что происходит в этой стране. А Лариса Семеновна вспомнила не только о моих разных по времени публикациях, что было приятно, но и легко перешла к обсуждению текущих событий с их действующими лицами и исполнителями. Мое удивление быстро сменилось восхищением, всегда сопутствовавшим встречам с ней.

По мнению коллег Ларисы Семеновны, она работала на стыке истории и политологии, но считала себя историком. Отсюда ее острый интерес к проблеме «исторической политики» польского государства, который в ее работах и выступлениях проявлялся в оценках реалий сегодняшнего дня. Поэтому как специалист, умевший

аргументированно и доходчиво отстаивать свою точку зрения на про-исходившие события, она была востребована разного рода качественными СМИ: в политических программах ТВ «Право голоса» и «Место встречи», на радио, в российской и польской печати. Причем ее уверенность и вместе с тем взвешенность суждений были настолько естественны и убедительны, что оппоненты нередко не находили весомых контрдоводов и были вынуждены признавать ее правоту. Много раз мне доводилось быть тому свидетелем.

Вспоминаю «круглый стол» в международном пресс-центре МИА «Россия сегодня». Тема взрывоопасная — «Россия и Польша: история, которая мешает взаимопониманию». Шел апрель 2013 года. В Польше уже закончилась эйфория, которая была вызвана искренним сочувствием россиян к жертвам катастрофы польского президентского самолета под Смоленском тремя годами раньше. Начала культивироваться мнимая теория «заговора», якобы приведшего к гибели президента и высокопоставленных лиц Польши. Правда, еще функционировала группа по сложным вопросам истории российско-польских отношений, организовывались региональные форумы и научные конференции, издавались совместные труды историков, в Варшаве и Москве действовали Центры диалога и согласия. И все-таки организаторы «круглого стола» из РИА Новости, анонсируя предстоящее мероприятие, сразу вбили клин утверждением, что «русофобство было и остается основным инструментом в общении Варшавы с Москвой». Призванное сыграть роль громоотвода уточнение, что эксперты будут говорить «о путях преодоления непонимания, о причинах апелляции польской стороны к историческим событиям, о разных подходах и взглядах, о поиске истины в исторических спорах и сближении по актуальной повестке дня российско-польских отношений», не сработало. Разговор не получился. А замечание одного из российских участников, что у Польши в отношении к России «отсутствует элементарная порядочность», так задело присутствовавших польских журналистов, что те демонстративно покинули мероприятие.

Одним из экспертов была Лариса Семеновна Лыкошина. Она и взялась спасать ситуацию: непредвзято и корректно, как она умела это делать, «разложила» по полочкам конкретные факты российской и польской истории и в очередной раз продемонстрировала умение аргументированно и уважительно дискутировать. И хотя «круглый

стол» все равно оказался с острыми углами, лицо организаторов было сохранено. Интересным и весьма характерным мне показалось эхо этого «совсем некруглого стола» в польской влиятельной *Gazeta Wyborcza* (19 апреля 2013 г.). Ее корреспондент писал по горячим следам: «Участвовавшая в дискуссии Лариса Лыкошина из Российской Академии наук <...> устроила мне головомойку за то, что я в своем комментарии слишком импульсивно отреагировал на статью в газете “Известия” о сооружении памятника в Смоленске». Польский журналист добавил: «Должен признать, что она была во многом права».

Глубина познаний и объективность Ларисы Семеновны не только подкупали, но часто принуждали оппонентов сдаться. Еще одно свидетельство. Пару лет назад мне довелось участвовать в Международной научной конференции «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии», приуроченной к 50-летию Комиссии историков России и Польши. Ссылаясь на конкретные польские источники, Лыкошина представила образ России, каким он подается в современной Польше. Как есть, опять же без сглаживания острых углов. Видимо, испытывая определенную неловкость, польские участники попытались смягчить обстановку. Председатель польской части Комиссии историков, директор Института истории науки ПАН профессор Лешек Заштвот заменил: «У меня есть возражения, целых четыре, позже выскажу». Но обещанное «позже» не последовало: сказанное Лыкошиной трудно было опровергнуть. А ее выступление «Образ России как фактор формирования национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе современной Польши» — очень серьезная аналитическая работа, результат глубоких исследований. Впрочем, такой вывод напрашивался после каждого труда, вышедшего из-под пера ученой.

Что характерно для научных работ историка Лыкошиной? Если коротко: высокий аналитический уровень, скрупулезность, непредвзятость, обилие разносторонних фактов, широкий спектр использованной литературы. И множество совсем не обременяющих текст, а наоборот — дополняющих его ссылок, которые дают возможность, с одной стороны, убедиться в фундаментальности знаний исследователя, почувствовать, сколько «перелопачено» польских источников (книг, документов, справочников, СМИ), а с другой — указать любознательному читателю путь к самостоятельной проработке

конкретного факта или сюжета. Ее формулировки и характеристики всегда были точны, обобщения и выводы — логичны и доказательны.

Многие труды Ларисы Семеновны вышли в Центре научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, куда она пришла на работу в 1972 г. после окончания исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Студенткой Лыкошина специализировалась по истории Польши, изучению которой и посвятила творческую жизнь. В ИНИОНЕ она прошла все ступени научного роста и стала главным научным сотрудником. Здесь увидели свет аналитический обзор «Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в.» и политический портрет «Дональд Туск», предвестником которого стала статья «Дональд Туск — либерал во власти» в журнале «Россия и современный мир», а также биографии и портреты польских крупных политиков Александра Квасьневского, Бронислава Коморовского, Леха и Ярослава Качиньских.

Последние годы жизни Ларисы Семеновны были тесно связаны с Институтом славяноведения РАН — признанным центром отечественной славистики. По мнению коллег, она внесла заметный вклад в создание фундаментальной коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (отв. редактор — д.и.н. А.Ф. Носкова), будучи членом редколлегии и автором обширного раздела о трансформации Польши от социализма к демократии в 1980-е годы — начале XXI в. и geopolитических приоритетах польского государства. Этот труд, отмеченный в научном сообществе как отражение современного уровня отечественной исторической полонистики, стал заметным явлением в российских гуманитарных науках.

Однако «лебединой песней» Л. С. Лыкошиной была и осталась монография «“Польско-польская война”: Политическая жизнь современной Польши» (М., 2015). Получив от автора только что вышедший экземпляр, я знал, что найду в работе глубокий анализ, дополненный важными научными комментариями актуальных событий в Польше, отраженных в позициях и деятельности ее ведущих политиков. Монография «“Польско-польская война”» вышла в свет в канун очередных президентских выборов в Польше, результат которых поверг в смущение не только штатных политтехнологов и предсказателей, но и всю польскую политическую элиту. Проигрыш идущего на второй срок президентства самоуверенного Бронислава

Коморовского, вопрошившего на заре избирательной кампании: «Ну кто знает этого Дуду?» и в итоге ему уступившего кресло главы государства, сделал анализ состояния польского истэблишмента и характеристики некоторых упомянутых лиц в книге как нельзя более точными и своевременными.

Для тех, кто следит за перипетиями политической жизни в Польше, понятно, почему автор уделила основное внимание противостоянию двух наиболее влиятельных политических партий — либерально-консервативной «Гражданской платформе» (ГП) и национал-консервативному «Праву и справедливости» (ПиС). В центре исследования — проявляемая в разных ракурсах мотивация соперничества партийных структур в контексте деятельности их знаковых фигур: бывшего до недавнего времени лидером ГП и главой правительства «партии власти» Дональда Туска и бессменного руководителя ПиС Ярослава Качиньского. Конечно же, не обойден вниманием теперь уже бывший президент Бронислав Коморовский.

Название монографии и ее суть Л. С. Лыкошина объясняла в первых же строках предисловия: «Основное содержание политической жизни современной Польши может быть выражено следующим образом: страна переживает своеобразную “польско-польскую войну”. Это несколько неожиданное выражение — одно из самых распространенных в политическом дискурсе нынешней Польши. Кто и за что воюет в стране, четверть века назад обретшей независимость от восточного соседа, страны, обеспечившей свою безопасность вследствие присоединения к евроатлантическим структурам, достаточно успешно прошедшей путь демократической трансформации?» Она отметила, что «не претендует на полноту картины», но монография получилась весьма содержательной и насыщенной конкретными фактами. Органично вошли в нее исторические аспекты политического ландшафта современной Польши, что, безусловно, помогает понять психологическую подоплеку поведения главных героев появления. Оправданным стал и раздел, посвященный Католической церкви, которая, как признала автор, традиционно играет в жизни поляков важную роль, влияет на настроения общества, его политические предпочтения. А то, что работа, по признанию Ларисы Семеновны, «в какой-то степени является собой субъективный взгляд на рассматриваемые вопросы», представляется даже притягательным.

Л.С. Лыкошина всесторонне исследовала практически весь процесс бурной политической трансформации Польши в 90-е годы XX в. — первом десятилетии XXI в. Объектом тщательного анализа стали соглашения «круглого стола», «карнавал “Солидарности”» и начавшийся раскол среди лидеров легендарного профсоюза в результате «войны в верхах» между Лехом Валенсой и Тадеушем Мазовецким, президентства Войцеха Ярузельского, Валенсы, Александра Квасьневского, появление «новых левых» и сдвиг общественных настроений вправо, победа либералов Туска и выход на политическую авансцену консерваторов в лице братьев Качиньских. И все это на фоне динамично развивающихся приоритетов в польской внешней политике: вступления Республики Польша в НАТО и Европейский союз.

Значительный по объему раздел книги посвящен восточной политике Варшавы в контексте российско-польских отношений. Здесь к месту будет пояснение: под термином «восточная политика» традиционно понимаются отношения Польши к соседям на востоке — России, Украине, Белоруссии. Раздел насыщен многочисленными фактами, поэтому нецелесообразно здесь приводить лишь отдельные фрагменты этой темы. Тому читателю, для кого представляют интерес российско-польские отношения, характер которых принципиально изменился после 1989 года, лучше самостоятельно, прочитав книгу, проследить их развитие. Станет понятно, что их ухудшало. И какой ветер теперь дует из Варшавы, если вспомнить популярный шлягер Анджея Розевича, звучавший некогда на берегах Вислы. «Весной веет с востока», — утверждал четверть века назад известный польский певец. Впрочем, он поет сейчас совсем другие песни. Если же попытаться привести к общему знаменателю весь приведенный в книге конкретно-исторический материал, то можно согласиться с констатацией Ларисы Семеновны: «Российско-польские отношения развиваются достаточно сложно, что предопределено, прежде всего, несовпадением геостратегических интересов, а также тяжелым и труднопреодолимым грузом исторических обид». Можно добавить, что определяет и формулирует эти интересы прежде всего новая политическая элита страны.

Нельзя не признать правоту ученой и в том, что политическая жизнь современной Польши является собой интереснейший предмет исследования, а польский опыт по многим параметрам сопоставим

с российским. И это придает особую научно-практическую ценность монографии Ларисы Семеновны.

Как историк и политолог она проявляла особый и постоянный интерес к проблеме «исторической политики», с разной активностью используемой новой политической элитой в бывших странах реального социализма. В этой связи следует упомянуть конференцию «Россия и Польша. История общая и разобщенная» (РГГУ) в Москве и «круглый стол» «Современная Польша: от интерпретации истории до исторической политики» (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого), где Л. С. Лыкошина выступала с докладом на тему «Об исторической политике в современной Польше». Она предлагала свое понимание этого явления, считала, что «в реальной жизни историческая политика проявляется как некое конструирование прошлого, целенаправленная борьба за память, определенные действия, предпринимаемые государством, чтобы убедить общество в чем-то, что оно считает важным и что должно обрасти некие внешние формы». Этой теме были посвящены многие статьи и выступления ученой, которая очень точно прочитывала интерпретации тех или иных исторических событий, дававшиеся польскими властями в угоду текущим политическим целям и формированию с этой целью соответствующих общественных настроений и сознания молодых поколений.

Среди многих научных мероприятий, в которых принимала участие Лариса Семеновна, заслуживает быть упомянутым научно-практический «круглый стол» «Актуальные проблемы истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны», состоявшийся в апреле 2015 г. в Воронеже. Его организаторы – Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» – пригласили историков, социологов, преподавателей вузов, журналистов высказаться по широкому кругу вопросов. Одним из них была определившаяся в наши дни, главным образом за рубежом и, бывает, в нашей стране, тенденция к «переписыванию» истории, сознательному искажению и откровенной фальсификации исторических фактов.

Выступление Ларисы Семеновны явилось реакцией на высказывания крупных польских политиков, свидетельствующие о стремлении последних исказить и принизить роль СССР в войне, чтобы таким образом ослабить позиции России в современном мире. «Одно

из направлений исторической политики в Польше, — подчеркнула докладчик, — связано с историей Второй мировой войны. Проводится политика определенной направленности. Ее цель утвердить в сознании поляков представление о Второй мировой войне как о столкновении двух держав, решавших свои геополитические задачи. Жертвой же этого решения стала Польша. Внедряется посыл, что Красная армия принесла не свободу от фашизма, а новую оккупацию и последовавший после войны период зависимости Польши от Советского Союза». Лыкошина с горечью констатировала «узаконенный характер» развязанной сегодня войны с памятниками благодарности советским воинам-освободителям на территории Польши, применение в этой войне «символического насилия», когда власть навязывает решение об избавлении от этих символов вопреки воле большинства граждан страны.

В свою последнюю командировку в Польшу Лариса Семеновна отправилась за материалами для подготовки статьи «Роман Дмовский и проблема современного польского национализма». Как всегда, историк Лыкошина взялась за изучение глубинных общественных процессов, поэтому объектом ее исследования стал главный идеолог польского национализма, политик, государственный деятель, публицист Роман Дмовский (1864–1939), чьи идеи находят распространение и поддержку в польском обществе по сей день. Она с волнением обосновывала выбор болезненной для поляков, немцев и граждан России темы, подчеркивая ее актуальность в настоящее время в связи с событиями на Украине и сложной историей польско-украинских отношений.

Литературу по избранной теме Лариса Семеновна выявляла и основательно изучала в варшавской Национальной библиотеке, в фондах библиотеки Института политических исследований. Тщательные конспекты, записи, сотни страниц ксерокопий обещали стать основой будущего интересного и актуального исследования... Конечно же, не могли остаться вне поля зрения новые материалы по «исторической политике» и политическому развитию современной Польши. И, как водится, хождение по книжным магазинам и приобретение изданий, недоступных в Москве.

Лариса Семеновна, несмотря на усилившееся с каждым днем недомогание, успела опубликовать аналитический обзор «Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия

Романа Дмовского», а также несколько статей, посвященных кризису на Украине и отношениям Польши и России («Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе», «Польша и украинский кризис», «Польша и поляки в российском общественном дискурсе»).

* * *

Увлеченная, решительная, приветливая, женственная, всегда открытая для общения и естественная, будь то в аудитории университета в Великом Новгороде, в кулуарах научной конференции в РГГУ или на открытии фестиваля польских фильмов в московском Доме кино, на ярмарке кустарных изделий в Угличе, в храмах Суздаля и Владимира. Она никогда не позировала, не стремилась специально попасть в объектив, но от общего снимка с коллегами не отказывалась. Только однажды попросила меня снять ее отдельно. Это было в Воронеже, в историческом центре города, на проспекте Революции, по старому дореволюционному названию — на Большой Дворянской улице. Здесь, в доме № 3, родился будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин. Вот у дверей этого дома с мемориальной доской и было сделано фото по желанию.

Недавно я вспомнил об этом и задался вопросом: «А почему Бунин?» Не вдаваясь в подробности своих изысканий, я, мне кажется, нашел близкое к ответу суждение на этот счет. Хотя бы для себя. Литературоведы, изучающие творчество Бунина, почти солидарно отмечают, что основу многих его произведений составляет «поток памяти», что в его прозе и поэзии особую роль играют именно память и воспоминания, существовать без которых равносильно трагедии. Встретилось даже такое суждение: «Только закрепленное памятью прошлое составляет для Бунина предмет высокого искусства». Может быть, в этом и надо искать связь? Ведь во многих своих трудах Лариса Семеновна близкую ей тему «исторической политики» всегда объединяла с исторической памятью. Не так ли? Теперь не спросишь. Читать же ее работы и сейчас интересно, как было увлекательно слушать ее лекции, выступления, а кому повезло — следить за ходом дискуссий с ее участием.

Последняя встреча. Уютная благодаря гостеприимству хозяев 821-я комната в Институте славяноведения. Лариса Семеновна угождает пирожками и уговаривает: «Ну, съешьте еще!» Мы обсуждаем

Воронеж. Март 2015 г. Та самая фотография...

Великий Новгород. Апрель 2015 г. С.А.Ф. Носковой и Б.В. Носовым

возможность проведения очередного выездного «круглого стола» историков-полонистов в Калуге. Знаем о нездоровье Ларисы Семеновны. Еще больше о своей мучительной боли знает она сама: каждый шаг дается с трудом. Но она поддерживает разговор, хочет быть со всеми нами.

С нами она и осталась. Теперь в нашей памяти. Как у ее любимого Бунина в коротком стихотворении «Памяти»: «Теперь ты мысль. Ты вечен».

Валерий Петрович Мастеров

Геннадий Филиппович Матвеев

Принцип самоопределения наций в политике держав и зарождение системы международной защиты национальных прав меньшинств (до 1917 года)

Одним из неоднозначных последствий Первой мировой войны стало создание системы международной защиты национальных меньшинств, но не всеобъемлющей, а распространявшейся лишь на вновь образованные и расширявшие территорию государства Восточной Европы. Но возникла эта система не в результате целенаправленной и долгосрочной деятельности задававших тон в мировой политике держав, а как следствие признания ими права самоопределения за некоторыми нациями из числа проигравших войну Центральных государств¹. Несмотря на то, что после окончания Великой войны прошло столетие, российская историография все еще не может похвастаться существенными достижениями в изучении этой проблемы². И это при том, что принятые державами Антанты и США

---

¹ Показательно, что на Россию, даже Советскую, это право парижские миротворцы распространять не торопились.

² Из ранних работ назовем: *Иванов Л.* Национальные меньшинства после мировой войны // Международные отношения. 1925. № 1; *Левин И.Д.* Национальный вопрос в послевоенной Европе. М., 1934. Из трудов, появившихся уже в РФ, интерес

на рубеже 1910–1920-х годов решения в этой области ощутимо повлияли на состояние и характер межгосударственных и межнациональных отношений в межвоенной Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и сыграли не последнюю роль в дестабилизации и разрушении Версальской системы, опиравшейся на принцип нерушимости территориального *status quo* и Лигу Наций³.

Теоретически у вопроса о судьбе национальных меньшинств, который объективно давал о себе знать давно, особенно начиная с XIX в., изначально было два решения: или предоставление им возможности полного самоопределения, или обеспечение им реального равенства с титульными нациями в составе многонациональных государств, в том числе и дополненного контролем извне, т. е. международным.

Первой в европейских международных отношениях утвердились процедура внешней защиты «меньшинств», под которыми долгое время понимали граждан государства, отличающихся исповедуемой религией. Защита религиозных меньшинств была введена в европейскую практику после окончания Тридцатилетней войны. Сформулированный в Мюнстере и Оsnабрюке принцип *cuius regio, eius religio* не применялся в случаях изменения государственной принадлежности территории: в текстах договоров появились гарантии для лиц, принадлежавших к иной конфессии, чем властелин государства, получающий данную территорию.

Договорная система защиты религиозных меньшинств с этого момента развивалась в двух направлениях: между христианскими и между христианскими и нехристианскими странами. В числе договоров первой группы можно назвать, в частности, договор 1660 г. в Оливе между шведским королем Карлом XI, польским королем

представляют запицщенная в 2003 г. на историческом факультете МГУ кандидатская диссертация А. В. Гущина «Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.», а также кратко рассматривающие интересующую нас проблему работы правоведов: Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996; Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). 2-е изд., испр. и доп. М., 2000; Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идей. М., 2008.

³ Подробнее об этой системе см.: Матвеев Г. Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги Наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // История: научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 5 (49).

Яном-Казимиром и бранденбургским великим курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом; Нимвегенский мирный договор 1679 г. между Францией и Голландией; Рисвикский мирный договор 1697 г. между Францией и участниками Аугсбургской лиги; Бреславский мирный договор 1742 г. между Австрией и Пруссией; Варшавский договор 1773 г.; некоторые решения Венского конгресса 1815 г.

Примеры международной защиты религиозных меньшинств в договорах между христианскими и нехристианскими странами дают русско-турецкие договоры, начиная с 70-х годов XVIII в., по которым объектом защиты становилась православная церковь в Османской империи.

Если определение религиозной принадлежности не составляло затруднений до момента отделения церкви от государства, то намного сложнее обстояло дело уже даже с definiciей самого понятия нации, без чего просто невозможно было ставить вопрос об учете ее интересов в столь сложной области, как международные отношения.

Появление понятия «нация» в политической теории и практике связано со становлением идеи современного демократического государства, относящимся ко времени Великой французской революции. Ее теоретики утверждали, что всякая власть берет свое начало в нации (т. е. совокупности всех граждан государства) и только нация является источником и средоточием верховной государственной власти, что суверенна только нация, а не представитель государственной власти в лице короля или князя. Это положение было закреплено в ст. 3 «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.

Из принципа суверенности нации теоретики выводили проблему национального самосознания, т. е. осознания своего отличия от других национальных сообществ. Если нация обладает таким самосознанием, то она должна обладать и волей к такому существованию и развитию, чтобы не только сохранять свои национальные особенности, но и обогащать в культурном и цивилизационном отношении все человечество.

Осуществить эти цели, полагали они, можно лишь в собственном государстве, которое, таким образом, становилось выражением воли суверенной и осознающей свои цели нации, желающей жить и развиваться. Следовательно, воля нации — это воля государства, а само государство идентифицируется с нацией. В итоге, государство становится всего лишь внешней формой существования нации,

переведенным на язык права понятием нации. Государство — это нация. Какое государство, такая нация и наоборот: *cuius regio, eius natio; cuius natio, eius regio*.

Именно на этой основе стала формироваться идея национального государства, согласно которой всякое государство должно состоять только из одной нации, осознающей свою самобытность, преисполненной решимости сохранить индивидуальность и стремящейся к реализации собственных задач и целей. Только такое государство, единое в национальном отношении и свободное от центробежных стремлений, может гарантировать нации всю полноту ее развития. Поэтому в национальном государстве есть место только для одной нации, все другие народности должны исчезнуть, ассимилироваться и раствориться в господствующей нации, сумевшей создать собственное государство. Принцип, согласно которому все жители государства являются одной нацией, проявлялся в странах Западной Европы в том, что здесь не было различия между гражданством и национальностью, это были идентичные понятия.

Еще одним важным теоретическим обоснованием объективного характера существования национальных государств на Западе стали представления о сущности нации. Показательна в связи с этим позиция французских теоретиков (Л. Ле Фур, Э. Ренан и др.). Они исходили из того, что принадлежность к нации определяется субъективными, психологическими факторами: чувством исторической общности в прошлом; совместными интересами, объединяющими отдельных индивидов в настоящее время; отчетливо выражаемым этими индивидами желанием продолжать совместное существование для достижения определенных общих целей в будущем. Государство может исчезнуть, но народ с великим прошлым и верный своей путеводной идее — бессмертен. Языковая и этническая общность не играют определяющей роли при формировании нации, главное — общее, более или менее длительное совместное историческое прошлое, достаточное для появления определенных национальных традиций, составляющих характерную черту нации и являющихся в совокупности национальным самосознанием.

По-иному трактовали понятие нации немецкие теоретики. По их мнению, принадлежность к немецкой нации определяется не субъективными, а объективными критериями: общностью племенного происхождения и языка. Поэтому все те, кто ведет свою родословную

от общегерманского корня, кто говорит на немецком или другом, относящемся к германской группе, языке, хочет он того или нет, должен принадлежать к великому немецкому государству (*Vollkulturstaat*), являющемуся высшим и совершеннейшим выражением немецкого духа.

Общим для обоих этих подходов к понятию нации было признание в первом случае желательности, а во втором — необходимости ассилияции иноэтнических групп населения.

В Центральной Европе, где в XIX — начале XX в. господствовали многонациональные Австрия (Австро-Венгрия), Пруссия (Германия) и Россия, не сложилось условий для возникновения политических наций. Лидерам нетитульных наций ближе оказалось так называемое право национальностей, т.е. право на самоопределение по этническому принципу, а также модифицированное немецкое понимание нации, учитывающее общность литературного языка, а не принадлежность к определенной языковой семье. Национальная самоидентификация по принципу этнической принадлежности сводила на нет усилия элит господствующих (титульных) наций по унификации полигэтнических общностей на основе государственной принадлежности, а насильтвенная ассилияция давала малые результаты. Конечно, были среди интеллигенции и политиков угнетенных наций сторонники французского понимания нации (малороссы — часть русской политической нации, русского «племени»; русины — часть польской политической нации; словаки — часть чехословацкой нации и т. д.), но их влияние в обществе постоянно уменьшалось в пользу оппонентов-националистов.

Выкристаллизовавшиеся к началу XX в. различия во взглядах на национальное государство и нацию делали весьма проблематичным приемлемое для заинтересованных сторон международно-правовое решение национального вопроса. Но главным препятствием было нежелание великих держав идти на нарушение существовавшего в Центральной Европе стратегического равновесия как основы общеевропейской стабильности. Дело в том, что наиболее острым национальный вопрос был в этот период в многонациональных европейских монархиях, связанных между собой договорами о разделе Речи Посполитой и переделом польских земель на Венском конгрессе. Неразрешимость ключевого для Центральной Европы польского национального вопроса без самых серьезных для мира на континенте

последствий хорошо понимали политики. С.Д. Сазонов, министр иностранных дел России в 1910–1916 гг., так излагал видение этой проблемы Петербургом: «О восстановлении польской независимости до Великой войны, очевидно, не могло быть и речи. Такое радикальное разрешение польского вопроса <...> было невыполнимо, потому что послужило бы опасным прецедентом для Финляндии, имеющей первостепенное значение с точки зрения обороны столицы и всей северной России. Помимо этого, отказ России от Царства Польского привел бы нас весьма вероятно к войне с Германией, владевшей значительной частью коренного польского населения, в отношении которого она не допускала никакого компромисса»⁴. Экс-канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег привел в мемуарах оценку Бисмарком возможных последствий войны с Россией, с которой он солидаризировался: война была бы большим несчастьем для Германии, которая ничего от нее не получила бы, даже компенсации собственных расходов, но зато была бы вынуждена восстановить Польшу до Двины и до Днепра⁵.

Многие годы фрондировавшая перед Россией по польскому вопросу Франция после поражения от Пруссии в поисках союзника против Германии отказалась от будирования этой проблемы на международной арене. Великобритания, сталкивавшаяся с активным проникновением России в азиатские регионы, прилегающие к Индии, была заинтересована в сохранении общей российско-германской границы. Объединившаяся Италия была слишком слаба не только для постановки общеевропейских проблем, но даже для возвращения оставшихся у Австрии территорий с итальянским населением.

В этих условиях единственным регионом в Европе, где при создании новых государств теоретически мог быть применен национальный принцип, оставались турецкие Балканы. Здесь великие державы обладали значительной свободой действий в деле государственно-территориального переустройства. Содержание территориальных статей Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора 1878 г. внешне перекликалось с принципом права национальностей. Вновь создающемуся болгарскому государству должны были отойти все

⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 373–374.

⁵ Цит. по: Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. 1914–1918. Warszawa, 1925. S. 11–13.

провинции, большинство населения которых, по господствовавшему тогда в Европе убеждению, составляли болгары. Но в действительности позиция России (которая не забывала о собственных стратегических приоритетах) базировалась на сложившемся к этому времени церковно-административном делении на Балканах. Территория Болгарского княжества определялась с учетом существовавших на тот момент границ болгарского эзархата, т. е. фактора, в конечном счете, религиозного, а не национального.

Под нажимом других держав Берлинский договор 1878 г. был заключен на основании традиционных принципов международных отношений: стратегического равновесия и соблюдения интересов держав и коалиций. Но он содержал одно не встречавшееся ранее постановление: в ст. 4 равные с болгарами политические права гарантировались не только мусульманскому, но и православному греческому и румынскому населению Болгарского княжества⁶. Такой подход можно рассматривать как прообраз международной защиты прав меньшинств по национальному признаку. При этом договор содержал также традиционные статьи о равенстве всех граждан Болгарии, Черногории и Сербии независимо от различий в верованиях и исповеданиях.

Вплоть до Великой войны международные отношения строились без учета национального принципа. Лондонский, Бухарестский и Константинопольский мирные договоры 1913 г. по-прежнему фиксировали право на международную защиту по конфессиональному признаку.

Начало мировой войны по существу ничего не изменило в подходе держав к вопросу о праве наций на самоопределение. В лучшем случае, как это было сделано в совместном меморандуме правительства Великобритании, Франции, России и Италии от 14 августа 1914 г., давались туманные обещания исправить европейскую карту на этнической основе, чтобы обеспечить прочный и долговременный мир на континенте⁷. Фактически же имелись в виду лишь территориальные приращения победителей за счет побежденных, без конкретизации их размеров и места. Д. Ллойд Джордж откровенно

⁶ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888. Т. VIII. С. 646.

⁷ Станковић Ђ. Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995. С. 53.

признавал, что в это время «никто не думал об освобождении угнетенных наций Европы и Турецкой империи от оков, наложенных на них иноземными властителями. Это была война в защиту слабых государств от дерзкого и агрессивного милитаризма, а не война за освобождение угнетенных народов»⁸. Сходным образом оценивал ситуацию и Э. Бенеш: «...Франция, Англия, Италия <...> Россия <...> три года <...> подходили к проблеме с точки зрения государства, а не нации, не представляли себе отчетливо, что означала война с Австро-Венгрией с национальной точки зрения. Поэтому они до последнего момента хотели сохранить габсбургскую монархию»⁹. Упоминания о национальных целях в обращениях монархов Италии, Болгарии и Румынии при вступлении этих стран в войну в 1915 г. были только прикрытием высокими патриотическими мотивами не всегда обоснованных, с этнической точки зрения, территориальных претензий.

Из всех воюющих государств только Сербия в Нишской декларации скупщины от 7 декабря 1914 г. заявила, что целью войны является «освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев». По мнению современных исследователей, эту декларацию следует трактовать не как воплощение югославянских тенденций, проявлявшихся в предвоенной политической жизни Сербии, а как средство давления на союзников Сербии в их переговорах с Болгарией и Италией об условиях вступления в войну, а также как военно-пропагандистский инструмент для разжигания межнациональных противоречий в Австро-Венгрии с целью ее ослабления¹⁰.

Весьма знаменательно, что сербские деятели, в том числе Н. Пашич, называли славян дунайской империи «соплеменниками», т. е. склонялись к немецкому пониманию нации. Об этом говорит и выдвижение ими задачи объединения всех югославян в одном государстве.

Сдержанность руководителей государств в публичном формулировании территориальных целей войны частично компенсировалась заявлениями военных командований на восточноевропейском театре

⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. II. С. 6.

⁹ Beneš E. Smysl Československé revoluce. Praha, 1923. S. 17.

¹⁰ Чуркина И. В., Достян И. С., Шемякин А. Л., Вяземская Е. К., Фрейдзон В. И., Коцик В. И. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 342–351.

войны, заинтересованных в благожелательном отношении к их войскам нетитульного населения прифронтовых областей. В августе 1914 г. главнокомандующий русской армией Великий князь Николай Николаевич Романов обратился от имени Николая II с двумя возвзваниями. В обращении ко всем народам Австро-Венгрии, напечатанном на девяти языках, говорилось: «Вам, народы Австро-Венгрии, <...> [Россия] <...> несет теперь свободу и осуществление Ваших народных вожделений <...>. Россия стремится только к одному, чтобы [каждый из] Вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов, язык и веру, и объединенный с родными братьями жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность»¹¹.

А в возвзвании к полякам выражалось пожелание, чтобы рухнули делящие польский народ границы и произошло его объединение под скипетром российского императора, а также содержалось обещание, что «под этим скипетром возродится Польша, свободная в сохранении своей веры, языка и самоуправления»¹². Сходные обещания звучали в обращении русского командования к полякам, распространенном 9 сентября 1914 г. в занятом русскими войсками г. Черновцы: «По причине лояльного отношения русских поляков к нашей войне, его императорское величество распорядился сообщить всем полякам, что нынешняя война является освобождением всех славян, в том числе и поляков. Его императорское величество обещают, что если с Божьей помощью победно окончит войну, то все части бывшей Польши, находящиеся как под немецкой властью, так и австрийской и русской, объединят в одно автономное целое под властью Российского императора»¹³. Но все эти возвзвания были подписаны главнокомандующим, а не царем. Аналогичным образом поступили австро-венгерский и германский императоры, от имени которых их военные пообещали в августе-сентябре 1914 г. полякам Царства Польского освобождение от русского господства.

Вопрос о праве наций на самоопределение уже задолго до войны привлекал внимание левых и либеральных сил Европы и Америки. Во время войны они заметно активизировали деятельность по созданию организаций и движений с целью выработать и заставить

¹¹ Цит. по: *Winiarski B. Międzynarodowość sprawy polskiej*. Piotrogród, 1917. S. 11–12.

¹² Российский государственный военный архив. Ф. 482. Оп. 4. Ед. хр. 241. Л. 94.

¹³ Цит. по: *Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale*. Paris, 1920. Р. 11–12.

правительства внедрить в практику такие принципы и нормы международных отношений, которые навсегда бы исключили войну из арсенала политики. Т. Г. Масарик вспоминал, что его друг историк Р. У. Сетон-Уотсон в беседе с ним еще в октябре 1914 г. выразил удивление, он «делал акцент на государственно-правовую историческую программу; в Англии уже тогда ожидали от нас и от других в Австро-Венгрии большего акцента на национальную программу»¹⁴. В числе принципов, общих для всего этого широкого движения, было безоговорочное признание права наций на самоопределение и собственную государственность. Весьма показательны в этом отношении решения международной рабочей конференции в Циммервальде в сентябре 1915 г., «Декларация прав и обязанностей народов», принятая 6 января 1916 г. Американским институтом международного права, резолюция Конгресса национальностей, состоявшегося в июне 1916 г. в Лозанне и другие акты. Первое время правительства еще могли игнорировать эти настроения, но по мере затягивания войны и возрастания критических настроений в обществе делать это было все труднее.

Война приводит в действие самые разные силы и интересы. И если ее ход не совпадает с предварительными планами, а так бывает чаще всего, то события неизбежно движутся по траектории, не совпадающей с первоначальными расчетами политиков и военных. Первая мировая война, возникнув, в частности, из-за неразрешимых дипломатическим путем противоречий на Балканах, актуализировала ключевой для Центральной Европы польский вопрос, который никто из участников разделов Речи Посполитой не собирался поднимать. Как писал Бетман-Гольвег, «польский вопрос оставался без движения так долго, как долго взаимоотношения трех империй не изменились коренным образом. Только кончившаяся ничьей война могла сохранить прежнее положение вещей. Любое иное решение вело к реализации польских освободительных стремлений за счет того государства, которое проиграло войну. Не политическая спекуляция, а сам факт войны поставил польский вопрос <...> Теоретически, лучше всего было бы оставить эту проблему без решения на всем протяжении войны. Однако с того момента, когда война не была прервана

¹⁴ Masaryk T.G. Světová revoluce. Za války a ve válce, 1914–1918. Vzpomíná a uvažuje T. G. Masaryk. Praha, 1925. S. 16.

в одной из начальных фаз, не позже первых месяцев 1915 г., не могло быть и речи о *partie remise*¹⁵ (об отсрочке. — Г.М.).

Аналогичным образом оценивал судьбу польского вопроса австро-венгерский министр иностранных дел граф Стефан Буриан: «С началом войны, когда столкнулись все европейские интересы, ни одна мысль не была посвящена Польше. Ведь ни одно из трех участившихся в разделах государств не испытывало ни желания, ни необходимости затрагивать польский вопрос»¹⁶.

«Вторжению» национального вопроса в область реальной международной политики, а затем и международного права способствовали многие обстоятельства: приобретениевойной затяжного характера, возрастание роли в ней не только действующих армий, но и тыла, необходимость собственной консолидации и деморализации вражеских государств¹⁷, желание правительств оправдаться за втягивание своих стран в самую жестокую и кровопролитную в истории бойню. Выход виделся в формулировании и активной пропаганде «идеальных», «высоких» мотивов продолжения вооруженного конфликта до победного конца. Как писал Ллойд Джордж, «ни в одной стране народ не желал нести страшные все возрастающие жертвы и тяжелое бремя только для того, чтобы расширить границы империи или покарать нарушителей мира»¹⁸.

Активная, глобальная по масштабам пропаганда, обрушенная воюющими государствами на вражеские армии и гражданское население, а также нейтральные страны, и стала одной из отличительных особенностей Первой мировой войны. В ход пускались самые

¹⁵ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 11–12.

¹⁶ Ibid. S. 457.

¹⁷ Весьма глубоко и неожиданно точно эту специфику Первой мировой войны оценил ее активный участник генерал Эрих Людендорф: «В этой войне уже нельзя было отличить, где начиналась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы, и народ составляли одно целое. Мир увидел войну народов в буквальном смысле этого слова. С этой объединенной мощью стояли друг против друга самые могущественные государства нашей планеты. К борьбе против неприятельских вооруженных сил на огромных фронтах и далеских морях присоединились борьба с психикой и жизненными силами вражеских народов, с целью их развалить и обесилить» (Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 7).

¹⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1953. Т. I. С. 31. Сходную оценку высказывают и другие современники и участники событий (см., например: Beneš E. Smysl Československé revoluce. S. 17–18).

разнообразные аргументы, если только они обещали хоть немного ослабить врага.

В арсенал основных аргументов Антанты в пользу продолжения войны до полной победы постепенно вошло утверждение, что она ведется демократиями с грубым германским милитаризмом за обеспечение всем угнетенным нациям Европы права на самоопределение и независимое существование. Тем самым в пропагандистский оборот было включено положение, активно популяризированное в предшествующие годы и десятилетия либералами, социалистами и пацифистами в качестве высокоморального и эффективного средства предупреждения международных конфликтов и войн.

Обдумывание и взвешивание государственными деятелями Антанты и Центральных держав возможных выгод и угроз, связанных с использованием в пропаганде положения о праве наций на самоопределение потребовало немалого времени. Если говорить об Антанте, то применению ею этого лозунга мешала прежде всего Россия, руководство которой не делало решительных шагов в польском вопросе. Министр Сазонов в 1914–1916 гг. не раз убеждал Николая II лично пообещать полякам объединить все их земли в составе Российской империи на правах широкой внутренней автономии и даже встречал у последнего определенное понимание¹⁹. Но публичных выступлений императора по этому вопросу до конца 1916 г. не было. А российский премьер И. Л. Горемыкин 1 августа 1915 г. в Государственной думе всего лишь подтвердил обещание, данное полякам в воззвании Николая Николаевича, указав при этом, что перемены будут произведены только после победы России в войне²⁰. Да и для правительства Великобритании, имевшего дело с остройшей ирландской проблемой, увлечение лозунгом о праве наций на самоопределение представлялось опасным.

После оставления русскими войсками Царства Польского и постепенного угасания надежд на близкую победу международная атмосфера вокруг польского вопроса стала постепенно меняться в благоприятном для поляков направлении. Уже в январе-феврале 1916 г. британские политики в ходе переговоров с полковником Э. Хаузом, доверенным лицом президента США В. Вильсона,

¹⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. С. 373–389.

²⁰ Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. P. 27–28.

обговаривали вопрос о будущем государственном статусе Польши²¹. Но этот разговор не следует трактовать как свидетельство перелома в сознании англичан. Польский вопрос, так или иначе присутствовавший в европейской политике все время с момента разделов Речи Посполитой, трактовался ими не как составная часть общей проблемы судьбы угнетенных народов Европы, а как совершенно самостоятельный, изолированный, имеющий не столько политический, сколько моральный характер. Раздел Польши — это несправедливость в отношении государственного европейского народа, и ее следует исправить или смягчить, объединив всех поляков в границах России. А обращение к указанному вопросу Хауза могло объясняться заинтересованностью Вильсона в голосах американского электората польского происхождения на осенних президентских выборах в США.

Все имеющиеся в распоряжении исследователей факты свидетельствуют об отсутствии у Антанты еще в первой половине 1916 г. целостного понимания проблемы угнетенных европейских народов. Так, Н. Пашич, поднимая вопрос о судьбах южных славян Австро-Венгрии во время поездки по союзным столицам в марте-апреле 1916 г., использовал те же аргументы «об освобождении соплеменников», которые содержались в уже упоминавшейся Ницкой декларации. А необходимость сохранения Македонии за Сербией он обосновывал общностью их истории, т. е. аргументом, вытекающим, скорее, из французского понимания нации²². Никаких ссылок на право наций на самоопределение в его высказываниях не было.

Как сугубо частный входил в мировую политику чешский вопрос. Именно к 1916 г. относятся первые успехи чешских эмигрантов в налаживании официальных контактов с государственными деятелями Франции и Англии. 3 февраля 1916 г. французский премьер Аристид Бриан принял Т. Г. Масарика и выслушал его мнение относительно будущего переустройства Европы, в том числе расчленения Австро-Венгрии. Самым важным итогом встречи было официальное сообщение о ней в прессе. Эта беседа получила благоприятный отклик и в Лондоне²³. Но каких-либо практических шагов в решении

²¹ Архив полковника Хауза. М., 1937. Т. II. С. 99, 138.

²² Станковић Б. Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. С. 193–201.

²³ Masaryk T. G. Světová revoluce. S. 111–112.

ческого национального вопроса в то время французами предпринято не было.

О возрастании интереса англичан к вопросу о праве наций на самоопределение свидетельствует, на первый взгляд, подготовка осенью 1916 г. британским МИД меморандума о предполагаемом территориальном переустройстве Европы на основе «национального принципа»²⁴. Но этот документ не был тогда рассмотрен кабинетом, и его можно трактовать, скорее, как один из вариантов возможного развития событий. И все же важен сам факт комплексной проработки идеи территориально-государственного переустройства Центральной и Юго-Восточной Европы с учетом национального принципа.

Руководители Центральных держав в 1916 г. продвинулись в использовании национального вопроса в интересах военного успеха дальше Антанты. Они также воспринимали его не комплексно, а как сумму отдельных, частных, проблем: польской, украинской, финской, литовской, латвийской, эстонской, ирландской, фламандской. Принципиальное значение в этом перечне Берлин и Вена придавали польской проблеме, имевшей для них не только международное, но и внутреннее звучание. По словам И. Буриана, необходимость заняться польским вопросом в политическом плане появилась примерно в середине 1915 г., а в августе того же года этой теме было уделено серьезное внимание в его переговорах с Т. Бетманн-Гольвегом в Берлине. Вопрос о какой-либо независимости только что оккупированного армиями Центральных держав Царства Польского в беседе не возник, поскольку Польша, по словам венского министра, «была плодом войны, распоряжение ею по праву завоевателя принадлежало обеим державам, которые должны были заботиться о будущей безопасности на востоке и о благе освобожденных территорий <...>. О том, чтобы сделать Царство Польское самостоятельным государством пока что не было речи из-за опасения, чтобы оно, еще недостаточно окрепшее, не стало объектом разнообразных влияний или же рассадником ирреденты, грозящей внутренней безопасности Австро-Венгрии и Пруссии»²⁵. Вместе с тем участники переговоров сочли, что русская Польша не может трактоваться просто как временно оккупированная территория и что ее судьбой они займутся еще в ходе войны. Особый ста-

²⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. I. С. 38–53.

²⁵ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 463, 465.

тус бывшего Царства Польского проявился в том, что оно не осталось под управлением германского и австро-венгерского командований, а было разделено на две генеральные губернии, подчинявшиеся соответственно Берлину и Вене.

Кардинальные шаги Центральных держав в вопросе о будущем Царства Польского относятся к 1916 г., когда баланс сил в этом блоке окончательно изменился в пользу Германии. 5 апреля 1916 г. канцлер Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что польский вопрос, который Центральные державы не хотели прежде ставить, «был открыт на полях сражений», и что «история не знает *status quo* после столь выдающихся событий». Это заявление было полной неожиданностью для Вены, не терявшей надежды, что Германия в конце концов согласится на присоединение Царства Польского к Австрии. В ходе берлинского визита Буриана 4–5 апреля 1916 г. Бетман-Гольвег сказал ему о том, что германская сторона считает нужным создать из Царства Польского буферное государство, опирающееся на рейх. 11 августа 1916 г. было достигнуто принципиальное соглашение о создании из Царства Польского самостоятельного польского государства, в экономическом, политическом и военном отношении полностью зависимого от Центральных держав²⁶. Но провозглашение этого государства откладывалось на более поздний срок. По утверждению Буриана, Германию на столь смелый шаг в польском вопросе подтолкнули два обстоятельства: распространявшийся слух о том, что Россия собирается пообещать полякам объединение всех их земель и независимость, а также желание сформировать польскую армию, чего нельзя было сделать, пока Царство Польское не получило статуса государства²⁷. Бетман-Гольвег назвал другие причины: развеивание надежд на сепаратный мир с Россией; нежелание отдавать все Царство Польское Австрии, в том числе и потому, что последняя могла бы попасть под польский контроль; понимание того, что нельзя восстановить довоенный *status quo* или произвести очередной раздел Польши, в связи с чем следует предоставить ей независимость, наладить теснейшее экономическое сотрудничество и таким образом сделать это государство безопасным в политическом и военном отношении соседом. На предоставлении

²⁶ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. С. 316–317.

²⁷ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 474.

Царству Польскому самостоятельности особенно настаивали немецкие военные, надеявшиеся на формирование здесь союзной им польской армии²⁸.

Но вскоре между Веной и Берлином вновь усилились трения по вопросу о судьбе русской Польши. Для их устранения 18 октября 1916 г. в ставке Верховного главнокомандования Германии в Пшчине состоялось совещание по Польше с участием И. Буриана, Т. Бетман-Гольвега, министра иностранных дел Германии Готлиба фон Ягова, начальника Генштаба австро-венгерской армии фельдмаршала Франца Конрада фон Хетцендорфа, варшавского генерал-губернатора Ганса Гартвига фон Безелера, генералов П. Гинденбурга и Э. Людендорфа и др. На нем был решен ряд спорных вопросов, а также определен сценарий дальнейшего поведения сторон в отношении Царства Польского: не создавать во время войны полноценного польского государства, ограничиться только твердыми обещаниями сделать это после ее окончания. До момента создания польской администрации сохранялись генерал-губернаторства. Было также решено немедленно приступить к формированию добровольческой польской армии под германским командованием и с участием австро-венгерских и немецких офицеров и унтер-офицеров²⁹.

5 ноября 1916 г. германский и австро-венгерский генерал-губернаторы от имени своих императоров огласили манифест о судьбе Царства Польского. Несомненно, непосредственной и наиболее важной целью, преследовавшейся Германией и Австро-Венгрией в тот момент, было получение польского пополнения для их ослабленных позиционной войной армий. Так как прямая мобилизация на оккупированных территориях была запрещена международными конвенциями, то было провозглашено создание Польского королевства из областей, «вырванных <...> из-под русского владычества». Ноябрьский манифест не распространял право на самостоятельность на всех поляков, не предусматривал объединения в границах

²⁸ Ibid. S. 13–15. Немецкие же мемуаристы–военные, в частности генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, Э. Людендорф, начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман после 1918 г. опровергали утверждение, что армия стала инициатором создания польского государства. (См., например: Hoffmann M. Wspomnienia (Wojna wśród niewykorzystanych sposobności). Warszawa, 1925. S. 123).

²⁹ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 16–17, 477–481.

Польского королевства всех польских земель. По характеру и содержанию акт 5 ноября определенно перекликался с манифестом Николая Николаевича (он издавался не самими монархами, а от их имени второстепенными государственными чиновниками, не содержал четкого определения будущих границ, не оставляя будущему государству свободы выбора союзников). Главное отличие заключалось в том, что создание польского государства начиналось немедленно, не дожидаясь окончания войны и мирной конференции.

Именно это обстоятельство оказало определенное пропагандистское воздействие как на поляков, так и на другие народы России, особенно прибалтийские, среди которых также были сильны сепаратистские настроения. Можно полностью согласиться с Бурианом, следующим образом оценившим это событие: «Акт (5 ноября) не исполнил всех желаний и не разрешил еще всех трудностей. Но он дал свершившийся факт, который нельзя было отбросить. Возвращение Польши России стало таким же невозможным, как и аннексия в пользу Центральных государств, да и Антанта, гордящаяся борьбой за свободу народов, должна была это событие принять в расчет, хотя и с самыми любезными комментариями»³⁰.

Исторический парадокс этого шага заключается в том, что Центральные державы, решившись на практические действия в польском вопросе, имевшем, по сути, частный характер, сами того не желая, зажгли зеленый свет перед превращением пропагандированного левыми и либеральными силами лозунга о праве наций на самоопределение в норму международного права, даже ограниченное применение которой в 1918–1919 гг. привело к распаду Австро-Венгрии и первым территориальным потерям Германии в XX в. Следует иметь в виду и то, что начало становления новой нормы было связано с нарушением другой нормы, имевшей давнюю традицию. Как известно, международное право предусматривает, что договоры о границах, хотя бы двусторонние, война не расторгает, а только приостанавливает их действие; их изменение должно быть оформлено после прекращения войны. Соблюдение этой нормы на первом этапе войны, наряду с другими факторами, ограничивало свободу действий противоборствующих сторон в постановке польского вопроса.

³⁰ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 481.

Следует сказать, что перемена отношения Центральных держав к национальному вопросу коснулась не только русской Польши. В том же 1916 г. германское Министерство иностранных дел создало Союз угнетенных Россией народов, в который входили финны, украинцы, литовцы, евреи, поляки, грузины, эстонцы, прибалтийские немцы и представители мусульманских народов³¹.

Реакция Петербурга на акт 5 ноября была достаточно бурной. Министр иностранных дел России А. Д. Протопопов заявил, что Россия остается приверженной своей политике по польскому вопросу, сформулированной в 1914–1915 гг., и «стоит теперь тем более твердо, что кровь братская обоих народов пролита на одном поле чести и за одно святое дело защиты целостности державы царской от посягательств жестокого врага, не знающего ни малейшей свободы и не признающего никакой справедливости»³². 15 ноября 1916 г. последовало официальное заявление российского правительства по поводу акта 5 ноября, осуждавшее Германию и Австро-Венгрию за нарушение основных начал международного права и объявлявшее «указанный акт недействительным»³³.

С нотой протеста по поводу акта 5 ноября обратились к нейтральным странам Италия, Англия и Франция. Если Россия делала акцент на незаконность призыва в армию в соответствии со ст. 23 регламента, присоединенной к IV Гаагской конвенции 1907 г., что можно трактовать и как угрозу считать государственными преступниками жителей Царства Польского, выступивших на стороне ее врагов с оружием в руках, то ее союзники обратили также внимание на нарушение Центральными державами еще одной нормы международного права: «факт военной оккупации <...> не может повлечь за собой перехода суверенных прав на оккупированную территорию,

³¹ Гуммерус Г. Україна в переломні часи. Шість місяців на чолі посольства в Києві. Таксон, 1997. С. XII, 49–50. В межвоєнний період схожу політику пыталась вести Польща, создавшая и финансировавшая организацию пересекших эмигрантов из России «Прометей». (См., например: Mikułicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971; Matveev Г.Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997; Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4).

³² Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondial. P. 80.

³³ Ibid. P. 80–81.

а следовательно и создавать какое-либо право распоряжаться этой территорией в чью-либо пользу»³⁴.

Завершающим аккордом в реакции России стал рождественский (1916 года) приказ Николая II по армии и флоту, явившийся одновременно ответом на поступившее от Центральных держав предложение высказаться о возможных условиях мира. В нем в качестве одной из целей войны он назвал «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей»³⁵. Россия наконец-то на самом высоком уровне определилась с позицией по польскому вопросу. Специальная государственная комиссия, обсуждавшая польский вопрос в начале 1917 г., решила трактовать определение «свободная Польша» как необходимость предоставить ей широкую автономию в составе Российской империи, а не полную свободу. Но распространять этот подход на другие славянские народы она не спешила, предпочитая занимать выжидательную позицию. Так было, например, в случае с попытками Чехословацкого национального совета добиться в Петербурге поддержки своей деятельности³⁶.

Особого внимания заслуживает вопрос о роли США в придании универсального характера принципу права нации на решение собственной судьбы. В 1916 г. в Вашингтоне активно обсуждался вопрос об участии США в войне в Европе. Для того, чтобы убедить американцев в необходимости отхода от доктрины Монро, нужны были сильные и, желательно, возвышенные аргументы. В феврале 1916 г. Хауз писал президенту Вильсону из Франции: «Ни один беспристрастный человек не поверит, что США разумно поступили бы, приняв участие в этой войне, если она не будет обоснована высшими человеческими побуждениями»³⁷.

Соединенные Штаты, не связанные союзническими обязательствами ни с одним из воюющих блоков, свободные от угрозы внутреннего сепаратизма, имели достаточно большую свободу поиска путей прекращения войны и выработки приемлемых для всех ее участников условий мира. Первым демонстративным шагом в этом направлении можно считать речь Вильсона перед американской Лигой нарождения мира 27 мая 1916 г. В ней президент впервые назвал новые

³⁴ Winiarski B. Międzynarodowość sprawy polskiej. S. 30.

³⁵ Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. P. 118.

³⁶ Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. S. 401–408.

³⁷ Архив полковника Хауза. С. 125.

принципы международных отношений, в числе которых было и право всякого народа «выбирать ту верховную власть, под которой он будет жить»³⁸. Реакция Центральных держав, особенно Австро-Венгрии, свидетельствовала не только об их недовольстве столь широкой постановкой проблемы самоопределения наций, но и о том, что она легко может быть обращена против держав Антанты³⁹.

Определенным рубежом в процессе становления международно признанного права наций на самоопределение явилось выяснение воюющими сторонами возможных условий будущего мира в конце 1916 — начале 1917 г. Начало обмену мнениями было положено германской нотой о мире от 12 декабря 1916 г., направленной правительству США для ее дальнейшей передачи правительствам Франции, Великобритании, Японии, Румынии, России и Сербии. Ее содержание, по оценке Ллойд Джорджа, свидетельствовало, что Берлин готов на переговоры о мире только с позиций сильной державы, «уверенной в несокрушимой силе своей армии»⁴⁰. 18 декабря нота была передана американцами союзным правительствам, а 20 декабря правительства воюющих государств получили ноту самого Вильсона, в которой он просил сформулировать приемлемые для них условия заключения мира и излагал свое видение проблемы. В американской ноте говорилось и о праве малых наций и государств на самоопределение, но из контекста следовало, что речь скорее всего шла о нациях и государствах, которые подверглись оккупации в ходе войны, т. е. о Бельгии и Сербии.

В ответе от 30 декабря союзные державы отвергли германские условия мира, заявив, что никакой мир невозможен до тех пор, пока не будет признан, в частности, «национальный принцип». Более пространно их взгляд на условия мира был сформулирован в совместном ответе Вильсону 10 января 1917 г. Из него видно, что понимала Антанта в тот момент под «национальным принципом». Среди условий мирного урегулирования были названы, в частности, следующие: реорганизация Европы, обеспеченная твердым соглашением, основанным в одинаковой мере на национальном принципе, на праве каждого народа — великого или малого — пользоваться полной

³⁸ Архив полковника Хауза. С. 227.

³⁹ Там же. С. 192–193.

⁴⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т. III. С. 52–53.

безопасностью и свободой экономического развития; освобождение итальянцев, славян, румын, «чехословаков», нетурецких народов Османской империи от иностранного владычества; полное изгнание Турции из Европы; проведение в жизнь царского манифеста об освобождении Польши⁴¹.

Совершенно очевидно, что и эти условия были сформулированы в убеждении, что именно Антанта будет диктовать свою волю на мирной конференции. Они носили откровенно избирательный характер, касались только Центральных держав. Ничего не говорилось и о том, какие формы примет освобождение угнетенных народов Австро-Венгрии и Турции, смогут ли они создать независимые государства или ограничатся автономией. Если исходить из отождествления русского плана решения польского вопроса с освобождением, то речь шла только об автономии. Именно так понимали лондонские условия в Вене: территориальные уступки Румынии, Италии и Сербии и «полное преобразование двуединой монархии на началах федерализма»⁴².

Последующие тайные контакты с Веной показали, что Антанта в тот момент еще не приняла окончательного решения о будущем Австро-Венгрии, хотя в ответе содержалась неприкрытая угроза ее раз渲ла. Заслуживает внимания еще одно наблюдение. В ответе наряду с обобщенным понятием «славяне» назывались и «чехословаки» (а не чехи и словаки или чехи). Термин появился в тексте ответа по настоящию французов и был им подсказан Э. Бенешем, согласовавшим его предварительно со словаками М. Штефаником и Ш. Осуским⁴³. Появление «чехословаков» означало в определенной степени легализацию в международных документах взглядов Масарика и его соратников на будущее чешское государство как многонациональное обраzование⁴⁴.

Определение Антантои позиции по принципиальным вопросам будущего мира позволило Вильсону сформулировать американское видение проблемы. 22 января 1917 г. он зачитал перед сенатом свое послание, лейтмотивом которого было положение: «Это должен быть мир без победы». Президент США предложил взять за основу

⁴¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. С. 55, 58–59.

⁴² Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.; Пг., 1923. С. 189.

⁴³ Masaryk T. G. Světová revoluce. S. 148.

⁴⁴ Чернин О. Указ. соч. С. 236–237; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т. IV. С. 172.

прочного мирного урегулирования доктрину Монро: «ни одна страна не должна стремиться установить свой образ правления в другой стране или над другим народом; всякий народ должен быть свободен в определении своей собственной формы правления, собственных путей развития, беспрепятственно, безбоязненно, не подвергаясь угрозе, — малые народы наравне с великими и могущественными»⁴⁵. Позиция Вильсона, на первый взгляд, была созвучна праву наций на самоопределение, но главная идея послания свидетельствовала, что в тот момент он склонялся к мысли о нежелательности каких-либо территориальных изменений в Европе по сравнению с довоенным периодом. Исключение делалось им только для Польши, поскольку на предоставление ей независимости согласились, хотя и на разных условиях, Австро-Венгрия, Германия и Россия.

Только 31 января 1917 г. был получен германский ответ на поту Вильсона, который почти полностью (исключение составило Польское королевство) игнорировал национальный принцип⁴⁶.

В целом, в начале 1917 г. в лексиконе правительства Антанты и США в самой общей форме появилось положение о праве народов на определение собственной судьбы, но без указания, будет ли оно предоставлено всем негосударственным европейским нациям. Конкретизировалась только готовность решить польский вопрос по петербургскому сценарию. Что касается Центральных держав, то они, осознавая таившуюся в позиции Антанты и США угрозу их территориальной целостности, ограничивались лишь приверженностью своему акту от 5 ноября 1916 г., хотя Австрия в феврале 1917 г. допускала, например, возможность передачи Боснии и Герцоговины Сербии⁴⁷.

Но при всей нерешительности держав в постановке вопроса о самоопределении наций к 1917 г. имел место заметный прогресс в его судьбе. Это вопрос перестал быть делом передовой общественности и лидеров угнетенных народов. Правительства Антанты и США, осознавая всю его разрушительную силу для многонациональных государств (а они все, за исключением Америки, были таковыми), тем не менее не только включили его в свои тайные калькуляции,

⁴⁵ Архив полковника Хаузса. С. 316–318.

⁴⁶ Там же. С. 328–329.

⁴⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. IV. С. 173.

но и публично заявили о намерении его решать, а Берлин и Вена даже сделали это для поляков Царства Польского.

В то время правительства воюющих сторон еще не дозрели до понимания того, что наиболее эффективный путь решения национального вопроса — это тотальная депортация инонациональных групп населения на их историческую родину и что в ряде стран с регионами смешанного проживания титульных и нетитульных наций при применении национального принципа появится проблема национальных меньшинств. К осознанию этого нового вызова США и Антанта пришли позже, в конце 1918 г. Именно тогда и родилась идея создания системы международной защиты не только религиозных, но и национальных меньшинств.

Дмитрий Станиславович Парфирьев

«Музыкальная» обструкция украинских политиков в галицийском сейме как инструмент борьбы за политическое равноправие

В Новой и новейшей истории парламентская обструкция — сознательный срыв работы парламента частью депутатов ради достижения тех или иных целей — была впервые широко применена ирландскими представителями в британской палате общин в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. В Австро-Венгрии самыми активными обструкционистами были чехи. В чешском сейме и австрийском парламенте, рейхсрате, они проводили как «тихие», так и «громкие» обструкции: первый вариант предполагал затягивание заседаний многочасовыми выступлениями, второй — создание шума, парализующего работу заседаний. В 1910 г. «громкие» обструкции взяли на вооружение представители другого народа Австро-Венгрии — галицийских украинцев (русинов).

В Галиции, коронном крае Цислейтании¹, который официально назывался Королевством Галиции и Лодомерии, в 1910 г. проживало

---

¹ Австро-Венгрия в административно-территориальном отношении делилась на Цислейтанию и Транслейтанию — земли «по эту и по ту сторону» реки Лейты. Транслейтания включала в себя земли Венгерского королевства, Цислейтания — все остальные (Австрийские земли, Земли короны Св. Вацлава, Галицию, Буковину и др.).

7,3 млн чел. Западная часть региона с центром в Кракове была польской: 88,2 % населения составляли поляки, а 7,9 % — евреи, большинство которых принадлежало к польской социокультурной и языковой среде. В Восточной Галиции с центром во Львове абсолютным большинством (62,4 %) были русины (украинцы); поляков насчитывалось 24,5 %, а евреев — 12,4 %². В целом же в провинции Галиция украинцы по численности почти не уступали полякам (42 % против 46,5 %). При этом их политический статус был различным: согласно краевому статуту, предполагавшему куриальную избирательную систему, сеймовое представительство восточнославянского населения в Галиции не было пропорционально его численности. Примечательно, что на выборах в венский рейхсрят к тому времени такие ограничения для украинцев были сняты. Фактически в Галиции поляки имели статус титульной нации, а восточнославянское население было неравноправным национальным меньшинством.

Местный представительный орган — сейм — с 1900 г. состоял из 161 депутата. На выборах 1908 г. русины получили в нем всего 28 мест, то есть менее 20 %; из них девять мандатов достались представителям русофильского политического движения, остальные — депутатам от партий украинской ориентации. Введение в 1907 г. на выборах в рейхсрят всеобщего избирательного права побудило украинских политиков Галиции со всей определенностью поставить вопрос о преодолении политического неравноправия основных народов края путем реформирования краевого парламента. В связи с этим они потребовали отмены национальных курий и пропорционального соотношению численности поляков и украинцев в регионе представительства в сейме.

В 1908–1910 гг. польская сторона предлагала несколько проектов реформы, но ни один из них не предусматривал отказа от системы национальных курий³. Осенью 1910 г. комиссия сейма по проведению реформы представила свой проект, согласно которому украинцам отводилось 22,2 % мест. На большее представительство поляки не соглашались, опасаясь, что это позволит украинцам реально влиять на краевую политику (для принятия важнейших политических

² Макарчук С.А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983. С. 48–49.

³ Михальський Ю.В. Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку ХХ століття (1902–1914). Львів, 2002. С. 121–122.

решений, таких как изменение краевого статута или расширение прав автономии, были необходимы голоса $\frac{3}{4}$ депутатов). Украинская сторона тем временем настаивала на 40 % мест для своих представителей⁴.

22 сентября 1910 г. открылась очередная сессия галицийского сейма. Украинские депутаты потребовали активизировать проведение реформы и заявили, что стоят в решительной оппозициипольскому большинству. З октября на заседании упомянутой выше комиссии по проведению реформы лидер «русинского клуба» Кость Левицкий потребовал установить для украинцев количество мандатов, адекватное их доле в населении Галиции⁵. На заседании 19 октября он внес предложение отложить заседания сейма до тех пор, пока комиссия по проведению избирательной реформы не подготовит отчет. Предложение имело формальный характер и не было поддержано большинством. После того как маршалок объявил результат голосования, украинские депутаты начали свою первую «музыкальную» обструкцию. В галицийском сейме акций обструкции прежде не бывало. Но на сей раз депутаты подготовились заранее: спланировали действие, заблаговременно приобрели свистки, сирены, трубы и трещотки, «одолжили» у депутата-русофила Владимира Дудыкевича громкий японский гонг. Все инструменты украинцы спрятали в львовской «Народной гостинице», где во время заседаний сейма останавливались приезжие депутаты⁶. Эффект оказался значительным. Счастливые обладатели музыкальных инструментов создали оглушительный шум; те же, у кого инструментов не было, ограничились криками, стучали деревянными пюпитрами депутатских скамей, нередко разламывая их на куски⁷. В роли «дирижера» выступил депутат Тимофей Старух, бывший урядник⁸.

Очевидцы вспоминали, что шум был слышен далеко за пределами зала заседаний⁹. «В зале сейма была хорошая акустика, и вся эта

⁴ Михальський Ю. В. Польські політичні партії. С. 128–129.

⁵ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. Львів, 1926. С. 549–551.

⁶ Makух I. На народній службі. Дітройт, 1958. С. 169.

⁷ Obstrukcja ruska w Sejmie // Kurjer Lwowski. 1910. 20 X. N. 486. S. 1.

⁸ Jaworski W. L. Listy z sejmu. R. 1910. Kraków, 2010. S. 92–93.

⁹ Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa, 1981. S. 278; Makух I. На народній службі. С. 170.

наша ярмарочная музыка была такой сильной, что надо было затыкать уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки», — рассказывал впоследствии участник обструкции Иван Макух¹⁰. Польские депутаты могли общаться друг с другом только посредством мимики и жестов и, чтобы не оглохнуть, были вынуждены затыкать уши¹¹.

В первый день обструкции польское большинство во главе с маршалком сейма и наместником решили продолжить заседание, несмотря на действия украинцев, и не предпринимать «решительных и резких мер» для пресечения обструкции¹². В соответствии с регламентом, маршалок сейма Станислав Бадени имел право удалить украинских депутатов из зала заседаний, но такой его шаг мог вызвать негативную реакцию со стороны австрийских властей¹³. Как впоследствии отмечал тогдашний наместник Галиции Михал Бобжиньский, удаление украинских депутатов было чревато выходом из сейма также русофилов, вследствие чего законодательный орган лишился бы представителей целого народа. Это возмутило бы и Вену, и международное сообщество¹⁴.

Выступавшим с трибуны польским депутатам приходилось буквально кричать стенографистам в уши, чтобы те могли записать текст речи. «Делегированный клубом, я выступал на протяжении шести часов без перерыва — не только потому, что украинцы дули мне своими инструментами прямо в уши, окружив трибуну, но и потому, что за этой трибуной я не мог шелохнуться, так как в месте, предназначенном для одного человека, находились, кроме меня, стенографист и один из депутатов, следивший, чтобы украинцы не уничтожили нужные мне заметки», — вспоминал В. Витос¹⁵. Когда к трибуне выходили особенно неприятные украинцам польские депутаты, шум усиливался¹⁶.

Комментируя поведение своих товарищей, украинский журналист Л. Цегельский называл «музыкальную» обструкцию «похоронным маршем» сейму. «Галицийский сейм как нормальная

¹⁰ Witos W. *Moje wspomnienia*. S. 278; *Makух I.* На пародії службі. С. 170.

¹¹ Obstruktja ruska w Sejmie // *Kurjer Lwowski*. 1912. 12 I. N. 16. S. 2.

¹² Witos W. *Moje wspomnienia*. S. 278.

¹³ Левицький К. Українські політики. Львів, 1937. Ч. 2. С. 48–49.

¹⁴ Bobrzyński M. Z moich pamiętników. Wrocław: Kraków, 1957. S. 219–220.

¹⁵ Witos W. *Moje wspomnienia*. S. 278.

¹⁶ Куровець І. З Галицького сейму // Іван Куровець. Лицар галицької медицини. Львів, 2014. С. 39.

законодательная институция перестал существовать, — заключал Цегельский. — То, что сейчас в нем происходит, как с украинской, так и с польской стороны, уже давно вышло за пределы легальности и права и является борьбой фактического соотношения сил¹⁷. Происходящее в галицийском сейме освещалось в австрийской и мировой печати и вызывало интерес у политиков из других частей Австро-Венгрии. По словам И. Макуха, один из чешских депутатов рейхсрата, специально приехавший во Львов, чтобы понаблюдать за украинской обструкцией, признался К. Левицкому, что она сильнее и громче, чем чешская в парламенте¹⁸. Польские политики, в свою очередь, приводили поведение украинских депутатов в подтверждение того, что украинцы — политически незрелый народ с несформировавшейся интеллигенцией¹⁹. Лидер «краковских консерваторов» В.Л. Яворский снисходительно называл поведение украинских коллег «великолепным полем для исследований психолога», отмечая контраст между ними и польскими депутатами, «не теряющими хладнокровия, серьезности и спокойствия»²⁰.

Первая сеймовая обструкция украинских депутатов продолжалась до закрытия осенней сессии сейма 18 ноября 1910 г., продлившись в общей сложности 45 часов и 42 минуты или девять заседаний²¹. Как впоследствии отмечала газета *Kurjer Lwowski*, она была самой масштабной и эффектной: в последующих «украинских концертах» участвовало меньше депутатов, и они привлекали меньшее внимание собравшихся²².

В следующий раз сейм собрался в январе 1912 г. Поскольку в повестке дня не оказалось вопроса об избирательной реформе, «русинский клуб» в знак протesta вновь обратился к тактике обструкции. 11 января, после того как польское большинство отклонило предложение украинского депутата Евгения Петрушевича о закрытии заседания сейма, украинцы подняли шум. Маршалок закрыл заседание.

¹⁷ Цегельський Л. Сеймова кріза в Галичині // Літературно-науковий вісник. 1910. Ріцник XIII. Т. LII. Кн. XI. С. 417–418.

¹⁸ Makukh I. На пародійній службі. С. 171.

¹⁹ Булахтин М.А. Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 65.

²⁰ Jaworski W.L. Listy z sejmu. S. 92.

²¹ Левицький К. Українські політики. С. 50.

²² Obstrukcja ruska w Sejmie // Kurjer Lwowski. 1912. 12 l. N. 16. S. 2; Sejm // Kurjer Lwowski. 1912. 4 l. N. 54. S. 1.

Начались переговоры об условиях реформы. Украинцы требовали для себя 33,5 % мандатов, затем согласились на 31 % и, наконец, на 30 %. Но главные противники реформы в польском политическом лагере — национал-демократы (эндеки) и восточно-галицийские консерваторы («подоляки») эти цифры категорически отвергали: максимумом, на который они соглашались, было 26,4 % украинцев в сейме. После срыва переговоров об условиях реформы, 3 февраля 1912 г., обструкция возобновилась²³. *Kurjer Lwowski* отмечал, что шум был немного меньшим, чем на предыдущих заседаниях, и вызывал интерес разве что на галерке, где собирались зрители²⁴. Следующая стадия переговоров об условиях реформы началась осенью 1912 г. Наконец к марта 1913 г. компромисс был достигнут: украинцы согласились на получение 27,2 % мест²⁵.

В австрийском парламенте, как и в земельном сейме, галицийские украинцы нередко также устраивали обструкции: свистели, кричали, стучали по столам, пели патриотические песни «Ще не вмерла Украина» и «Не пора» на стихи Ивана Франко²⁶. Во время одного из заседаний депутат-радикал Лев Бачинский случайно задел деревянным обломком от пюпитра словенского коллегу, после чего тот потерял сознание, и в зале началась массовая драка. Этот инцидент пошатнул представление австрийской общественности об украинцах как об угнетенном народе²⁷. Но в целом, как подметил В. Витос, в парламенте украинцы действовали «с меньшей наглостью», чем в сейме²⁸.

До самого распада Австро-Венгрии избирательная реформа считалась одним из главных достижений украинского движения в Галиции, а устраиваемая в сейме обструкция — эффективным средством на пути к ней. В агитационных брошюрах, издававшихся в канун сеймовых выборов 1913 г., украинские политики писали, что благодаря обструкции «из Вены надавили на польских панов министры, и даже сам император, чтобы польские верховоды навели уже порядок

²³ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців. С. 600–603; Михальський Ю.В. Польські політичні партії та українське питання в Галичині. С. 138–139.

²⁴ Sejm // *Kurjer Lwowski*. 1912. 4 II. N. 54. S. 1.

²⁵ Михальський Ю.В. Польські політичні партії. С. 137–142.

²⁶ Binder H. Ukrainskie przedstawicielstwo w austriackiej Izbie Posłów, 1879–1918 // Ukrainskie tradycje parlamentarne, XIX–XXI wiek. Kraków, 2006. S. 145.

²⁷ Ibid. S. 146.

²⁸ Witos W. Moje wspomnienia. S. 298.

в крае, дав ему новое избирательное право»²⁹. Добившись увеличения представительства в краевом парламенте, депутаты от партий украинской ориентации сделали важный шаг на пути к уравнению политических прав русинского и польского населения Галиции, хотя и не сумели до конца преодолеть исторически сложившееся неравноправие двух национальных общин коронной земли Галиция.

---

²⁹ Цегельський Л. За що ведеся виборча борба? Львів, 1913. С. 6.

Николай Николаевич Станков

Немецкий вопрос в Чехословацкой республике в 1918–1919 гг.*

28 октября 1918 г. в Праге Национальный чехословацкий комитет провозгласил образование Чехословацкой республики и заявил о принятии на себя временно функций высшего органа власти. В течение нескольких дней в областях с чешским населением власть перешла в руки местных национальных комитетов. Новое государство возникло в так называемых исторических границах чешских земель, включавших территорию Чехии, Моравии и Силезии, к которым 30 октября присоединилась Словакия. Помимо чехов и словаков в составе республики оказались представители и других национальностей, наиболее многочисленными среди которых были немцы. Немецкое население составляло более 3 млн чел. и большими компактными массами проживало в северо-западной части Чехии, в ряде областей Моравии и Силезии. Немало лиц немецкого происхождения находились в Праге, Брно, Оломоуце, Пльзне и многих других городах. В результате провозглашения Чехословацкой республики немцы, принадлежавшие в старой Австро-Венгрии к господствующей

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Грант № 0178-2018-0008 «Австро-Венгрия: механизмы (само)организации культурно-сложных сообществ в композитарной монархии».

нации, превращались в новом государстве в национальное меньшинство, хотя и достаточно крупное, но политически маловлиятельное. Тем не менее известие о провозглашении Чехословацкой республики было воспринято ими в целом спокойно¹. Богемские немцы рассчитывали, что перемены коснутся лишь тех территорий, где преобладало чешское население, а им удастся сохранить существующее положение.

Такие настроения не были лишены оснований. По мере развития чешского национально-освободительного движения немецкие политики из Чехии и Моравии, опираясь на поддержку Вены, пытались не допустить включения в состав чехословацкого государства пограничных территорий с преобладавшим там немецким населением. Так, 21 января 1918 г. в ответ на принятие чешскими депутатами рейхсрата Австро-Венгрии Трикрайской декларации, провозглашавшей стремление к созданию самостоятельного чехословацкого государства в границах исторических земель², немецко-богемские депутаты рейхсрата в специальном заявлении решительно отвергли какие-либо притязания чехов на пограничные области, потребовали их отделения и создания автономной провинции Немецкая Богемия (*Deutschböhmien*). Австро-венгерское правительство удовлетворило это требование и в мае 1918 г. издало постановление о создании такой автономной провинции в составе империи, которое должно было вступить в действие с 1 января 1919 г.³ Однако практическая подготовка к созданию провинции Немецкая Богемия столкнулась с множеством трудностей. Новая политическая ситуация требовала сотрудничества немцев Чехии, Моравии и Силезии, что было труднодостижимо в силу особенностей расселения немцев в различных частях земель чешской короны и отсутствия тесных связей между ними. Следует также учитывать и особенности формирования исторического сознания богемских немцев⁴, никогда не осознававших себя единой нацией. Кроме того, положение усугублялось наличием разногласий между

¹ César J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k plánům odvety. Liberec, 1960. S. 44.

² Galandauer J. Vznik Československe republiky 1918. Praha, 1988. S. 296.

³ Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung in den Jahren 1918–1919. Wien; Leipzig, 1932. S. 11–12.

⁴ Устоявшееся название «богемские немцы» (в переводе с нем. Deutschböhmnen) является не совсем точным, буквальный перевод — «немецкие богемцы».

немецко-богемскими партиями. До начала октября 1918 г. не было понятно, смогут ли они выработать единую политическую линию. Только 4 октября, когда неминуемость распада Австро-Венгрии стала очевидной, немецко-богемские депутаты рейхсрата, представлявшие различные политические партии, договорились сформировать постоянный комитет с целью достижения национального самоопределения для Немецкой Богемии. Итогом соглашения стало заявление, в котором, признавая за всеми народами империи Габсбургов право на национальное самоопределение, депутаты потребовали такого же права для богемских немцев. Они заявили о своей принадлежности к Австрии и о недопустимости включения территорий, населенных немцами, в состав чехословацкого государства⁵.

Одновременно немецко-богемские политики, опасаясь, что австрийские власти не смогут обеспечить осуществление их надежд, обратились за поддержкой к Германии. Они встретили понимание у посла Германской империи в Австро-Венгрии графа Бото фон Веделя. 16 октября 1918 г. он обсудил с посланниками Саксонии и Баварии и военными представителями Германии в Вене создавшееся в Немецкой Богемии положение. Ведель выступил за то, чтобы в случае провозглашения независимости Чехословакии Берлин начал подготовку к военной акции с целью защиты богемских немцев. В противном случае, считал посол, они оказались бы поглощеными новым чехословацким государством, поскольку в силу своего географического положения не смогли бы опереться на Австрию. Помимо необходимости защитить немцев Ведель отметил важность для Германии экономического фактора: приобретения запасов каменного угля в Северной Чехии. Заручившись поддержкой участников совещания, Ведель в тот же день сообщил о своих предложениях рейхсканцлеру Германской империи принцу Максу Баденскому⁶.

22 октября в Берлин прибыла делегация Временного национального собрания нового немецко-австрийского государства, провозглашенного 21 октября 1918 г. в Вене. В состав делегации входили председатель Временного национального собрания, будущий вице-канцлер Австрийской республики И. Финк и два немецко-богемских

⁵ César J., Černý B. Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918–1938. Praha, 1962. D. 1. S. 58–61; Campbell F. G. Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia. Chicago; London, 1975. P. 49–50.

⁶ Brügel J. W. Tschechen und Deutsche 1918–1938. München, 1967. S. 55.

депутата — Ф. Лангенхан и Ф. Шрайтер. 22–23 октября во время переговоров в Берлине, а затем 27 октября в Дрездене обсуждались вопросы продовольственных поставок в Австрию, оказания помощи Немецкой Богемии, в том числе и занятия пограничных областей германскими войсками⁷.

29 октября делегация вернулась в Вену, и в тот же день немецко-богемские депутаты австрийского парламента приняли решение о создании в северо-западной части Чехии самостоятельной провинции Немецкая Богемия со столицей в городе Либерец и о ее присоединении к Австрии. Сразу же началось формирование кабинета министров, местных органов управления, добровольческих отрядов — фольксвера, гражданской гвардии — бюргервера и т. д.⁸ Главой правительства — ландесгауптманом — был избран Р. Пахер, который, однако, спустя несколько дней занял должность государственного секретаря по образованию в австрийском правительстве, а место премьер-министра уступил бывшему депутату рейхсрата Р. Лодгману фон Ауэну. Заместителями ландесгауптмана стали лидер немецких социал-демократов в Чехословакии Й. Зелигер и представитель аграрной партии В. Майкнер⁹.

30 октября на заседании Национального собрания Австрии депутат Р. Фрайсслер провозгласил создание еще одной новой провинции — Судетской области (*Sudetenland*) с центром в Опаве, которая включала часть австрийской Силезии и северной Моравии. В течение последующих трех дней возникло еще две провинции, объявивших о своем присоединении к Австрии: Область Богемского Леса (*Böhmerwaldgau*) — в юго-западной части Чехии и Немецкая Южная Моравия (*Deutschsüdmähren*) — в южной Моравии. Вместе эти четыре провинции составляли около трети чешских и моравских земель — 26 тыс. км² с населением около 3 млн чел. Причем две самые значительные из них — Немецкая Богемия (14 464 км² и 2,2 млн чел.) и Судетская область (6534 км² и 680 тыс. чел.)¹⁰ — не имели общей

⁷ Opočenský J. Vznik národních států v říjnu 1918. Praha, 1927. S. 175; Strauss E. Die Entstehung der Tschechoslowakischen Republik. Prag, 1934. S. 291.

⁸ Подробнее см.: César J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k plánům odvety. S. 64–72.

⁹ Strauss E. Die Entstehung der Tschechoslowakischen Republik. S. 291–292.

¹⁰ Ibid. S. 298; César J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k plánům odvety. S. 49.

границы с Австрией, составной частью которой они себя объявили. Но это обстоятельство не смущало немецко-богемских лидеров: они были намерены создать коридор по оси Опава — Оломоуц — Пршеров — Бржецлав — Вена. Кроме того, в перспективе они рассчитывали на объединение Австрии и Германии. В конце 1918 г. идея аншлюса была популярна и в Берлине, и в Вене¹¹. Многим казалось, что объединение и создание австро-германского государства, включавшего Немецкую Богемию и Судетскую область, — дело ближайшего будущего. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в конце октября — начале ноября 1918 г. руководители Немецкой Богемии неоднократно обращались с просьбой о вооруженной помощи к Германской империи¹².

В Берлине осторожно относились к просьбам немецко-богемских политиков. 28 октября 1918 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Германской империи В. Зольф направил в ставку Верховного командования в Спа телеграмму, выясняя возможность отправки войск в Немецкую Богемию. В тот же день глава Верховного командования сухопутными силами генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург ответил, что войска можно послать, но они будут выполнять только полицейские функции и не могут быть использованы для нападения на защищающих границу чехов. О позиции Верховного командования Зольф доложил на заседании военного кабинета 3 ноября¹³.

Стремительное развитие событий в Германии сделало невозможным осуществление планов богемских немцев. В последние дни октября 1918 г. правительство принца Макса Баденского столкнулось с множеством проблем: военное поражение на фронте, политическая блокада и усилившееся давление со стороны Антанты и США. А 9 ноября революционная волна смела кайзеровский режим, и Германия была провозглашена республикой. Правительство социал-демократа Ф. Эберта, стремясь произвести благоприятное впечатление на участников предстоящей мирной конференции, пыталось представить Германию как новое государство, созданное

¹¹ Подробнее см.: Станков Н.Н. Отто Бауэр: восемь месяцев на Балльхаузплац // Славяноведение. 1999. № 1. С. 49–52.

¹² Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung. S. 29–30.

¹³ Die Regierung des Prinzen Max von Baden. Düsseldorf, 1962. Dok. 121. S. 482; Campbell F.G. Confrontation in Central Europe. P. 56.

в результате демократической революции, порвавшее со старыми имперскими традициями, выступающее за мирные и добрососедские отношения.

Чехословацкие власти со своей стороны также были заинтересованы в том, чтобы предстать на будущей мирной конференции в выгодном свете. Развитие событий в пограничье, образование немецких провинций в октябре-ноябре 1918 г. вызвало тревогу чехословацких политических лидеров. Они решительно выступали за сохранение единства чешских земель, доказывали, что нельзя решать проблему немецкого меньшинства в ущерб чешскому большинству¹⁴. По мнению правящих кругов Чехословакии, наилучшим способом урегулирования сложной ситуации могло бы стать компромиссное соглашение с немецко-богемскими лидерами. Такой вариант способствовал бы как внутриполитической стабилизации, так и росту международного престижа нового государства. Немецко-богемский вопрос обсуждался во время переговоров Э. Бенеша как представителя зарубежного сопротивления с делегацией пражского Национального комитета во главе с К. Крамаржем в Женеве в конце октября 1918 г. Бенеш призывал действовать осмотрительно, чтобы на международной арене не возникло осложнений при определении границ чехословацкого государства. Речь шла о сохранении старых исторических границ чешской короны, а следовательно, включавших территории с немецкоязычным населением. Учитывая это обстоятельство, чехословацкие лидеры договорились в будущем правительстве предложить богемским немцам пост министра¹⁵. Т. Г. Масарик, находившийся в то время в США, призывал не торопиться с установлением чешского языка в качестве государственного, не провоцировать немцев, не допускать никакой «мелочности», способной вызвать их раздражение¹⁶. 29 октября Масарик телеграфировал Бенешу: «Необходимо договариваться с нашими немцами, чтобы они приняли наше государство,

¹⁴ См., например: *Masaryk T.G. Světová revoluce. Za války a ve válce. 1914–1918. Vzpomíná a uvažuje T.G. Masaryk. Praha, 1925. S. 524–532.*

¹⁵ Beneš E. Der Aufstand der Nationen. Der Weltkrieg und die tschechoslowakische Revolution. Berlin, 1928. S. 614.

¹⁶ Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání. Vzájemná neoficiální korespondence T. G. Masaryka s Eduardem Benešem z doby pařížských mírových jednání (říjen 1918 – prosinec 1919). Praha, 1994. Č. 2. Dok. IX. S. 136.

которое будет не националистическим, а современным, прогрессивным и демократическим»¹⁷.

Немецко-богемские лидеры решились на переговоры с Прагой. К этому их подталкивало резко ухудшившееся экономическое положение в пограничных областях. 30 октября для переговоров с деятелями Национального комитета в Прагу прибыл Р. Лодгман. С самого начала переговоров стало очевидно, что найти платформу для сближения сложно. Позиции сторон слишком разнились и во многом были непримиримыми. Лодгман исходил из того, что Немецкая Богемия является составной частью Немецкой Австрии, и считал, что настоящие переговоры должны рассматриваться как переговоры между представителями двух различных государств. Он даже составил проект договора между правительством Немецкой Богемии и пражским Национальным комитетом¹⁸. Лидеры Национального комитета со своей стороны призывали немцев к сотрудничеству в рамках Чехословацкой республики. Заявления Лодгмана о том, что окончательное решение о статусе Немецкой Богемии и границах Чехословакии будет принято на предстоящей мирной конференции и что немцы имеют такое же законное право на создание собственного правительства, как и чехи, фактически заводили переговоры в тупик. Лодгман также отклонил предложение чехословацкой стороны прислать представителей от немцев в Национальный комитет и в Революционное национальное собрание. Он настаивал, чтобы Национальный комитет признал правительство Немецкой Богемии и вел переговоры с ним как с равным партнером. На это чехословацкие представители ответили, что они не признают правительство Немецкой Богемии и не намерены вступать с ним переговоры¹⁹.

Однако неудачная миссия Лодгмана еще не означала, что немецко-богемские лидеры полностью отказались от переговоров с пражским Национальным комитетом. 4 ноября в Прагу прибыл заместитель ландесгауптмана Немецкой Богемии, глава немецких социал-демократов Й. Зелигер. Его визит был связан с надеждой получить от чехословацкой стороны помочь в решении различных хозяйственных проблем,

¹⁷ Цит. по: *Peroutka F. Budování státu*. 3. vyd. Praha, 1991. Sv. 1. S. 120.

¹⁸ *Valenta J. Legenda o «rebelech, s nimiž se nevyjednává» // Moderní dějiny*. 1994. № 2. S. 206.

¹⁹ *Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung. S. 25–26; Broklová E. Antonín Švehla, tvůrce politického systému*. Praha, 2017. S. 111.

и прежде всего в вопросах снабжения продовольствием. От обсуждения политических проблем он хотел уклониться и предложил исходить из реального положения дел вплоть до окончательного решения мирной конференции. По мнению Зелигера, существовало два правительства — чехословацкое и немецко-богемское — и переговоры между ними должны вестись на равноправной основе. Это заявление вызвало отрицательную реакцию чехословацкой стороны. В ходе переговоров Зелигер обвинил руководителей Национального комитета в том, что они хотят голодом вынудить немцев к уступчивости. Ответ А. Рашина был лаконичным: «С мятежниками переговоры не ведем!» Переговоры сорвались. Разочарованный Зелигер на автомобиле, предоставленном Национальным комитетом, покинул Прагу²⁰.

После безуспешных попыток добиться согласия немецко-богемских лидеров на включение немецких областей в состав чехословацкого государства Национальный комитет начал подготовку к военной акции. Положение в немецких провинциях было непростым. Кроме немцев в этих областях проживали чехи, которые, с одной стороны, испытывали притеснения со стороны местных немецких властей, а с другой — несли все тяготы и лишения в результате блокирования Прагой этих провинций. К ней они обращались за помощью²¹.

С оккупацией Северной Чехии, немецкой части Моравии и Силезии правительство торопило также и представительство ЧСР в Австрии. Заместитель полномочного представителя Чехословакии в Вене Р. Флидер писал председателю правительства К. Крамаржу, что эти области чехословацкие войска должны занять до парламентских выборов в Немецкой Австрии, назначенных на начало 1919 г. Если бы немецкое население приграничных областей приняло участие в выборах, Чехословакия на мирной конференции столкнулась бы с множеством проблем, а Антанта ничем не могла бы помочь²².

В ноябре 1918 г. под предлогом оказания Австрией и Германией военной помощи Немецкой Богемии, Судетской области

²⁰ Подробнее см.: *Peroutka F. Budování státu. S. 119–120; Valenta J. Legenda o «rebelech, s nimiž se nevyjednává». S. 204–208.*

²¹ Archiv Národního muzea. Praha (далее — АНМ). K. Kramář. Karton 23. Relace — 1918. 2.6.887–889.

²² Dokumenty československé zahraniční politiky (далее — ДČЗП). Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Praha, 2001. Sv. 1. Dok. 22. S. 90.

и Немецкой Южной Моравии²³ чехословацкие власти направили в пограничье воинские части. В их состав входили вернувшиеся из Франции и Италии легионеры, активисты «Сокола», к которым присоединились и местные чехи-добровольцы²⁴. В конце ноября они заняли центр Северочешского бороугольного бассейна город Мост, где дело дошло до перестрелки²⁵. Погибли девять чехов и один немец. Это было первое и самое значительное вооруженное столкновение. Дальнейшее продвижение чехословацких войск происходило без боя: фольксвер оказался неспособным оказать серьезное сопротивление. Правительство Немецкой Богемии, не дожидаясь захвата столицы провинции, 11 декабря покинуло Либерец. К концу декабря 1918 г. пограничные области Чехии и Моравии были заняты чехословацкими войсками.

Протесты правительства немецких провинций не были услышаны: кроме Вены никто не оказал им никакой поддержки. 22 ноября 1918 г. Национальное собрание Немецкой Австрии приняло закон о включении в ее состав четырех указанных немецких автономий и городов Брно, Йиглава и Оломоуц²⁶. Правда, во время встречи с Р. Флидером 28 ноября государственный секретарь иностранных дел Австрии О. Бауэр заявил, что решение о городах Брно, Йиглава и Оломоуц «останется на бумаге»; социал-демократы не имели достаточного влияния, чтобы воспрепятствовать этому решению. Бауэр понимал, что немцы не получат и всю Северную Чехию, но они должны сохранить за собой все, что смогут. Из беседы с Бауэром Флидер пришел к выводу, что проблема Немецкой Богемии является главной для Вены, и австрийская дипломатия предпримет все возможное, чтобы помешать ее решению в интересах Чехословакии²⁷. 17 декабря Бауэр направил участникам предстоящей мирной конференции ноту, протестуя против чехословацкой оккупации приграничных областей

²³ ANM. K. Kraipař. Karton 23. Relace – 1918. 2.6.861; 2.6.863; 2.6.864.

²⁴ Olivová V. Československo a Německo. 1918–1929. Praha, 2010. S. 69; Koukal P. Muži 28. října 1918 na Severu Čech. Ústí nad Labem, 2008. S. 29.

²⁵ Státní politika vůči německé menšině v období konsolidace politické moci v Československu v letech 1918–1920. Praha, 2002. Dok. 19. S. 26–27.

²⁶ Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938 (далее – АДÖ). Wien: München, 1993. Bd. 1. Dok. 1/26. S. 170.

²⁷ Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha (далее – АМЗВ). Politické zprávy. Úřad plnomocníka Československé republiky ve Vídni. 1918. Č. 6.

и требуя решить вопрос об их принадлежности путем проведения плебисцита или арбитража²⁸.

Германия спокойно отнеслась к занятию чехословацкими войсками пограничных областей. Не оказала она поддержки и эмигрантскому правительству Немецкой Богемии, которое надеялось обосноваться в Цвиккау или Дрездене. В Саксонии и самого Лодгмана, и его кабинет приняли весьма прохладно, впрочем, как и в Баварии, куда они после этого отправились. Германия накануне Парижской мирной конференции опасалась обвинений в открытой поддержке немецкого национального движения в Чехословакии. Столкнувшись с таким отношением к себе в Германии, правительство Лодгмана переехало в Вену. Столица Австрии стала центром немецко-богемской эмиграции, которая считала, что еще не все потеряно, и была намерена продолжать борьбу.

Но не все богемские немцы разделяли позицию Лодгмана и его единомышленников. Часть их возлагала надежды на президента Масарика, который только 20 декабря вернулся в Прагу из-за границы, откуда во время войны руководил борьбой за независимость Чехословакии. 21 декабря 1918 г. издававшаяся в Праге немецкая газета «Bohemie» опубликовала «Открытое письмо президенту республики», в котором приветствовалось возвращение Масарика на родину, подчеркивалось доверие к нему немцев и выражалась надежда, что их права будут защищены²⁹.

23 декабря президент по приглашению пражских немцев посетил Немецкий театр, где в его честь была дана опера Бетховена «Фиделио». Очевидно, выбор оперы был не случаен и имел политический подтекст. Победа над произволом и торжество справедливости, венчавшие действо на сцене театра, выражали надежду, что с возвращением Масарика то же произойдет и в отношении богемских немцев. После спектакля президент поблагодарил пражских немцев за доверие и заверил, что в новом государстве немцы будут полностью равноправными³⁰.

Накануне нового, 1919 года Масарик принял редакторов немецких газет «Bohemie», «Prager Tagblatt» и «Montagsblatt». Редактор «Prager Tagblatt» Блау предложил президенту вступить в диалог

²⁸ ADÖ. Bd. 1. Dok. 96. S. 310–311.

²⁹ Bohemia. Deutsche Zeitung. 21. Dezember 1918.

³⁰ Masaryk T. G. Cesta demokracie. I. Praha, 2003. S. 55.

с богемскими немцами. Сам Блау вызвался быть посредником, чтобы подготовить встречу с Лодгманом³¹. 16 января Блау сообщил президенту, что Лодгман согласился на встречу, но при условии, что она пройдет в обстановке секретности. Однако произошла утечка информации, и 18 января «Prager Tagblatt» опубликовала заявление Зелигера, что переговоры Лодгмана с Масариком исключаются³². Немецко-богемские политики боялись, что переговоры с Прагой до подписания мирных договоров могут быть интерпретированы как признание ими чехословацкого государства.

Тем не менее 16 января 1919 г. Масарик имел продолжительную беседу с одним из лидеров Немецкой христианско-социальной партии профессором Р. Майр-Хартингом о возможности и способах примирения чехов и немцев. В качестве первого шага предполагалось начать переговоры с пражскими, плзенскими, брненскими, оломоуцкими и будейовицкими немцами. Президент высказал намерение в ближайшее время назначить немца министром без портфеля. В то время этот замысел не удалось осуществить. Вместе с тем было очевидно отсутствие единства среди богемских немцев. На это обращал внимание и германский посол в Вене Ведель в донесении в Берлин в начале января 1919 г. Он отметил, что часть богемских немцев склоняется к сотрудничеству с Прагой (прежде всего речь шла о промышленниках, которые, руководствуясь экономическими интересами, предпочитали, чтобы приграничные территории остались в составе ЧСР)³³.

В интервью нидерландской газете «De Telegraaf» 26 января 1919 г. Масарик не без оснований заявил, что пражские немцы выразили ему «полное доверие» и что из разных мест от немцев поступают пожелания о присоединении Немецкой Богемии к чехословацкому государству³⁴. Президент также подчеркнул, что Франция и Великобритания признали исторические границы Чехословакии³⁵.

³¹ Valenta J. Nezdářený pokus o jednání mezi Čechy a Němci na přelomu let 1918–1919 // Moderní dějiny. 1995. № 3. S. 236–238.

³² Gajan K. Postoj T. G. Masaryka k českým Němcům v prvních letech ČSR // T. G. Masaryk a situace v Čechách a na Moravě od konce XIX. století do německé okupace Československa. Praha, 1998. S. 85.

³³ Ibid.

³⁴ Masaryk T. G. Cesta demokracie. S. 76.

³⁵ Ibid. S. 78.

Французское правительство еще 28 сентября 1918 г. подписало договор с Чехословакией и обязалось «поддерживать восстановление независимого чехословацкого государства в границах его бывших исторических земель»³⁶. При этом, правда, в Праге и тем более в Париже не вполне отчетливо представляли, до каких пределов простирются «исторические границы».

Совет министров ЧСР на заседании 2 января 1919 г. пытался определить границы территории, на включение которой в состав республики должна была настаивать чехословацкая делегация на мирной конференции. Руководитель комитета по подготовке к мирной конференции В. Славик предложил правительству рассмотреть следующие четыре варианта.

Первый вариант предусматривал минимальные требования: передачу в районе Кладска (Глатца) только чешских населенных пунктов у Находа и городка Миттельвальде; в Верхней Силезии — чешской части в районе Ратибора и узкого предполья у Богумина. В таком случае население ЧСР составило бы 13 850 559 чел., из них 58% — чехи и словаки и 26% — немцы. Но если бы район Кладска достался Германии, то ее территория вклинилась бы между Чехословакией и Польшей, что с военно-стратегической точки зрения было чрезвычайно опасно. Кроме того, ЧСР лишалась значительных угольных запасов в Верхней Силезии, возникали серьезные проблемы с транспортным сообщением со странами Восточной и Западной Европы³⁷.

Второй вариант предусматривал расширение чехословацкой территории до Лужиц. ЧСР приобретала бы шлукновский выступ, район Кладска (без города Нова Руда), благодаря чему было бы обеспечено тесное польско-чехословацкое соседство, стал бы невозможен между ними германский клин, решалась бы проблема железнодорожного сообщения с восточноевропейскими странами. Кроме того, ЧСР получила бы значительную часть верхнесилезского угольного бассейна. Но при этом чехословацкое государство поглощало бы значительную часть немецкого и польского населения³⁸.

Третий вариант предусматривал расширение чехословацкой территории в Верхней Силезии, а также на юге Словакии.

³⁶ Beneš E. Der Aufstand der Nationen. S. 562.

³⁷ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dok. 57. S. 132.

³⁸ Ibid. S. 132–133.

Наконец, четвертый вариант включал максимальные требования, которые могла выдвинуть Чехословакия: передачу всей системы коммуникаций в Верхней Силезии и северо-восточной части Венгрии (от Мишкольца до Чопа)³⁹. Исходя из стратегических и экономических интересов чехословацкого государства, последний вариант, по мнению экспертов, был идеален. Но при этом в составе республики резко увеличивалась численность немцев, венгров и поляков. Чехи и словаки составили бы всего 50,5 % населения ЧСР, немцы – 28,3 %, венгры – 10 %, поляки – 7,2 %⁴⁰. Поэтому эксперты отдавали предпочтение второму или третьему вариантам, которые обеспечивали вполне благоприятные условия для развития чехословацкого государства. Численность чехов и словаков в данном случае составляла бы 55,5 – 55,9 %, а немцев – не более 27,5 %⁴¹.

В результате продолжительного обсуждения предложений экспертов совет министров, в заседании которого во второй половине дня 2 января приняли участие президент Т. Г. Масарик, председатель Революционного национального собрания Ф. Томашек и председатели депутатских партийных клубов, пришел к выводу о необходимости комбинирования второго и третьего вариантов таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить сохранение исторических границ с учетом экономических и стратегических интересов ЧСР, а, с другой, – не допустить чрезмерного увеличения национальных меньшинств, способных подорвать внутриполитическую стабильность государства⁴².

В первую очередь Прага стремилась во что бы то ни стало добиться согласия Парижской мирной конференции на включение в состав ЧСР пограничных областей Чехии, Моравии и Силезии, населенных преимущественно немцами. В ряде меморандумов по территориальным вопросам, представленных на конференции⁴³, и в пространном

³⁹ DČZP, Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dok. 57. S. 133.

⁴⁰ Ibid. S. 134.

⁴¹ Ibid. S. 133.

⁴² Подробнее см.: Ibid. S. 134–141.

⁴³ Меморандумы чехословацкой делегации «Чехословаки. Их история и культура», «Территориальные требования ЧСР», «Проблема немцев в Чехии», «Проблема Тешинской Силезии», «О ситуации в Силезии», «Лужицкие сербы», «Чешская Верхняя Силезия (район Ратибора)», «Проблема Глатца», «Проблема чехословацко-австрийских границ» хранятся в: ANM. K. Krainář. Karton 91. Memoranda čs. delegace. Опубл. в: Die tschechoslowakischen Denkschriften für die Friedenskonferenz von Paris

выступлении министра иностранных дел ЧСР Бенеша в «совете десяти» 5 февраля чехословацкая сторона настаивала на том, что Чехия, Моравия и Австрийская Силезия «составляют в географическом и этнографическом отношении единое целое» и не могут быть разделены. Бенеш уверял, что данные австрийской официальной статистики о численности немцев в указанных областях сильно преувеличены, а наличие их в чешских землях – это результат немецкой колонизации. Особое внимание Бенеш уделил экономической стороне вопроса. В немецко-богемских районах была сконцентрирована почти вся жизненно важная для Чехословакии промышленность. Центр же страны был в основном аграрным. Обе части находились в тесной зависимости друг от друга и составляли экономически единое пространство. Бенеш обосновывал будущую передачу пограничных областей Чехословакии также и стратегическими соображениями: необходимостью естественных границ, чтобы не допустить укрепления немцев на незащищенной равнине в 60 км от Праги. Чехословацкий министр убеждал совет в том, что сами богемские немцы «прекрасно понимают свое положение» и «вполне отдают себе отчет в том, что они должны остаться в Чехии», что инициатива отделения исходит от «кушки пангермански настроенных агитаторов из Вены»⁴⁴.

Бенеш подчеркивал в выступлении, что чехам чужд национализм, что в течение трех лет они вели борьбу против Центральных держав за свободу и демократию и что идеи национальной свободы и демократии для них неразделимы⁴⁵. Он уверял, что Чехословакия является «островом спокойствия» в охваченной революционным пожаром Центральной Европе, что удовлетворение ее притязаний будет служить не только укреплению ЧСР, но и стабилизации обстановки в регионе⁴⁶.

Однако Бенеш, без сомнения, покривил душой, назвав страну «островом спокойствия». В пограничных областях обстановка оставалась тревожной. Частыми были столкновения между немецким населением и чешскими военнослужащими. После занятия пограничья

1919/1920 / Hrsg. Von H. Raschhofer. Berlin. 1938: *Gordon H. Die Beneš – Denkschriften: Die Tschechoslowakei und das Reich 1918/19*. Berg, 1990.

⁴⁴ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dok. 108. S. 206–210; *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 144–146.

⁴⁵ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dok. 108. S. 207.

⁴⁶ Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Praha, 1929. Sv. 3. S. 488.

там была запрещена германская и австрийская символика. Демонтировались памятники императору Иосифу II, которые имелись во всех населенных пунктах, где проживали немцы. Все это использовали в своих целях немецко-богемские политики. Они упрекали чехословацкие власти в «варварстве», уничтожении «памятников немецкой культуры», ущемлении самых святых национальных чувств. Сообщения о конфликтах в пограничье усиливали антинемецкие настроения в чешской среде. Чувства мести и ненависти охватывали все более широкие слои как чешского, так и немецкого населения⁴⁷. С начала 1919 г. в пограничных областях начали создаваться нелегальные организации, провозглашавшие своей целью освобождение немцев пограничья⁴⁸. Многие богемские немцы, особенно бывшие военнослужащие австро-венгерской армии, выехали в Австрию и Германию и приступили к созданию там собственных военных подразделений — «судето-немецких батальонов», «немецко-богемских» и «южноморавских легионов»⁴⁹. В Австрии нашли пристанище и подразделения фольксвера⁵⁰.

С началом Парижской мирной конференции активизировалось эмигрантское правительство Немецкой Богемии во главе с Лодгманом, развернувшее из Вены кампанию против присоединения немецких областей к Чехословакии и обратившееся за помощью ко многим государствам. Особые надежды немецко-богемские лидеры возлагали на Австрию и Германию. Но Германия, проигравшая Первую мировую войну, не могла вмешиваться в этот вопрос и оказывать активную поддержку. Вена проявила больший интерес к судьбе богемских немцев. Австрийское правительство рассматривало населенные немцами пограничные области Чехии, Моравии и Силезии как собственную территорию. Когда чехословацкие войска в конце 1918 г. заняли эти области, оно, как указывалось выше, неоднократно выражало протест, требуя решить вопрос об их принадлежности путем проведения плебисцита или арбитража⁵¹. Австрийские власти тесно со-

⁴⁷ César J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k planům odvety. S. 141–145.

⁴⁸ Ibid. S. 149–153.

⁴⁹ Ibid. S. 162–164.

⁵⁰ AMZV. Politické zprávy. Vojenská komise plnomocníka Československé republiky ve Vídni. 1919/2. Č. 194, 188.

⁵¹ ADÖ. Bd. 1. Dok. 1/96. S. 310–311; Dok. 1/104. S. 316–32; Dok. 1/155. S. 432; S. 501–503. Dok. 1/182. S. 501–503.

трудничали с эмигрантскими правительствами богемских и моравских немцев. По сведениям чехословацкой военной комиссии в Вене, только с 14 декабря 1918 г. по 9 января 1919 г. Австрия передала правительству Немецкой Богемии свыше 5 млн крон⁵². Депутаты Немецкой Богемии, Судетской области, Немецкой Южной Моравии и Области Богемского Леса оставались в составе национального собрания Австрии вплоть до подписания 10 сентября 1919 г. Сен-Жерменского договора. Австрийское правительство взяло на себя ответственность представлять требования богемских, судетских и моравских немцев на мирной конференции и оказывало им всемерную помощь. Вена финансировала пропагандистскую деятельность эмигрантского правительства Немецкой Богемии⁵³. Из Австрии переправлялись в Чехословакию тысячи листовок. В них выдвигалось требование очистить пограничные области от чехословацких войск, выражалась надежда, что Парижская мирная конференция решит вопрос в пользу немцев⁵⁴.

Значительного размаха агитация достигла перед выборами в Национальное собрание Австрийской республики, назначенными на 16 февраля 1919 г. Немецко-богемская эмиграция намерена была добиться права немцев в Чехословакии участвовать в этих выборах и тем самым подтвердить, что пограничные области являются составной частью Австрии. Интерес к выборам в австрийский парламент среди богемских немцев был большой. О них говорили на всех собраниях и писали во всех выходивших в Чехословакии немецких газетах. Подготовка к выборам шла полным ходом, по чехословацкое правительство запретило проводить их на территории республики. Местные власти получили указания из Праги пресекать любые попытки открытого или нелегального голосования⁵⁵. Вена предложила

⁵² AMZV. Politické zprávy. Vojenská likvidační komise při vyslanectví Československé republiky ve Vídni. 1919/1. Č. 5.

⁵³ Ibid. Vojenská komise plnomocníka Československé republiky ve Vídni. 1919/2. Č. 203. (Документ представляет собой отчет о публикации материалов, посвященных немецко-богемскому вопросу. О широком размахе пропаганды свидетельствует приложение к отчету 96 вырезок из различных европейских газет за три недели, с 9 по 29 июля 1919 г.)

⁵⁴ Oldofredi H. Zwischen Krieg und Frieden. Zürich: Leipzig: Wien, 1925. S. 144; César J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k planům odvety. S. 141–145.

⁵⁵ Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady (далее – NA. PMR). Karton 4364. Č. 29.

немецко-богемским партиям кооптировать депутатов в Национальное собрание Немецкой Австрии, исходя из итогов выборов в рейхсрят в 1911 г. Это предложение было выгодно буржуазным партиям, но не отвечало интересам социал-демократов, чьи позиции в последние годы значительно усилились. Немецко-богемские социал-демократы решили не посыпать своих депутатов в Национальное собрание Австрии и на 4 марта назначили всеобщую забастовку, призвав население к массовым демонстрациям за право немцев на самоопределение⁵⁶.

4 марта 1919 г. в ряде пограничных городов состоялись массовые выступления, участники которых протестовали против запрета выборов в австрийский парламент и требовали права на национальное самоопределение. Й. Зелигер, выступая на митинге в Теплице, заявил: «Судьбу Немецкой Богемии будет решать не созванная в Париже конференция, а мы сами по взаимному согласию с революционными народами всей Европы и, как мы надеемся, вместе с революционным чешским народом <...>. Поэтому мы будем упорно продолжать нашу борьбу за самоопределение, к которой нас вынудили. Мы клянемся сохранить верность нашим братьям и сестрам в Немецкой Австрии, вместе с которыми мы делили горести и радости. Мы желаем вместе с ними влиться в великую, свободную, социалистическую Германию!»⁵⁷ В нескольких городах демонстрации переросли в вооруженные столкновения. Чехословацкая полиция открыла по демонстрантам огонь. В результате столкновений 53 немца были убиты, многие ранены. В опубликованных списках убитых значились женщины и подростки-школьники. Погибли пятеро чехов, причем из них четыре женщины⁵⁸.

В тот же день в Праге состоялось заседание правительства ЧСР, на котором министр внутренних дел А. Швегла доложил о событиях в пограничье. Совет министров наметил меры для восстановления порядка. В случае необходимости допускалось и введение в отдельных районах осадного положения⁵⁹.

⁵⁶ Olivova V. Československo a Německo. S. 86.

⁵⁷ Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn. Seliger-Archiv (далее – AdS D der FES. SELA). T. VII. M 1922 (Reden, Korrespondenz J. Seligers).

⁵⁸ Státní politika vůči německé menšině v období konsolidace politické moci v Československu v letech 1918–1920. Praha, 2002. Dok. 61. S. 85–87.

⁵⁹ НА. PMR. Karton 4364.

Чехословацкие власти были встревожены. Немецко-богемский вопрос продолжал обостряться в то время, как Бенеш на Парижской мирной конференции прилагал столько усилий, чтобы создать имидж спокойной Чехословакии. Информация о событиях в ЧСР стала подвергаться цензуре. 28 февраля было запрещено издание в Праге немецкой газеты «*Bohemia*».

Немецко-богемские лидеры еще сильнее активизировали деятельность, апеллируя к державам Антанты, президенту США В. Вильсону, другим участникам Парижской конференции и всем, кто мог оказать хоть какое-либо влияние на правительство Чехословакии в решении немецкого вопроса. В марте 1919 г. представители Немецкой Богемии, Немецкой Южной Моравии и Области Богемского Леса добились встречи с прибывшим в Вену советником президента США проф. А. Кулиджем и информировали его о положении немецкого населения в пограничных округах Чехии и Моравии⁶⁰.

Немецко-богемские политики установили также контакты с военными миссиями Великобритании и Италии в Вене и убеждали их руководителей, что немцы в Чехословакии не смирились с властью Праги и немецкий вопрос там может быть решен только на основе права на самоопределение наций⁶¹. Французскому посланнику в Вене А. Аллизе Лодгман представил план нейтрализации Немецкой Богемии и Судетской области⁶². В Праге аналогичные проекты нейтрализации были переданы дипломатическим представителям США, Франции и Великобритании. В частности, поверенному в делах Великобритании в Праге было предложено провозгласить Судетскую область вместе с Моравско-Остравской промышленной областью самостоятельным государством под британским протекторатом. Как отмечал австрийский историк П. Молиш, британский дипломат проявил к этому плану определенный интерес⁶³.

В то время как немецко-богемские политики вели переговоры в Германии, на Парижской мирной конференции судьба Немецкой Богемии и Судетской области была уже решена. Задача определения границы между Чехословакией и Германией возлагалась

⁶⁰ Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung. S. 145–146.

⁶¹ Ibid. S. 144–145.

⁶² Bauer O. Werkausgabe. Wien, 1980. Bd. 9. S. 1050–1051; AdsD der FES. SELA. T. II. M. 232. Otto Bauer.

⁶³ Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung. S. 147–148.

на комиссию по чехословацким делам во главе с опытным французским дипломатом Ж. Камбоном. В течение февраля и марта она выполнила эту работу, и 1 апреля Камбон представил Совету министров иностранных дел доклад комиссии, рекомендовав сохранить исторические границы с учетом незначительных изменений. Чехословакия получала некоторые территориальные приращения в районе Глатца (Кладска) в обмен на получение Германией области вокруг Фридланда⁶⁴.

С критической оценкой предложений комиссии выступил государственный секретарь США Р. Лансинг. Он обратил внимание Совета министров на то, что в этих рекомендациях игнорировался принцип национального самоопределения, и потребовал провести плебисцит в районах Румбурка и Аша. Лансингу возразил Камбон, который подчеркивал, что новые государства должны быть поставлены в такие условия, которые позволили бы им выжить. Его поддержал французский министр иностранных дел С. Пишон, заявив, что Германия, все еще остающаяся страной, представляющей угрозу, не может укрепляться за счет бывших владений австро-венгерской монархии, тем более что они были бы отняты у Чехословакии — союзницы Франции. И если Америка отказывается принять во внимание соображения национальной безопасности, то Франция не собирается ими пренебрегать⁶⁵. Так и не сформулировав своих рекомендаций, Совет министров 2 апреля представил проект решения о границах «совету четырех».

4 апреля «совет четырех» рассмотрел вопрос о германо-чехословацкой границе. Председатель конференции, премьер-министр Франции Ж. Клемансо, отверг все предлагаемые варианты территориальных изменений, предложив сохранить исторические границы. Что же касается возможности изменения линии границы, то Клемансо высказался за эвентуальную передачу такого права Германии и Чехословакии, чтобы позже они сами приняли решение на этот счет. Д. Ллойд Джордж и полковник Э. Хауз, представлявший заболевшего

⁶⁴ Perman D. The Shaping of the Czechoslovak State. Diplomatic History of the Boundaries of Czechoslovakia, 1914–1920. Leiden, 1962. P. 153–154; Wandyicz P.S. France and her Eastern Allies 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962. P. 57–58.

⁶⁵ Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání. Č. 2. Dok. XXXVII. S. 209; Wandyicz P.S. France and her Eastern Allies 1919–1925. P. 58.

Вильсона, согласились с предложением Клемансо⁶⁶. Примечательно, что никто из участников конференции неставил вопрос об отделении Немецкой Богемии или Судетской области от Чехословакии, даже те представители США и Великобритании, которые оспаривали некоторые территориальные требования чехословацкой делегации и поддерживавших ее французов. Речь шла лишь об уступках в пользу Германии отдельных городов или других населенных пунктов и прилегавших к ним районов. США и Антанта остались глухи к призывам немецко-богемских лидеров. Правда, «совет четырех» поручил комиссиям по чехословацким и польским делам еще раз проверить представленный проект и выработать совместные рекомендации о германо-польско-чехословацкой границе в Верхней Силезии⁶⁷. Но это уже не могло оказать решающего влияния на судьбу богемских немцев. 24 апреля швейцарский посланник в Вене Ш. Буркар, ссылаясь на А. Аллизе, сообщал в Берн, что «границы Чехословакии установлены окончательно, Немецкая Богемия включена в состав нового государства»⁶⁸. 6 мая Бенеш телеграфировал Масарику: «Германия вынуждена будет полностью признать все, что нам передает конференция»⁶⁹. Таким образом, еще до того, как германская делегация появилась на конференции, вопрос о германо-чехословацкой границе был решен.

28 июня 1919 г. в Версале был подписан мирный договор с Германией. Ряд статей Версальского договора непосредственно касался Чехословакии. В ст. 81 Германия признавала полную независимость ЧСР и соглашалась с границами чехословацкого государства, как их определили союзные державы⁷⁰. В ст. 82 отмечалось: «Граница между Германией и чехословацким государством будет определяться бывшей границей между Австро-Венгрией и Германской империей, как она существовала к 3 августа 1914 г.»⁷¹. Согласно

⁶⁶ Mantoux P. Les délibérations du Conseil des Quatre (24 mars – 28 juin 1919). Paris, 1955. Vol. I. Doc. XX. P. 149–150.

⁶⁷ Ibid. Doc. XXXI. P. 232.

⁶⁸ Diplomatische Dokumente der Schweiz. 1848–1945. Bern, 1979. Vol. 7. Dok. 351. S. 693.

⁶⁹ Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání. Č. 2. Dok. LIV. S. 251.

⁷⁰ Версальский мирный договор / Под ред. проф. Ю. В. Ключникова и Л. Сабанина. М., 1925. С. 38–39.

⁷¹ Там же. С. 39.

ст. 83 Германия отказывалась в пользу Чехословакии от части территории в Верхней Силезии. Южная часть округа Ратибор — Глубчице отходила к Чехословакии, а в северной части предполагалось провести плебисцит. Ст. 84 договора объявляла германских граждан, живущих на какой-либо территории, признанной частью ЧСР, чехословацкими гражданами. Следующая статья предоставляла право оптации в течение 2 лет немцам в ЧСР и чехам и слоvakам в Германии с переездом в страну в соответствии с принятым гражданством⁷².

Версальский договор не оставлял никаких надежд на присоединение Немецкой Богемии и Судетской области к Германии. Но их эмигрантские правительства считали, что проблема немцев в Чехословакии еще не решена окончательно. Они продолжали выступать за присоединение к Австрийской республике. Лидеры эмигрантских правительств вошли в официальную делегацию Австрии на мирной конференции и в ее составе 14 мая прибыли в Париж. Правда, канцлер Австрии К. Реннер, осведомленный об условиях мирного договора с Германией, очевидно, понимал неизбежность утраты немецко-богемской и судетско-немецкой провинций. Заместитель крайсгауптмана (главы правительства) Немецкой Южной Моравии И. Ольдофреди вспоминал, что, когда австрийская делегация еще только направлялась в Париж и не было известно ни одной строки проекта мирного договора с Австрией, Реннер, пригласив в свой салон-вагон представителей немецких провинций в Чехии, Моравии и Силезии, во время беседы к лидерам Немецкой Богемии (Лодгману и Зелигеру) и Судетской области (Фрайсслеру) почти не обращался. Как отмечал Ольдофреди, «эти земли — Немецкую Богемию и Судетскую область, казалось, он рассматривал как отшедшие к Чехословакии. Менее отчаянным ему казалось положение Южной Чехии и Южной Моравии»⁷³. И тем не менее австрийское правительство выступило в защиту всех немецких провинций. 7 июня в Национальном собрании Бауэр высказался против многих пунктов проекта мирного договора, врученного австрийской делегации 2 июня в Париже и в первую очередь против передачи Чехословакии населенных немцами пограничных районов. Он настаивал

⁷² Версальский мирный договор. С. 40.

⁷³ Oldofredi H. Zwischen Krieg und Frieden. S. 175.

на том, чтобы население этих областей само определилось путем плебисцита⁷⁴.

10 июня австрийское правительство направило мирной конференции ноту, в которой указывалось, что предлагаемые союзниками условия мирного договора не оставили Немецкой Австрии ее коренную территорию в размерах, обеспечивающих нормальное существование. Отторжение немецких областей Чехии, Моравии и Австрийской Силезии и части Нижней Австрии нанесет непоправимый ущерб экономике страны и сделает невозможным ее самостоятельное развитие. В ноте также указывалось, что предложение союзников присоединить «сплошные территории, населенные почти тремя миллионами немцев, живущих плотными поселениями», противоречит праву наций на самоопределение⁷⁵.

В тот же день, 10 июня, немецкие политики из Чехословакии были приглашены для беседы с участником американской делегации полковником Тэйлором. Он заявил, что, по мнению американской делегации, «в немецко-богемском вопросе еще нет ясности», и попросил проинформировать его. Беседа с Тэйлором обнадежила немецких лидеров⁷⁶ и, видимо, побудила их 15 июня обратиться к мирной конференции с меморандумом, в котором подчеркивалось, что Чехословакия могла бы благополучно развиваться и без приграничных областей, населенных немцами, что подобное присоединение противоречит принципу самоопределения наций, что тем самым «державы создают в центре Европы очаг гражданской войны, который может стать более опасным для всего мира и его общественного развития, чем постоянное брожение на Балканах». В меморандуме предлагалось создать в пограничных с ЧСР областях нейтральные международные зоны, в частности в районе Остравы⁷⁷. Однако ни этот меморандум, ни последующая переписка Рениера с мирной конференцией, в которой он продолжал настаивать на соблюдении принципа национального самоопределения, не оказали какого-либо влияния на решения, принятые в Париже.

⁷⁴ ADÖ. Wien: München, 1994. Bd.2. Dok. 2/268. S. 205–218; Bauer O. Werkausgabe. Wien, 1978. Bd. 5. S. 756–761.

⁷⁵ Wandyz P.S. France and her Eastern Allies 1919–1925. P. 60.

⁷⁶ Oldofredi H. Zwischen Krieg und Frieden. S. 197–198.

⁷⁷ AdsD der FES. SELA. T. VII. M. 1960. ČSR — Friedensverträge 1919.

Тем временем в чехословацком пограничье произошло важное событие: 16 июня 1919 г. местное немецкое население приняло участие в муниципальных выборах, состоявшихся на всей территории Чехословакии. Этот акт был продиктован, в первую очередь, опасениями, что в случае бойкота выборов в местные представительные органы пограничья будут избраны чехи. Не случайно накануне выборов немецкие политические партии поспешили заявить, что участие в выборах не является шагом к сотрудничеству с чехословацким государством. Тем не менее оно все же означало своего рода поддержку политической акции чехословацкого правительства, само по себе стало фактом признания нового государства⁷⁸. Во всяком случае, чехословацкое руководство расценило это именно так, и Бенеш в Париже не замедлил воспользоваться этим обстоятельством⁷⁹.

Понимая, что Германия не сможет оказать существенную помощь в борьбе за независимость немецких провинций, все больше немецко-богемских политиков склонялись к тому, чтобы ограничиться требованиями автономии в рамках Чехословакии. Глава британской военной миссии Т. Канингем сообщал из Вены, что среди немецко-богемских политиков произошел раскол и во главе с Лодгманом образовалась группа, которая могла бы согласиться на автономию в рамках Чехословацкой республики. Но вторая группа, руководимая Ф. Лангенханом, настаивает на аншлюсе и не соглашается на автономию⁸⁰. 28 июня либерецкая газета «Reichenberger Deutsche Volkszeitung» опубликовала программу Немецкой национальной партии. Пункт 14-й содержал требования богемских немцев на тот случай, если они «все же будут вынуждены остаться в Чехословацкой республике». Они сводились к предоставлению провинции Немецкой Богемии территориальной автономии со своим парламентом и правительством, созданию на ее территории собственных военных формирований, пропорциональному немецкому представительству в Национальном собрании, правительстве и Верховном суде ЧСР, созданию немецких отделов в министерствах

⁷⁸ О результатах выборов см.: Kárník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Praha, 2003. D. 1. S. 71–72.

⁷⁹ DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Sv. 1. Dok. 260. S. 378.

⁸⁰ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. London, 1956. Ser. I. Vol. 6. 1919. Doc. 3. P. 8.

и немецкого сената в Верховном суде, развитию немецкого образования и т. д.⁸¹.

Видимо, в то же время происходили перемены во взглядах на немецко-богемский вопрос и в Вене. Как сообщал Канингем в вышеупомянутом донесении от 1 июля, государственный секретарь Бауэр, по его мнению, «не поддерживает группу Лангенхана»⁸². Австрия вынуждена была смириться с утратой Судетской области и Немецкой Богемии. Правда, Реннер еще надеялся, что его правительство сможет повлиять на решения мирной конференции относительно немецких областей вдоль границы с Австрией в Южной Чехии и Моравии. Но государства Антанты не склонны были идти на уступки. Кроме того, немецкое национальное движение на юге не было столь сильным, как на севере, в Немецкой Богемии и Судетской области. Власти Верхней Австрии в Линце не проявили заметного стремления включить в свою землю Область Богемского Леса⁸³. Большая поддержка была оказана нижнепрепарийскими властями немцам Южной Моравии. Правда, инициатива при этом исходила главным образом из Вены⁸⁴.

Мирный договор с Австрией был подписан 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле. Австрия признавала полную независимость чехословацкого государства и его границы. Бывшие австрийские провинции в Чехии, Моравии и Силезии отошли к Чехословакии⁸⁵. Тогда же, 10 сентября, в Сен-Жермене союзники подписали с Чехословакией договор о национальных меньшинствах, который гарантировал защиту и равенство перед законом всем гражданам ЧСР, «независимо от их происхождения <...>, языка, расы или религии». В случае нарушения прав национальных меньшинств они могли обращаться в Лигу Наций⁸⁶.

После подписания Сен-Жерменского договора на территории Австрии прекратили существование все эмигрантские правительства⁸⁷. Депутаты из этих областей должны были покинуть

⁸¹ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. I. Vol. 6. 1919. Doc. 14. P. 25.

⁸² Ibid. Doc. 3. P. 8.

⁸³ Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung. S. 61–62.

⁸⁴ Подробнее см.: Ibid. S. 69–78.

⁸⁵ Сен-Жерменский договор / Под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабашника. М., 1925. С. 26, 33.

⁸⁶ Problem ochrany menšin / Uspořádal A. Ilajn. Praha, 1923. S. 237–240.

⁸⁷ Soukup F. 28. října 1918. Praha, 1928. D. 2. S. 1183–1184.

Национальное собрание Австрийской республики. Судето-немецкие батальоны распускались. Правительство Чехословакии разрешило вернуться из Вены немецко-богемским лидерам.

В начале октября 1919 г. прибывший из Вены Лодгман, выступая перед немецким населением в Усти-над-Лабем, провозгласил, что теперь не может быть немецко-богемской политики, а должна быть только судето-немецкая, предполагающая теснейшее единство всех немецких партий. Применительно ко всем немцам Чехословакии термин «судето-немецкий» был менее точен, чем «немецко-богемский». Настоящими судетскими немцами были только те, кто жил в Судетских горах⁸⁸. Однако заявление Лодгмана отразило перемены в его политике после подписания Версальского и Сен-Жерменского договоров, что было связано с коренным изменением положения немцев в Чехословакии. Стало очевидным, что немцы Чехии, Моравии и Силезии останутся национальным меньшинством в чехословацком государстве. В новых условиях всталась задача объединения всех немцев в ЧСР для того, чтобы достичь автономии и создать наиболее благоприятные условия для национального развития. В этой связи замена термина «немецко-богемский» на «судето-немецкий» не была случайной. Если термины «Немецкая Богемия», «немецко-богемский» акцентировали внимание на том, что немцы являются жителями Богемии (Чехии), то определение «судето-немецкий» подчеркивало их общее немецкое происхождение. Немецкий вопрос в Чехословакии вступал в новую фазу.

---

⁸⁸ Campbell F. G. Confrontation in Central Europe. P. 74–76.

Татьяна Викторовна Волокитина

Болгарские турки в условиях модернизационных вызовов первой половины XX в.*

Среди мусульман Болгарии, традиционно отличавшихся значительной численностью и сложным составом, наиболее крупной являлась меньшинственная группа, определяемая этнонимом «болгарские турки». Наряду с ними в мусульманскую общность входили болгары-магометане, или помаки¹, татары, гагаузы, частично цыгане. В качестве отправной точки при подсчете численности болгарских мусульман исследователи, как правило, обращаются к первой официальной переписи населения Княжества Болгария 1880 г., по которой мусульмане составляли почти треть населения (750 тыс., или 28%)².

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ. Грант № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

¹ Принявшие мусульманство в период османского владычества и тяготевшие к исламской культуре болгары-магометане в Турции считались турками, хотя и неполноценными, в Болгарии — исламизированными болгарами, также утратившими в глазах православных статус полноценных соотечественников. Этимология термина «помаки» чаще всего связывается с понятием «измена» (*Макарова И. Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 165*).

² Хаков Д. История на Турция през XX век. София, 2000. С. 144.

Основными местами расселения тюркоязычных мусульман, то есть тех, для которых турецкий язык был родным или разговорным, были северные, часть центральных и юго-восточных районов страны — Шуменская, Старо-Загорская, Бургасская, Плевенская и Пловдивская области. Помаки сосредоточивались в основном в Родопских горах на сопредельной с Грецией южной территории Княжества. Отдельные анклавы их имелись и в центральных районах (горный массив Стара Планина).

Болгарские мусульмане обосновалась на юго-восточном фланге христианского мира, на границе Запада и Востока, в тысячелетней контактной зоне противостоявших и взаимно дополнявших друг друга культур, где сложилась и действовала Балканная модель мира с присущей ей полиэтничностью и отсутствием массового образования³.

Коллапс многонациональной Османской империи и установление новых государственных границ наиболее ощутимо затронул судьбу болгарских турок: продолжая испытывать воздействие достаточно живучей и сильной балканской матрицы, по которой «штамповался» образ жизни *homo balkanicus* традиционного общества⁴, принадлежа к другому культурному кругу и исповедуя другую религию, нежели основное население, они оказались в изоляции от своего основного массива, существовали какrudiment в чужом окружении.

Освобождение Болгарии в одночасье поменяло местами подневольных прежде болгар и их лишившихся льгот и привилегий господ, создав, по образному определению Р.П. Гришиной, ситуацию, сравнимую с «перевернутыми песочными часами»⁵. Хотя в целом болгарские власти демонстрировали толерантное отношение к своим гражданам мусульманской веры, исследователи единодушно констатируют отсутствие продуманной государственной программы,

³ Подробнее см.: Топоров В.Н. Балканский макротекст и древнебалканская неоэнолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы: София, 30 VIII — 6 IX 1989. Лингвистика. М., 1989. С. 10.

⁴ Гришина Р.П. Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX — середина XX века) // Славяноведение. 2004. № 3. С. 34.

⁵ Гришина Р.П. Мусульманское меньшинство в Болгарии: нормы права и их реализация в период между двумя мировыми войнами // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 221; она же. Версаль и вопрос о меньшинствах в Болгарии // Восточная Европа после Версаля. М., 2007. С. 121.

а следовательно, и политики, направленной на обеспечение экономического и культурного развития мусульман. Что касается общества, то восприятие им болгарских турок отразило характерную для болгар «двойственность» сознания, поскольку в течение длительного времени турки воспринимались одновременно и как угнетатели, «господари», и как «соподданные», «сограждане»⁶. В Болгарии сформировалась и действовала модель сосуществования и взаимодействия «комшилук» (от турецкого «комшия» — сосед), предполагавшая сожительство и даже сотрудничество. Проявления национального антагонизма на бытовом уровне существенно не меняли картину. Вместе с тем границы между этническими и религиозными общностями оставались не просто прочными, но и, как правило, непреодолимыми. Осознание себя в новом статусе меньшинственной группы, хотя и крупной, способствовало закрытости, самоизоляции болгарских турок и, в конечном счете, формированию сознания собственной неполноты в рамках одного с болгарами государства⁷.

Доступная статистика вполне отчетливо прорисовывает динамику роста численности болгарских турок: 1905 г. — 488 тыс. чел.; 1920 г. — 520 тыс.; 1926 г. — 575 тыс.; 1934 г. — 618 тыс. (Так же, кстати, обстояло дело и с помаками: 1905 г. — 19 тыс.; 1920 г. — 88 тыс.; 1926 г. — 100 тыс., и, наконец, 1934 г. — 102 тыс. чел.⁸). Одновременно наблюдалось снижение удельного веса болгарских турок по отношению к общей численности населения (17% в 1882 г., 12,2% в 1900 г., 9,7% — в 1934 г.)⁹, что объяснялось благоприятной в то время для болгар демографической ситуацией. Для основной части мусульман (76,5%) родным языком, согласно переписи 1926 г., был турецкий¹⁰.

⁶ Подробнее о политических правах болгарского общества в XIX в. см.: *Петков Петко Ст.* Преди сто и повече години. Изследвания и очерци по нова история на България. Велико Търново, 2009. С. 58–80.

⁷ *Манчев К.* Национализният въпрос на Балканите. София, 1995. С. 266.

⁸ *Манчев Кр.* Националномалцинственият въпрос в българо-турските отношения // Турция. Балканите. Европа. История и култура. Изследвания в чест на профессор Джениз Хаков. София, 2003. С. 100; *Kostanick H.L.* Turkish Resettlement of Bulgarian Turks, 1950–1953. Berkely; Los Angeles, 1957. Р. 75; Общи резултати от преброяване на населението в Царство България на 31 декември 1926 г. София, 1931. Кн. 1. С. 190–191.

⁹ *Манчев Кр.* Националномалцинственият въпрос. С. 100.

¹⁰ Общи резултати от преброяване на населението. С. 191; *Гришина Р.П.* Версаль и вопрос о меньшинствах в Болгарии. С. 118.

Развернувшиеся в Болгарии после освобождения модернизационные процессы характеризовались наличием многих составляющих, включая институциональное строительство, функционирование системы управления, интеллектуальную сферу и пр. Наряду с религией и армией, на формирование элементов государственности и состояния общества серьезное влияние оказывало образование. В национальной политике болгарских правительств последнее занимало заметное место. По существовавшему с последней четверти XIX в. законодательству туркам было разрешено иметь свои автономные школы. Постоянное государственное финансирование не предусматривалось, хотя время от времени школы могли получать дотации от властей. В основном же финансовыми источниками служили доходы от вакуфов*, частные дарения, отчисления, поступавшие от мусульманского населения данной общины. С самого начала школы имели статус частных учебных заведений, что было вполне естественно для меньшинственной группы с отличной от основного населения религиозной, культурной и языковой принадлежностью. В них действовал принцип самоуправления: руководство осуществляли настоятельства, избиравшиеся местными мусульманами. Контроль за преподаванием вероучения осуществлял окружной муфтий, а общеобразовательные предметы курировал государственный школьный инспектор. Обучение велось на родном языке, учебные пособия предварительно должны были получить одобрение министерства народного просвещения.

Внешне статистика выглядела вполне благополучной: в годы консолидации болгарского государства в стране имелись около 1300 мусульманских учебных заведений. В каждом населенном пункте, где проживали мусульмане, действовали от одной до четырех начальных школ; имелись прогимназии с 3–4-летним обучением (в Княжестве их насчитывалось 15, в Восточной Румелии — 6), а в крупных городах Русе, Пловдиве и др. — действовали также школы-трехлетки для девочек.

В 1907 и 1908 гг. власти дважды модифицировали старый (1885 г.) закон о школах. По закону 1907 г. об основном и среднем

* Вакуф (вакф) (араб.) — движимое и недвижимое имущество, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные и благотворительные цели и изъятое из государственного оборота. В мусульманских странах — основа экономического влияния духовенства.

образовании мусульманские школы оставались частными, выпускники могли поступать в народные (болгарские) школы и, следовательно, пользоваться всеми правами их учеников только после сдачи специального платного (10–20 левов) экзамена (ст. 152), учителями в турецкие школы, вопреки установленному возрастному цензу в 20 лет, назначались и 17-летние, если они обладали знаниями, дававшими им право быть «ходжей», т. е. учительствовать (ст. 160, г). Годом позже был принят закон о народном просвещении. Помимо стилистических корректировок (например, вместо слова «ходжа» было введено слово «учитель»), отдельные статьи, направленные на интеграцию меньшинств, фактически ограничивали их прежние права. Так, преподавание в частных школах велось только на болгарском языке (ст. 313), турецкие учителя не получали пенсий, на них не распространялись права, которыми наделялись учителя народных школ (ст. 320). Закон (ст. 357) не приравнивал аттестаты выпускников, что препятствовало или делало невозможным продолжение образования и затрудняло освоение элементарных ремесел. Рассмотрение закона-проекта в Народном собрании обошлось без дискуссий, что свидетельствовало об отсутствии у депутатов каких-либо разногласий. Прозвучавшее единственное предложение ввести в начальной школе (1–3 классы) преподавание на родном (турецком) языке и отменить платный экзамен для поступления в государственную школу после окончания турецкой не было принято во внимание, и в последующие десятилетия турецкие дети учились в условиях, явно затруднявших их дальнейшее развитие¹¹.

Характеризуя содержательную сторону обучения в частных турецких школах, следует отметить, что основное внимание уделялось изучению Корана и традиционному религиозному воспитанию детей. Общеобразовательные предметы, знание которых было необходимо в условиях модернизации болгарского государства, преподавались крайне слабо. Вкупе с ограниченными материальными возможностями школ, низким уровнем подготовки учителей и, следовательно, преподавания и слабой успеваемостью преодолеть вопиющую неграмотность турецкого населения не удавалось. Авторитетный болгарский исследователь В. Стоянов, изучив статистические ежегодники

¹¹ Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998. С. 71–72.

Царства, констатирует, что к началу XX в. почти 91% мужчин-турок и 97% турчанок были неграмотными. Данный вывод подтверждают и приведенные им отрывочные данные по годам: например, в 1905 только 6% турок (у помаков и цыган процент был еще ниже) могли читать и писать¹². Положение не изменилось и спустя два десятилетия: в конце 1920 г. 91,3% турецкого населения Болгарии продолжало оставаться неграмотным¹³.

Таким образом, действовавшие частные турецкие школы не решали на должном уровне вопрос образования подрастающего поколения. Политика государства в этой сфере, закрепившая самоуправленческий статус школ, фактически определила перспективу социального и культурного отставания турецкого населения, превращения его в политически невлиятельную, стагнирующую часть общества¹⁴. Понимание последствий подобной национально-меньшинственной политики властей вызвало к жизни требование представителей левого политического спектра превратить турецкие школы в светские учебные заведения, принять их на баланс государства. Подобную позицию занимала, в частности, Болгарская рабочая партия (БРП, позднее БРП(к)), исходившая при этом из своих политических целей. В одном из циркуляров ЦК партии от 23 февраля 1920 г. указывалось, что реформирование учебных программ турецких школ в современном духе позволит осуществлять контроль за состоянием образования «со стороны классово сознательного и организованного пролетариата»¹⁵.

Некоторые позитивные перемены обозначились при кратковременном правлении Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) (1920–1923), когда в соответствии с социально ориентированным внутриполитическим курсом «земледельцев» были приняты меры по целенаправленному стимулированию учебного дела среди мусульман. В частности, в 5 раз (с 600 тыс. левов до 3 млн), был увеличен размер дотаций мусульманским школам, им выделялась

¹² Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998. С. 70.

¹³ Там же. С. 71 (автор ссылается на: Статистически годишници на Царство България, 1933 и 1938 г.).

¹⁴ Там же. С. 72–73.

¹⁵ Мемишев Ю. Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. 1919–1944. София, 1977. С. 66, 67.

земля, хозяйствование на которой давало определенный стабильный доход. В то время в Шумене было основано большое медресе «Нюваб» — главное учебное заведение, готовившее духовные кадры. При медресе можно было пройти также трехлетний высший курс обучения по системе Каирского университета «Аль-Ахзар», предполагавшей изучение арабского и турецкого языков и различных религиозных наук. В планах правительства Александра Стамболийского в сфере образования значились и другие меры по улучшению положения в частных турецких школах — решен был вопрос о пенсиях учителей и уравнивании их статуса с учителями государственных школ. Турецкая интеллигенция (в первую очередь учительство) получила доступ к государственной, окружной и общинной службам, что несколько улучшило ее материальное положение и повысило самооценку.

После устранения правительства Стамболийского новые кабинеты, не пересматривая официально его меньшинственную политику, резко ограничили ее социальную направленность. Сразу после июньского переворота 1923 г. правительство Демократического сговора — правоцентристского партийного блока, объявившего своей программой консолидацию государства и создание «сильной и авторитетной государственной власти», поспешило восстановить *status quo* в сфере образования. В первую очередь были исключены из государственного бюджета те 3 млн левов, которые выделило правительство Стамболийского и которые позволяли несколько улучшить состояние турецких школ, было отменено право учителей на пенсии и значительно сокращены школьные фонды. Власти блокировали попытки реформаторов решить вопрос о статусе турецких школ и поднять уровень обучения в них¹⁶. Жесткую руку государства школы почувствовали и по линии ограничения собственной автономии, проявившегося во вмешательстве властей в самоуправление, увольнении неугодных преподавателей, роспуске легально избранных настоятельств, введении «назначенства» настоятельств из числа «своих» людей. О том, что подобные действия имели массовый характер, свидетельствовали акции протesta мусульман в Шумене, Варне, Сливене, Ловече

¹⁶ Ялъмов И. Влияние на кемалистския модернизъм върху турското малцинство в България // Турция. Балканите. Европа. История и култура. Изследвания в чест на професор Дженигиз Хаков. София, 2003. С. 38.

и других городах¹⁷. В контексте такой политики логичным видится и резкое сокращение общего количества школ с середины 1930-х годов. В целом картина складывалась достаточно пессимистичная: хотя в 1926 г. какое-либо образование имели уже 12 % болгарских турок, но к концу 1934 г. неграмотность среди них оставалась вопиющей — 80,6 % у мужчин и 90,6 % среди женщин¹⁸.

Важным фактором развития болгарских мусульман стала революция в соседней Турции, положившая начало воплощению идеи кемализма — превращения феодального турецкого общества в современное модернное. Основные положения новой доктрины были сформулированы идеологом национально-освободительного движения (1919–1923) Мустафой Кемалем Ататюрком и в концентрированном виде изложены в программе Народно-республиканской партии (1931) как шесть принципов, или «шесть стрел». Сам Ататюрк сравнивал их с «лучами», освещавшими пути турецкой внутренней и внешней политики¹⁹.

Принцип *республиканства* в сочетании со *светскостью* (*лаицизмом*) определял идеологические контуры будущей политической системы, а *этатизм* — ее экономическую основу. *Национализм* как укрепление и развитие национальных ценностей и культуры и национальной идентичности в сочетании с принципом *народности* являлись залогом национального единства. И, наконец, принцип *революционности*, то есть радикальной вестернизации и разрыва с прежней культурной традицией, был призван проторить дорогу модернизации. Став общенациональной политической философией переходного периода, кемализм, по словам Ататюрка, нацеливал на «революцию прогресса и обновления» во всех сферах общественной жизни — политике, экономике, культуре²⁰.

Итоги, без преувеличения, огромной созидательной работы проявились в 1920-е — первой половине 1930-х годов: упразднение султаната и халифата и установление республиканской формы правления, принятие Конституции 1924 г., введение светского права

¹⁷ Мемишев Ю. Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. С. 82–84.

¹⁸ Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. С. 78, 73, 71.

¹⁹ Ататюрк К. Избрани речи и изказвания. София, 1981. С. 306.

²⁰ Там же. С. 266.

и гражданского судопроизводства вместо шариата, новых государственных институтов взамен устаревших, секуляризация образования, латинизация алфавита (1928), освобождение объявленного государственным турецкого языка от арабизмов и персизмов, коренные преобразования в сфере культуры и пр. Преодолевая средневековые традиции в быту, кемализм ориентировал население на сближение восточной и западной цивилизаций (вводятся новый календарь, европейское летоисчисление, европейское время, европейская система мер и весов (килограмм и метр вместо оки и аршина), выходным днем стало воскресенье). Европеизируется одежда, причем если в отношении мужской части населения власти действуют более решительно (введение по закону 1925 г. обязательного ношения шляп, шапок и кепок), то к женщинам отношение было более бережным и осторожным: законодательных установок на отказ от паранджи и шаровар не было, предпочтение отдавалось агитации, убеждению, личному примеру.

Кемалистские реформы вели к изменению образа мысли и жизненного уклада турецкого народа, стимулировали процесс формирования его национального сознания²¹. При этом властные структуры в Турции не оставляли без внимания «внешних турок», целенаправленно стремились включить турецкое меньшинство соседних стран в обновительный процесс, укреплять его этнонациональное сознание. Пантюркизм, пришедший на смену старому панисламизму, превратился в мощное идеологическое средство не только для утверждения турецкой нации, но и для привлечения турок-мусульман за пределами страны²². Эти процессы не могли не отразиться и на настроениях турецкого населения соседней Болгарии, в частности стимулировав возникновение среди турецкой интеллигенции достаточно влиятельного реформаторского движения. Произошло наложение внешнего фактора на факторы внутренние, под влиянием которых актуализировался вопрос о преодолении культурной отсталости болгарских турок и их социальном развитии, «подтягивании» турецкого

²¹ Ялмов И. Влияние на кемалистския модернизъм върху турското малцинство в България. С. 32–34.

²² Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. С. 81–82; Манчев К., Дойчинова Е. Мюсюлманското население от Североизточна България в българската и турската политика (1919–1939 г.) // Исторически преглед. 1991. № 5. С. 67 и др.

населения до уровня болгарской народности. Кемализм, как писала летом 1933 г. выходившая в Болгарии на турецком языке газета «Halk Sesi» («Народный голос»), являлся привлекательной моделью социального и культурного развития, указывая болгарским туркам путь «самомодернизации»²³.

На формирование модернистских или реформаторских настроений болгарских турок важное влияние оказывал Союз турецких учителей в Болгарии, чья деятельность значительно активизировалась в 1920-е годы. Союз насчитывал в своих рядах 400 чел. (всего в стране было 2100 турецких учителей). Кроме того, в основном кемалистские позиции занимал Союз культурно-просветительских и спортивных обществ «Туран» («Turan»), хотя в его среде наблюдались также и проявления деструктивного национализма. Активную позицию демонстрировала многочисленная периодика. В межвоенный период в стране насчитывалось 76 газет и журналов на турецком языке²⁴. Названия многих изданий весьма показательны: помимо уже упомянутого «Народного голоса» («Halk Sesi»), выходили «Doğu Yol» («Истинный путь»), «Yenilik» («Обновление»), «Yeni Başlangıç» («Новое начало»), «Rehber» («Курьер»). Модернистские идеи пропагандировали также газеты «Ahali» («Народ»), «Kocabalkan» («Стара Планина»), «Deliorman» (Делиорман — болг. Лудогорие — историко-географическая область на северо-востоке Болгарии), «Rodop» (Родопы — южная горная гряда Болгарии), журналы «Terbiye Ocağı» («Очаг воспитания»), «Türk Muallimler Mescuasi» («Журнал турецких учителей») и др. Кемалистская революция, как указывали эти издания, ликвидировала все старое, закладывала основы нового, модерного.

Крайне важно учитывать, что наиболее осторожные представители турецкой интеллигенции подходили к кемализму избирательно, с учетом условий Болгарии. Так, например, исходя из монархического устройства страны и положения турок как национального меньшинства, они сознательно избегали каких-либо комментариев политических аспектов кемализма и, в частности, его республиканского принципа. Акцент делался ими на культурных и социальных аспектах, особенно на национализме и реформаторстве. Для части

²³ Яльмов И. Влияние на кемалистския модернизъм върху турското малцинство въ България. С. 34.

²⁴ Там же. С. 38.

интеллигенции важное значение имел принцип народности, трактовавшийся как суверенитет (верховная власть) народа, а на уровне турецкого меньшинства — как его единство и солидарность, независимо от имущественных различий.

Особо внимательным было отношение к трактовкам принципа светскости. Некоторые молодые сторонники реформаторства ставили знак равенства между лаицизмом и атеизмом, противопоставляясь, таким образом, исламу. Однако подавляющее большинство усматривали в лаицизме отказ от консервативно-клерикального мышления и теократической государственной системы, устранившие ходжей от светской общественной деятельности. При этом именно с устаревшей системой образования (при доминации в ней религии) и с фанатизмом ходжей связывалась отсталость турецкого населения. Особо подчеркивалось: кемалистские реформы следует применить в сфере культуры и в быту, но атеизм отвергается²⁵.

Болгарские власти были вынуждены реагировать на новые веяния. Одним из первых шагов явилось начавшееся переустройство системы образования, в частности переход от килийного к классному обучению. Процесс шел трудно: наличествовал хаос, не было единого учебного плана и распорядка работы школ. Это признавало и руководство Союза турецких учителей. Частные школы, как говорилось выше, слабо обеспечивались материально. И, что крайне важно, не было найдено оптимальное сочетание религиозной и светской компоненты в образовательном процессе.

В 1920-е годы на первый план выдвинулись проблемы содержания обучения, его соответствие достижениям науки в целом и педагогики, в частности. Модернисты стремились усилить светское начало обучения, поставить воспитание на основы национальной идеи и патриотизма. Патриотические чувства предлагалось укреплять, изучая болгарскую географию, историю и культуру.

Начиная с 1921 г. (XII съезд Союза турецких учителей) вопрос об учебных планах, распорядке работы школ не сходил с повестки дня. Дискуссии развертывались на всех съездах Союза, с XIII в 1922 г. и вплоть до последнего XXIII в 1933 г. Не обойден вниманием был также и вопрос об идейных основах обучения и образования:

²⁵ Ялъмов И. Влияние на кемалистский модернизм върху турското малцинство в България. С. 35.

его обсуждал XV съезд в 1924 г., причем, как следовало из материалов съезда, он ставился в плоскость обеспечения приоритета национального сознания над юмметским*, т. е. религиозным.

Внимание ко всем этим вопросам побуждало власти к принятию соответствующих мер. Уже в 1920 г. по инициативе главного инспектора по турецким школам Этхема Рухи Министерство просвещения утвердило учебные планы пока еще для частных турецких школ. Суть перемен — уделить большее внимание светским дисциплинам. В плане на 1920 г. в начальной школе изучению Корана отводилось 4–5 уроков в неделю, вероучению — 1–2 урока, естествознанию (в 3-м и 4-м классах) по 3 урока в неделю и по 4–5 уроков — математике. Школьники изучали болгарский язык, вводились уроки пения, рисования, физкультуры. Особенно серьезно было поставлено преподавание природоведения и математических дисциплин в Государственном турецком педучилище в Шумене (1918–1928). Но и в медресе «Нювваб» в расписании присутствовали естествознание, физика, химия. Когда же в 1933 г. «Нювваб» получил статус среднего училища, там были введены такие дисциплины, как педагогика, геология, пение, физкультура, уроки труда.

В целом болгарская историография констатирует серьезные успехи в секуляризации обучения и воспитания в городских турецких школах и особенно — в прогимназиях²⁶.

Союз турецких учителей модернизацию образовательной системы увязывал и с подготовкой педагогических кадров. Указывалось на необходимость создания 2–3 специальных педагогических училищ. Успехом Союза стало открытие педагогических классов в училище «Нювваб».

В череде образовательных реформ первостепенное место заняла латинизация алфавита. Соответствующее решение было принято на XIX съезде Союза турецких учителей в июле 1928 г. Именно по его предложению Министерство просвещения разрешило использование нового алфавита. Однако из-за протеста консервативных сил реализация этого решения была отложена на четыре года. Вопрос решился под напором прогрессивной общественности (у турок

* От слова *йттет* (тур.) — религиозная община, единоверцы.

²⁶ Ялъмов И. Влияние на кемалистския модернизъм върху турското малцинство в България. С. 36–37.

особенно сильные прореформаторские настроения в этом отношении наблюдались в городах, где был организован сбор подписей); уже через два года, в 1930 г., был введен латинский алфавит. Обновление письменности было связано, в первую очередь, с соответствующей реформой в Турции. Под ее влиянием среди болгарских реформаторов сложилось убеждение, что латинизация алфавита откроет новые горизонты для местной культуры, будет содействовать формированию нового образа мышления. Практическая сторона вопроса виделась в облегчении процесса обучения грамоте и, следовательно, ликвидации неграмотности среди болгарских турок. Об этом писала газета «Deliorman» в ноябре 1928 г.

По примеру Турции, где полным ходом шла языковая реформа, был поставлен вопрос об очищении языка от арабских и персидских лексико-грамматических форм. В ноябре 1932 г. газета «Karadeniz» («Черное море») отмечала необходимость сохранения единства местного турецкого языка и языка турецкой нации, но вместе с тем обращала внимание на то, что отличие разговорного языка болгарских турок от письменного мешает культурному развитию. Указывая, что сближение «двух языков» облегчит молодому поколению усвоение наук и технических достижений, газета предлагала начать кампанию по записи широко распространенных в разговорном языке традиционных слов и выражений.

Однако, помимо protagonистов реформаторских идей, среди болгарских турок имелись значительные слои, настроенные консервативно-охранительно. Их отношение к модернизационным процессам в соседней Турции было сдержанным, а подчас и резко отрицательным. На эти круги опирались официальные болгарские власти в борьбе с модернистскими тенденциями и настроениями. Исходя из оценок кемализма как средства и способа расширения влияния Турции путем воздействия на «внешних» (в том числе болгарских) турок, рассматривая турецкую государственную доктрину прежде всего как угрозу для национальной безопасности Болгарии, государство стремилось противостоять кемалистской пропаганде. Своим союзником оно не без основания считало исламское духовенство, усматривавшее в кемализме опасность для национальной и религиозной идентичности болгарских турок и противостоявшее реформам в сфере образования (латинизации алфавита, очищению языка и пр.). И в 1914, и в 1934 г. мусульманское духовенство активно

поддерживало государственную меньшинственную политику²⁷. В переписке Министерств иностранных дел и исповеданий и внутренних дел констатировалось «ценное содействие» Главного мuftийства в борьбе против кемалистской пропаганды. Указывались также важная роль газеты «Medeniyet» («Цивилизация») и действовавших на местах отделений общества защитников ислама в борьбе против «безверия», насаждаемого кемалистами, за сохранение добрых мусульманских нравов, традиций, алфавита и письменности.

В действительности это означало попытки официальной власти любыми способами воспрепятствовать объективно обусловленному развитию национально-этнического самосознания болгарских турок. Исследователям известны факты рассылки из центра расположений местным органам внутренних дел «принять самые строгие меры по искоренению этого самочувствия». Иными словами, сотрудничество власти и исламистов-консерваторов блокировало важнейшую составляющую процесса модернизации жизни и быта болгарских турок.

Особенно ужесточилась меньшинственная политика после военного переворота 19 мая 1934 г. Под флагом борьбы с турецким национализмом правительство Кимона Георгиева перешло к конкретным мероприятиям, в том числе и в сфере образования.

Целенаправленно и последовательно начали ограничиваться образовательные стандарты в турецких школах. Установка заключалась в том, чтобы, как указывалось в докладе пограничной школьной инспекции, «принять все легальные меры, чтобы образование турецкого меньшинства в Царстве оставалось, по возможности, на более низком уровне». Главный инспектор по делам школы подчеркивал: «Турецкое население не следует просвещать, ибо, чем более культурным становится оно, тем более опасным будет и будет претендовать на участие во власти». «Генеральная линия» новой политики в области образования была сформулирована в 1935 г., когда Министерство народного просвещения предложило «официально представлять дело так, что делается все возможное <...>, чтобы поднять турецкие школы на подобающую высоту, но не допускать при этом, чтобы они сравнялись по результатам обучения с народными (т.е.

---

²⁷ Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. С. 85.

с болгарскими. — Т.В.) <...>. Одно подчиненное национальное меньшинство, проживающее компактными массами <...> будет представлять собой серьезную опасность для безопасности нашего государства, если путем просвещения поднять его на ту же ступень». Данная целеполагающая установка действовала на протяжении всего авторитарного правления Бориса III (1935–1943). Отсюда последовательные меры по поощрению духовного образования мусульман за счет светского. Особое внимание уделялось сохранению арабицы, но давалось это как забота о правах и традициях мусульман и «уважение» их религиозных чувств. Однако в документах «для внутреннего пользования» формулировки были предельно откровенными. В одном из докладов полицейского ведомства в 1941 г. говорилось: «Следует сделать все возможное, чтобы турки утонули в невежестве, их культурный уровень был как можно ниже, а в материально-экономическом отношении не позволить им твердо встать на ноги. Таким образом, они окажутся в положении, когда не смогут и не будут иметь времени заниматься политическими вопросами»²⁸. Данные установки не остались только на бумаге. Шло непрерывное сокращение количества школ (920 – в 1928 г., 605 в 1936 г., 367 – в 1944 г.)²⁹. Твердой была позиция властей и в вопросе о частном статусе школ, расходы на содержание которых (строительство, ремонт, содержание зданий и учителей) полностью и без всяких дотаций государства несли религиозные общины. Итогом явилось неблагополучное состояние школ, размещавшихся в помещениях мечетей, не пригодных для преподавания. Учителями часто назначались малограмотные духовные лица, удовлетворявшиеся из-за бедности населения оплатой своего труда натурой. Одновременно государство регулировало численность педагогического состава – почти втрое возросло число учителей-болгар, преподававших болгарский язык, историю и географию. На них возлагалась особая задача. Как подчеркивалось в одном из официальных документов, — «скорее разведывательная, нежели чисто педагогическая». Они должны были «незаметно следить» за всем происходящим в каждом турецком селе, стать «глазами

²⁸ Цит. по: Мемишев Ю. Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. С. 123, 168.

²⁹ Стоянов В. Турското население на България и официалната малцинствена политика (1878–1944) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 204.

и ушами государственной власти»³⁰. Показательно, что они не зависели от школьных настоятельств: оплата их труда осуществлялась государством³¹. Подобную политику государства В. Стоянов оценил как *сегрегационную*, причем результативную. Только треть турецких детей, подлежащих обязательному обучению, посещала школы, получая там, в основном, религиозное образование. Неграмотность оставалась характерной чертой преобладающего большинства болгарских турок, «консервируя» их состояние как политически ограниченной, экономически слабой и социально индифферентной части населения страны³².

Накануне Второй мировой войны существовавшая в представлениях болгарских властей *предполагаемая* угроза со стороны «национально осознавшего себя» турецкого населения сменилась *реальной* угрозой безопасности страны со стороны других государств, развернувших дипломатическое сражение за Болгарию. Подметивший эту особенность ситуации крупный болгарский османист Д. Хаков указал на первостепенное значение для Софии укрепления отношений с Турцией³³. Подписанная 17 февраля 1941 г. двусторонняя декларация о ненападении и взаимных гарантиях территориальной целостности стала основополагающим документом, регулировавшим в целом отношения двух стран в военное время. При этом нельзя не согласиться с выводами историков о том, что положение мусульманского населения, в частности болгарских турок, в период Второй мировой войны доныне остается почти неизученным³⁴. Исследование мусульманской проблемы в целом и болгарских турок в частности обрело отчетливый крен в сторону переселения последних на историческую родину и внутренних депортаций³⁵.

³⁰ Мемишев Ю. Участнико на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. С. 122, 123.

³¹ Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етическата политика. С. 91.

³² Яньков И. Влияние на кемалисткия модернизъм върху турското малцинство в България. С. 43.

³³ Хаков Д. Българо-турските отношения и турското население в България // Studia balkanica 23. Изследвания в чест на чл.-кор. професор Страшимир Димитров. София, 2001. Т. 2. С. 698.

³⁴ Бюксешютц У. Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци. 1944–1989. София, 2000. С. 123.

³⁵ В российской историографии по этим вопросам см., например: Зудинов Ю. Ф. Социально-политические аспекты «мусульманской проблемы» в современной Болгарии // Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее / Ред.

Война, в которой Болгария участвовала на стороне стран «оси», принципиально изменила расстановку сил на мировой арене. Ко времени ее завершения все отчетливее определялась перспектива перехода страны в сферу интересов Советского Союза и, как следствие, воздействия советского фактора на все сферы жизни общества. В сентябре 1944 г. в результате государственного переворота была установлена левоориентированная власть Отечественного фронта (ОФ). В условиях реализации коалиционной системы власти и неурегулированного международного положения Болгарии как бывшего сателлита фашистской Германии от болгарского правительства требовалась аккуратные, тщательно выверенные шаги во внутренней, в том числе и национальной, политике.

В целом непосредственно после смены власти в стране отношение к мусульманской общности в стране на основе демократических принципов сосуществовало с определенным недоверием к болгарским туркам и намерением воспрепятствовать оживлению турецкой националистической пропаганды. Достаточно быстро изменился, например, подход к созданию турецких массовых организаций. Так, если первоначально на национальной конференции турецких комитетов ОФ в декабре 1944 г. вопрос о создании самостоятельных культурно-просветительских, женских, молодежных обществах был решен положительно, то уже 9–10 февраля 1945 г. на конференции партактива БРП, работающего среди болгарских турок, была озвучена новая установка — отдельных турецких организаций не создавать, а имеющиеся влить в Отечественный фронт³⁶. Причина столь резкого

Р. П. Гришина, М. Д. Ерешенко. М., 1995. С. 282–296; *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е годы) // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 292–308; *Волокитина Т.В.* Задолго до «воздорожительного процесса»... О политике болгарского государства по отношению к турецкому национальному меньшинству (40-е – 50-е гг. XX в.) // Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. Сборник статей / Отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 106–129; *она же*. Болгарские турки: проблема депортаций и переселения (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 3 / Отв. ред. И. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск, 2014. С. 182–196; *она же*. В лабиринте национальной политики. Советский фактор и проблема мусульманского населения Болгарии (40-е – 60-е годы XX века) // Известия на Института за исторически изследвания. София, 2016. Т. XXIII. Русия между Запада и Изтоца. Политика и дипломация. С. 336–372.

³⁶ Ялъмов И. История на турската общност в България. София, 2002. С. 283–285.

поворота заключалась в полученной из Москвы от Г. Димитрова инструкции, которую 6 февраля на заседании Политбюро ЦК БРП(к) огласил Тр. Костов. «Национальным меньшинствам следует представить полные права, но с турками необходимо быть осторожными, — подчеркивал Димитров. — Они должны быть равноправными, иметь те же политические и гражданские права, что и болгары, возможность учиться на своем языке, иметь школы, мечети. Но как турки они не должны представлять какое-либо обособленное турецкое национальное движение, в противном случае будут созданы условия для деятельности турецкой агентуры в стране <...>. Любое турецкое национальное движение в стране станет раной на теле болгарского народа. Турки не должны организовываться в национальный союз, не должны избираться в парламент как представители турецкой национальной группы, а только на общих основаниях — как болгарские граждане турецкого происхождения. В Национальном комитете [ОФ] можно создать турецкую комиссию для пропаганды и агитации в духе ОФ среди турецкого населения. Туркам следует прямо заявить: те, кто хотят жить в Болгарии вместе с болгарами, должны иметь и равные обязанности. Те, кому это не нравится, *пусть отправляются в Турцию* (курсив мой. — Т.В.). Болгарский язык в турецких школах должен быть обязательным. Турецкий национализм мы не признаём»³⁷. Заметим, однако, что в то время власть ОФ официально не рассматривала вопрос о переселении болгарских турок³⁸.

Указанный в инструкции подход вскоре проявился в конкретных мероприятиях народно-демократической власти. Турецкие школы были переведены на государственное финансирование (уже в бюджете на 1946 г. на их содержание выделялось 60 млн левов), обучение в них, как и в болгарских, стало бесплатным, был обеспечен доступ турецкой молодежи в вузы, создана сеть детских садов для турецких детей, библиотек-читален, разрешен выпуск газет и другой печатной продукции, а также организовано радиовещание на турецком языке. Болгарские турки получили доступ к административным

³⁷ Указания на Георги Димитров от Москва, прочетени на заседание на ЦК на БРИ(к). 6 февруари 1945 г. // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). София, 2009. Т. 1. Док. № 5. С. 45–46.

³⁸ Калинова Е. Насилието в политиката на българската държава към българските турци. 30-те – 80-те години на XX век // История. 2004. № 3. С. 55–56.

должностям, крестьяне стали получать пенсии наравне с болгарами. В принятой в декабре 1947 г. Конституции НРБ (по аналогии с советской «сталинской» она получила название «димитровской») было закреплено определение «национальные меньшинства» и их право учиться на родном языке, развивать свою национальную культуру (ст. 79), хотя при этом декларировалось обязательное изучение болгарского³⁹.

Отсутствие в Основном законе конкретного упоминания турецкого меньшинства дела не меняло: фактически национальный статус болгарских турок был подтвержден, и в официальных публикациях того времени постоянно использовалось определение «турецкое национальное меньшинство»⁴⁰. Ответом болгарских турок на позитивные изменения явилась продемонстрированная ими поддержка власти ОФ на выборах в Великое народное собрание осенью 1946 г., хотя, по оценкам сотрудников аппарата Союзной контрольной комиссии в Болгарии, одна из причин этого заключалась в «хююкметских настроениях»*, то есть привычке турок голосовать за официальную власть⁴¹.

Вместе с тем властные структуры демонстрировали и определенные ограничения принципа равноправия. Так, например, продолжало действовать решение Политбюро ЦК БРП(к) от 12 февраля 1945 г. о работе среди турецкого меньшинства, содержавшее отказ в требовании турок допустить молодежь к службе в регулярной болгарской армии. Было признано целесообразным «пока с этим подождать, хотя это требование справедливо»⁴². Несомненно, причиной служил унаследованный от прежних режимов страх перед влиянием южной со-

³⁹ Конституция на Пародна Република България, приста на 4 декември 1947 г. // Български конституции и конституционни проекти / Съст. В. Методиев и Л. Стоянов. София, 1990. С. 50–51.

⁴⁰ Одним из внешних признаков обретения турками права национальности стало активное изменение ими фамилий: отпадение характерного для болгарских фамилий окончаний -ов, -ев. Так, парламентарий Сабри Демиров превратился в Сабри Демироглу, тырновский муфтий Исуф Али Османов — в Акифа Османоглу (Османолу) и пр. (Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. С. 98, 99).

* От слова *hükümet* — правительство.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 269. Л. 13.

⁴² Протокол от заседание на Политбюро на ЦК на БРП(к) «за работа сред турското малцинство». 12 февруари 1945 г. // «Възродителният процес». Док. № 6. С. 47. Решение о службе в армии болгарской молодежи независимо от национальности было

седки на болгарских турок и возможным превращением их в дестабилизирующий фактор в стране. Для властей главным раздражителем при этом являлось наличие компактного турецкого населения в стратегически важных пограничных с Турцией южных районах. Оно рассматривалось как потенциальная «турецкая агентура» и «пятая колонна» при возникновении опасных для Болгарии зигзагов турецкой политики.

Разгоравшаяся холодная война объективно способствовала росту подобных опасений. В июле 1947 г. был подписан договор между США и Турцией об экономической и военной помощи, обострились советско-турецкие отношения по вопросу о режиме Проливов. Общее ухудшение международного климата к середине 1947 г. отразилось и на болгаро-турецких отношениях. Официальная Анкара усилила пропагандистскую деятельность среди болгарских турок, акцентируя внимание на проблеме переселения. Обвинив болгарские власти в нарушении прав турецкого населения на свободный выезд и беспрепятственный вывоз эмигрантами движимого имущества, Анкара инициировала также и постановку вопроса о положении турецкого меньшинства в Болгарии перед мировым сообществом. Все это не способствовало снижению напряженности в мусульманском вопросе в самой Болгарии, где власть ОФ стремительно теряла коалиционный характер и сосредоточивалась в руках коммунистов. В условиях восприятия ими советской модели общественно-политической трансформации с ее основополагающей триадой (индустриализация, коллективизация, культурная революция) менталитет, традиции и уклад жизни болгарских турок (большинство их, как и прежде, составляли крестьяне и низшие городские слои) вступали в противоречие с характером перемен в стране. Турки опасались, что в школах их дети не смогут изучать Коран, противились идее равенства мужчин и женщин, острое сопротивление вызывало начавшееся кооперирование деревни. Определенное влияние на настроения турок оказало и массовое переселение болгарских евреев в Израиль.

Изучив настроения турецкого населения, официальная межведомственная комиссия при Министерстве иностранных дел пришла к заключению, что оно «никогда не будет лояльным и надежным

принято Политбюро ЦК БКП 20 октября 1950 г. (Централен държавен архив (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 64. Л.е. 103. Л. 1).

элементом»⁴³. В соответствии с этим выводом на январском пленуме ЦК БРП(к) 1948 г. была сформулирована основная задача политики в отношении болгарских турок. «Хочу сказать вам — пусть это останется между нами, — что есть один вопрос, который возник не вчера, — отмечал Г. Димитров. — Он заключается в том, что вдоль нашей южной границы мы имеем, в сущности, неболгарское население, представляющее собой подлинную язву для нашей страны. Перед нами, партией и правительством, стоит вопрос, как найти способ убрать его оттуда, переселить на другое место, а туда заселить наше собственное, болгарское население. В различных [стратегически] важных районах страны, как в Шуменской, Разградской и других областях, мы имеем компактное турецкое население. При нашем режиме, который предоставил полную свободу [нац]меньшинствам, начали поднимать голову муфтии, турецкие агенты; молодежь начала проявлять турецкий национализм, смотрит на Цареград и Анкару. Мы должны принять соответствующие меры. Эту проблему необходимо решить в 1948 году. С этой точки зрения в Национальном комитете ОФ следует создать комиссию из представителей меньшинств, с помощью которой и провести эту сложную операцию. Мы не можем оставить Народную Республику Болгарию в том положении, в каком она пребывала до 9 сентября»⁴⁴.

С этого времени именно депортации находятся в центре государственной политики в отношении к болгарским туркам, вытесняя все прочие ее составляющие. Такое положение сохранялось вплоть до лета 1949 г., когда из Москвы был получен «совет» «освободиться от турок» путем переселения этого «неблагонадежного элемента» на историческую родину⁴⁵.

Принимая этот «совет», болгарское руководство исходило из основополагающей установки, что *болгарские турки являются частью турецкой нации, а их родина — современная Турция*. В декабре

⁴³ Калинова Е., Баева И. «Възродителният процес» — върхът на айсберга. Българската държава и турска етническа общност в страната (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес». С. 14.

⁴⁴ Из изказване на министър-председателя Георги Димитров на заседание на ЦК на БРП(к) по въпроса за турското население. 4 януари 1948 г. // «Възродителният процес». Док. № 8. С. 48.

⁴⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998 С. 198.

1950 г. на заседании Политбюро ЦК БКП с участием первых секретарей окружных, околовийских и городских комитетов партии министр иностранных дел М. Нейчев попытался лаконично сформулировать общий метод действия: «Мы, насколько возможно, должны освободиться от турецкого элемента в нашей стране. Наша политика не должна сводиться к тому, чтобы убеждать турок остаться в нашей стране или мешать этому. Но мы не должны и вынуждать их покидать страну⁴⁶. Мы должны вести нашу политику таким образом, чтобы все больше и больше турок выселялись и притом из пограничных областей»⁴⁶. Фактически речь шла о «выдавливании» турок из Болгарии, создании условий, делавших их пребывание в стране невозможным и подводящих к «добровольному» решению о выезде. (Интересно, что много позднее, в 1980-е годы, для обозначения аналогичных действий государства болгарское руководство использовало «для внутреннего пользования» аббревиатуру «ДД» — «дискретный дискомфорт»).

Обозначенный процесс сопровождался осложнением отношениями между Софией и Анкарой⁴⁷. В этих условиях Москва предложила болгарскому руководству избрать новый вектор политики в отношении турецкого населения: не выселение и освобождение от него, а перевоспитание и привлечение к решению целеполагающих задач режима. В качестве примера выступал советский опыт построения «многонационального» государства на основе национальной терпимости, признания национальных особенностей (культурная автономия), стимулирования культурного и экономического развития, активного участия разных национальностей в построении социализма. Заметную роль в реализации этого «совета» играл Т. Живков, в то время кандидат в члены Политбюро ЦК БКП.

26 апреля 1951 г. по его докладу о положении болгарских турок было принято решение № 103 «Об улучшении работы партии среди турецкого населения»⁴⁸. Оно не только отразило общий

⁴⁶ Доклад на Минчю Нейчев, министър на външните работи, при съвещанието на Политбюро на ЦК на БКП с първите секретари на окръжните, околовийските и градските комитети на партията. 2 декември 1950 г. // «Възродителният процес». Док. № 13. С. 52–53.

⁴⁷ Подробнее о переселенческом кризисе 1950 г. и роли советского фактора см.: Волокитина Т.В. В лабиринте национальной политики. С. 350–352.

⁴⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.с. 1298. Л. 37–43.

партийно-политический подход к работе среди турецкого населения, но и наметило широкий спектр конкретных мероприятий государства в сфере экономики, образования, религии. Был, наконец, сдвинут с мертвоточки и вопрос о наборе турецкой молодежи в регулярную армию и военные училища.

В целом решение № 103 было призвано стимулировать экономическое и духовное развитие болгарских турок, сохранение их национальных особенностей с перспективой постепенного отрыва от ислама и приобщения к строительству социализма. Намеченные мероприятия начали активно претворяться в жизнь. Финансовые средства, стройматериалы, продовольствие, товары широкого потребления, «отвечающие быту и нуждам» турок, мощным потоком по текли в проблемные районы. В это время улучшилось медицинское обслуживание; развернулась подготовка партийных кадров, причем обучение и пропаганда в партшколах ведутся на турецком языке; «зеленый свет» получило изучение турецкого языка в школах; в районах компактного проживания болгарских турок в массовом порядке открывались школы, детские сады. Так, число турецких школ в начале 1950-х годов превысило 1100, охватив 97 % турецких детей⁴⁹. Издавалась пресса на турецком языке; радио Софии и радиостанции в Стара Загоре и Сталине (Варне) вели передачи на турецком языке; с болгарского регулярно переводились короткометражные фильмы и документальная кинохроника; в Шумене, Хасково и Русе были созданы турецкие эстрадные театры; введены государственные стипендии для обучения детей и молодежи в гимназиях и вузах и т. д. и т. п. Вместе с тем изменения болезненно затронули и базовые ценности турецкого населения: из школьных программ было исключено изучение Корана и преподавание основ мусульманской веры. Серьезной проблемой по-прежнему являлись грамотность турецкого населения и его религиозность. Так, по закрытой информации ЦК БКП, даже среди коммунистов-турок, «охваченных» политпросвещением, 85 % были «полуграмотными», то есть обучившимися чтению в ходе кампании «ликбеза» 1946 г. или посещавшими старые школы при мечетях, где основным предметом был Коран. «Немало и таких [партийных]

⁴⁹ Калинова Е., Баева И. «Възродителният процес» — върхът на айсберга. С. 20; Желязкова А. Социална и културна адаптация на българските изселници в Турция // Съдбата на мюсюлманските общности на Балканите. София, 1998. Кн. 3. Между адаптацията и постталгията. Българските турци в Турция. С. 14.

организаций, говорилось в одном из документов, где почти все члены неграмотные или почти неграмотные, а во главе организации — неграмотный секретарь <...>. Подавляющее большинство турок-коммунистов являются верующими, посещают мечеть, уважают и слушают ся ходжей»⁵⁰.

Мероприятия власти способствовали заметному подъему материального, образовательного и культурного уровня болгарских турок. Улучшение условий жизни обусловило, в свою очередь, повышение рождаемости в турецких семьях. Не случайно именно в 1950-е годы впервые в поле зрения болгарского руководства попадают сложности в этнодемографическом развитии страны.

Процесс «приобщения», однако, имел и свою оборотную сторону: создавался гумус, в котором хорошо себя чувствовали семена турецкого национализма и сепаратизма. В сфере образования результаты государственной политики тоже были весьма неоднозначными. Так, переход преподавания на турецкий язык (болгарский изучался лишь как один из предметов) привел к тому, что подраставшая турецкая молодежь испытывала трудности с государственным языком. Это ограничивало ее включение в нормальную жизнь, делало практически невозможным получение дальнейшего образования, блокировало карьерный рост. В сознании болгарских турок как граждан Болгарии мало-помалу вызревали ощущения собственной неполноценности; у турецкой молодежи возникало повышенное внимание к южной соседке, хотя в рамках идеологизированного школьного воспитания учащимся разъясняли обстановку в «маршаллизованной Турции», вступившей в феврале 1952 г. в НАТО, равно как и роль СССР — «оплота мира и демократии и дружбы между народами». В целом же традиции и сильные религиозные чувства болгарских турок привели вместо ожидавшейся интеграции к еще большей их обособленности, осознанию себя чем-то отдельным от болгар. Вплоть до 1956 г., однако, власть продолжала исключительно толерантно относиться к подобным настроениям и демонстрировавшейся болгарскими турками своей турецкой идентичности, содействовала созданию турецкой интеллигенции.

⁵⁰ Доклад на Али Рафиев, завеждащ отдел «За работа сред турското население» на ЦК на БКП, за резултатите от изпълнението на решенията на Политбюро на ЦК на БКП от 26 април 1951 г. за подобряване работата сред турското население. 14 октомври 1953 г. // «Възродителният процес». Док. № 14. С. 54.

В развернувшейся после смерти советского харизматического лидера десталинизации позиция болгарского руководства в «мусульманском» вопросе претерпела изменения. Оно отказалось от заимствованного у советской стороны определения «многонационального» характера страны. 4 октября 1958 г. пленум ЦК БКП утвердил «Тезисы ЦК о работе партии среди турецкого населения». Выстраивая политику в отношении болгарских турок, власти теперь исходили из констатации, что *родиной болгарских турок является Болгария, здесь их предки жили с 1878 г., они – «неделимая составная часть болгарского народа»*. С этого времени в политике «приобщения» приоритет отдавался не столько идеологическому (приобщение «к социализму»), сколько национально-государственному фактору (приобщение «к Болгарии»)⁵¹. Отсюда берет начало появление новых установок на преодоление национальных, вероисповедных, языковых и бытовых особенностей, отличающих болгарских турок от болгар. Основной упор был сделан на болгарский язык как средство объединения общества, преодоления социальных и экономических различий. Вряд ли это было случайным. Незадолго до принятия документа Болгарию посетил Н. С. Хрущев. По традиции во время таких встреч гости и хозяева информировали друг друга о происходивших в их странах событиях, делились опытом. В Советском Союзе в это время готовилась реформа школьного образования, приведшая в ходе ее реализации, помимо прочего, к ограничению преподавания нерусских языков, в первую очередь у тех народов, которые не имели административной автономии, на местах усиливався процесс русификации. Исследователи обратили внимание на это временное совпадение, указав, что советский руководитель, похоже, предоставил болгарам свободу в национальной политике «в обмен» на улучшение отношений между Софией и Белградом⁵². Документальных подтверждений этому пока нет, но факт остается фактом: болгарское руководство вновь взяло на вооружение советский пример, сделало очередной крутым поворот: прежде всего, наступает конец школьной «эйфории» начала 1950-х годов, формулируется задача слияния турецких и болгарских школ уже в 1958/1959 учебном году, обучение турецких учащихся,

⁵¹ Калинова Е., Баева И. Етнически и религиозни общности в следвоенна България // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. София, 2010. С. 534.

⁵² Бюксенишютц У. Малцинствената политика в България. С. 134, 163–164.

как и подготовка учителей, осуществляются на болгарском языке, а турецкий преподается теперь как один из предметов или факультативно. Началась новая мучительная переориентация, для которой характерны дисбаланс в подходах, непродуманность и недодуманность перемен. В результате уже в конце учебного года, как сообщало в Москву советское посольство, отсев учеников-турок в школах Благоевградского, Хасковского и некоторых других округов вдвое превысил аналогичные показатели среди школьников-болгар (соответственно 4,12 % и 2%)⁵³; турецкая молодежь массово демонстрировала нежелание учить болгарский язык и историю. В 1958 г. была создана специальная языковая комиссия, которая под видом «обогащения» турецкого языка провела его «болгаризацию»: в лексикон болгарских турок вводятся болгарские слова, в первую очередь географические названия, календарь, названия государственных учреждений и пр. Часть турецкого населения восприняла происходившее как начало культурной ассимиляции⁵⁴. Стремясь блокировать подобные настроения, власть усилила внимание к экономическому фактору. Сработал стереотип, согласно которому улучшение материального положения турецкого населения должно было стать заветным ключом к изменению психологии людей в нужном направлении. Однако на деле возник казус «замкнутого круга»: дан новый импульс националистическим и сепаратистским тенденциям.

Тем не менее в целом настроения турецкого населения, как видно из некоторых материалов, оценивались как спокойные. Так, в связи с военными действиями Англии и США в Ливане и Иордании летом 1958 г.⁵⁵ командующий военно-морским флотом Болгарии вице-адмирал Б. Орманов заявил сотрудникам советского посольства, что «армия и флот, если придется, готовы драться, особенно с турками», но в случае осложнения событий турецкое население страны «не будет пятой колонной». Несмотря на то, что на важнейших балканских

⁵³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 49. II. 221. Д. 25. Л. 20.

⁵⁴ Баева И., Калинова Е. Этнически и религиозные общности в следвоенное България. С. 535.

⁵⁵ Подробнее см.: Румянцев В. П. Операции американских войск в Ливане и британских вооруженных сил в Иордании летом 1958 г. // Американские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавания в средней и высшей школе. Томск, 2008. С. 72–93.

перевалах из Северной в Южную Болгарию проживает в основном турецкое население, «наш Генштаб, подчеркнул Орманов, не планирует проведение каких-либо [специальных] мероприятий»⁵⁶.

Конец 1950-х годов ознаменовался усилением атеистической работы среди болгарских турок, развертыванием борьбы с религиозным фанатизмом⁵⁷. Отметим очевидную синхронность этого процесса с начавшимся в Советском Союзе по инициативе Хрущева наступлением на Русскую православную церковь. «Хрущевская реформа» 1958 г. и прозвучавшее позднее публичное обещание советского руководителя показать общественности по телевизору «последнего попа» не случайно определяются некоторыми российскими исследователями как гонения власти на церковь⁵⁸. В Болгарии в это время государство уделяло повышенное внимание многочисленному исламскому духовенству. По официальной статистике 1934–1944 гг., в буржуазной Болгарии один ходжа приходился примерно на 38 мусульман, в то время как один православный священник окормлял до 3 тыс. (!) прихожан. Число мусульманских и православных священников и священнослужителей составляло, соответственно, 16 тыс. и 2400 чел.⁵⁹. На октябрьском (1958 г.) пленуме ЦК БКП была приведена следующая статистика: официально в стране насчитывалось к тому времени около 1860 ходжей, но реальное их число определялось в 2800 чел.; при этом в стране насчитывалось 2613 православных священников. С учетом значительно меньшего числа турецких сел (по сравнению с болгарскими) констатировалось, что в стране активно действовала «тысячная армия ходжей и хатибов». Прозвучала также информация, что, «по верным сведениям», враже-

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 48. П. 217. Д. 30. Л. 21.

⁵⁷ Информация на П. Докузов, зав. отдел «За работа сред националите маджииства» на ЦК на БКП, относно някои проявления на ходжите в страната. 8 май 1958 г.; Информация на Лъчезар Аврамов, зам. зав. отдел «Пропаганда и агитация» на ЦК на БКП, за изпълнение решението на Политбюро на ЦК на БКП «Относно мерките за засилване и подобряване на атеистичната пропаганда в страната». 16 юли 1959 г. // «Възродителният процес», Док. № 19. С. 57–58; Док. № 21. С. 59.

⁵⁸ См., например: Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 359–393.

⁵⁹ Трифонов С. Мюсюлманите и политиката на българската държава (1944–1989) // Страницы от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 214.

ские проявления отмечены у 1085 ходжей, а из 18 муфтиев 12 считались нелояльными к народной власти. Это вызвало резкую реплику Т. Живкова, подчеркнувшего, что «ходжами должна заниматься госбезопасность»⁶⁰.

Проведенное в соответствии с решением Политбюро № 66 от 7 апреля 1960 г. районирование сел с турецким населением в 500 районах страны и сел с помакским населением — в 80 районах позволило сократить число ходжей до 580. До конца 1960 г. им предстояло пройти официальную регистрацию, дававшую право отправления религиозных обязанностей. Одновременно Комитету по делам вероисповеданий при Министерстве иностранных дел и местным советам была дана установка регистрировать только лояльных режиму лиц. После регистрации ходжи переводились на государственное содержание: ежемесячная субсидия составляла от 300 до 450 левов⁶¹. (Для сравнения: по информации советского посольства в Софии, крестьянин в сельскохозяйственном кооперативе получал в начале 1960-х годов в среднем около 770 левов; средняя пенсия по стране составляла 476 левов⁶²). Был также введен запрет на проведение ходжами и цирюльниками традиционного обряда обрезания (сюннета): правом совершать его наделялись единственно турки-медики, а таковых было крайне мало. Это вызвало острую реакцию болгарских турок, подпитывая подозрения в ассимиляторских тенденциях властей.

Таким образом, в рассмотренный период, несмотря на смену политических режимов, национальную политику государства по отношению к болгарским туркам отличали непоследовательность, метания из крайности в крайность. Зримым проявлением этого явились установки и мероприятия властей в сфере образования. Конец 1950-х годов знаменовался принятием курса на ускорение интеграции болгарских турок в болгарскую общность путем усиленного изучения ими государственного языка, улучшения социально-экономических условий жизни, ограничения религиозной пропаганды. Копируя советские планы в сфере национальных отношений, отдавшие задаче построения в СССР к 1980 году коммунистического общества, болгарское руководство взяло на вооружение советские

⁶⁰ ПДЛ. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 352. Л. 357, 358, 372.

⁶¹ Там же. Оп. 6. А.е. 4131. Л. 1–3.

⁶² АВИ РФ. Ф. 074. Оп. 7. Н. 248. Д. 25. Л. 6.

установки на стирание этнокультурных различий путем ускоренного сближения национальностей, их смешения в отдельных республиках с целью формирования предпосылок для создания новой «советской социалистической нации» на основе русского языка. В болгарском варианте такой подход выразился в определении вектора на формирование в Болгарии «единой коммунистической нации». Заманчивая перспектива, однако, обернулась очередным тупиком в национальной политике⁶³. Но это случилось уже в другое время и в других условиях.

⁶³ Подробнее см.: Волокитина Т.В. Болгарское государство, мусульманское население и планы создания «коммунистической нации» (1960-е – 1970-е гг.) // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия / Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2014. С. 209–230.

Анна Николаевна Канарская

**Национальные меньшинства Польши
во второй половине 1930-х годов
(по документам югославского посольства
в Варшаве)**

В основу статьи положены отчеты посольства Королевства Югославия в Варшаве за период с 1936 г. по сентябрь 1939 г. Материалы, опубликованные Архивом Югославии (Сербия, Белград), не сообщают чего-либо принципиально нового о событиях и процессах, в них упоминаемых. Однако они расширяют наши представления о внутриполитической обстановке в Польше во второй половине 1930-х годов и, особенно, в последний предвоенный год, отражая стороннее восприятие позиции властей и настроений общества. Восприятие это не отягощено предвзятостью, так как Польша и Югославия не имели общей границы и, соответственно, каких-либо взаимных территориальных претензий. Поэтому наблюдения югославов о принимающей их стороне — критические или сочувственные — заслуживают большего доверия, чем озвученные представителем того или иного государства-соседа.

Интерес югославских дипломатических представителей к положению национальных меньшинств в Польше обусловливается, прежде всего, достаточно пестрым национальным составом резидентного

населения. По переписи 1931 г. его общая численность составляла 31 915 800 чел.; из них по языку: поляков — 21 993 400 (68,9%), украинцев — 3 222 000 (10,1%), евреев — 2 732 600 (8,6%), русинов — 1 219 600 (3,8%), «тутейших» («местных». — А.К.) — 707 100 (2,2%), белорусов — 989 900 (3,1%), немцев — 741 000 (2,3%), русских — 138 700 (0,4%), литовцев — 83 100 (0,3%), чехов — 38 100 (0,1%), других национальностей — 50 300 (0,2%)¹.

В ежемесячных отчетах, отправлявшихся дипломатами в Белград, вопрос о положении национальных меньшинств рассматривается и с точки зрения внутриполитической ситуации в стране пребывания, и в контексте международной обстановки. Во втором случае проблема национальных меньшинств предстает как один из инструментов политики давления, угроз и шантажа, которой были привержены многие европейские столицы и которая в итоге способствовала трагической развязке мирового масштаба. Что касается официальной Варшавы, то она, радея о соплеменниках за рубежом, во второй половине 1930-х годов неизменно озвучивала претензии в адрес Праги в связи с Тешинским вопросом². Показателен пересказ югославами заявления министра иностранных дел Речи Посполитой Юзефа Бека от января 1938 г.: ««Политика, которую проводит правительство в Праге в связи с польским меньшинством, вынуждает Польшу занять позицию максимальной холодности в отношении Чехословакии», — сказал г. Бек, констатировав затем большое расхождение между заявлениями, сделанными официальной чешской стороной, и фактической ситуацией»³. Эволюцию и результаты тактики польских властей отражает сентябрьский отчет: «Так как Польша не смогла урегулировать разногласия с Чехословакией с помощью миролюбивых средств, польское правительство, будучи воодушевленным Мюнхенским соглашением от 29 сентября с. г., сумело в результате предъявления 30 сентября ультиматума принудить чехословацкое правительство к ускоренной процедуре передачи Тешина и Фриштата»⁴.

¹ Статистика составлена по материалам газет «Діло» за май 1937 г. и «Kurier Ropappu» за сентябрь 1937 г. (АВГРФ. Ф. 122. Оп. 20. П. 63. Д. 29. Л. 120; Д. 30. Л. 189).

² Подробнее о конфликте вокруг Тешинской Силезии см. статью Т. В. Волокитиной в этом сборнике (с. 146–174).

³ Извештаји Министарства иностраних послова Краљевине Југославије за 1938. годину (далее — Извештаји за... годину). Књ. X. Београд, 2014. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 493.

Когда же речь заходила о западном соседе — Третьем рейхе, позиция Варшавы в 1934–1938 гг. выглядела гораздо более компромиссной. Так, согласно записке посольства от февраля 1936 г., «в течение последних двух лет польское правительство вело себя весьма либерально по отношению к немецкому меньшинству. Этот курс привел к росту численности и активности гитлеровцев в Польше, которые продолжили свои действия против польского государства»⁵. Еще более определенной была констатация в отчете от апреля 1937 г.: «Польское правительство избегает всего, что могло бы привести к обострению отношений с Германией»⁶. Данный подход распространялся и на этнических немцев в Речи Посполитой.

Правовой статус немецкого меньшинства определялся конвенцией о регулировании прав и интересов Германии в Верхней Силезии, подписанной Польшей и Германией в Женеве 15 мая 1922 г. После истечения срока действия конвенции и отказа Варшавы его продлить положение указанной этнической группы регламентировалось тремя законами, принятыми по инициативе польского правительства в июле 1937 г. В их числе — закон об употреблении языка в судопроизводстве, позволявший силезским немцам использовать родной язык в том случае, если кто-либо из них не владел польским⁷. В дальнейшем обе стороны проявляли желание к поддержанию корректных отношений, опираясь на Декларацию о неприменении силы (пакт Пилсудского — Гитлера) от 26 января 1934 г. Подчеркивая этот факт, югославские дипломаты отмечали, в частности, что опубликованная 6 ноября 1937 г. в Варшаве и Берлине польско-германская декларация о меньшинствах «не имела характера международного соглашения», становясь фактически ни к чему не обязывающим стороны документом. «Согласно ее содержанию, каждое правительство будет на своей территории принимать решение о положении меньшинства другого государства, заботясь о соблюдении права свободного национального, культурного и экономического развития»⁸.

Спустя год с небольшим в позициях сторон наметились изменения, выраженные в тенденции все более активного использования Берлином немецкого меньшинства для целенаправленного

⁵ Извештаји за 1936. годину. Београд, 2012. Кљ. VII. С. 101.

⁶ Извештаји за 1937. годину. Београд, 2013. Кљ. VIII. С. 216.

⁷ Там же. С. 371.

⁸ Там же. С. 599.

обострения противоречий с восточным соседом. В начале 1939 г., согласно февральскому отчету югославов, «немцы в Польше стали выступать агрессивнее. Однако от более масштабных действий их в настоящее время удерживает Берлин. По мнению польских политических кругов, это делается для того, чтобы в будущем иметь возможность шантажировать Варшаву. В то же время польское правительство предпринимает в отношении немецкого меньшинства весьма решительные действия. Так, в ходе перераспределения земельной собственности в Силезии, Померании и Познани у немцев отнято соответственно 8, 15 и 17 тыс. гектаров земли, которая досталась польскому населению»⁹. Отказ от «либерального» подхода к немецкому меньшинству, нашедший выражение в последних мерах, соответствовал общему представлению официальной Варшавы о том, как следует реагировать на германскую угрозу: «У польских официальных кругов сложилось впечатление, что Германия намерена использовать против Польши те же методы, которые она применила год назад в отношении Чехословакии. Разница состоит лишь в том, что в ответ поляки платят немцам той же монетой»¹⁰.

«Будущее» наступило к началу лета 1939 г.: «Активность германской пропаганды в Польше в последние месяцы ощущалась в такой мере, что не могла не вызвать адекватных мер с польской стороны <...>. На днях запрещена деятельность немецких обществ в Быдгощи и Познани»¹¹. Ситуация дошла до точки кипения в июле, когда был «отмечен целый ряд инцидентов, которые здесь считают очевидным проявлением избранной рейхом тактики под названием “война на нервов”». Поляки все эти выходки с германской стороны спокойно и терпеливо переносили. Однако случалось, что и им приходилось реагировать. Наряду с инцидентами на польско-данцигской границе¹², особенно бросается в глаза нетерпимость, которую поляки демонстрируют в отношении немецкого меньшинства. Своим враждеб-

⁹ Извештаји за 1939. годину. Београд, 2015. Књ. X. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Архив Југославије (далее – AJ). Ф. 376 (Посланство Краљевине Југославије у Варшави). Ф. 1.

¹² Речь идет о намерении германской стороны включить «Вольный город Данциг» в состав рейха и попытках Варшавы расширить права Польши в отношении данцигской автономии, вопреки национальному составу последней (95% – немцы, 5% – карашубы и поляки).

ным отношением и угрозами они вынуждают его представителей переселяться в Германию. Опасаясь возможной мести со стороны поляков, немцы, объятые страхом, бросают свои дома и угодья и уезжают в Германию»¹³.

Для дестабилизации обстановки в Польше Третий рейх также использовал ее украинское население. Из югославского посольства в связи с этим сообщали: «Тяжелое экономическое и национальное положение послужило поводом для начала революционной деятельности, которую безработная украинская интеллигенция осуществляет против польского государства. На протяжении многих лет этой деятельностью руководил полковник Коновалец*. Сначала из Берлина, а позднее из Швейцарии <...>. Германской пропаганде удалось снискать симпатии большинства украинцев в Польше, рассчитывающих с помощью Германии основать большое украинское государство, в состав которого вошли бы украинские провинции сегодняшней Польши»¹⁴.

О понимании югославами остроты украинской проблемы свидетельствует тот факт, что значительное внимание ей уделено даже в отчете, отправленном накануне нападения Германии на Польшу: «Со времени освобождения Польши (имеется ввиду создание польского государства. — А.К.) проблема украинского меньшинства не сдвинулась с мертвой точки. Ни одно польское правительство не имело желания что-либо предпринять для ее решения». Более того, опубликованные документы изобилуют примерами притеснений, которым наиболее многочисленное меньшинство подвергалось в межвоенное время. «Украинцы, — говорится в донесении от августа 1939 г., — которых в Польше около 7 миллионов (так в документе. — А.К.), не имеют своих школ. Существуют только “утраквистические”¹⁵, в которых

¹³ Извештаји за 1939. годину. Књ. X. С. 328.

* Коновалец Евгений Михайлович (1891–1938) — деятель украинского националистического движения, создатель и руководитель Организации украинских националистов (ОУН).

¹⁴ Извештаји за 1939. годину. Књ. X. С. 374.

¹⁵ Утраквистические школы предполагали обучение в средней школе на основе сочетания классического и реалистического образования (углубленное изучение древних языков и литератур одновременно с преподаванием в больших объемах новых языков и физико-математических наук). Утраквизм получил распространение в прусских (1820–1830-е годы), австрийских (1850-е годы) и русских (1870-е годы) гимназиях после соответствующих школьных реформ (*прим. ред.*).

преподавание ведется на украинском и польском языках. Требования создания украинского факультета [в университете] во Львове отвергались всеми кабинетами. До сих пор в областях, преимущественно населенных украинцами, ни один украинец не стал вице-воеводой». Как о «редком случае» говорилось о принятии украинца на «государственную службу»¹⁶. Еще один пример неравноправия поляков и украинцев — отмеченная в отчете от января 1936 г. практика, когда украинским сельскохозяйственным кооперативам выделялись меньшие государственные субвенции, нежели польским. Год спустя — в январе 1937 г. — констатировалось, что «недовольство украинцев вызвано также тем, как проводится распределение и размежевание земельных наделов на смешанных территориях, на которых поляки всегда находятся в привилегированном положении за счет украинцев»¹⁷.

Картину дискриминации венчает описание отношения польских властей к Православной церкви. Та, если верить отчету за июль 1938 г., «пребывала в тяжелом кризисе». «С начала года, — говорится в документе, — местные власти приступили к осуществлению ряда противозаконных мер, которые сделают невозможным дальнейшее существование православной конфессии <...>. В области Волынь, находящейся на границе с Советским Союзом, власти закрыли все церкви в деревнях, жители которых отказывались переходить в католическую веру или принимать унию. После того, как в тех краях антиправославные действия завершились, под ударом оказалась Лемковская область*. В июне украинский народный депутат др. Баран** в связи с этим дважды в Сейме делал письменные запросы, приводя факты и доказательства произвала

¹⁶ Извештаји за 1936. годину. Књ. VII. С. 48.

¹⁷ Извештаји за 1937. годишу. Књ. VIII. С. 43.

* Лемковская область, Лемковщина — расположенная в районе украинско-польско-словацкого пограничья (юго-восток современной Польши) территория исторического расселения восточнославянского этноса — лемков. В межвоенный период самонидентификация лемков характеризовалась дуализмом — наличием русского и украинского течений. С началом Второй мировой войны украинское течение, поддерживающее Германию, усилилось.

** Баран Степан Иванович (1879–1953) — украинский политический деятель, публицист и правозащитник. С 1913 по 1939 г. — член Украинской национально-демократической партии, вошедшей в 1925 г. в состав Украинского национально-демократического объединения (УНДО); в 1929–1939 гг. — депутат Варшавского сейма.

в отношении Православной церкви, а также указывая, что области Люблинского воеводства охвачены национальным и религиозным антагонизмом»¹⁸.

Важно отметить, что польские власти видели гораздо большую угрозу для себя именно в готовности Германии использовать центробежные устремления украинцев, чем в них самих. В каждом отчете присутствуют либо тревожные сообщения о том, что Берлин собирается вот-вот «поставить украинский вопрос»¹⁹, либо утверждения, что беспокоиться не о чем, так как Гитлер «пообещал» Юзефу Беку его «не ставить»²⁰. Если бы не интернационализация «вопроса», полякам не составило труда подавить недовольство украинцев. Когда Варшава считала, что ее «международное положение полностью гарантировано», набор средств менялся: поляки переходили от «терроризации украинцев» к «осуществлению в их отношении более мягкого курса»²¹.

Разумеется, не могло быть и речи о предоставлении украинцам автономии. Согласно апрельскому донесению 1939 г., «в информированных кругах утверждают, что польское правительство не пойдет на это ни при каких обстоятельствах». Показательно игнорирование польскими властями и обществом соответствующих требований, озвученных в мае и декабре 1938 г. руководством Украинской национал-демократической организации (УНДО) и группой украинских депутатов в сейме. В декларации от 7 мая УНДО потребовала предоставления территориальной автономии всем областям Польши, населенным украинцами. Польские власти сочли, что категоричность формулировки выдавала «руку» Праги, поскольку именно в это время обсуждалась проблема предоставления автономии польскому меньшинству в Тешине²². «Острый тон» декларации УНДО стал, по мнению югославских наблюдателей, главной причиной, не позволившей полякам вынести вопрос на широкое обсуждение. Что же касается выступлений украинских представителей в сейме, то отказ рассматривать вопрос об автономии на парламентском уровне польские власти объясняли антиконституционным характером тако-

¹⁸ Извештаји за 1938. годину. Књ. IX. С. 99.

¹⁹ Там же. С. 94.

²⁰ Там же. С. 38–39.

²¹ Там же. С. 194.

²² Там же. С. 289.

го требования. Более того, правительство не сочло целесообразным обнародовать сам факт его выдвижения украинцами²³.

Иллюстрацией кредо польских официальных кругов в связи с украинскими выступлениями можно считать заявление польского посла в Бухаресте Р. Рачиньского, сделанное в частной беседе с югославским дипломатом в декабре 1938 г., после оставшейся без ответа законодательной инициативы: «Украинский вопрос действительно поставлен. Однако украинцы не в первый раз бунтуют. Поэтому, полагаю, что все останется по-старому»²⁴.

Югославские дипломаты, освещая в донесениях в Белград состояние украинского вопроса в Польше, проявляли завидную наблюдательность и объективность. Показательно, что их видение наиболее важных его аспектов разделяют и современные польские исследователи. Вот что пишет, например, историк Г. Мотыка о положении польских украинцев в тот период: «По сравнению с годами правления Габсбургов социальные и культурные условия жизни украинцев значительно ухудшились, а для украинской интеллигенции были закрыты почти все пути для карьеры — отказ властей ввести в Галиции самоуправление и открыть украинский университет привели к тому, что украинцы <...> всерьез опасались за судьбу национального сообщества. Большинство украинцев были убеждены в том, что только создание собственного государства сможет предотвратить утрату их идентичности. До поддержки радикальных идей националистов остался лишь один шаг»²⁵.

Поляки, отказываясь признавать украинскую проблему собственной «ахиллесовой пятой», полагали, что она является таковой для их восточных соседей. Поэтому официальная Варшава, как следует из слов вышеупомянутого посла Рачиньского, была раздосадована тем, что «вопрос поднят не на Украине под лозунгом освобождения от России», а в самой Польше. Логичнее, если бы речь шла о «совместных германско-польских действиях в связи с украинским вопросом, то есть о плане *дислокации* (так в тексте. — А. К.) советского государства, в которой бы приняли участие Германия, Польша и Япония». Именно об этом следовало договариваться Гитлеру и Беку 5 января

²³ Там же. С. 289, 671.

²⁴ А.Ф. 376. Ф. 1.

²⁵ Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. М., 2014. С. 22.

1939 г. Отметим, что такой прогноз содержания беседы в Берхтесгадене приписывался не польскому истэблишменту, а некой «мировой общественности»²⁶.

Впрочем, о ее ожиданиях югославские дипломаты, позволим себе предположить, узнавали из варшавских газет. Их чтение наводит на мысль, что за эвфемизмом «мировая общественность» скрывалась общественность польская. Как писал «Warszawski Dziennik Narodowy» 28 сентября 1936 г., в случае вооруженного конфликта между «западной националистической Европой» и «большевистской Россией» «Польше пришлось бы примкнуть к антикоммунистическому лагерю, первенство в котором принадлежало бы Германии ввиду ее численности, военной мощи и географического положения»²⁷.

Что сулил бы Польше положительный исход противостояния? Ответ можно найти в журнале «Odnowa» от 8 октября 1936 г.: «Открыть Россию для западноевропейских влияний и цивилизаций, участвовать в этом акте, направить излишки свежих, владеющих своей профессией сил на разработку богатств этой неизмеримой страны. Вот задача и цель, которой может руководствоваться не только Германия»²⁸.

В целом на основании югославских отчетов создается впечатление, что в конце 1930-х годов украинская проблема рассматривалась польскими властями преимущественно через призму внешней политики. Как германской и чехословацкой, осуществлявшейся в ущерб Польше, так и виртуальной собственной, направленной якобы на освобождение и облагодетельствование Советской Украины. Отсутствовало понимание того, что сами по себе требования польских украинцев, о которых говорилось выше, предполагали изменение внутриполитического курса, что они могли быть удовлетворены, потому что были обоснованными или потому что это привело бы к снижению межнациональной напряженности внутри Польши. Зададимся вопросом, возможно ли объяснить подобную бескомпромиссность лишь тем фактом, что украинское национальное движение представлялось марионеткой Берлина? Ответ, наверное, мог быть положительным, если бы, наряду с украинцами и немцами, во II Речи

²⁶ АД. Ф. 376. Ф. 1.

²⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 72.

²⁸ Там же. Л. 77.

Посполитой не проживали белорусы и евреи, не представлявшие угрозы польской государственности.

О первых югославских дипломатах сообщают, что они на протяжении 1920–1930-х годов «демонстрировали устойчивую тенденцию к сближению с польским народом». Указывалась и причина этого: «белорусы в культурном отношении стоят много ниже украинцев и поэтому подвергаются активной полонизации». В целом, они могли считаться «подходящим элементом для ассимиляции». Видимо, поэтому 1,5 млн белорусов «не имели ни одной начальной школы». Тем не менее даже им были присущи «националистические тенденции», которые проявлялись, если верить польской прессе, «в поддержании связей с диспозиционными центрами в соседних государствах, а именно, в Каунасе и Берлине»²⁹.

Что касается «еврейского вопроса», то к его обострению привел рост юдофобии в Польше во второй половине 1930-х годов. Вот как излагалась динамика этого процесса в отчетах, поступавших из Варшавы:

Январь 1936 г.: «Антисемитизм в Польше по-прежнему распространяется и растет. Г. Суржиński, народный депутат, представляющий правительственные большинство, направил запрос министру иностранных дел г. Беку: предпримет ли польское правительство что-либо, дабы определить то место на карте, куда отправится еврейская эмиграция из Польши. Этот запрос вызвал активный протест со стороны польских евреев»³⁰. Заметим, что, по всей видимости, «адрес» будущей депортации постепенно уточнялся. В цитированном выше журнале «Odnowa» от 8 октября 1936 г. прямо указывалось, что после победы Запада в будущем «цивилизационном» конфликте с Востоком «в Биробиджанской республике нашлось бы место для 1–2 млн евреев»³¹.

Февраль 1936 г.: «В связи с усилением антисемитского движения в Польше многие депутаты в парламенте резко выступили против евреев, что, разумеется, вызвало серьезную обеспокоенность среди еврейского населения. Оппозиционная народно-демократическая партия опубликовала воззвание, на которое власти наложили

²⁹ Извештаји за 1939. годину. Београд, 2015. Кљ. Х. С. 237, 41.

³⁰ Извештаји за 1936. годину. Београд, 2012. Кљ. VII. С. 49.

³¹ АВИ РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 77.

арест. В нем говорилось о серьезном распространении коммунизма, что лишний раз демонстрирует серьезность еврейской проблемы. По всей стране растет число антисемитских выходок, для пресечения которых властям приходилось вмешиваться»³².

Март 1936 г.: «Антиеврейские выходки не прекращаются. Любопытно, что евреи отказываются от своей исключительно оборонительной позиции и в некоторых городах предпринимают активные действия. Большой резонанс вызвали кровопролитные столкновения с рабочими в Кракове и Ченстохове»³³.

Июнь 1936 г.: «Тягостное впечатление оставил судебный процесс в связи с антисемитскими погромами в Пшитыке. Вынесенный приговор оказался не в пользу евреев. Суд постановил, что они сами напали на поляков. Столы предвзятое решение, вынесенное под давлением Министерства правосудия, объясняется тем, что сегодняшний режим опасается антисемитской пропаганды, к которой народная демократия (народно-демократическая партия. — А.К.) прибегает, дабы с ним бороться»³⁴.

«Выходки» не прекращались и в 1937 г. Согласно обзору внутриполитической ситуации в мае 1937 г., главным событием начала месяца стали постановления съездов Союза польских адвокатов и Союза польских врачей. Первый решил ограничить число евреев в польской коллегии адвокатов, а второй — вовсе исключить их всех из своих рядов. Середина месяца была ознаменована «кровопролитными столкновениями христиан и евреев» в Бресте («много мертвых и раненых с обеих сторон»). «Поводом для беспорядков стало убийство полицейского чина, который в одной еврейской лавке обнаружил нарушения при хранении и продаже ритуального мяса»³⁵. «Погромы еврейских фирм» и «уличные нападения на авторитетных евреев» происходили не только в провинции, но и в столице. Например, в сентябре 1937 г., когда «поляки попытались помешать польской учащейся молодежи покупать учебники в еврейских книжных лавках»³⁶.

Всплеск антисемитизма, судя по отчетам, поначалу привел в замешательство польские власти, о чем свидетельствует и проци-

³² Извештаји за 1936. годину. Књ. VII. С. 101.

³³ Там же. С. 161.

³⁴ Там же. С. 317–318.

³⁵ Извештаји за 1937. годину. Књ. VIII. С. 271.

³⁶ Там же. С. 474.

тированный выше отчет за февраль 1936 г.: «По данной проблеме правительство не желает вставать ни на одну, ни на другую сторону и демонстрирует полное отсутствие заинтересованности». Дальнейшее обострение обстановки заставило власти принять меры к обузданию «черни» и поддержанию правопорядка. Сразу после сентябрьских событий 1937 г. в Варшаве глава правительства генерал Ф. Складковский предупредил об уголовной наказуемости «любых выпадов против евреев», а также напомнил об «абсолютном равенстве всех граждан перед властями».

Несколько месяцев спустя, в январе 1938 г., премьер-министр заявил в парламенте, что «позиция Польши в отношении национальных меньшинств должна соответствовать традициям великого народа, которому не свойствена ненависть к меньшинству. Любое физическое насилие <...> наносит ущерб польской нации. От национального меньшинства председатель правительства потребовал лояльности. И не пассивной, а активной лояльности, которая состоит в выполнении обязанностей каждым гражданином. Что касается европейской проблемы, председатель правительства полагает, что имеет место не расовое противостояние, а чисто экономическая борьба, вызванная перенаселенностью <...>. В заключение г. Складковский категорически заявил, что его правительство постарается обеспечить всем гражданам полное соблюдение равных прав в интересах поддержания спокойствия в стране»³⁷.

Общественные настроения делали невозможным выполнение данного обещания. Антисемитские взгляды, если верить югославским дипломатам, были присущи всему спектру политических сил – от крайне правых «эндеков» до «толерантных» социалистов. Такой вывод позволяет сделать донесение от сентября 1938 г.: «На левом фланге, во главе которого стоит Социалистическая партия, наблюдаются признаки консолидации и упорядочивания. В этом деле помоць левым оказывают евреи и некоторые авторитетные политические деятели, являющиеся сторонниками демократии по идеологическим соображениям. Те, кто стоят во главе левых, осознают, что их численность недостаточна без евреев. И все-таки они бы с радостью предпочли от них избавиться»³⁸.

³⁷ Извештаји за 1938. годину. Књ. IX. С. 46.

³⁸ Там же. С. 488.

Подобное неприятие не мог ослабить даже тот факт, что евреи представляли собой лояльное, или, по словам Складковского, «активно лояльное» в отношении государства меньшинство. Подтверждение этого мы обнаруживаем в отчете за апрель 1939 г.: «Угроза военного конфликта объединила весь польский народ, все политические партии, что показало и размещение государственного займа с целью совершенствования противовоздушной обороны <...>. Среди зайдомавцев велика доля представителей национальных меньшинств, особенно евреев, которым Германия угрожает в первую очередь»³⁹.

Однако не принцип «враг моего врага — мой друг» определял восприятие «нацменов» большинством представителей титульной нации. Сплочение поляков перед лицом внешней опасности оборачивалось поиском «врагов» внутренних. Они были настолько необходимы, чтобы выплыснуть на них весь патриотический гнев, не находивший должного применения по причине неуязвимости подлинных неприятелей, грозивших Польше и с востока, и с запада. Поэтому неудивительно, что в январе 1939 г. именно «еврейский вопрос» считался «тяжелейшей проблемой Польши, над которой ломают голову и правительство, и политические партии»⁴⁰.

Разумеется, предметом раздумий было не обеспечение верховенства закона и соблюдение гражданских прав при одержимости общества этническими фобиями. Затруднение состояло в том, что правящие круги, разделяя расхожие предрассудки в отношении евреев⁴¹, одновременно «осознавали, какие осложнения повлекли бы радикальные меры, подобные тем, что были предприняты в Германии и Италии. Поэтому правительство пыталось решить проблему путем достижения международного соглашения»⁴². С этой целью еще в сентябре 1936 г. официальная Варшава поставила перед Лигой Наций

³⁹ Извештаји за 1939. годину. Књ. X. С. 193.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Показательно, что в марте того же года (то есть в то самое время, когда Третий рейх оккупировал Чехословакию) польский сейм решил покончить с иудейским обрядом жертвоприношения животных. Показательно, что соответствующий закон о запрете «ритуального умерщвления животных» предусматривал «уступки мусульманам и караимам, проживавшим в окрестностях Вильно». Указанным конфессиям разрешалось совершать жертвоприношения еще четыре года — до 1943 г. включительно. (Л. Ф. 376. Ф. 1.)

⁴² Там же.

«вопрос колонизации евреев»⁴³, то есть переселения их в Палестину, находившуюся под управлением Великобритании.

Как известно, Лондон был готов принять на подконтрольных ему территориях гораздо меньшее число мигрантов, чем то, от которого хотела избавиться Варшава. В июльском отчете 1937 г. сообщается, что «английский проект раздела Палестины не удовлетворяет польское правительство <...>. В случае его реализации он обеспечит эмиграцию только 500 000 душ, в то время как Варшава надеялась, что Палестина примет весь еврейский элемент, лишний в Польше»⁴⁴. В последний раз международные усилия польских властей в связи с «колонизацией» упоминаются в отчете за март 1939 г. При изложении содержания переговоров министра иностранных дел Ю. Бека с румынским коллегой Г. Гафенку констатировалось, что «по еврейскому вопросу достигнуто полное совпадение взглядов». «Польша и Румыния, — говорилось в донесении, — имеют многочисленные еврейские меньшинства, поэтому они испытывают потребность в том, чтобы решить вопрос еврейской эмиграции путем достижения международного соглашения. Г-н Гафенку уполномочил г-на Бека во время предстоящего визита в Лондон изложить совместную польско-румынскую позицию, дабы ускорить решение еврейского вопроса»⁴⁵.

* * *

Трагический ход истории не дал реализоваться ни планам официальной Варшавы, ни всем прочим сценариям развития национальных отношений. В 1920–1930-е годы межэтнические противоречия присутствовали во всех государствах, возникших в результате распада Российской, Австро-Венгерской и Германской империй. Что касается Польши, то интересующая нас проблема была, в первую очередь, обусловлена собственными характерными особенностями польского общества и правящего класса. Об этом говорит тот факт, что дискриминации в разной степени подвергались все без исключения меньшинства вне зависимости от того, представляли ли они реальную угрозу польскому государству. Кроме того, к обострению

⁴³ Извештаји за 1936. годину. Књ. VII. С. 531.

⁴⁴ Извештаји за 1937. годину. Књ. VIII. С. 370.

⁴⁵ Извештаји за 1939. годину. Књ. X. С. 147.

национального вопроса в конце 1930-х годов приводило внешнее воздействие. Под таковым следует понимать как действия Германии (и СССР), использовавших польских немцев, украинцев и белорусов для дестабилизации Речи Посполитой, так и обусловленную этими действиями консолидацию титульной нации. Вследствие таковой снижался и без того невысокий уровень ее толерантности по отношению к национальным меньшинствам.

Альбина Федоровна Носкова

Изгнание немецкого населения из Польши: формирование и реализация замысла (1939–1947 гг.)

Судьба немцев — коренных жителей довоенной территории Германии и ряда малых стран восточноевропейского региона обсуждалась главами «Большой тройки» летом 1945 г. в Потсдаме. Тогда и было принято решение об особой акции (в Польше и Чехословакии масштабной по численности) их выселения в пределы послевоенной Германии.

Принудительные депортации немцев являлись одним из инструментов реализации крупного проекта национально-территориальной реконструкции как восточноевропейского региона, так и всего континента в результате Второй мировой войны. Отменяя действия Германии по переделу территории, победители восстанавливали и подтверждали государственность, попранную нацистами. Границы ряда стран одновременно и восстанавливались, и корректировались с целью обеспечения безопасности от возможной новой, как тогда считалось, германской агрессии. При этом изменялся национальный состав населения, что должно было исключить возрождение довоенных противоречий титульной нации и меньшинств, отделенных от «своих» государств.

DOI 10.31168/4469-1553-8.7

Учитывался исторический опыт, позволивший компактному немецкому меньшинству, враждебному, как в Польше или Чехословакии, титульной нации, дестабилизировать ситуацию в Европе, став послушным орудием в руках гитлеровской Германии. Этот опыт придавал особую неотложность намерению «Большой тройки» «очистить» ряд стран от немцев и по принципу коллективной вины наказать их за принятие нацизма как идеологии, внутренней и внешней политики, за предательство интересов государств, гражданами которых они являлись.

Особое место в потсдамских решениях отводилось Польше, для которой освобождение от национальных меньшинств становилось гарантией стабильности новых границ и унификации населения. Самым крупным среди них было немецкое, и задача его перемещения стала одной из важнейших для коалиционной власти. Ей конференция в Потсдаме и вменила исполнение. Интерес СССР к обеспечению необратимости западных границ Польши и одновременно — с 1945 г. — границ советского влияния в Европе обусловливал последовательность советской позиции как в вопросе о территории Польши, так и о выселении немцев в Германию¹.

Решения союзников по Польше не были «новаторскими». Идея передела территории Германии и выселения немцев, возникнув в польском государстве после Первой мировой войны, присутствовала в намерениях ее руководства на протяжении всего межвоенного периода. Варшава, не удовлетворенная западными границами, в начале 1920-х годов попыталась реализовать территориальные претензии к Германии посредством плебисцитов и восстаний в областях со смешанным польским и немецким населением. Успех был частичным. Ответом Берлина стало оспаривание польских «запросов»². Возник территориальный спор. Германия обрела «польских» немцев в качестве своих союзников. Так по обе стороны границы сложились условия для межгосударственных конфликтов, формировалось

¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 458–460; Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich / Redakcja naukowa S. Bieleń, A. Skrzypek. Warszawa, 2012. S. 65.

² Польша в XX веке. С. 119–123. Немецкое меньшинство в Польше насчитывало 803 тыс. чел., в период оккупации оно увеличилось на 522 214 чел. за счет переселения немцев из разных стран, включая СССР (Polska. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami / Pod redakcją Wojciecha Materskiego i Tomasza Szaroty. Warszawa, 2009. S. 34).

недоверие к польским, в одном случае, и немецким — в другом, национальным меньшинствам, сохранялась напряженная атмосфера, чреватая столкновениями на местах.

Польша была готова применить жесткие меры против «своих» меньшинств. В 1934 г. сейм рассматривал вопрос о депортации в час «Х» тех представителей нетитульной нации, которые считались противниками польских интересов. Тогда же было принято постановление об интернировании граждан Польши — этнических немцев и украинцев³ (на случай войны с врагом № 1 — Германией) и коммунистов любой национальности (на случай войны с СССР — врагом № 2). Были подготовлены списки немцев, подлежащих превентивным арестам и депортации вглубь страны. На рубеже августа и сентября 1939 г. в приграничье уже действовали отряды диверсантов из сторонников Гитлера, а польские власти проводили аресты и депортации местных немцев. В условиях развернувшихся с 25–26 августа на территории Польши фактически боевых действий колонны интернированных этапировались в концлагерь в район Бреста. Но быстрое после 1 сентября 1939 г. продвижение вермахта, хаос первых недель войны дезорганизовали мероприятие⁴.

О депортации «польских» немцев как одном из способов обеспечения интересов страны размышляли польские политики, сформировавшие осенью 1939 г. коалиционное правительство во Франции, затем перебравшееся в Лондон. Уже в ту пору в польских правительственные кругах и во время бесед поляков с английскими политиками обсуждалось будущее страны. Надеждам на исправление неудавшегося в 1920-е годы сдвига границ на северо-восток и запад за счет Германии сопутствовал расчет на возвращение восточных воеводств, завоеванных Польшей в 1920 г. и отторгнутых Советским Союзом в сентябре 1939 г.⁵ Восстановление довоенной границы с СССР, не признаваемой *de jure* на Западе, было генеральной целью польского политического истеблишмента. Своих горячих постоянных

³ Romanowski W. ZWZ — AK na Wołyńiu. 1939–1944. Lublin, 1993. S. 37.

⁴ Польша в XX веке. С. 274–275.

⁵ На кресах не было четких этнических территорий, население было поликонфессиональным, что порождало неустойчивость их государственной принадлежности (Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. S. 33; Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2, ч. 1. 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 г. / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2009. (Научное наследство. Т. 33: в 2 кн.). С. 31, 40, 55).

сторонников имела и идея выселения немцев с земель, некогда «приобретенных» Польшей⁶.

Однако польский вариант модификации границ вызывал сдержанную реакцию Великобритании. Официальный Лондон считал замысел сохранения территории восточных кресов и обретения некоторых земель Германии на Западе geopolitически уязвимым: «новые» соседи Польши вновь претендовали бы на ее территории, в силу чего послевоенная безопасность Европы становилась проблематичной. Принцип «права сильнейшего» или «права победителей» при определении границ пока не был для британских политиков определяющим. Демонстрируя понимание интересов СССР, английская сторона осенью 1939 г. заявила о соответствии советских действий интересам Великобритании, что было невыносимо для поляков. Вариант приращения территории Польши за счет Германии вкупе с выселением немцев англичане пока не рассматривали⁷.

В условиях действия советско-германского пакта о ненападении проекты поляков о территориальных приобретениях и выселениях немцев после войны были не ко времени как для союзного Польше Лондона, так и для Москвы, считавшейся ее врагом. На информацию от 17 октября 1939 г. Р. Батлера о том, что польский министр А. Залеский «требовал Вост[очную] Пруссию <...>, предусматривал выселение немцев из этой части Германии и колонизацию ее поляками», посол СССР в Великобритании И. М. Майский отреагировал эмоционально: «О, неисправимые шляхтичи!»⁸ Между тем на протяжении 1940 г. польскими политиками были подготовлены документы с изложением претензий на присоединение к Польше «очага прусского милитаризма — Восточной Пруссии, включая Кёнигсберг», перенесение границы на запад от Гдыни, Гданьска и устья Вислы и сокращение протяженности польско-чехословацкой границы. Претендовали поляки и на территорию «Прусской Силезии»⁹.

⁶ Польша в XX веке. С. 122–123; *Duraczyński E.* Sprawy polskie minionego wieku. Kraków, 2011. S. 64.

⁷ Заместитель министра иностранных дел Великобритании Ричард Батлер не скрывал: «Все, о чем мечтает брит[анско]е правительство] это этнографическая Польша <...> под гарантсией СССР, Германии, Англии и Франции» (Иван Михайлович Майский. С. 4).

⁸ Там же.

⁹ *Duraczyński E.* Sprawy polskie. S. 68–69, 72.

После капитуляции Франции летом 1940 г. понимание приближения большой войны было в Европе всеобщим. Ряд стран искал на Востоке возможность избежать германской агрессии, и польские политики размышляли в том же направлении. В конце июня премьер-министр Вл. Сикорский уведомил У. Черчилля о нежелании Польши «быть препятствием для улучшения отношений между Англией и СССР». «В здешних правительственные кругах», записал Майский, это заявление понималось как готовность «формально отказаться от своих притязаний на западные районы Украины и Белоруссии». В октябре 1940 г. британский посол в Москве С. Криппс передал Сталину соображения Черчилля об отношениях с СССР и среди них обещание после войны признать фактический суверитет СССР на все новые, в том числе бывшие польские, территории¹⁰. Иными словами, тогда Лондон стремился цепой потерь Польши заручиться советским «дружественным нейтралитетом». Тем не менее близкое будущее показало временность колебаний польских политиков в вопросах тактики, и англичане долго лишь обещали Москве признание советско-польской границы по «линии Керзона»¹¹. При этом Лондон не интересовали польские претензии на германские земли и планы выселения немцев.

Что касается СССР, то после поражения Франции здесь рассматривали будущую Польшу в границах, исключавших ее территории,

¹⁰ Иван Михайлович Майский. С. 207; Чубарьян А. О. Капитан трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 2008. С. 387–391.

¹¹ Имеется в виду линия восточной границы Польши по рекам Западный Буг и Сан, предложенная в 1919 г. специальной комиссией на Парижской мирной конференции в качестве временной восточной границы Польши. Она именовалась «линией Керзона» по фамилии члена комиссии английского министра иностранных дел Дж. Керзона и соответствовала этнографическому принципу межгосударственного размежевания. Восточная Галиция с согласия Верховного совета Антанты была оккупирована в 1919 г. польскими войсками. Ее принадлежность Польше признала Лига Наций в 1923 г. По советско-польскому договору 1921 г. граница прошла значительно по восточнее «линии Керзона». Москва признала польскими земли Западной Белоруссии, Восточной Галиции и западные районы бывшей Российской империи. По советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г. демаркационная линия между германскими и советскими войсками на территории Польши была проведена приблизительно по «линии Керзона». Эти территории оказались на советской стороне и в ноябре 1939 г. вошли в состав СССР (подробнее см.: Макарчук В. С. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М., 2010).

присоединенные гитлеровцами к рейху осенью 1939 г. (действовали пакт и договор с Германией!), и западные районы УССР и БССР. В ноябре 1940 г. советский посол, узнав, что польское правительство составило карту будущей послевоенной Польши, включив в ее состав не только Восточную Пруссию, но и всю территорию Германии по линии Штеттин — Богемия, отреагировал: «Вот так аппетит!»¹² Реакция посла отражала неодобрение Москвой варианта перемещения границы Польши на запад (опять же действовали договоренности с Германией!). Однако сведения о польских претензиях на германские земли, несомненно, фиксировались в Москве и позже, возможно, «подсказали» советской стороне понимание вопроса о территории и национальном облике Польши.

Нападение Германии на СССР летом 1941 г. прояснило международную ситуацию. Военные поражения Красной армии придали твердость польской позиции по вопросу о восточной границе. Сохранился интерес поляков к получению после войны восточных провинций Германии и Восточной Пруссии. Между тем в дискуссии на высоком уровне о послевоенных geopolитических переменах в Польше включилась Москва. В декабре 1942 г. Сталин предлагал посетившим Москву генералу Вл. Сикорскому и английскому министру иностранных дел А. Идену сделку на основе компенсации: согласие на «линию Керзона» в обмен на Восточную Пруссию и границу Польши по р. Одер. Сикорский уклонился от дискуссии, считая, что восточные границы Польши «не могут ставиться под вопрос». Он надеялся, что Великобритания и США все-таки принудят Москву признать польские права на восточные кресы¹³.

Идену Сталин изложил свою позицию детально: 1) на востоке граница Польши пройдет по «линии Керзона» с возможными и существенными компромиссами; 2) на западе Польше отдаются «все земли до Одера, Восточная Пруссия и [Данцигский] Коридор»; 3) «немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию». Иден высказал сомнения в целесообразности

¹² Duraczyński E. Sprawy polskie. S. 65; Иван Михайлович Майский. С. 296.

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСНО). М., 1973. Т. VII. 1939—1943 гг. / Отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. С. 257—258; Парсаданова В. С. Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939—1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Ч. 1. Б. м., 2018. С. 83; Duraczyński E. Sprawy polskie. S. 72.

дробления территории Германии и обошел вопрос о судьбе немцев¹⁴. Тем не менее в большую политику союзников была введена советская геополитическая концепция обеспечения безопасности Польши. В качестве ее важнейшего компонента значился выдвигавшийся польскими политиками тезис о выселении немцев. Озвученная советским лидером идея освобождения этих земель от немецкого населения свидетельствовала о намерении Москвы сделать границы Польши необратимыми¹⁵. В таком ослаблении Германии Польша была заинтересована при любом общественном строе и политическом режиме, ибо интересы двух соседних стран на германском направлении объективно совпадали.

В 1942 г. польские политики, находившиеся в Лондоне, активно обсуждали претензии на германские территории и выселение немецкого населения. Весной поговаривали о границе по р. Нысе Лужицкой. В октябре было признано, что задача заключалась в том, чтобы передвинуть границу на запад, включив Гданьск, Опольскую Силезию и Восточную Пруссию в состав Польши. Поляков интересовали не только границы и территории, но и их национальный облик, а также статус Польши, если не равный, то близкий статусу ее союзниц¹⁶. Выражались претензии на долю колоний Германии и зону ее оккупации.

В ноябре 1942 г. известный правый политик (национальный демократ) и министр правительства М. Сейда подготовил «Тезисы по вопросу предварительного соглашения». Он конкретизировал территориальные претензии Польши и меры, которые могли обеспечить ее безопасность. Речь шла о разоружении Германии, возмещении Польше нанесенного ущерба, о ее участии в оккупации левого берега р. Одер и ее притока Нысы Лужицкой (Нейсе), г. Щецина с заливом и островами, о переселении немцев с территорий, отходивших Польше, и, понятно, о сохранении за Польшей восточных кресов¹⁷.

¹⁴ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 37, 44, 50. По словам польского историка Е. Дурачинского, Сталин стал «главным ходатаем за передвижение Польши на запад» (*Duraczynski E. Sprawy polskie. S. 67*).

¹⁵ Madajczyk P. Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku. Warszawa, 1994. S. 26.

¹⁶ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXIV. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. / Под ред. Е. П. Гусарова и др. М., 2000. С. 420.

¹⁷ Duraczynski E. Sprawy polskie. S. 75–76.

На основе разработок Сейды был подготовлен и 1 декабря 1942 г. представлен Идену Меморандум польского правительства по вопросу западных и северо-западных границ Польши. Сикорский вручил его Ф.Д. Рузельту¹⁸ во время визита в США (4 декабря 1942 г. – 10 января 1943 г.). Это был пространный материал, в преамбуле которого говорилось: Польша «имеет свои собственные непосредственные задачи <...>, без благоприятного разрешения которых не может быть обеспечена прочная независимость» и реализация «конструктивного плана федерирования стран Центральной Европы после войны»¹⁹.

Польский вклад в «дело укрепления фундамента будущей международной системы безопасности в Европе» излагался в разделе «Балтика и безопасность Европы». Речь шла о ликвидации германского контроля Балтийского и Северного морей, признавалась возможность «эффективно обеспечить <...> соответствующую оборону этих путей... лишь при полном сотрудничестве с Великобританией и при поддержке Соединенных Штатов Америки». По берегам Кильского канала предлагалось создать «достаточно широкие оборонительные зоны», а на островах Северного моря – «британские или британско-американские крупные военно-морские и военно-воздушные базы». Свои «персональные» интересы поляки ограничивали получением баз на Западной Балтике (Борнхольм, Фемарн, Рюген) и участием «в международной защите свободы морей». Будущее северо-восточной части Балтики, которая «осталась бы в природе вещей, в основном подчиненной контролю стран, смежных с ее водами», авторы Меморандума излагали крайне осторожно и скрупульно. Можно предположить, что они намеревались обойтись без упоминания прав самой крупной здесь морской державы – СССР на равное участие в организации безопасности на Балтике.

Территориальные претензии Польши к Германии содержались в разделах «Восточная Пруссия и Данциг» и «Оппельнская Силезия». Эти территории подлежали включению в состав Польши, поскольку «с военной точки зрения... в руках Германии, представляли бы собой вечную угрозу польской независимости и Европы в целом».

¹⁸ Тогда же он стал доступен советской стороне.

¹⁹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 – декабрь 1945 гг. Документы. Т. 1. Ч. 1. Апрель 1943 – март 1944 гг. / Отв. ред. А.Н. Артизов. М., 2018. С. 29–41.

Польские политики полагали, что, получив Восточную Пруссию, «Польша будет в состоянии с наибольшей выгодой использовать приморское положение этой провинции», а прусская экономика выиграет от прибытия сельскохозяйственной рабочей силы из перенаселенных районов Польши. Что касается Данцига (Гданьска), то до войны, по мнению авторов документа, он «скорее затруднял, чем облегчал Польше доступ к морю» и только с включением Восточной Пруссии в состав Польши проблема Данцига «автоматически исчезнет» для Польши.

Передача Польше Опольской части Верхней Силезии (Оппельнского округа) мотивировалась интересами обороны, ибо, как подчеркивалось в Меморандуме, Силезия – центр германской военной промышленности, представляет собою «вбитый на значительную глубину клин между Польшей и Чехословакией» и «является крайне важной базой для наступательных военных операций». Серьезным аргументом служил преимущественно польский национальный облик Опольской Силезии, который не смогла изменить принудительная германизация.

Согласно документу, западную польскую послевоенную границу следовало выпрямить и укоротить, переместив в западном направлении опять-таки из соображений государственной безопасности. Одновременно подчеркивалось, что Западная Померания (Западное Поморье) совместно со Штеттинским заливом смогут стать «оборонительным районом против Германии», а нижнее течение Одера – «естественной линией безопасности» Польши и всей Центральноевропейской федерации. Правда, как следует из документа, «ключ» к безопасности региона поляки намеревались оставить у себя, в Варшаве.

Таковы были в конце 1942 г. представления польского руководства о способах обеспечения послевоенной безопасности страны и ее роли в Европе. Обратим внимание на geopolитический характер аргументов. Об «историческом праве» Польши на немецкие земли вспомнят позднее.

В отдельном разделе Меморандума говорилось о будущем коренных жителей немецких земель. Польские политики считали, что разрешить проблему немецкого населения поможет «ряд благоприятствующих факторов». Имелись в виду демографические перемены, начиная с последних десятилетий XIX в. (перемещение немцев

с востока на запад из экономически отсталых провинций рейха), и в XX в. (ныне движение населения из Восточной Пруссии, Силезии и района Кошалина продолжается «в неослабной степени»). Учитывались сосредоточение в восточной части рейха сезонных сельскохозяйственных рабочих из Польши, а во время войны — принудительный ввоз в Германию сотен тысяч польских рабочих и, как следствие, наличие значительного числа польских крестьян на «тысячах ферм» в восточных провинциях Германии. Важным признавалось и «славянское происхождение» местного населения восточных территорий рейха, которое, хотя и «подверглось методической германизации», сохранило свои национальные черты. Психологический шок, вызванный военным крахом рейха, сможет способствовать его «добровольному» возвращению к польской национальности.

Что касается германской части населения, то на основе опыта Первой мировой войны (добровольной эмиграции нескольких сотен тысяч немцев из западных провинций Польши в рейх) авторы Меморандума прогнозировали аналогичный, «по своей собственной воле», вариант действия «многих немцев». Однако в качестве альтернативы предусматривалось и их принудительное выселение, характеризовавшееся «как средство защиты государства от деятельности пятой колонны». В качестве примера напоминалось о принудительных выселениях представителей многих иных национальностей ради «установления нового порядка в Европе». На этом основании, а также учитывая депортации этнических немцев из Италии и СССР накануне и в начале мировой войны и тот факт, что «германское общественное мнение <...> согласилось с этой процедурой», польские политики делали вывод, что принудительные методы переселения немцев «уже санкционированы Германией». В документе отчетливо отражалось признание, что инкорпорация германских территорий и выселение немцев возможны с согласия и при поддержке США и Великобритании.

Между тем весной-летом 1943 г. обстановка на советско-германском фронте существенно изменилась в пользу Красной армии. Скорее всего, в польском правительстве понимали, но не хотели принять того, что послевоенная карта Европы и будущее Польши зависят не столько от поддержки США и Великобритании, для влияния на позицию которых у поляков не было серьезных аргументов, сколько от СССР.

Потребность определиться в отношении польских границ возникла и у западных союзников. Об этом свидетельствовали как неутешительные итоги визита Сикорского в США, где не были услышаны польские расчеты на нерушимость границы на востоке, а обоснования претензий на Восточную Пруссию и Данциг (Гданьск) воспринимались лишь частично²⁰, так и беседа Рузвельта с Иденом, посетившим Вашингтон вслед за Сикорским. Обмен мнениями 15 марта 1943 г. был откровенно-доверительным. Иден предполагал, что на мирной конференции «Россия потребует от Польши незначительную территорию, возможно, до линии Керзона». Он заметил, что с экономической точки зрения это не вызовет неблагоприятных для страны последствий, но Польша будет стремиться к восстановлению ее прежних, довоенных границ. Президент, признав трудности определения в будущем географических границ Польши, возразил, что, в конечном счете, вопрос о территориальном приращении Польши придется решать великим державам. Рузвельт и Иден пришли к единому мнению, что Восточная Пруссия «должна быть отдана Польше», на что «русские неофициально выражают согласие». Президент твердо заявил: «Пруссакам нельзя доверять <...>, мы должны договориться о переселении пруссаков из Восточной Пруссии <...>, хотя это и трудно осуществить, но это единственный путь для поддержания мира»²¹.

Таким образом, выяснилось, что американцы не будут противиться передаче Польше Восточной Пруссии и части Силезии в обмен на установление границы с СССР по «линии Керзона». 15 апреля 1943 г. Черчилль уведомил Сикорского, что «в соответствующее время может потребоваться ревизия границ на востоке в пользу России, а на западе в пользу Польши путем компенсации»²². Тогда же И. М. Майский сообщил в Москву: «Общее впечатление Идена сводится к тому, что Рузвельт и его группа склонны принять линию Керзона на востоке и компенсировать Польшу Восточной Пруссий

²⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1994. Т. 1. С. 370–371; *Duraczyński E., Turkowski R.* Polska na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 129.

²¹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 2. Апрель – август 1944 г. Приложения. Док. № 8. М., 2019.

²² Цит. по: *Duraczyński E.* Polska. Dzieje polityczne. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 226–230.

и частью Силезии на западе <...>, рузвельтовцы понимают, что в вопросе о Польше обязательно должно быть достигнуто соглашение с СССР»²³.

Так в «Большой тройке» начала вырисовываться общая линия на предоставление Польше компенсации ее территориальных потерь на востоке приращениями на западе и на депортацию немецкого населения с отторгаемых от Германии земель. Складывалось общее понимание, что граница по Одеру, сбалансируя интересы союзников, может стать фактором безопасности в Европе²⁴.

Однако «польский» Лондон по-прежнему придерживался концепции, изложенной в Меморандуме от 1 декабря 1942 г. Она во многом разделялась и политическим руководством правительенного подполья в оккупированной стране. Об этом свидетельствует полученный из Варшавы и датированный 4 июля 1943 г. ответ «края» на просьбу М. Сейды высказать свое мнение по вопросу о будущей восточной границе. Авторы депеши в Лондон представили свою позицию относительно всех границ Польши, назвали меры по «воспрепятствованию немецкой агрессии»²⁵.

К ним были отнесены оккупация Германии, политическое перевоспитание ее народа и установление польско-немецкой границы, включающей на востоке и севере земли, заселенные поляками. (Имелось в виду польское меньшинство, проживавшее в восточных провинциях Германии). Это, считали авторы документа, позволило бы «утвердить позиции Польши на Балтике и обеспечить, наконец, польскому государству необходимые условия для обороны», решив «простой вопрос о включении в Польшу Восточной Пруссии и в[ольного] г[орода] Гданьска». Руководство подпольем высказывалось не только за выселение немцев «в таком количестве, чтобы их численность на этих землях снизилась до незначительного процента», но и за «экспроприацию» их имущества, о чем ранее в польской концепции не упоминалось. Конкретизировалось участие Польши в «долговременной» оккупации «германского пространства <...> до низовий Одры и западной границы Лужицкой области с включением в него

²³ ДВН. Т. XXVI. Кн. 1. 2 января – 31 августа 1943 г. / Пред. редкол. В. Г. Титов. Майкоп, 2016. С. 292.

²⁴ Duraczyński E. Sprawy polskie. S. 79–80.

²⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 1. С. 189–190.

Франкфурта-на-Одре и Щецина <...> с обеспечением [ей] достаточных полномочий по всей Одре».

Граница с СССР, установленная в 1921 г., преподносилась как «жертвенная» уступка с польской стороны, ибо в результате ее за пределами Польши оказались земли со значительным по численности польским населением²⁶. Предполагалось продвижение границы на восток, что, как утверждалось в депеше, отвечало бы чаяниям и потребностям польского народа. Кроме того, польские политики считали, что «Литва должна быть признана территорией, в которой Польша особенно заинтересована, и вследствие этого она должна быть тесно связана с Польшей политически — например, в форме федерации».

Содержание депеши, отличавшейся «налетом» некой снисходительности в адрес СССР, отражало непонимание или нежелание лидеров подполья принять совершившиеся вместе с изменением военно-стратегической ситуации на главном фронте войны кардинальные перемены в geopolитических возможностях участников «Большой тройки» решать «польский вопрос». Советские войска приближались к довоенной границе Польши. Ее будущее в разы больше зависело от советского лидера, нежели от его западных союзников, и все менее от «непоколебимых» польских намерений и национально-территориальных конструкций.

Но такой подход к главному, с польской и советской точек зрения, вопросу — о восточной границе не был свойственен руководству Польши. Это нашло отражение в меморандуме Рузвельту и Черчиллю 16 ноября 1943 г. Перед встречей «Большой тройки» поляки просили западных союзников «гарантировать и защитить право <...> Польского правительства на немедленное установление администрации» на кресах «сразу после освобождения их от немецкой оккупации». Восстановление отношений с СССР признавалось «безотлагательным вопросом». Но вступать в дискуссию с СССР это правительство не желало, и обращения к Сталину не последовало.

²⁶ Утверждение недостоверное. До сентября 1939 г. на территории СССР незначительное польское меньшинство имелось в западных районах БССР и УССР. На присоединенных к СССР землях Польши коренное большинство представляли восточнославянские (около 60%) народы и евреи, поляков было менее 30% (*Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy. Żydzi. Niemcy. Ukraińcy / Red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk. Warszawa, 2008. S. 14*).

В случае пересечения границы советскими войсками без предварительного возобновления польско-советских отношений польское правительство прогнозировало «отчаянно-негативную реакцию польского общества» и намеревалось предпринять «политические действия против нарушения польского суверенитета». При попытках создать советскую администрацию поляки были готовы задействовать «средства самообороны».

Стремясь обойти советские условия восстановления отношений, правительство призывало западных союзников «к вмешательству» в целях их возобновления. Упоминалось и восстание против Германии, о чём много и давно говорили в «польском» Лондоне и «подпольной» Варшаве. В качестве конструктивного шага польские политики «настоятельно» призывали Черчилля «вместе с маршалом Сталиным вмешаться <...> с целью восстановления польско-советских отношений и обеспечения интересов польского государства, жизни и имущества его граждан после вступления советских войск на территорию Польши». О польском контакте с «советами» речь не шла.

В обоснование прав Польши на советские Западную Украину и Западную Белоруссию был выдвинут факт превышения территории восточных кресов над немецкими землями, которые могли быть переданы Польше, что «не может справедливо рассматриваться как предмет компенсации в обмен на уступку СССР польских восточных земель». С той же целью был задействован аргумент об «историческом праве» на территории Германии, где немцы веками проживали вместе с поляками. Он служил обоснованием их передачи Польше и изгнания немцев.

Однако союзники фактически уже приняли компенсационный план Сталина. Как свидетельствуют материалы встречи Рузельта, Черчилля и Сталина в Тегеране, польским руководителям в Лондоне и Варшаве не удавалось разделить решение о польских границах на две не связанные между собой части, а депортации немцев в пределы послевоенной Германии отделить от переселения поляков из СССР на новые западные земли Польши. Взяв инициативу в свои руки, Черчилль тогда предложил разместить «очаг польского государства и народа» между «линией Керзона» и рекой Одер. Не вызвало трений и предложение Сталина о разделе Восточной Пруссии между Польшей и СССР. При этом союзники не возражали против выселения немцев с тех территорий, которые могла получить Польша.

По сути дела, польскому правительству ставился ультиматум: без отказа от довоенной границы на востоке Польша не получит новых земель на западе, и довоенное немецкое меньшинство может в Польше сохраниться²⁷. Правда, попытки Черчилля убедить Сталина восстановить отношения с польским правительством не удавались.

Лишь 17 декабря польский посол в Лондоне Э. Рачиньский получил от Идена первую информацию об итогах обсуждения в Тегеране границ Польши и судьбы немецкого населения. В частности, было передано мнение Черчилля, что Англия и США не будут воевать за восточные границы Польши²⁸. 20 и 22 декабря состоялись две беседы Ст. Миколайчика с Иденом²⁹. 20 декабря Иден в вопросе о границе с СССР ушел от конкретного ответа: «Советы настаивают на линии Керзона, но я не пытался вникнуть в суть дела». Сославшись на мнение Черчилля и имея в виду новую западную границу, Иден сообщил, что «советские планы <...> заходят слишком далеко. Однако решение этого вопроса будет зависеть от самих поляков». Отвечая на вопрос, «будут ли территории, предназначенные Польше, покинуты немецким населением», министр отчасти колебался: «Такова советская точка зрения. Если вы также этого пожелаете, вы не столкнетесь с трудностями со стороны англо-саксонских держав». Миколайчик «выразил сомнения относительно практической возможности перемещения всего немецкого населения».

На второй встрече польскую сторону еще раз ознакомили с «нюансами» позиций СССР и Великобритании. Миколайчик по этому поводу записал: «Британцы отстаивают план переноса польских границ с востока на запад, а для компенсации потерь <...> выступают за расширение наших западных границ за счет Германии. Советские притязания на востоке затрагивают все земли вплоть до линии Керзона и линии Бота³⁰ в Галиции. Иден предложил нам отстаивать

²⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трех держав 28 ноября — 1 декабря 1943 г. М., 1978. С. 149, 163–167; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 405, 411.

²⁸ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 1. С. 374–377.

²⁹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 381–385; 387–388.

³⁰ В документе опечатка. Речь идет об одном из двух (Л и Б-Бэта) вариантов «линии Керзона». Они обсуждались на заседании Верховного совета Ангтанты в декабре 1919 г. По варианту А она проходила западнее, по варианту Б — восточнее г. Львова.

за пределами этой границы только Львов. Что касается компенсаций, мы могли бы получить немецкие территории вплоть до Одера. Однако г-н Иден склонен полагать, что такое перемещение польской территории будет слишком масштабным и не соответствует интересам Польши <...>, оба правительства согласились предоставить полную свободу принятия решения полякам и готовы признать его». Прозвучавшие настоятельная просьба восстановить советско-польские отношения до вступления советских войск на польскую территорию и требование в противном случае «отправки британских войск в Польшу» были для англичан невыполнимы, ибо грозили конфликтом с СССР.

Договоренности в Тегеране, которым сдержанно следовали англичане, не оставляли польскому правительству надежд на возвращение восточных кресов, и это было его главным не только военно-стратегическим, но и geopolитическим поражением. Не могла воодушевлять поляков и неуверенность британцев в конфигурации западной границы, на которую, согласно польской концепции безопасности, направлялось острие германского удара. Вызывали опасения намеки Идена, что выселение немцев должно быть польским решением, что позволило бы англичанам ограничить прямое участие в акции или уклониться от нее.

Таким образом, в начале 1944 г. в «Большой тройке» не было принципиальных разногласий по вопросам границ послевоенной Польши и выселения коренного немецкого населения. Однако союзников Польши не устраивали претензии поляков на некоторые земли Германии, выходящие за пределы их представлений о допустимых территориальных приращениях. Генеральное же противоречие с польским руководством «лежало» на Востоке. Польская сторона продолжала требовать от СССР возвращения к границе 1921 г., а от Великобритании и США поддержки этой позиции, но обещаний ни того, ни другого не получала. В вопросе о выселении немцев западные союзники выступали за ограничение масштаба депортаций. Колебался в этом вопросе и Миколайчик, в отличие от позиции руководства военно-политическим подпольем.

В начале января 1944 г. из Варшавы в Лондон поступил ряд документов, и важнейший среди них — «Польские территориальные цели войны с точки зрения обороноспособности государства»³¹. Он состоял

³¹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 1. С. 420–428.

из двух проблемных сюжетов. В первом излагались требования по вопросу границ, включая вопрос выселения немцев, во втором речь шла о мерах по обеспечению обороноспособности и геополитического влияния Польши в долгосрочной перспективе. Положение Польши после войны оценивалось как уязвимое, которое следовало изменить при помощи союзников. Как и в лондонском правительстве страны, в Варшаве делали ставку на приобретение Гданьска и всей Восточной Пруссии, в перспективе — «этнографически польской провинции»; на получение Опольской Силезии, что создавало бы «экономические условия для развития промышленности», а наличие «значительного процента» польского населения облегчило бы ее соединение с Польшей. Наконец, еще одним компонентом будущих изменений должно было стать «незначительное изменение западной границы Великой Польши на севере», что обеспечило бы прирост населения в 750 тыс. человек (650 тыс. немцев и 100 тыс. поляков).

Получение Западного Поморья, дававшее «выпрямление чрезвычайно неудобно очерченной границы», относилось к второстепенным требованиям. В качестве же существенного приобретения рассматривались оккупационная зона в Германии (нижнее течение Одера с Штеттином и Франкфуртом, а также области, населенные лужицанами), гарантировавшая «материальные reparации», и переселение немцев с прежних территорий Речи Посполитой и «ревиндикационных областей»³² «без оглядки на взаимодействие других государств». Последняя оговорка означала желание отвергнуть компенсационный смысл решения советско-польского территориального спора, а выселение немцев считать просто восстановлением польского облика населения земель, когда-то немцами захваченных.

Однако приведенный в документе национальный состав населения земель, на которые претендовали и «лондонцы», и «подпольная» Варшава, не подтверждает мотивацию территориальных требований «историческим» правом. Данные о числе немцев и поляков

³² Ревиндикация — правовая процедура, иск о возврате утраченного имущества, земли. Польские политики настаивали на «историческом праве» Польши на восточные провинции Германии со смешанным немецко-польским составом населения. На протяжении многих веков здесь протекал процесс немецкой колонизации территории и германизации польского населения, ибо их государственная принадлежность менялась неоднократно. В XX в. земли были немецкими с правовой точки зрения и по этническому облику.

в Восточной Пруссии, Гданьске, Поморье и части Великой Польши, основанные на довоенных источниках, свидетельствуют, что из 5570 тыс. жителей немцы составляли 3710 тыс., поляки – 1860 тыс. чел. Лишь в Опольской Силезии соотношение было в пользу поляков (1 млн чел. против 600 тыс. немцев). Этнический образ всех иных территорий определяли немцы, причем их преобладание было значительным. Таким образом, с точки зрения состава населения права Германии перевешивали извлекаемые из прошлого польские аргументы.

Опираясь на эти данные, создатели документа подсчитали, что предстоит депортировать 4870 тыс. немцев, включая 800 тыс. граждан довоенной Польши, 120 тыс. «литовских» немцев, и 260 тыс. выселенных до войны из СССР и Италии. Подсчеты, сделанные в конце 1943 г., во многом подтвердились бегством и перемещениями немцев из Польши.

Отметим, что ни в документах, созданных в правительственные кругах, ни в материалах, поступавших из Варшавы, нет расчетов на прямое советское участие или содействие депортации немцев. Ставка была на Британию и США. Но Запад предпочитал настойчиво внушать польским политикам, что выселение немцев оставляет на их усмотрение. 20 января 1944 г. Черчилль обещал Миколайчику помочь лишь «Объединенных Наций», которые «будут следить за тем, чтобы все нежелательные (! – A.H.) немцы были бы удалены с территорий, передаваемых Польше». Понимая, что для поляков выселение стало бы делом невыполнимым, Черчилль стремился привлечь СССР и 28 января писал Сталину, что поляки спрашивают, будет ли оказана помощь великим державам при изгнании немцев. Stalin через английского посла в Москве А. Кларка Керра заверил, что Польша «может рассчитывать на любую необходимую ей помочь для изгнания немцев», но лишь после заявления о принятии «линии Керзона» как основы восточной границы и изменения состава правительства, что Миколайчик отказывался обсуждать³³.

³³ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. Июль 1941 – ноябрь 1945 г. М., 1986. С. 225–228; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Под ред. Фрэнсиса Л. Лоуэнхайма, Гарольда Д. Лэнгли, Манфреда Джонаса. М., 1995.

Вступление Красной армии 3–4 января 1944 г. на довоенные крессы сопровождалось протестами правительства Польши, требовавшего от СССР признать действующим договор 1921 г. Продолжавшаяся несколько месяцев «дуэль» с участием всей «Большой тройки» временно вытеснила из международной повестки дня вопрос о западной границе Польши и его важную составляющую — выселение немцев.

Между тем в оккупированной стране происходили серьезные перемены: конституировалась власть, альтернативная польскому правительству и его подпольным структурам. От ее лица Крайова рада народова (КРН) признала «линию Керзона» как основу восточной польской границы. С середины мая 1944 г. делегация КРН находилась в СССР, беседовала со Сталиным по широкому кругу проблем, в том числе о создании общими усилиями органа исполнительной власти при участии поляков-эмигрантов и демократических деятелей, находившихся соответственно в СССР, Великобритании и США.

В июне 1944 г. Миколайчик посетил Соединенные Штаты, был принят Рузвельтом и членами администрации президента. Свое понимание итогов беседы 12 июня 1944 г. он изложил в меморандуме госдепартаменту. Премьер отметил мнение Рузвельта о том, что, во-первых, «в основе решения польско-советского конфликта не должен стоять вопрос о так называемой линии Керзона», и заверение, что «в надлежащее время» Рузвельт «поможет Польше удержать Львов, Дрогобыч и Тарнополь и получить Восточную Пруссию, включая Кёнигсберг и Силезию»; во-вторых, «президент высказался за включение этих бывших польских [!? — А.Н.] территорий в будущее Польское государство с обязательным переселением немецкого населения»; в-третьих, Рузвельт посчитал, что «не следует настаивать на немедленных переговорах между премьером Миколайчиком и маршалом Сталиным». В тот же день заместитель госсекретаря Э. Стеттиниус, присутствовавший при беседе президента и Миколайчика, направил госсекретарю США К. Хэллу краткое изложение беседы и мнение президента по обсуждавшимся вопросам, но проблема выселения немцев не была упомянута³⁴.

С. 479–483; 488–489; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 1. С. 469, 502, 508–509, 544, 560–561.

³⁴ Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 1. Ч. 2. Док. № 102 и 103. М., 2019.

Наконец, беседу Рузвельта и Миколайчика детально воспроизвел посол Польши в США Я. Чехановский, также присутствовавший на встрече³⁵. В отчете правительству в Лондон 14 июня посол отметил признание президентом «неизбежными» польские территориальные уступки СССР и исключение из правительства ряда лиц, упомянутых Сталиным. При этом он указал, что Рузвельт «склонял Миколайчика к переговорам со Сталиным», не откладывая их сроки. Посол подробно воспроизвел в отчете позицию Рузвельта относительно польской границы с СССР: «Если можно было бы создать лучшую атмосферу и восстановить отношения», то он «мог бы лично содействовать тому, чтобы склонить Сталина к решению — оставить за Польшей город Львов, город и нефтяные вышки Дрогобыча и Станиславский округ. В отношении Вильно это ему представляется более сомнительным», но исключать такое нельзя. На западе Рузвельт считал возможным передачу Польше Восточной Пруссии и Силезии и довел до сведения Миколайчика «мысль Сталина» «расширить [Польшу] на западе вплоть до Одры, включая Щецин». Мнение Миколайчика посол сформулировал осторожно: присоединить Силезию и территории со «значительным процентом населения польского происхождения», не допускать «излишнюю» польскую оккупацию на западе, так как это отяготило бы Польшу значительным немецким меньшинством. Донесение посла было точнее двух предыдущих документов. Таким образом, указанные документы свидетельствуют, что Миколайчик, покидая Вашингтон, не мог быть уверен в поддержке Рузвельтом ни восточной, ни западной границ Польши. Осталось неясным, с каких территорий, в каких масштабах предстоит выселить немцев и окажут ли в этом поддержку союзники.

В середине июля 1944 г. советские войска пересекли границу СССР и начали освобождение юго-восточных районов Польши. Тем временем в Москве делегация КРН и деятели общественной организации Союз польских патриотов, взаимодействуя с советским руководством, работали над формированием Польского комитета национального освобождения (ПКНО). 21 июля в кабинете Сталина был согласован состав органа исполнительной власти и текст его Манифеста. Готовилось подписание ряда документов, определявших

³⁵ ДМИСПО. Т. VIII. Январь 1944 — декабрь 1945 г. / Отв. ред. И. А. Хренов, В. Т. Ковалевский. М., 1974. С. 112–115.

отношения ПКНО с советской стороной, в том числе Соглашение о советско-польской границе. Опубликованное 27 июля 1944 г., оно закрепляло как восточную³⁶, так и северо-восточную и западную границы Польши³⁷.

В октябре 1944 г. в Москве по инициативе Черчилля состоялись переговоры со Сталиным, закрепившие создание англо-американской и советской сфер влияния в восточноевропейском регионе. Уже на первой беседе британский премьер, имея в виду «линию Керзона», признал, что вопрос о советско-польской границе «уже решен» в Тегеране. Тем не менее к обсуждению были привлечены Миколайчик и лидеры КРН и ПКНО. Пытаясь склонить польского премьера к ее признанию и участию в новой власти, Черчилль и Stalin доказывали, что поляки получат части Силезии и Восточной Пруссии и Данциг, которые их «полностью компенсируют». Stalin уточнял: «Речь будет идти не только о Данциге для Польши, но и о Штеттине. Русские <...> это поддержат». Черчилль согласился и с мнением Сталина о том, что «район Кёнигсберга с городом заберет Советский Союз». Оба союзника были единодушны в том, что «германское население из этих районов должно быть переселено в Германию»³⁸. Так в ходе дискуссий складывалась в общих чертах близкая позиция Сталина и Черчилля о польских границах и депортации немцев из Польши. Поскольку Миколайчик не признавал никаких советских аргументов, «лимит» на договоренности с правительством Польши о восстановлении отношений, границах и выселении немцев был исчерпан. Это предопределило исчезновение с политической сцены самого польского правительства, сделало польскую идею *restitutio in integrum*³⁹ «законченным прошлым»⁴⁰.

³⁶ Была учтена просьба ПКНО передать Польше район г. Пшемысла и часть Беловежской пущи, расположенные восточнее принятой сторонами «линии Керзона» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 569. Л. 9–12; 5–8).

³⁷ ДМИСПО. Т. VIII. С. 156–157. На события, происходившие в Москве, правительство и его подполье отреагировали восстанием в Варшаве. Подробнее см.: Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 2. Ч. 1. Варшавское восстание. 1944 г. М., 2016. С. 5–42.

³⁸ Ржешевский О.А. Stalin и Черчилль. С. 412–487; Польша в XX веке. С. 395–396, 412–413.

³⁹ Лат.: восстановление в целостности и/или в правах; в данном случае в правах на территорию.

⁴⁰ Duraczyński E. Sprawy polskie. S. 87.

В январе 1945 г. началась Висло-Одерская операция советских войск, и счет до полного изгнания гитлеровцев пошел на недели. В этих условиях по инициативе Черчилля с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ялте состоялась встреча глав великих держав. Прежде всего речь шла о германских проблемах, архиважном вопросе границ и неотъемлемой их части — выселении немецкого меньшинства довоенной Польши, немцев с территорий Германии, передававшихся советским военным властями под польскую и советскую (в районе Кёнигсберга) юрисдикцию⁴¹.

Восточная граница Польши не вызывала в Ялте особых дискуссий. Иное дело — граница западная. Споры касались не принципа территориальных приращений Польши за счет восточных провинций Германии и Восточной Пруссии, а объема ущемления Германии, а значит и выселения немцев. Здесь интересы расходились. Stalin максимальным наказанием Германии стремился обеспечить усиление своего влияния в польском пространстве, ключевом как на пути Германии на восток, так и для участия в контроле над Германией. Во имя этого следовало, выселив немцев, сделать польско-германскую границу *de facto* необратимой, безопасным рубежом влияния СССР. Черчилль и Рузвельт, не будучи в этом заинтересованы, считали «малооправданной» передачу Польше части Силезского промышленного и горно-рудного района Германии и водного бассейна, питающего р. Одер. Не договорившись, стороны отложили обсуждение размера «существенных приращений территории на Севере и Западе» до падения Берлина и полного поражения Германии⁴².

В Москве не были удовлетворены итогами Ялты и 20 февраля 1945 г. предприняли упреждающий маневр: постановлением Государственного комитета обороны СССР власть на территории восточнее р. Одер советским командованием передавалась польской администрации. Кроме того, 21 апреля в Москве СССР и Польша подписали Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Возник двусторонний военно-политический союз с целью «пресекать любую угрозу новой агрессии со стороны Германии или иного, союзного с ней государства непосредственно, или в любой иной

⁴¹ Duraczyński E. Sprawy polskie. S. 424–428.

⁴² Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 510–511.

форме». СССР *de jure* стал гарантом безопасности Польши, что означало ограничение ее государственного суверенитета⁴³.

С окончанием войны в Европе обострилось протестное отношение союзников к действиям Сталина в целом и конкретно в Польше, где установилась политически близкая Москве власть. СССР, реагируя на нарастание антисоветских тенденций в позициях западных союзников, заблаговременно принимал «профилактические меры». В результате западная граница Польши была *de facto* «заперта» с запада и востока двумя крупными группировками советских войск и частями Войска польского и стала устойчивой⁴⁴. Ни Черчилль, ни новый президент США Г. Трумэн не могли остановить такое развитие событий, не вступив в конфликт со Сталиным⁴⁵.

На новой встрече «Большой тройки» в Потсдаме (17 июля – 2 августа 1945 г.) участники попытались умерить наказание Германии, оспорив глубину польского «пространства» от р. Западный Буг до р. Одер – Нейсе Лужицкая. Жестко против советских действий в Польше, территории которой контролировалась польской администрацией и советскими военными властями, выступал Трумэн. Главным предметом его спора со Сталиным была не столько Польша, сколько Германия в сфере англо-американского влияния, территорию и экономический потенциал которой Трумэн стремился максимально сохранить, отложив решение о западной границе Польши до мирной конференции⁴⁶.

Советскому лидеру требовалось закрепить территорию Польши неким признанием союзников, обязав их участием в выселении немцев. Причем Москву устраивало любое содержание произнесенного ими «да», о чём Сталин и сказал: «Мы можем теперь условиться

⁴³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 153–155; ДМИСПО Т. VIII. С. 414–416.

⁴⁴ Подробнее см.: Польша в XX веке. С. 454–455.

⁴⁵ Подробнее см.: Печатнов В. О. На излете «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (По новым материалам) // Новая и повествующая история. 2013. № 3. С. 16–19; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 524.

⁴⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. М., 1984. С. 117–118; 473 (далее: Берлинская конференция); ДМИСПО. Т. VIII. С. 479, 488; 521–528, 534–535.

(выделено мной. — А.Н.) относительно западной границы Польши, а окончательно эта западная граница должна быть оформлена на мирной конференции». Это означало передачу в управление Польше части советской зоны оккупации Германии, расположенной восточнее р. Одер и р. Западная Нейсе, включая г. Штеттин, Западную Померанию и большую часть Восточной Пруссии⁴⁷. Предложение Сталина отразило требование союзников признать границу временной и тем устранило основания для их протестов относительно линии этой границы. Как полагает польский историк А. Фришке, союзники удовлетворились «столь минимальными уступками [Сталина]»⁴⁸: ведь он, как и Польша, выигрывали «временно».

На встрече в Потсдаме впервые предметно обсуждался замысел и практическое перемещение немцев с территории их постоянно-го или временного проживания в Польше (а также в Чехословакии и Венгрии) в пределы послевоенной Германии. Записи заседаний конференции в Потсдаме и принятые на этот счет документы свидетельствуют, что выселение немцев считалось сугубо принудительным и всеобщим, невзирая на гражданство и без исключений по каким-либо гуманитарным, социальным и политическим соображениям⁴⁹. Сложность предстоявшей акции осознавалась главами великих держав, но доминировала цель — территориально разъединить виновные страны и народы, которых следовало наказать, и помочь пострадавшим. Хотя решение «Большой тройки» о выселении немцев принималось в соответствии с действовавшим тогда международным договорным правом, оно противоречило Гаагской конвенции 1907 г. о сухопутной войне, запрещавшей использовать принципы коллективных вины и наказания гражданского населения. Однако в тех конкретных условиях иного средства, кроме принудительного сосредоточения немцев в пределах территориально сокращаемой Германии, не видели.

Острая дискуссия о том, как и сколько немцев предстоит эвакуировать из Польши, показала, что каждая из сторон преследовала свои цели. Stalin выступал за немедленное и полное выселение немцев из Польши (и СССР), а поляков из СССР в Польшу, что позволяло

⁴⁷ ДМИСПО. Т. VIII. С. 505–521, 522–528; Польша в XX веке. С. 424–426.

⁴⁸ Friszke A. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 115.

⁴⁹ ДМИСПО. Т. VIII. С. 538–541.

создать национально консолидированную страну в новых границах. С этой целью он доказывал законность наличия польской власти на германской территории: советская сторона «пустила поляков», потому что «в зоне между Одером и Вислой немцы бросили свои поля, поля обрабатываются поляками», немцы возвращаться «не хотят», немецкой администрации нет, «сбежали все». Трумэн и Черчилль, понимая, что Польша может быть центральным звеном советского влияния в регионе, не желали усиления страны за счет потенциала Германии. Трумэн, озабоченный получением reparаций с Германии, требовал численного соответствия переселения поляков из СССР и немцев на запад, предлагал поощрить немцев, которые «оставили земли к востоку и западу от Одера <...> вернуться туда», ибо «значительная часть Германии передана Польше для оккупации». Черчилль настаивал: эта территория лишь оккупирована поляками, а бегство немцев вызывает большие трудности со снабжением западных зон⁵⁰.

Проработать «вопрос» было поручено министрам иностранных дел трех стран. 31 июля 1945 г. они уведомили, что «действительно, <...> большая часть немцев ушла с территории, занятой поляками», и предложили передать перемещение немцев под контроль Союзного контрольного совета, сотрудничествовавшего с национальными правительствами. Министры, согласившись с необходимостью перемещения немцев в Германию, оговорили вместе с тем возможность прервать депортации немецкого населения до рассмотрения вопроса в Контрольном совете. Сталин, посчитав, что «большого результата» от этого «не будет», принял оговорку и был поддержан Трумэном⁵¹.

Особое стремление затормозить переселение немцев из Польши демонстрировала английская сторона. Ее усилия отразились в итоговом документе, согласованном «Большой тройкой» и включенном в Сообщение о Берлинской конференции трех держав в качестве раздела XIII «Упорядоченное перемещение германского населения». В нем перечислялись многочисленные трудности мероприятия, которое «должно производиться организованным и гуманным способом». Лидеры «Большой тройки» выдали Международный мандат на проведение депортаций Союзному контролльному совету по Германии

⁵⁰ Берлинская конференция. С. 120–122.

⁵¹ Решения о выселении немцев принимались по трем странам – Польше, Чехословакии и Венгрии.

и польскому правительству, действовавшему под его контролем и при содействии. 16 ноября 1945 г. Совет принял план переселения, по которому из Польши предполагалось переместить 1,5 млн немцев в британскую и 2 млн в советскую зоны оккупации Германии⁵².

Еще до конференции в Потсдаме начался во многом стихийный выезд немцев из оккупированных воеводств Центральной Польши и с включенных в состав рейха западных польских земель, из восточных провинций рейха и Восточной Пруссии. По данным А. Фришке, зимой 1944–1945 гг. около 5 млн чел. по своей воле выехали на запад⁵³. Весной 1945 г. вместе с отступавшим вермахтом с польских земель эвакуировалось или бежало немецкое население, а также многочисленная оккупационная администрация. Сталин настаивал: «убежали» от 3 до 5 млн немцев. По сведениям Черчилля, приведенным им 21 июля 1945 г., на польских землях осталось 2–2,5 млн немцев. Председатель КРН Б. Берут 24 июля 1945 г. заявил, что немцев в Польше насчитывалось от 1 до 1,5 млн чел. (этую цифру упоминал и Сталин). Летом-осенью 1945 и зимой 1945–1946 гг. происходило «дикое выселение», то есть изгнание немцев поляками. По данным польских исследователей, в тот период в советскую зону оккупации было перемещено или переехало добровольно-принудительным порядком, что поощрялось и польской, и советской сторонами, до 1 млн чел.⁵⁴

Принятое в Потсдаме решение не вызывало колебаний у Сталина, знавшего о высоком градусе напряженности в отношениях поляков к немцам. Трагедии, пережитые поляками за годы войны и оккупации, взрастили в массовом сознании народа чувство, казалось, неизбывной ненависти к Германии и желание отомстить смертельному врагу. Коллективную вину за террор, гибель миллионов близких людей и соотечественников они, как и лидеры великих держав, возлагали на каждого немца и на немецкую нацию в целом. Существования с соседом-немцем на одной земле и в одном государстве поляки не допускали. Так думало тогда абсолютное их большинство. В новую германскую угрозу верили лидер коммунистов В. Гомулка и его политические противники: демократ и вице-премьер правительства в Варшаве Ст. Миколайчик и один из лидеров польских

⁵² Берлинская конференция. С. 249, 261–262, 428, 297, 376, 497.

⁵³ Friszke A. Losy Państwa i Narodu. S. 135–136.

⁵⁴ Берлинская конференция. С. 193–194; Skowroński A. Polska a problem niemiecki 1945–1965. Warszawa, 1967. S. 38.

националистов М. Сейда. Идеологический антипод и политический противник коммунистов Польская римо-католическая церковь оценивала немецкое общество как «иссеченное злом». В морально-психологической атмосфере с присущей ей объяснимой потребностью мстить немцам о морали, демократических ценностях и правах граждан в Польше, как и во всей Европе, не рассуждали⁵⁵.

В переданных Польше провинциях Германии с весны 1945 г. разворачивалась немецкая трагедия. Для миллионов немцев выселения сопровождались мщением и ограблением. Немцы, ожидающие этой кары изгнанием, в полной мере испытали моральные и нередко физические страдания, унижение, гибель близких, отдельную для каждого личную трагедию. В августе 1945 г. VII Управление Северной группы советских войск доносило в Главное политическое управление Красной армии: «В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось. Немецкое население во многих районах голодает <...>, усиливается ограбление немцев со стороны польского населения, участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев и оскорблений». Автор документа, считавший положение крайне серьезным, предупреждал, что «если в ближайшее время польские власти не предпримут решительных мер по упорядочению положения немецкого населения, <...> дело может дойти до открытых вооруженных конфликтов»⁵⁶.

Центральные власти Польши пытались остановить лавину действий, несовместимых, как подчеркивалось, с «польской национальной честью», угрожали судебными преследованиями «за негуманное отношение к немцам». Против бесчеловечного обращения с немцами и изгнания немецкого населения как компрометировавших Польшу протестовал епископ Катовицкого диоцеза Польской католической церкви Ст. Адамский. Но ситуация на местах контролировалась, главным образом, средним и низовым госаппаратом, выступавшим за лишение немцев всех прав и рекомендовавшим считать их преступниками, «лишь временно находящимися на свободе». Нередко

⁵⁵ Madajczyk P. Na drodze do pojednania. S. 13, 29, 33.

⁵⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 260–263.

местные старосты не только инициировали изъятие имущества у немецкого населения, но и организовывали соответствующие акции. Подобные настроения, однако, демонстрировали и представители «верхов». Один из уполномоченных польского правительства разъяснял: «Немцев мы будем использовать, как рабочий скот <...>. Они должны знать только свое рабочее место и свою койку». По словам одного из вице-министров, «польское правительство хочет до мирной конференции избавиться <...> от 2 млн немцев любыми способами, даже если эту территорию придется превратить в пустыню»⁵⁷. Понятно, что противостоять такому разгулу насилия приказами из Варшавы польские власти были не в состоянии.

Жесткие меры в отношении немцев тогда одобряли многие поляки, в лучшем случае они были равнодушны к их трагедии. Такой политico-психологический климат вызывал в советском и польском руководстве опасения возможного выхода ситуации из-под контроля. Следовало ускорить переход к организованной депортации. Соответствующая подготовка завершалась в начале 1946 г. Был принят меморандум о масштабах акции: по 120–150 тыс., позднее – 240–270 тыс. чел. ежемесячно. 14 февраля английским и польским представителями было подписано соглашение о транспортировке немецкого населения из Польши до английской оккупационной зоны советским и польским железнодорожным и водным транспортом; были определены сборные пункты в Щецине и, при необходимости, в Гдыне, Гданьске, Калавске; проработаны два железнодорожных маршрута и транзиты по морю в г. Любек. Польские власти обязались обеспечить продовольственные и прочие нужды людей при нахождении их в Польше. В 1946 г. вступил в действие декрет правительства «об исключении из польского общества лиц немецкой национальности». Депортацию планировали завершить к 1 августа⁵⁸.

Право на решение о выезде и выборе места проживания немцам не предоставлялось, разрешалось брать с собой 500 рейхсмарок на человека и «столько багажа, сколько они смогут поднять». На сборных пунктах польская охрана их обыскивала и доставляла до Щецина и Калавска, где переселенцев принимала английская миссия. В конце февраля 1946 г. из Польши отправились в Германию

⁵⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 261–262, 292.

⁵⁸ Skowroński A. Polska a problem niemiecki. S. 37.

первые транспорты. Исходя из нужд восстановления разрушенного и разграбленного оккупантами хозяйства страны и нехватки рабочих рук на новых территориях, польское правительство стремилось максимально использовать трудоспособное немецкое население. Сначала депортировали нетрудоспособных, затем рабочих и служащих. В последнюю очередь отправляли высококвалифицированные кадры⁵⁹.

Беспрощадное отношение поляков к немцам, покидавшим родные края, сохранялось и на этом этапе. Правда, желание немцев уехать заметно росло. Эту атмосферу передал, выступая на совещании в аппарате ЦК ВКП(б) 21 мая 1946 г., главный редактор советской газеты, издававшейся для немецкого населения в Польше: «У поляков желание огромное скорее немцев прогнать и у многих немцев желание <...> скорее перейти на территорию Германии и там пустить корни на новой почве»; переселение «проходит и неорганизованно, и очень негуманно»; «приезжают поляки-переселенцы <...>, ходят по домам и творят расправу»; «настроение немецкого населения накалено до бала, ненависть к полякам не только у профашистов, но и у немецких коммунистов <...>, боятся поляков»; «преобладающее настроение [немцев] проамериканское, отчасти проанглийское и меньше всего просоветское. Правда, мы для них меньшее зло, чем поляки».

Журналист затронул проблему справедливости новой границы и выселения немцев, о чём речь вовсе не шла на встречах тех, кто определял их судьбу: «...Мне политупправление ставило такую задачу — разъяснить немцам справедливость перехода этой территории к Польше, причем мне надо было доказать, что это чуть ли не в интересах самих переселяемых <...>, в самом деле, какие доводы можно привести в пользу того, что эта территория польская и что переход территории к Польше является справедливым? Для нас с вами это ясно, для нас основной критерий — это государственные интересы. Такие доводы для немцев не убедительны <...>, исторические права Польши, это тоже неубедительно для них <...>. Немцы любят, как известно, твердость и определенность в вопросах. Поражение [в войне] — факт. Решение союзников тоже факт. Вот и все»⁶⁰.

⁵⁹ Skowroński A. Polska a problem niemiecki. S. 29, 39: Советский фактор в Восточной Европе. С. 296.

⁶⁰ Советский фактор в Восточной Европе. С. 294–299.

В итоге на 1 сентября 1946 г., по польским данным 1950 г., из Польши были депортированы 1 178 872 немца. По уточненным данным нашего времени, к концу 1946 г. страну организованно покинули 1,5 млн немцев и 300 тыс. чел. выехали нелегально. В январе 1947 г., несмотря на протесты Варшавы, английская сторона прекратила прием немцев. Транспорты с переселенцами поступали только в советскую зону. По этим и другим причинам срок завершения акции отложили на последний квартал 1947 г.⁶¹

Наиболее массовое выселение организованным порядком пришлось на 1946–1947 гг., когда выехали соответственно до 2,3 млн чел. За 1946–1949 гг. с земель, ставших польскими, правительство Польши переправило на немецкую сторону около 2,4 млн чел. Общая численность выселенных из Польши после войны составила 3,5–3,6 млн чел. В стране оставалось до 300 тыс. немецких специалистов, которые выехали после 1956 г.⁶²

Таким образом, решения «Большой тройки» о выселении немцев в пределы усеченной послевоенной Германии, как и переселения украинцев и белорусов из Польши в Советский Союз, были реализованы. Приняв одновременно миллионы поляков с Запада и из СССР, Польша обрела безопасные границы и стабильное национально-территориальное устройство, обеспеченное проживанием немцев (украинцев и белорусов) и поляков в соседних, но разных государствах. Однако на короткий по историческим меркам срок, равный двум десятилетиям, решения «Большой тройки» обострили и закрепили взаимную неприязнь соседних народов, которая питала устойчивые антигерманские и антипольские настроения. На немецкой стороне ни одна из политических сил, включая коммунистов, тогда не мирилась с сокращением государственного пространства. В массовом сознании поляков сохранялись горечь утраты «восточных кресов» и возникшее вскоре после победы убеждение, что поражение Германии не является окончательным. Формировался синдром ожидания войны и беспокойства за безопасность страны, вплотную соприкасавшейся с немецким миром.

⁶¹ Skowroński A. Polska a problem niemiecki. S. 39, 186 (приложения).

⁶² Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. S. 186–190. За 1945–1950 гг. на новых землях Польши поселилось 4,7 млн поляков. Они не по своей воле покидали места коренного проживания за р. Буги и Сан. Для них, как и для немцев, это была глубокая моральная травма (Slabek H. O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 64–67).

Шло время... Многие немцы примирились с потерей земель на востоке и выселением как расплатой за войну и нацизм. В польском обществе постепенно нарастало ощущение целостности страны в новых границах. Исторический парадокс: это происходило в условиях холодной войны, атомного шантажа и противостояния двух сверхдержав. Когда международная напряженность сменилась разрядкой, ФРГ, подписав в 1970 г. договоры с СССР и ПНР, фактически признала их права на немецкие земли. Постепенно притуплялась и острота воспоминаний о выселении немцев. Отмеченный на рубеже 80–90-х годов ХХ в. в Польше всплеск общественного интереса к истории границ страны не вызвал к жизни вопрос об их ревизии. Такое положение сохраняется и в наши дни.

Татьяна Викторовна Волокитина

Борьба за Тешин. Территориально-пограничный вопрос в межгосударственных отношениях Чехословакии и Польши

Объектом спора двух славянских государств явился исторический регион юго-восточной Силезии, расположенный в междуруечье рек Одра (нем. — Одер) и Висла и занимающий площадь около 2200 км². Центр территории — город Тешин*, расположенный на притоке Одры р. Ользе, у северного подножия горного хребта Бескиды, дал ей вошедшее в обиход название Тешинская Силезия. Еще с IX в. эта территория являлась объектом притязаний польских и чешских правителей. В середине XVIII в. находившееся под властью Силезских Пястов герцогство Оппельн (Опольское княжество), в состав которого входили спорные земли, стало владением австрийских Габсбургов, получив немецкое наименование — Тешен,

---

* В литературе встречается также написание Тешен. Разночтения вызваны избранными авторами вариантами транскрибирования при переводе (*Teschen* (нем.), *Cieszyn* (пол.), *Těšín* (чеш.)), а также устоявшимися в истории и дипломатии называниями, например, Тешенский мир 1779 г., герцогство Тешен и др. Принятый в данной статье вариант (Тешин) объясняется, в первую очередь, именно таким написанием названий города и региона в советских дипломатических документах, используемых автором.

и вскоре оказалось вовлеченным в войну за так называемое Баварское наследство. Начавшиеся в 1778 г. военные действия завершились отступлением прусско-саксонских войск и победой австрийцев. При дипломатическом нажиме России и поддержке Франции 13 мая 1779 г. был подписан Тешенский мир, решивший, в частности, и судьбу герцогства Тешен: до 1918 г. оно входило в состав австрийской Силезии.

Тешинский регион отличала значительная пестрота местного населения (немцы, чехи, поляки, евреи и др.); жители в основном говорили на смешанном чешско-польском диалекте, который чешские и польские лингвисты считали диалектом соответственно чешского и польского языков. Вплоть до середины XIX в. население не дифференцировало свою национальную принадлежность, именуя себя просто «местными» («тутейшие»), но затем произошло разделение на чехов, поляков и немцев. Во время первой в Тешинской Силезии переписи населения 1921 г. для определения национальности, помимо категорий «чех», «поляк», «немец», было установлено новое наименование «силезец» («шлёнзак»), которое служило уточнением национальности — «силезец-чех», «силезец-немец», «силезец-поляк». Таким образом, население получило возможность добровольной и осознанной самоидентификации. Результаты переписи свидетельствовали, что на западных землях Тешинской Силезии преобладали чехи; поляки проживали в центральных и восточных районах; немцы сосредоточивались в городах, формируя там средний класс.

Тешинский вопрос между двумя мировыми войнами

После Первой мировой войны возникшие на обломках Австро-Венгерской и Российской империй Польша и Чехословакия претендовали на обладание Тешином.

Чешские политики, предъявляя «исторические права» на эту территорию, первостепенное значение придавали экономическому фактору. В регионе успешно развивались машиностроение, текстильная промышленность. Через него проходила единственная железная дорога, соединявшая Чешские земли с Восточной Словакией, действовал важный железнодорожный узел Богумин. Но главное экономическое значение региона было связано с угледобычей,

обеспечивавшей выплавку чешского железа и химическое производство в Моравской Остраве. Ее объем только в 1913 г. составил более 7,5 млн тонн каменного угля и свыше 1 млн тонн кокса. Одним из важных центров Остравского каменоугольного бассейна являлся город Карвина.

Аргументом польской стороны служил, прежде всего, этнический принцип — преобладание польского населения (в 1910 г. в Тешинском регионе проживали 234 тыс. поляков и 116 тыс. чехов, а в 1918 г. 54% населения региона было польским). Чехи считали эту статистику уязвимой, указывая на нестабильную численность населения и «молодость» польских поселений, большинство которых было основано лишь во второй половине XIX в. выходцами из Западной Галиции, приехавшими на эти земли в поисках заработка.

После распада Австро-Венгрии в Тешинской Силезии в октябре 1918 г. была введена двойная администрация: чешская — в меньшей, западной части, польская — на остальной территории. Однако при установлении польско-чехословацкой границы возникли серьезные трудности, преодолеть которые не удавалось. Проведенное 5 ноября 1918 г. польскими и чешскими местными органами власти предварительное размежевание с учетом этнического принципа предстояло ратифицировать центральным правительствам. Сложившаяся обстановка не устраивала Прагу, так как основная часть промышленных районов оказалась у поляков. В конце 1918 г. были отмечены вооруженные столкновения сторон, а 23 января 1919 г., за несколько дней до выборов в польский сейм, которые, в случае их проведения на спорной территории, юридически закрепляли бы вхождение большей части Тешинской Силезии в состав Польши, чешские войска неожиданно перешли разграничительную линию и начали успешно развивать наступление. Польские части, задействованные в это время в вооруженном выступлении против Западноукраинской народной республики, не смогли дать отпор чехам, которым удалось занять большую часть Тешинской Силезии. Потребовался «арбитраж» президента США В. Вильсона, чтобы погасить конфликт: семидневная война завершилась подписанием в начале февраля временного соглашения и выводом чешских войск. Вмешавшаяся в противостояние Антанта предложила урегулировать территориальный спор путем плебисцита, но всплеск националистической пропаганды в Чехословакии и Польше помешал

реализации этого намерения. Весной-летом 1920 г. массовые выступления поляков в Тешине привели к введению на этой территории военного положения. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш сумел убедить союзников в необходимости решения Тешинского вопроса на международном уровне. В июне 1920 г. в Чехословакию с инспекционными целями прибыла англо-французская военная комиссия. Решающую роль, однако, сыграло заявление президента Чехословакии Т. Масарика о намерении поддержать Советскую Россию в недавно начавшейся советско-польской войне, если Тешинский конфликт будет разрешен не в пользу Праги. Перед перспективой войны на два фронта Варшава была вынуждена уступить, и в июле 1920 г. Совет послов Антанты с согласия конфликтующих сторон принял решение об установлении разграничительной линии. Чехам передавались промышленный район к западу от Одерберга и Яблункова, включая шахты Карвины, г. Фриштат и большинство фабрик, а также железнодорожная ветка, соединявшая чешские земли со Словакией. На отошедших к Чехословакии землях (1273 км^2) проживало 297-тысячное население. Поляки получили сельскохозяйственный район и большую часть самого города Тешин (кроме западного пригорода, перешедшего к чехам). В цифрах приобретения польской стороны составили 1013 км^2 территории и 137 тыс. чел.¹

Подписанный 23 апреля 1925 г. в Варшаве двусторонний договор по правовым и финансовым вопросам гарантировал права польского национального меньшинства в Чехословакии, что имело прямое отношение к Тешинской Силезии. И хотя в целом, по признанию современных исследователей, национальная политика в ЧСР не была ни ассимиляторской, ни интеграционной², реализация прописанных в договоре гарантий шла с трудом, вызывая недовольство польской стороны. В связи с этим отмечался рост националистических античешских настроений. Достигнутый вынужденный компромисс

¹ Марьина В.В. «Мюнхен» — карт-бланш Гитлера и копец первой чехословацкой республики (по документам чешских архивов) // Запись. Экспертный круглый стол «Мюнхенский говор» — исторические аспекты и современные аналогии. Серия Международные отношения. 2009. № 1 (11). С. 149–153.

² Серапионова Е.П. Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918–1939 годы) // Studia slavica-polonica: (К 90-летию И. И. Костюшко). М, 2009. С. 120.

не удовлетворил ни одну из сторон, обещая сохранение напряженности, что и произошло: вплоть до начала Второй мировой войны, да и позже, Тешинская проблема оставалась болевой точкой в двусторонних польско-чехословацких отношениях³.

Их кратковременное потепление, выразившееся в том числе в тесном сотрудничестве сторон в Лиге Наций на протяжении 1923–1925 гг. и обмене официальными визитами министров иностранных дел Э. Бенеша и А. Скржиньского, сменилось взаимным охлаждением после государственного переворота в Польше в мае 1926 г. Новый внешнеполитический курс Варшавы, предполагавший сближение с враждебной Праге Венгрией, как и нарастание польских претензий к Малой Антанте, раздражали чехословацкое правительство.

Первая половина 1930-х годов была отмечена началом нового этапа в чехословацко-польских отношениях и их очередным обострением⁴. Пост министра иностранных дел Польши занял в 1932 г. полковник Юзеф Бек — творец внешнеполитической концепции «равноудаленности», protagonист создания «великой Польши», простирающейся от Балтики до Черного моря. В январе 1934 г. была подписана польско-германская декларация о ненападении. В Варшаве ликовали, сочтя этот документ свидетельством отказа Берлина от польского вектора германской экспансии и шагом на пути признания Францией и Англией статуса Польши как великой державы. На волне таких настроений и в условиях реального снижения напряженности в отношениях с Германией начались важные изменения в польской внешней политике. На страницах польской печати была развернута античехословацкая пропагандистская кампания, в польском Тешине организованы манифестации против «угнетения» поляков чехами, в которых приняли участие польские официальные лица. Политики и военные деятели режима «санации» стали

³ Подробнее см.: Сергионова Е.П. Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версалья / Отв. ред. И.И. Костюшко. СПб., 2007. С. 92–93, 100–101; она же. Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии. ХХ–XXI вв. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 332–335; Palys P. Czechosłowackie roszczenia graniczne wobec Polski, 1945–1947: Racibórz, Głubczyce, Kłodzko. Opole, 2007.

⁴ Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. М., 2004. С. 176–193.

рассматривать Чехословакию как нежизнеспособное, искусственное государственное образование, не имевшее перспектив длительного существования⁵. Мечтая поживиться за счет южной соседки, поляки планировали переход Словакии под свой протекторат. Что касается Тешинской проблемы, то категорический отказ поляков от предложений Праги решать спорные вопросы в правовом поле на основе подписанных договоров выдавал, по существу, их ориентацию на радикальные действия. В глазах Варшавы это означало бы восстановление справедливости и достойный ответ на нанесенный чехами Польше в 1920 г. «удар в спину». Подготавливая общественное мнение, польские официальные средства массовой информации муссировали вопрос о необходимости добиться предоставления автономии полякам Тешинской Силезии. В соответствии с допускавшимся силовым вариантом в 1934 г. началось создание диверсионных групп. Смерть Ю. Пилсудского 12 мая 1935 г. на время приостановила эту деятельность, но после аншлюса Австрии (март 1938 г.) она возобновилась.

II отдел Главного штаба Войска польского, ведавший вопросами разведки и контрразведки, при участии Министерства иностранных дел развернул подготовку «восстания» польского населения Заользья (части Тешинского региона, расположенной за р. Ользе и населенной преимущественно поляками)⁶. Шло активное формирование и обучение боевых групп, разрабатывались сценарии возможного развития событий, изыскивались финансовые средства для ведения подрывной работы на территории Чехословакии; под лозунгом «Вернуть Заользье Отчизне» в Польше развернулась мощная пропагандистская акция.

Сделав ставку на сотрудничество с Германией, польская сторона поспешила информировать ее о своей заинтересованности в «чешской проблеме». Об этом 23 февраля 1938 г. Бек заявил председателю Рейхстага Г. Герингу, а уже в мае в районе Тешина были сосредоточены польские воинские соединения (три дивизии и бригада пограничных войск). В ответ на заявление советского правительства

⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2016. С. 216–217.

⁶ Подробнее см.: Badziak R., Matwiejew G., Samuś P. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997.

о готовности оказать помощь Чехословакии в случае угрозы ей со стороны Германии или Польши прошли масштабные военные маневры Войска польского на польско-советской границе. В них были задействованы пять пехотных и одна кавалерийская дивизии, моторизованная бригада, авиация. Победу «голубых» над наступавшими с востока «красными» венчала беспрецедентная по размаху акция — семичасовой военный парад в Луцке, названный прессой «крупнейшим в истории независимой Польши». Принимал парад «верховный вождь» маршал Э. Рыдз-Смиглы⁷.

Получив 20 сентября 1938 г. лично от Гитлера заверение о том, что в случае военного конфликта Польши с Чехословакией из-за Тешинской области рейх встанет на сторону Польши и что за линией германских интересов у Польши развязаны руки, польское правительство перешло к активным действиям. 21 сентября Варшава потребовала от правительства Чехословакии решить проблему польского национального меньшинства в Тешинской Силезии, а на следующий день, 22 сентября, денонсировала польско-чехословацкий договор о национальных меньшинствах и предъявила Праге ультиматум о присоединении к Польше земель с польским населением. 27 сентября последовало вторичное требование о «возвращении» Польше Тешинской области. Дипломатическое давление сопровождалось вооруженными нападениями на чехословацкие погранпости, склады оружия, железнодорожную станцию Фриштат. Имели место постоянные нарушения воздушной границы Чехословакии польскими самолетами. Полным ходом шла вербовка в Тешинский добровольческий корпус, отряды которого спешно выдвигались к чехословацкой границе и вступали в вооруженные столкновения с чешскими пограничниками. При этом поляки заверяли международное сообщество, что военные мероприятия проводятся ими в целях обороны.

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. было заключено Мюнхенское соглашение, по которому населенные немцами территории Чехословакии мирным путем передавались Третьему рейху. Воспользовавшись ситуацией, Варшава поздним вечером 30 сентября предъявила

---

⁷ Режим «санации», или о чем стараются забыть польские историки. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/dmitryuspeh/post393672975/page1.html> (дата последнего посещения 5 II 2018).

Праге, как отмечал У. Черчилль, «грубое требование» о немедленной передаче польской стороне пограничного района Тешин. Лишненное возможности выбора чехословацкое правительство приняло ультиматум, как было заявлено польскому посланнику, «под давлением обстоятельств». Чехословакия согласилась уступить Польше область, где проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. 2 октября в 14 час. началась операция «Заользье»: Польша оккупировала Тешинскую Силезию (район Тешин — Фриштат — Богумин) и некоторые населенные пункты на территории современной Словакии. В составе Польши оказалось более 80 % всей территории Тешинской Силезии.

«Маленький аншлюс» польское руководство расценило как триумф. Министр Бек был награжден орденом Белого орла, стал почетным доктором Варшавского и Львовского университетов. С явным тешинским «привкусом» прошел и традиционный военный парад в Варшаве 11 ноября в честь Дня независимости Польши: в нем приняла участие колонна тешинских поляков.

Отторжение Тешинской Силезии не только удовлетворяло великодержавные амбиции режима «санации», но и быстро принесло ощутимый экономический результат: промышленный потенциал захваченной территории, на которой действовали 14 угольных и четыре коксовые шахты, обеспечил Польше на конец года почти 41 % выплавляемого в стране чугуна и около 47 % стали⁸.

Начало Второй мировой войны кардинально поменяло ситуацию. Польша и Чехословакия оказались теперь в одном лагере. Падение Франции, неопределенность ее будущего явились стимулом для обеих сторон к выработке плана создания после войны «нового межгосударственного сообщества» типа конфедерации в первую очередь антигерманской направленности. Однако, касаясь этого вопроса, Э. Бенеш в письме от 24 марта 1941 г. находившемуся в Советском Союзе подполковнику Л. Свободе подчеркнул, что «в пограничных вопросах каждый партнер заботится о своих интересах и ни в чем не зависит от другого»⁹. Быстро выяснилось, что проблема Тешинской Силезии не ушла в тень: тлеющий конфликт поддерживался

⁸ Гришин Я.Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения. 1931–1939. Казань, 1999. С. 153.

⁹ Цит. по: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 424.

обосновавшимися в Лондоне эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии.

Военные успехи на Восточном фронте, приближившие мир к победному маю 1945-го, все сильнее актуализировали задачу определения принципов послевоенного миропорядка. Факт крушения Версальской системы международных отношений требовал от политиков серьезного осмыслиения, всестороннего анализа вариантов будущего территориально-государственного размежевания, определения перспектив развития малых европейских стран и взаимоотношений между ними. Было очевидно, что задача восстановления их статуса как субъектов международного права выпала именно на долю антигитлеровской коалиции¹⁰ и в первую очередь на Советский Союз, претендовавший на лидерство в Восточной Европе.

Тешинский вопрос и советский фактор

Прогнозируя послевоенный миропорядок, советские дипломаты тщательно анализировали международную ситуацию и просчитывали возможные варианты решения территориальных вопросов. Основополагающим при этом являлся геополитический подход, учет национально-государственных интересов Советского Союза в формировавшейся новой системе международных отношений. Так, 10 января 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский в записке наркому иностранных дел В. М. Молотову, излагая возможную позицию СССР, подчеркивал: «Целью СССР должно быть **создание независимой и жизнеспособной Польши**, однако мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши (здесь и далее выделено жирным шрифтом в оригинале документа. — Т.В.). В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может <...>. [Следует] осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ.

¹⁰ Мальков В.Л. Версаль: опыт истории // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 8.

Конкретно восточная граница Польши должна пройти по границе 1941 года или близкой к ней (например, по “линии Керзона”), причем Львов и Вильно при всяких условиях должны остаться в пределах СССР. На западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия или, пожалуй, лучше, часть ее, и известные части Силезии, но с выселением оттуда немцев. *Тешин должен быть возвращен Чехословакии* (здесь и ниже курсив мой. — Т.В.). Если Польша желает, она сможет на этой базе примкнуть в качестве третьего члена к недавно заключенному советско-чехословацкому пакту взаимопомощи*. В противоположность Польше **СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии**, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним подписанием советско-чехословацкого пакта взаимопомощи на 20 лет, способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. *Конкретно Чехословакия минимально должна быть восстановлена в своих прежних границах с прибавкой Тешина*. Если при окончательной перекройке карты Европы окажется возможным еще что-либо прирезать к Чехословакии, это следует сделать. <...> Между СССР и Чехословакией <...> должна быть установлена общая граница достаточного протяжения»¹¹.

Исходя из подобных рассуждений, советская сторона выступила за восстановление национальной территории Чехословакии в доминиканских границах. Поддержали эту позицию и другие члены «Большой тройки». Однако этот факт не повлиял на ход переговоров между польским и чехословацким эмигрантскими правительствами в Лондоне, где дебатировалась проблема отторгнутого поляками в октябре 1938 г. Заользья с компактно проживавшим там польским населением. Польская сторона отвергла претензии оппонентов, трактуя их как попытку ревизии границ, установленных в 1920 г.

Еще на рубеже 1944–1945 г. выявилось намерение чехословацкой стороны связать признание Польского комитета национального

* Имелся в виду подписанный СССР и Чехословакией в декабре 1943 г. договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Стороны договорились о возможности присоединения к этому договору третьей страны, граничащей с СССР и Чехословацкой республикой и являвшейся объектом германской агрессии.

¹¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. В 2 т. Документы / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 29–30.

освобождения (ПКНО) и Временного польского правительства¹² с урегулированием проблемы Тешина. Это подтверждают записи бесед политических деятелей Чехословакии Э. Бенеша, З. Фирлингера, Г. Рипки с советскими дипломатами в декабре 1944 и январе 1945 г. Документы фиксируют сложность положения президента в эмиграции Бенеша. 1 января 1945 г. И. А. Чичаев* записал в дневнике: «Чехословацкое правительство, конечно, признаёт польское правительство как официальное правительство. Но у Чехословакии имеются свои интересы и споры с Польшей. Поэтому Бенеш хотел бы вместе с признанием Люблинского правительства (здесь и далее подчеркнуто в документах. — Т.В.) договориться с поляками по некоторым политическим вопросам, как например об отношении Польши к Мюнхенскому соглашению. Поляки должны отказаться от Мюнхена и от политики Бека в отношении Чехословакии». Бенешу также хотелось, чтобы «Советский Союз позондировал заранее почву в Люблине с тем, чтобы выяснить, хотят ли поляки проводить новую политику». В инструкции послу Чехословакии в СССР Фирлингеру Бенеш указывал: «Прежде чем признать Временное польское правительство и обменяться с ним представителями, выяснить, как оно относится к послемюнхенским территориальным изменениям и, в частности, к отторжению от Чехословакии со стороны Польши Тешинской Силезии»¹³.

Эту позицию 8 января 1945 г. в беседе с Чичаевым подтвердил и чехословацкий министр-лондонец Х. Рипка: в вопросе признания Временного польского правительства «единственным препятствием является вопрос о Тешинской области. Как только этот вопрос будет урегулирован, Чехословацкое правительство немедленно признает

¹² ПКНО 31 декабря 1944 г. был преобразован во Временное правительство Польши в г. Люблине.

* Чичаев Иван Андреевич (1896–1984) – советский разведчик, полковник, с сентября 1941 г. – представитель советской внешней разведки при спецслужбах Великобритании с целью координации усилий разведок обеих стран в борьбе против германских спецслужб, одновременно советник посольства СССР в Лондоне при союзных правительствах в эмиграции, с осени 1944 г. – поверенный в делах СССР при союзных правительствах европейских стран в эмиграции. Весной 1945 г. назначен резидентом внешней разведки в Чехословакии под дипломатическим прикрытием, советник Посольства СССР в Праге, посланник 2-го ранга. Указом Президиума Верховного совета СССР от 15 апреля 1945 г. присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного посланника.

¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 823. Л. 8.

Временное польское правительство в Люблине»¹⁴. Окончательная позиция Бенеша была изложена Фирлингером заведующему IV Европейским отделом НКИД СССР В. А. Зорину 12 января 1945 г.: об автоматическом признании польского правительства не может быть и речи. «Мы <...> одновременно должны решить с поляками спорные вопросы»¹⁵.

Чехословацкая сторона неоднократно просила советских представителей помочь урегулировать вопрос о Тешине, в частности добиться официального заявления поляков с «отказом от постмюнхенской агрессии»¹⁶. Проявляя настойчивость, чехи, по всей вероятности, понимали важность для советской стороны признания польского правительства как официального еще до начала работы Ялтинской конференции глав великих держав и стремились использовать ситуацию к своей выгоде. Судя по записям в дневнике Зорина, такая позиция вызывала у советского дипломата определенное недоумение по нескольким причинам: во-первых, от внешней политики «старой» Польши ПКНО отмежевался уже в своей первой декларации, а во-вторых, имелся прецедент, противоречивший нынешней позиции чехов: чехословацкая сторона ранее была готова подписать с лондонским польским правительством соглашение о конфедеративном объединении, не требуя от поляков отказа от прежней агрессивной внешней политики¹⁷.

Советская позиция четко была зафиксирована Зориным в беседе с Фирлингером 4 января 1945 г. Вот ее главные составляющие: вопрос о Тешинской Силезии «есть дело непосредственных переговоров между Чехословакией и Польшей»; СССР заинтересован в том, чтобы между обеими сторонами существовали «полное согласие и вполне дружественные отношения, причем вопрос о признании польского Временного правительства <...> не следует связывать с разрешением каких-либо спорных вопросов между ними»¹⁸.

На основании беседы с Фирлингером Зорин пришел к заключению, что «Бенеш маневрирует по вопросу о признании Польского

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 823. Л. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 1–2.

¹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 115.

временного правительства, учитывая не только внешнеполитическую позицию своего правительства, но и внутриполитическую борьбу среди чехословацкой эмиграции в Лондоне. По-видимому, в официальных директивах, которые он дает Фирлингеру и которые, естественно, становятся известными значительному кругу членов чехословацкого правительства, Бенеш занимает более сдержанную позицию. В разговорах же с Чичаевым Бенеш стремится показать, что он намерен идти с нами в ногу в решении этого вопроса и готов признать Польское временное правительство без каких-либо предварительных условий. С другой стороны, преобразование ПКНО во Временное правительство оказалось, очевидно, определенное воздействие на Бенеша, и наш нажим по этому вопросу, особенно в сочетании с признанием Польского правительства с нашей стороны, может, по-видимому, склонить Бенеша и чехословацкое правительство к более решительному шагу в этом же направлении»¹⁹.

Прогноз Зорина подтвердился в середине января 1945 г., когда чехословацкая сторона сообщила послу Великобритании в Праге Ф. Никольсу о своем намерении признать правительство Польши, связав этот вопрос с существовавшим между СССР и Чехословакией договором. Этот акт стал ответом официальному Лондону, который, судя по полученной в Москве информации, просил чехословацкую сторону воздержаться от признания Люблинского правительства²⁰.

Что касается польской стороны, то ее позиция была изложена на приеме у Молотова 23 января 1945 г. премьер-министром Э. Осубка-Моравским: «Для справедливого решения вопроса о Тешинской Силезии должен быть проведен плебисцит, а самый вопрос о территориальном распределении Тешинской Силезии между поляками и чехами надо решить в зависимости от соотношения польского и чешского населения в этой области»²¹. В Москве понимали, что преобладание польского населения в регионе делало плебисцит нежелательным для чехов.

К весне 1945 г. в связи с быстрым продвижением Красной армии к Силезии и Словакии чехословацкая сторона попыталась перевести Тешинский вопрос в практическую плоскость, рассчитывая

¹⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 116.

²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 823. Л. 9.

²¹ Там же. Ф. 07. Оп. 10. П. 22. Д. 311. Л. 3.

на советскую поддержку. 16 февраля Фирлингер на приеме у заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского выразил просьбу чехословацкой стороны принять ее представителя при штабе 1-го Украинского фронта для учреждения администрации на освобожденной Тешинской территории, а также указывать в приказах по этой территории на ее принадлежность именно Чехословакии.

Выражая «личное мнение», Фирлингер подчеркнул особое значение для чехов г. Карвины — центра угольного района. Для поляков же первостепенную важность представлял, по его словам, г. Тржинец (современное название — Тршинец), где преобладало польское население, а также самий Тешин, который предлагалось поделить пополам. Чехи, как заявил Фирлингер, были даже готовы передать полякам Тешин «при том, однако, условии, что важная железная дорога, проходящая через него, будет дополнена железнодорожной линией, которая будет проходить через чешскую территорию за пределами города». Вышинский занял уклончивую позицию, поскольку, по его словам, соответствующие решения должны удовлетворять «обоих наших друзей — чехов и поляков»²².

Запись этой беседы была послана Сталину и Молотову, а также заместителю наркома иностранных дел В. Г. Деканозову. На экземпляре Молотова все предложения Фирлингера были им подчеркнуты, что определенно свидетельствовало о том, с каким вниманием нарком изучал текст. А вскоре последовала реакция советской стороны. Просьба чехословацкого правительства о введении собственной администрации в Тешинской области была отклонена. Консультации в Москве и Варшаве привели к договоренностям, что Тешинская Силезия временно будет управляться советскими военными властями, наличие там чешской или польской администрации не предусматривалось. Тем не менее 21 мая 1945 г. в беседе советника посольства СССР в Варшаве В. Г. Яковлева с членом Политбюро ЦК Польской рабочей партии (ППР) Я. Берманом выяснилось, что на данной территории «продолжает существовать чешская администрация, поляки притесняются»; представитель польского правительства Венгеров «вынужден был ехать в Тешинскую Силезию инкогнито, с документами советского военного корреспондента». Берман сообщил также,

²² Восточная Европа в документах российских архивов. С. 155.

что «профашистские польские элементы объявляют себя чехами и надеются, оставшись в Чехословакии, уйти от наказания» и что обеспокоенный указанными фактами Осубка-Моравский «настаивает на поездке в Москву к тов. Сталину, чтобы добиться благоприятного для Польши разрешения территориальных вопросов»²³.

Современная историография подтверждает наличие в Тешинской Силезии чешской администрации, как и факт проведения в kraе пропагандистской кампании, организованной чешскими политическими партиями. Но при этом отмечает, что в национальные комитеты входили граждане обеих национальностей, а на территории с чехословацкой стороны действовали польские школы²⁴. Напряженность, однако, сохранялась, дело доходило до стычек. Польская радиостанция в Катовицах вела античешские передачи, сообщая о фактах заключения в тюрьму или постоянного притеснения польских политических деятелей и лишения поляков гражданских прав. В ответ чехословацкая пресса атаковала поляков.

29 мая 1945 г. Берман довел до сведения Яковлева поступившую от Венгерова из Катовиц тревожную информацию: чехи начали выселение поляков из Тешинской Силезии; оно осуществляется «по чисто немецкому образцу»: выселяемые имели право на вывоз не более 20 кг багажа, за любыми жалобами следовал арест <...>. Прибывающие из Моравской Остравы чехи вступают во владение польским имуществом, оставленным хозяевами. Берман передал также, что депортации поляков проводят и американцы с занятой ими чехословацкой территории²⁵. Трудно представить, что выселение поляков проводилось без ведома советского руководства, однако подтверждающие это документы, которыми мы располагаем, относятся только к концу 1945 г.

Летом 1945 г. проявилась тенденция к силовому разрешению спора. Главнокомандующий Войском польским М. Роля-Жимерский приказал выдвинуть военные отряды к спорной территории. Чехословакия также активизировала свои военные приготовления с целью присоединения Кладской области в Нижней Силезии, где проживало чешскоязычное население (в 1939 г. эта польская территория была

²³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. II. 195. Д. 7. Л. 26–27.

²⁴ Kaplan K. Pravda o Československu, 1945–1948. Praha, 1990. S. 51.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. II. 195. Д. 7. Л. 54.

захвачена немцами, а весной 1945 г. при вступлении Красной армии была передана в управление польским властям). В июне 1945 г. там разгорелся локальный военный конфликт: чехословацкие отряды заняли Ратиборский повят и в течение пяти дней удерживали его, отступив лишь из-за угрозы контрнаступления поляков²⁶. Иными словами, взаимные территориальные претензии вышли за рамки сугубо Тешинского вопроса, а точнее — оказались включенными в проблему бывших германских территорий в составе Польши.

Здесь позиции Варшавы и Праги также резко расходились. Если поляки считали эти земли польскими, то чехи полагали, что вопрос об их государственной принадлежности будет решен будущей мирной конференцией и что ближайшая встреча союзников передаст их Польше только во временное пользование. Отсюда и настойчивые претензии чехов на эти территории, и последовавшие не менее настойчивые обвинения со стороны поляков, что в Праге не согласны с Потсдамскими решениями.

Судя по документам, советское руководство скептически отнеслось к претензиям чехов на Кладскую область, учитывая неуступчивость Праги в отношении Тешинской Силезии. Это отчетливо проявилось на встрече Сталина с Фирлингером 28 июня 1945 г. «При этих условиях, поляки, очевидно, не уступят ни в каких других территориальных вопросах, в частности, в районе Кладско, — заметил советский руководитель. — Поляки будут, по-видимому, настойчивы, так как мы обещали им эту территорию». Stalin высказал также предположение о возможном перенесении вопроса о Кладской области на обсуждение мирной конференции, если чехам и полякам не удастся договориться²⁷. Однако расчет Сталина на «компромисс» и «полюбовное разрешение» спорных вопросов не оправдался. Убедить чехословацкую сторону в необходимости пойти на некоторые уступки не удалось. Думается, что на позицию Праги так или иначе влияло еще одно обстоятельство. Ее отразила реплика Фирлингера на вышеупомянутой встрече в Кремле о том, что «поляки слишком много получают территории и вряд ли смогут их переварить»²⁸. Действительно, полякам можно было

²⁶ Tomaszewski J. Europa Środkowo-Wschodnia, 1944–1948. Powstanie, ewolucja i kryzy realnego socjalizmu. Warszawa, 1992. S. 139–140.

²⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 232.

²⁸ Там же.

позавидовать: отошедшие к ним Нижняя и Верхняя Силезия, Восточная Пруссия и Померания составили 25 % территории Германии в границах 1937 г.

Зафиксированное на Потсдамской конференции (июль-август 1945 г.) «существенное приращение территории [Польши] на севере и западе» делало невозможной поддержку поляков Москвой в споре за Тешин. Приведем в связи с этим два документа. Первый — запись беседы Молотова с Берманом 24 октября 1945 г. В дневнике Молотова читаем:

«Берман спросил, как быть со спором между поляками и чехами в отношении Тешинской области.

Молотов ответил, что поддержать поляков в этом конфликте мы не можем; это тем более так, что Тешинский район с его угольным углом для поляков не представляет серьезного значения после получения силезского угля.

Берман сказал, что за Тешинскую Силезию Польша могла бы дать Чехословакии часть Кладской области.

Молотов сказал, что этот вопрос должен быть решен между польским и чехословацким правительствами и что мы не можем в этом вопросе становиться на одну сторону.

Берман сказал, что по соображениям внутриполитического порядка польскому правительству нельзя пойти на какой-либо компромисс в Тешинском вопросе.

Молотов ответил, что в польской позиции по Тешинскому вопросу чувствуется давление внешней среды. Во всяком случае, сказал Молотов, это не из главных вопросов польской внешней политики. При наличии доброй воли с обеих сторон Польша и Чехословакия по этому сравнительно небольшому вопросу смогут договориться. После тех территориальных приобретений, которые Польша получила на западе, небольшой кусок территории в районе Тешине (так в тексте. — *T.B.*) не сможет иметь особенно большого значения. Если же речь идет о нескольких десятках тысяч поляков, проживающих там, то эту проблему можно решить путем переселения»²⁹.

Второй документ — запись о приеме Сталиным в Кремле 14 ноября 1945 г. польских коммунистов В. Гомулки и Г. Минца. Состоявшаяся беседа была оформлена в виде вопросов и ответов, завизирована

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 585. Л. 9–10.

Сталиным и разослана «четверке» — В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову и А. И. Микояну. С текстом был также ознакомлен А. Я. Вышинский. В документе, в частности, говорилось:

«*Вопрос.* Следует ли углублять вопрос о Тешине и может ли СССР оказать Польше поддержку в переговорах о Тешине с чехословаками?

Ответ. Не советую углублять этот вопрос, так как после получения Польшей силезских коксующихся углей у Польши не осталось аргумента в пользу передачи Тешина полякам, ввиду чего СССР лишен возможности оказать поддержку полякам в этом деле. Было бы лучше поскорее ликвидировать этот конфликтный вопрос с Чехословакией, ограничиться переселением тешинских поляков в Польшу и восстановить хорошие отношения с Чехословакией. В вопросе о переселении тешинских поляков в Польшу СССР может оказать поддержку полякам в переговорах с Чехословакией»³⁰.

Таким образом, советская сторона задним числом санкционировала акции по переселению, которые имели место с весны 1945 г.

В это время проявился еще один характерный момент в польско-чехословацком споре за Тешин — готовность Праги использовать для его разрешения возможность присоединения Польши к советско-чехословацкому договору 1943 г. о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, то есть превращения его в трипартийный. Весной 1945 г. этот вариант не раз обсуждался в беседах Э. Бенеша, З. Фирлингера и госсекретаря В. Клементиса с В. А. Зориным и В. М. Молотовым. Напомню, что и в вышеупомянутой записке И. М. Майского В. М. Молотову от 11 января 1944 г. такая возможность не исключалась, причем лишь «на базе» возврата Тешина чехам. Но пока что Москва не торопилась с трансформацией двустороннего договора в трехсторонний. Зорин в беседе с Фирлингером и Клементисом 25 мая 1945 г. ограничился констатацией: «Очевидно, этот вопрос встанет между нами», но отнес его в перспективу, пообещав «подумать» по этому поводу³¹.

1946 год знаменовался наступлением новой фазы в развитии конфликта. Это время оживленных дипломатических обсуждений судьбы Тешина. Центральной темой дискуссий по инициативе поляков

³⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 302.

³¹ Советский фактор в Восточной Европе. С. 191.

стали интересовавшие чехов районы Кладско и Ратибора. При этом на политической сцене появлялись и новые действующие лица. 2 января 1946 г. Чичаев сообщил из Праги о прибытии туда представителей Польской социалистической партии (ППС), которые по партийной линии предприняли зондаж возможностей достичь соглашения по Тешину. Ими был предложен вариант обмена территориями, по которому чехи передавали польской стороне г. Тржинец и несколько польских деревень по северному склону Карпат в районе Яблонкувского перевала, а поляки, в свою очередь, уступали Кладский район. При этом один из членов делегации намекнул на готовность уступить чехам и сам г. Тешин. Чехи, однако, по информации Чичаева, не собирались идти на уступки (в дневнике дипломата отражена позиция Фирлингера: Тржинец как центр металлургического района чехи «ни в коем случае не уступят»). Сформулировав перед гостями встречное требование о передаче нескольких словацких деревень в районе Татр, Фирлингер подчеркнул, что вопрос о бывших германских территориях — прерогатива будущей мирной конференции³².

К сожалению, отсутствие источников не позволяет прокомментировать данную инициативу ППС, которая впрочем, не оказала сколько-нибудь заметного влияния на течение конфликта. Частично (вопрос о передаче г. Тешина) предложения пэпээсовцев былиdezavuированы в памятной записке о ходе польско-чехословацких переговоров по Тешину³³, которую 12 марта 1946 г. министр-коммунист С. Ендриковский передал В. М. Молотову.

Авторы записки подчеркивали, что единственной возможностью урегулировать «польско-чехословацкую тяжбу о границе» является компромисс на основе взаимных уступок. Достижение такого компромисса виделось им в следующем:

«1. Граница должна быть, по мере возможности, этнографическая, т. е. проходить так, чтобы по обеим сторонам границы осталось возможно меньшее количество национальных меньшинств и, как следствие этого, чтобы предстоящий обмен жителями обнимал как можно меньше людей. 2. Чтобы экономические выгоды и неудобства такого

³² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27. П. 135. Д. 10. Л. 5.

³³ Двусторонние переговоры проходили в Праге 15 февраля — 1 марта 1946 г. По взаимному согласию пограничные вопросы обсуждались в созданной обеими делегациями для данного случая Политической комиссии.

урегулирования границы в Тешинской Силезии легли более-менее равномерно на обе стороны». Пограничная линия оставляла на польской стороне промышленные предприятия г. Тржинца, расположенные в середине польской этнографической территории и обслуживаемые в большинстве своем польскими рабочими. Города Тешин и Фриштат передавались Польше, в то время как за Чехословакией оставались Карвина и Богумин. Эту разграничительную линию поляки считали компромиссной, так как она отходила на восток не только от границы 1938 г., но и от линии, установленной обоюдным соглашением местных польских и чешских организаций в 1918 г. Согласно материалам переписей населения Австрийской империи (1900 г. и 1910 г.) и Чехословакии (1921 г. и 1930 г.), указанная линия разделяла районы по принципу преобладания в них чешского и польского населения, а также совпадала (а в северной части даже отходила на восток) с границей польских и чешских диалектов, установленной чешским лингвистом Гавранеком* в 1934 г. Польская сторона выразила готовность «применить тот же принцип размежевания на польской территории Спиша и Оравы»³⁴. Чехословакии в качестве компенсации за уступки в Тешинской Силезии предлагались территории в бывшей немецкой Верхней и Нижней Силезии (Кладско и Ратибор). Особо подчеркивалось, что вопрос о Тешине следовало разрешить как можно быстрее и не выносить его на международное обсуждение³⁵.

Предложенный поляками вариант был неприемлем для Праги как подтверждавший «мюнхенское насилие». Позиция чехов сводилась к восстановлению чехословацко-польской границы, установленной на конференции послов 28 июля 1920 г. Помимо Кладско и Ратибора претензии чехословацкой стороны распространялись также на переданные Польше города Валжбих (нем. Вальденбург), Глубчице и Козле (вместе с угольной пристанью, через которую экспортировался уголь из Верхней Силезии). Немалые перспективы чехи связывали с получением Вальденбургского угольного

* Гавранек Богуслав (1893–1978) — филолог-богемист, славист, представитель Пражской лингвистической школы — основного центра структурной лингвистики в Чехословакии, профессор университета в Брио и Карлова университета в Праге.

³⁴ Речь идет о территориях, принадлежавших Польше с 1918–1920 гг. и включенных немцами в 1940 г., после оккупации Польши, в состав Словакии.

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 42. Д. 703. Л. 38, 39, 41.

бассейна, находившихся в Нижней Силезии (район г. Злоты-Сток) золотых приисков и копей по добыче мышьяка и, кроме того, многочисленных керамических и стекольных заводов, электростанций, снабжавших электроэнергией Нижнюю и Верхнюю Силезию, урожайных земель в районе Глубчицы и санаторно-курортной зоны в Судетах³⁶.

Варшава подчеркивала необходимость урегулирования пограничного спора на основе самоопределения местного населения. Прага тоже говорила о самоопределении народов, связывая его с идеей воссоединения граждан одной национальности «путем переселения», а не с территориальными изменениями, «нарушающими кровные интересы Чехословацкого государства»³⁷. Переговоры зашли в тупик. Польская делегация отбыла в Варшаву за инструкциями. Возобновление переговоров ожидалось в июне, после проведения 26 мая выборов в законодательное Национальное собрание Чехословакии. Допуская трудный ход переговоров, поляки не исключали перспективы вынесения спорных вопросов на арбитраж славянских государств³⁸.

Однако в мае 1946 г. Прага, передав западным союзникам специальный меморандум о территориальных требованиях Чехословакии в отношении Кладской и Ратиборской областей, пошла на интернационализацию конфликта. В польских кругах это вызвало недовольство. Секретарь посольства Польши в Москве В. Матвин сообщал советскому дипломату А. П. Павлову 4 мая 1946 г.: «Особенно возмущены в Варшаве тем, что спор между славянскими народами вынесен чехами на обсуждение конференции министров, в котором участвуют Англия, Америка и Франция. Если позиция Масарика* в этом вопросе не удивляет поляков, то позиция коммунистической партии Чехословакии представляется как раз наоборот непонятной и удивительной. Самый факт обращения к западным державам с предложением, по существу, пересмотреть решение Берлинской конференции в отношении Польши расценивается поляками как провокация. Видимо, речь идет об английских и американских маневрах против

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 42. Д. 703. Л. 42, 40; *Kozenński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964. S. 23.

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 42. Д. 703. Л. 45–46.

³⁸ Там же. Л. 40.

* Масарик Ян (1886–1948) — чехословацкий дипломатический и государственный деятель, министр иностранных дел в 1940–1948 гг.

СССР и Польши, причем тем досаднее, что инструментом в руках англо-американцев оказался не только Масарик, но и чехословакие левые круги». Павлов выразил сомнение в благоприятном для чехов результате их инициативы и подтвердил надежду Москвы на добрососедское урегулирование спорных вопросов между Польшей и Чехословакией³⁹.

В. М. Молотов в беседе с послом Чехословакии в Москве Й. Гораком 22 мая 1946 г. также выразил недоумение в связи сapelляцией чехов к Западу и в очередной раз подчеркнул желательность для советской стороны «полюбовного решения» вопроса. Горак, настроенный пессимистично, просил Молотова «подумать о возможности посредничества» Москвы для решения спора. «В Тешинском вопросе компромисс невозможен», — заметил Горак, поскольку он упирается в отношение сторон к послемюхенским границам региона: чехи не могут их принять, а поляки настаивают. Однако компромисс может быть достигнут применительно к другим спорным районам. В целом чехословацкая сторона не желает смешивать вопрос о Тешине с вопросом о бывших немецких территориях Кладско и Ратибор — это задача будущей мирной конференции». Горак от своего имени (официального поручения правительства он не имел) поднял вопрос о посредничестве советской стороны, которое, по его мнению, «привело бы к соглашению». Молотов, отметив несогласие с «мюнхенскими границами», в очередной раз озвучил позицию советского правительства: поиски решения следует продолжить на переговорной основе, возможности примирить Прагу и Варшаву еще не исчерпаны⁴⁰.

Вопрос о внешнем посредничестве был поднят и на встрече Сталина с польским государственным руководством — президентом Б. Берутом и премьер-министром Э. Осубка-Моравским 24 мая 1946 г. Сославшись на несговорчивость чехов, Берут выразил пожелание, чтобы «был применен славянский арбитраж». Однако Stalin не поддержал поляков и вновь порекомендовал продолжить переговоры с чехами, полагая, что после выборов они будут более покладистыми⁴¹.

³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. Д. 702. Л. 34–35.

⁴⁰ Советский фактор в Восточной Европе. С. 300–301.

⁴¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 462–463.

И все же в Москве осознали необходимость посредничества в польско-чехословацком споре: 26 июля 1946 г. советское правительство обратилось со специальным посланием к правительствам Польши и Чехословакии по поводу урегулирования польско-чехословацких отношений и заключения договора о дружбе и взаимопомощи. Этот двусторонний договор рассматривался в послании как обязательное предварительное условие заключения затем Тройственного договора между Польшей, Чехословакией и СССР (точнее — присоединения Польши к договору 1943 г. между СССР и Чехословакией) и как важный шаг, открывающий возможность разрешить взаимные территориальные претензии в течение ближайших двух лет «по взаимному согласию». «Было бы желательно, чтобы такой договор был заключен в ближайшее же время, по возможности в августе этого года», — говорилось в документе⁴². 27 июля через послов Чехословакии и Польши в Москве послание было передано адресатам. Поскольку чехословацкой стороне было уже известно мнение Москвы о неизменности «мюнхенских границ», понятно, какой могла оказаться реакция Праги: 31 июля чехословацкая сторона сообщила, что с благодарностью приветствует рекомендации Москвы и готова вступить в переговоры с польской стороной. 2 августа временный поверенный в делах Чехословакии в СССР Й. Кашпарек передал В. Г. Деканозову письмо Э. Бенеша Сталину. Бенеш положительно оценивал возможность присоединения Польши к советско-чехословацкому договору 1943 г. как соответствующего «нашей славянской политической линии в будущем». Президент подчеркивал, что именно «польские необоснованные требования» в Тешинском вопросе, подтверждавшие согласие поляков с итогами Мюнхенского соглашения 1938 г., завели переговоры в тупик; чехословацкий народ «понял бы гораздо глубже и сильнее свою солидарность с Польшей, имея в виду возможную в будущем оборону против Германии, если бы знал, что за ним будет признана хотя бы в меньшей части та бывшая немецкая территория, которая была и отчасти до сих пор является чешской. <...> Наша готовность начать переговоры <...> могла бы так или иначе содействовать и последующему решению вопроса наших требований к Германии, не привлекая Западных держав к этому спору»⁴³.

⁴² Восточная Европа в документах российских архивов. С. 492–493.

⁴³ Там же. С. 493–495.

В начале августа 1946 г., во время работы Парижской мирной конференции, установился контакт чехов с поляками. Последние оформили собственные требования в виде секретного протокола к готовившемуся договору между двумя странами. Эти требования определяли права поляков в Чехословакии в сфере национального, политического, культурного и экономического развития. Предусматривались свободное употребление польского языка, право на польскоязычные школы, прессу, научные и просветительские издания; отказ от принудительного переселения польских граждан, проживающих в Тешинской Силезии; выдача удостоверений о государственной благонадежности полякам (для получения свидетельства о гражданстве и приема на работу) на тех же основаниях, что и чехам; полное гражданское равноправие; деятельность католического костела и протестантской церкви на принципах, существовавших до 1938 г.; отказ от любой дискриминации при занятии общественных должностей, равное право для поляков на работу по профессии и в соответствии с квалификацией; возврат конфискованного имущества, участие поляков в управлении таким имуществом в банковской сфере; предоставление пособий бывшим политзаключенным-полякам и их семьям наравне с чехами и пр.⁴⁴ Фактически статьи секретного протокола отразили намерение Варшавы оформить статус польского национального меньшинства в Чехословакии. Прага же, наученная горьким опытом межвоенного периода, усмотрела в позиции поляков попытку создать условия для «законного вмешательства» в будущем во внутренние дела Чехословакии под прикрытием соглашения и, в частности, «прелюдию» для постановки Тешинского вопроса, и отклонила предложение Варшавы.

30 октября 1946 г. Клементис направил послу СССР в Праге Зорину письмо, в котором вину за неудачный ход переговоров возложил на польскую сторону и отметил, что идет выселение чехов из Кладско, Глубчицы и Ратибора, вследствие чего « побег части этого населения в Чехословакию не только продолжался, но даже усилился ». 5 ноября письмо было вручено Зорину, а 18 ноября его текст, оформленный в виде памятной записки, Клементис передал Молотову. Польская сторона также, в свою очередь, проинформировала Москву. 19 декабря Деканозов принял временного поверенного

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 54. Д. 884. Л. 40–41; П. 42. Д. 703. Л. 52–54.

в делах Польши Г. Вольпе, который ознакомил советского дипломата с положением дел и подчеркнул рост числа антипольских статей в чехословацкой печати в последние месяцы, притеснение польского населения в Тешинской Силезии, закрытие польских школ и насильственное выселение поляков — коренных жителей этой территории. Деканозов был проинформирован и о том, что Фирлингер нескользкими днями ранее через послана Вербловского «неофициально посоветовал» полякам отказаться от идеи урегулировать спорные вопросы в течение двух лет после подписания договора о дружбе и взаимопомощи. Вольпе сформулировал просьбу к советскому правительству о содействии в устраниении нежелательных явлений, особенно насильственного выселения поляков под видом депатриации, указав, что целью этой акции является снижение доли польского населения в районе Тешина и изменение, таким образом, статистики, характеризующей национальный состав жителей. Деканозов обещал передать все услышанное руководству⁴⁵.

Итак, 1945 и 1946 годы, ставшие в послевоенное время ником конфликта по Тешинскому вопросу, завершились безрезультатно. И чехи, и поляки демонстрировали непреклонность, пытались склонить Москву к посредничеству. Советская сторона стремилась предоставить решение Тешинского вопроса самим заинтересованным сторонам, одновременно не допуская превращения конфликта в международный. При этом, несомненно, учитывалось, что тогдашнее польское правительство не располагало поддержкой большинства населения.

Ситуация изменилась в 1947 г., после того, как на выборах в польский сейм демократический блок, куда входили и коммунисты, одержал победу. Оставляя в стороне реальную оценку итогов выборов (доказано, что их результаты были сфальсифицированы)⁴⁶, отметим, что именно знание подлинного положения дел в Польше подвигло Москву на более решительные действия. 25 февраля 1947 г. Сталин и Молотов обратились к К. Готвальду со следующим письмом: «Дорогой товарищ Готвальд! Мы считаем, что дальнейшее затягивание с заключением чехословацко-польского договора о взаимопомощи создает скандальную ситуацию и производит

⁴⁵ Советский фактор в Восточной Европе. С. 386–387.

⁴⁶ АВИ РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 247. Л. 10, 34; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 95.

неблагоприятное впечатление как в СССР, так и в других дружественных нам странах. Нужно найти компромисс и подписать договор в течение ближайшего времени. Надеемся, что Вы сумеете преодолеть сопротивление националистических элементов Чехословакии и сделаете шаг к сближению с демократической Польшей. Сталин, Молотов»⁴⁷.

Из документов советского внешнеполитического ведомства следовало, что к «националистическим элементам» руководство относило правых лидовцев и национальных социалистов, то есть членов Лидовой (Народной) и Чехословацкой национально-социалистической партий (они входили в Национальный фронт чехов и словаков). Именно на них, как считали в Москве, делали ставку «англо-американцы», поощряя выдвижение территориальных претензий к полякам.

26 февраля письмо Сталина и Молотова было вручено Готвальду Зориным. Тогда же состоялась и беседа Зорина с Готвальдом и Клементисом. К сожалению, содержание ее, как и полученного в Москве после встречи ответа Клементиса, нам не известно. Косвенную информацию на этот счет содержит второе, сильно отличавшееся от первого по тональности, письмо Сталина и Молотова «товарищу Готвальду» от 27 февраля: «Вы не дали никакого ответа на наше послание. Ответ Клементиса мы не считаем ответом на наше послание, не говоря уже о том, что он является совершенно неудовлетворительным. Нам нужен Ваш ответ, ибо мы обращались к Вам, а не к Клементису. Думаете ли Вы ответить или нет?»⁴⁸

Оклик из Москвы подействовал, и Готвальд 28 февраля направил ответ «товарищам Сталину и Молотову», в котором говорилось: «Я намерен предложить на ближайшем заседании правительства подписать с Польшей Союзнический договор вместе с протоколом и дополнением в нем, как это было предложено Молотовым <...>. Я хочу, чтобы договор был подписан около 10 марта»⁴⁹.

10 марта 1947 г. в Варшаве польско-чехословацкий договор о дружбе и взаимопомощи был подписан. В подготовленном Зориным «Кратком обзоре внешней политики Чехословакии за январь-март

⁴⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 585.

⁴⁸ Там же. С. 586.

⁴⁹ Součastní Ustřední Archiv. F. 100/24. Sv. 99. A.j. 1143.l. 16; Восточная Европа в документах российских архивов. С. 586.

1947 г.», направленном 22 марта Молотову, договор был оценен как «несомненно, крупный шаг в деле сближения [Чехословакии] с демократической Польшей и усиления единства славянских народов в предвидении новой опасности со стороны общего врага — агрессивной Германии и ее покровителей». Вместе с тем, как отмечалось в обзоре, этот шаг вовсе «не был сделан чехословацким правительством по собственной инициативе»: потребовалось «серьезное давление со стороны сов[етского] пра[вительства]»⁵⁰.

Нажим Москвы будет более понятным, если учесть общую ситуацию на международной арене, характеризовавшуюся нарастанием напряженности в отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Пройдет всего три месяца, и мир узнает о «плане Маршалла» и о том, какое место отводилось в нем замыслу восстановления Германии.

Высокие оценки, которые давали договору подписавшие его стороны, были не только следованием внешнеполитической конъюнктуры и отражением диктата Москвы. Они объяснялись также и надеждами на решение со временем территориальных вопросов: считалось, что союзный документ, его практическая реализация, как и созданная им атмосфера во взаимоотношениях, смогут способствовать этому⁵¹.

После подписания договора объем информации о польско-чехословацких спорах, поступавшей в МИД СССР, сократился. Изменения коснулись и ее содержательной части. 22 октября 1947 г. посол Горак позитивно охарактеризовал отношения с Польшей и признал, что «единственный вопрос, в отношении которого до сих пор не удалось добиться успеха, — это школьный вопрос». В подтверждение Горак сообщил: в Тешинской области к 1 сентября 1947 г. имелось 76 польских школ разного уровня (народных — 62, городских — 9, средних — 2, коммерческих — 1, сельскохозяйственных — 2), в то время как для словаков в Польше не было открыто ни одной, а единственная народная школа в Кладской области, в г. Худоба, приняла на обучение 150 чешских детей; 800 словацких детей ждали зачисления в школу в г. Нижние Лапши, но она не была открыта; в районах Ратибора и Глубчицы польские центральные органы, отметил Горак,

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 77. Д. 1204. Л. 7.

⁵¹ Там же.

«отказываются вообще создавать предпосылки для национальной жизни чехов»⁵².

Именно организация «национальной жизни» чехов и словаков в Польше и поляков в Чехословакии определяла содержание дальнейших разногласий. В подтверждение приведем фрагмент записи беседы главного редактора пражской газеты *Rude právo* В. Нового с первым секретарем посольства СССР в Праге Н. Г. Новиковым 28 января 1949 г.: «До сих пор по вопросу Тешинской области между чехами и поляками имеются противоречия»; поляки требуют создать там чисто польскую потребкооперацию; открыть в Остраве под руководством генконсула Польши Венгерова радиостанцию, вещающую на польском языке, улучшить ситуацию в школьном деле и пр. По словам Нового, чехословацкая сторона согласилась на все требования поляков, за исключением руководства работой радиостанции польским дипломатом. Касаясь школьного вопроса, Новы заметил, что в Чехословакии были созданы школы для польских детей, а в Катовицах, например, чешские школы малочисленны, ибо польские власти вынуждают население не отдавать туда детей. Новы резюмировал: «Чехи идут на все уступки, в то время как поляки таких уступок не делают»⁵³.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что более эмоциональными и резкими в оценках ситуации вокруг Тешина были чехи, тогда как поляки оценивали обстановку спокойнее. Проявилось это и во время протокольного визита, который 29 марта 1949 г. новый посол Польши в Праге Боркович нанес советскому послу М. А. Силину. Затронув польско-чехословацкие отношения, Боркович специально остановился на Тешинском вопросе. Поскольку в марте истек срок двухгодичного договора обеих сторон по вопросу о Тешине, польская сторона предложила продлить договор еще на два года. Боркович напомнил об «историческом праве» Польши, вероятно, рассчитывая, что Москва примет это к сведению. Чехи же настаивали на немедленном решении судьбы Тешина. Силин записал в дневнике: «Дело дошло до товарища Сталина. Тов. Stalin посоветовал продолжить существующее положение еще на два года, т. е. согласиться с поляками. Но при этом тов. Stalin якобы добавил, что чехам нечего опасаться, так как все равно Тешин останется у них. С таким решением

⁵² АВП РФ, Ф. 06. Оп. 9. П. 77. Д. 1207. Л. 5–6.

⁵³ Там же. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 7. Л. 22.

согласились обе стороны. Затем поляки и чехословаки договорились опубликовать коммюнике о продлении срока действия польско-чехословацкого договора о Тешине. Однако ни одна из сторон еще не предложила проекта коммюнике на обсуждение»⁵⁴.

Не в интересах «социалистического лагеря» было афишировать наличие в нем каких-либо разногласий или трений. Вполне в духе подобного подхода Боркович в одном из интервью на вопрос журналистов о польско-чехословацких позициях по Тешину заявил: «Это мелкий вопрос, и о нем всегда можно договориться»⁵⁵.

Потребовалось, однако, еще почти десятилетие, прежде чем польско-чехословацкий спор был урегулирован. Достигнутая в 1958 г. договоренность наконец зафиксировала домюнхенские границы в спорной области, и Тешинский вопрос был решен, не превратившись, по счастью, в одну из «горячих точек» на политической карте Европы.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 3. П. 12. Д. 264. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 1–2.

Анатолий Семенович Аникеев

Македонский вопрос в балканской политике КПЮ в годы войны и мира (середина XX в.)

После завершения Балканских войн 1912–1913 гг. освобожденные территории Османской империи были по Бухарестскому мирному договору 1913 г. разделены между Сербией, Болгарией и Грецией. Наибольшая часть (Эгейская Македония) — территория в 35 тыс. км² с населением около 1 млн чел. — отошла к Греции; Вардарская Македония — 26 тыс. км² с населением около 730 тыс. чел. — к Сербии, а Пиринская Македония, или Пиринский край — 7 тыс. км² с населением 156 тыс. чел. — к Болгарии. Вскоре после вступления Болгарии в 1915 г. в Первую мировую войну на стороне Центральных держав болгарские войска оккупировали сербскую часть Македонии, однако после окончания войн по решению Версальской мирной конференции (Нейиский мирный договор 1919 г.) Вардарская Македония была возвращена теперь уже новому государству — Королевству сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Отношения двух стран в межвоенный период оставались сложными главным образом из-за нежелания Болгарии в полном объеме следовать статьям Нейисского договора, в частности, в вопросе территориального разграничения. Другой, не менее важной проблемой, непосредственно влиявшей на двусторонние отношения, было стремление радикальной части болгарского

DOI 10.31168/4469-1553-8.9

общества к ревизии договора. София негласно поддерживала постоянные террористические акции чет Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) на территории Вардарской Македонии, которая рассматривалась руководством этой организации как насильственно оторванная от матери-Болгарии земля. Подписанное в 1923 г. правительством А. Стамболовского Нишское соглашение было призвано улучшить ситуацию на границе, прекратить доступ террористов в сербскую часть Македонии. С приходом же к власти в Болгарии кабинета А. Цанкова, наряду с обещаниями следовать положениям этого соглашения, в Софии вновь заговорили о «болгарской Македонии». Реагируя на соответствующее заявление Цанкова в Народном собрании в 1924 г., министр иностранных дел королевства М. Нинчич заявил, что Македонии нет, есть только южная Сербия — «колыбель и центр нашего старого государства»¹. Полиэтническое население, проживавшее в этом регионе, в Белграде называли совокупно южными сербами. После территориальной реформы 1929 г. эта область официально стала именоваться Вардарской бановиной (без македонского этнонима). Она занимала чуть больше 15% всей территории Югославии, на которой проживали по переписи 1931 г. около 1,5 млн чел. Там проводилась активная политика гомогенизации (по сути, сербизации) местного, этнически неоднородного («мусульмане», турки, албанцы, болгары и небольшие группы других народов и народностей), но преимущественно македонского населения. В документах югославской и болгарской компартий того времени эта политика получила название «великосербской». КПЮ признала существование македонской нации только в 1939–1940 гг. и стала осуждать официальный курс югославских властей, выступая за национальную независимость македонского народа². Руководство КПЮ следовало установкам Коминтерна и видело решение македонской проблемы в объединении всех македонских земель в будущем коммунистическом федеративном или конфедеративном союзе Югославии, Болгарии и Греции при лидирующей роли Белграда. Подобные расчеты оказали влияние на политику КПЮ в регионе: пар-

¹ Jovanović V. «Srpski knjizevni glasnik» o jugoslovensko-bugarskim odnosima 1920–1930 // Istorija 20. veka. № 1. Beograd, 2012. S. 35.

² Киселиновски Ст. Националното и државното во македонското революционерно движение (1893–1944) // АСНОМ: Педесет година македонска држава 1944–1994. Скопје, 1995. С. 73.

тийное руководство уже в начале Второй мировой войны вступило в спор с болгарскими коммунистами за право возглавить коммунистическую организацию в Вардарской Македонии, большая часть которой была в 1941 г. вновь оккупирована Болгарией — союзницей Третьего рейха.

Война открыла новый этап в истории македонского народа, всегда стремившегося к обретению собственной государственности. Оккупированные македонские земли Югославии и Греции были разделены между Германией, Болгарией и Италией. Германские власти в отдаленной перспективе планировали создание на Балканах (возможно, с опорой на руководимую болгарским политическим деятелем Иваном (Ванчо) Михайловым ВМРО) единой македонской территориальной единицы под рукой профашистских балканских режимов. К этим планам неодобрительно относились их болгарские союзники, мечтавшие о «Великой Болгарии», в которую вошла бы вся Македония³.

Особое место македонский вопрос занимал в военно-политических планах югославской компартии, которая, благодаря выдающимся успехам в вооруженной борьбе с оккупантами, выдвинулась на рубеже 1942–1943 гг. на центральное место в движении Сопротивления на Балканах. Руководство КПЮ планировало объединить югославские и греческие партизанские силы и создать таким путем ядро будущей федерации на Балканах. Однако о привлечении болгарских коммунистических групп Сопротивления к этим планам в тот период открыто не говорилось. Секретарь краевого (македонского) комитета КПЮ М. Шаторов, занявший этот пост по рекомендации Г. Димитрова, был сторонником македонской национальной идеи и призывал к объединению всех македонцев и представителей других проживавших в Македонии народностей «ради их общего права на свободу и равноправие, но без расчленения македонской земли и македонского народа». Он также считал целесообразным установление связи с подпольным руководством болгарской компартии и рассматривал возможность действовать в дальнейшем под его началом⁴. ЦК КПЮ

³ Подробнее о политике оккупантов в Вардарской Македонии, пытавшихся опираться на различные местные националистические группировки, см.: *Малковски Г. Профашистичките и колаборацоонистичките организации и групи во Македонија. 1941–1944 година. Скопје. 1995.*

⁴ Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство: с конца Первой мировой войны и до создания национального государства.

не устраивала проболгарская позиция Шаторова, и вскоре он был смешен со своего поста.

В греческой литературе указывается, что болгарская оккупация македонских земель была одобрительно встречена местным населением, а македонская парторганизация, провозгласив лозунг «Долой правительство Филова!», не призывала, однако, к изгнанию болгарских оккупантов. Население оккупированной территории идею национального освобождения предпочитало, преимущественно, требования социального характера⁵. Мечта о «Великой Сан-Стефанской Болгарии» находила отклик и среди македонцев.

Вскоре после начала полемики руководство Коминтерна в письме руководителям Болгарской рабочей партии (БРП) и КПЮ дало указание установить тесное взаимодействие для организации борьбы с оккупантами. Болгарской компартии рекомендовалось оказывать КПЮ всемерную поддержку в Македонии, опираясь на лозунг самоопределения македонского народа⁶. Активную роль в преодолении проболгарской ориентации среди членов македонского краевого комитета сыграл лично Й. Броз Тито. ЦК БРП выразил тогда же полное согласие с решением Коминтерна. Обострение ситуации в македонской парторганизации, инициированное югославским партийным руководством, как и поддержка действий ЦК КПЮ со стороны Коминтерна, стали отправной точкой в консолидации ориентированных на Югославию и КПЮ политических сил в Вардарской Македонии. Руководство югославской компартии призывало македонских коммунистов повсеместно создавать народно-освободительные комитеты как органы формирующегося македонского народно-освободительного фронта. При этом в директивном письме ЦК КПЮ краевому комитету по Македонии от 15 марта 1942 г. содержались также указания решительно противодействовать великоболгарской гегемонии и политике денационализации. Одновременно рекомендовалось

Т. П. Скопье, 1985. С. 385–389; Киселиновски Ст. Националното и државното во македонското революционерно движение. С. 74.

⁵ Resurgent irredentism. Documents on Skopje «Macedonian» nationalist aspirations (1934–1944). Thessaloniki, 1993. Р. 24–25. Югославский историк Б. Петрапович отметил, что немецким победам особенно радовались македонцы. Политика Белграда на юге этому способствовала. На возможный приход болгар смотрели, как на национальное освобождение (*Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd, 1992. S. 62–63).

⁶ Документы о борьбе македонского народа. С. 391–392.

разоблачать проводимую эмигрантским правительством в Лондоне «великосербскую политику» и популяризировать СССР, Красную армию и южнославянских партизан⁷. Таким образом, руководство КПЮ подтвердило свою готовность следовать стратегической линии Коминтерна на Балканах, а болгарской компартии дало понять, что оно полно решимости проводить собственную политику в Македонии. Основным условием реализации поставленных целей должна была стать успешная борьба возглавляемого коммунистами крыла Сопротивления с фашистскими оккупантами и вытекающее из этого усиление влияния КПЮ в Югославии.

Планы создания на Балканах конфедеративных или федеративных объединений, в частности югославо-греческой унии, обсуждались и в противоположном лагере. Осенью 1941 г. королевское эмигрантское правительство в Лондоне предложило этот проект для предварительного обсуждения союзникам по антигитлеровской коалиции. В то же время «лондонцы» резко отреагировали на прозвучавший в Москве 10 августа 1941 г. на Всеславянском митинге лозунг югославской коминтерновской эмиграции, призывающий к завоеванию независимости Черногории и Македонии. Он был расценен как попытка отмежеваться от «сербства» и, по словам министра иностранных дел М. Ниничча, по сути, повторял тезис итальянской и немецкой пропаганды. Югославскому послу в СССР М. Гавриловичу было поручено заявить по этому поводу протест советскому правительству⁸.

Во время встречи И. В. Сталина и В. М. Молотова с британским министром иностранных дел А. Иденом в Москве 16 декабря 1941 г. по предложению советской стороны обсуждались проблемы «реорганизации европейских границ после войны». В Москве считали желательным восстановить Югославию в довоенных границах, обеспечив некоторые территориальные приращения за счет Италии. Греция также могла рассчитывать на старые границы, а от Болгарии предлагалось отрезать часть земель, населенных турками, в пользу Турции. Эта информация была секретной, но в том или ином виде по коминтерновским каналам югославское партийное руководство могло

⁷ Документы о борьбе македонского народа. С. 413.

⁸ Duretić V. Vlada na bespuču. Internacionalizacija jugoslovenskih protivrjećnosti 1941–1944. Beograd, 1983. S. 109–112.

узнать о готовности Москвы к известной перекройке границ на Балканах, что придавало ему уверенности при определении собственных планов на этот счет⁹.

На рубеже 1942–1943 г. КПЮ активизировала действия в Эгейской Македонии. С этой целью туда прибыл один из ближайших соратников Тито С. Вукманович-Темпо. Летом 1943 г. на встрече с офицерами греческой национально-освободительной армии (ЭЛАС) и представителями албанского партизанского движения он выступил с инициативой создания объединенного партизанского штаба, действующего под началом Верховного штаба НОАЮ – Народно-освободительной армии Югославии¹⁰. Тогда же Тито в переписке подчеркивал, что Югославия во всех отношениях играет лидирующую роль на Балканах и, по мнению Коминтерна, должна быть военным и политическим центром балканских стран¹¹.

Осенью того же года Главный штаб народно-освободительной армии и партизанских отрядов Македонии обратился к македонскому народу с манифестом, в котором были сформулированы цели и задачи освободительной войны. В нем, вероятно, впервые было открыто сказано о планах создания после войны «братского союза южнославянских народов», в который будет принят и «братский болгарский народ». Говорилось о том, что все балканские народы едины в борьбе за создание братского, федеративного союза балканских народов на основах полного национального равноправия и признания за ними права на самоопределение. Утверждалось, что никогда еще македонский народ не находился в столь выгодном положении и у него не было так много союзников в деле осуществления векового идеала – объединения Македонии¹². Радикалы из Народно-освободительного комитета Македонии считали, что в документе следовало четко указать на намерение обеспечить свободу и равноправие не только для населения одной трети Македонии, входившей в состав

⁹ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 16–17.

¹⁰ Выполнить эту задачу Вукмановичу не удалось. См.: Krivokapić B. Tempo: Ja i Tito. Beograd, 1990. S. 20–23.

¹¹ Deakin W. British military mission in Serbia and Macedonia (1943–1945) // Зборник на трудови посветени на академикот Михаило Апостолски. Скопје, 1986. С. 268; Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945). Knj. 13 (septembar–oktobar 1943). Beograd, 1990. S. 367.

¹² Документы о борьбе македонского народа. С. 453.

бывшей Югославии, но и на его желание объединиться с братьями-македонцами, находящимися «под Грецией и Болгарией»¹³.

После коренного перелома, достигнутого в войне прежде всего усилиями Красной армии, в Наркоминделе СССР было создано несколько комиссий по проблемам послевоенного мирного урегулирования. Тогда же югославское партийное руководство довело до сведения советской стороны свои представления о будущей послевоенной политике Югославии. Представители КПЮ в Москве В. Влахович и Б. Масларич получили от комиссии М. М. Литвинова, готовившей материалы по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, задание составить справку о международном положении Югославии после окончания войны и перспективах отношений с соседями, включая и спорные территориальные вопросы. Их перечень открывала Македония, а решение македонского вопроса увязывалось с возможностью создания юнославянской федерации¹⁴. Авторы справки считали, что присоединиться к Вардарской Македонии в составе федеративной Югославии неизбежно будут стремиться македонцы Эгейской и Пиринской частей. В случае появления реальной перспективы создания такого юнославянского федеративного или конфедеративного государства перед международным сообществом вставал вопрос о судьбе греческой Македонии и порта Салоники, включение которых в новое государство было бы необходимо с национальной, экономической и стратегической точек зрения. Влахович и Масларич указывали, что руководство КПЮ пока не выдвигает лозунги объединения Македонии или создания юнославянской федерации, но подчеркивали важность осмысления этих вопросов и необходимость их решения по мере создания конкретных условий¹⁵.

После проведения в ноябре 1943 г. второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), конституировавшей коммунистические институты власти на освобожденных территориях Югославии, Тито по каналам Коминтерна передал в Москву запрос о возможности их признания. В декабре 1943 г. в Югославию была направлена советская военная миссия во главе с генерал-майором Н. В. Корнеевым, а 12 апреля 1944 г. в Москву

¹³ Документы о борьбе македонского народа. С. 463–466.

¹⁴ Гибианский Л. Я. Балканский узел // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 95.

¹⁵ Там же.

прибыла югославская военная миссия, которую возглавлял генерал В. Терзич. Спустя две недели с руководством миссии, в составе которой временно находился член ЦК КПЮ М. Джилас, встретился Молотов. В ходе беседы проявился интерес советской стороны и к македонским делам, в том числе, имелся ли выход к морю с территории, контролируемой югославскими партизанами, каков национальный состав жителей Салоник. Вероятно, последний вопрос Молотов задал в расчете выяснить, насколько обоснованным было бы выдвижение этнического фактора в переговорах с западными союзниками при обсуждении проблемы включения в проектируемую югославами объединенную Македонию ее греческой части. В ответ югославы сообщили, что большинство горожан составляют греки, но деревни вокруг города населены македонцами¹⁶. Ситуация осложнялась еще и тем, что Москва, как и руководство югославской компартии, должна была учитывать и позицию проживавших в Эгейской Македонии греческих славо-македонцев, многие из которых выражали желание объединиться в самостоятельном государстве с вардарскими и пирийскими македонцами. Руководитель Бюро греческой компартии (КПГ) по западной части Эгейской Македонии Л. Димовский-Ошенский (Лазос Нтимос), сторонник концепции КПЮ в македонском вопросе и представитель славянского этноса в КПГ, критиковал собственное партийное руководство, опасавшееся обвинений от официальных греческих властей в национальной измене в связи с выдвижением территориальных требований. Он ставил вопрос об объединении македонцев, опираясь на решения второй сессии АВНОЮ, конститутировавшей создание республики Македонии в составе новой Югославии. В письме в ЦК КПГ от 24 января 1944 г. Димовский-Ошенский, зная о преобладавшей в партийном руководстве тенденции и опасениях, подчеркивал, что, говоря о славянских македонцах, «мы имеем в виду не всю Македонию, входящую в греческие пределы, а лишь эту ее часть (Лерин-Костурский район с 65–70 % славянских македонцев. — А. А.), где большинство населения — славянские македонцы, и которая экономически и географически связана с другими частями, находящимися под Сербией и Болгарией»¹⁷.

¹⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948 гг. М.: Новосибирск, 1997. С. 30.

¹⁷ Документы о борьбе македонского народа. С. 485–486.

Настроения славянских македонцев из КПГ отвечали позиции радикалов-максималистов в руководстве югославской компартии, в частности С. Вукмановича-Темпо, участвовавшего в то время в рейдах греческих партизан по Эгейской Македонии. Главной их целью было реализовать в перспективе план объединения трех частей Македонии под флагом коммунистической Югославии. Поддержка объединительных настроений славян в греческой Македонии способствовала поддержанию напряженности между югославской компартией и КПГ, поскольку, как отмечалось, греческие коммунисты не могли по внутренним причинам идти в программе на территориальные уступки, не рискуя потерять доверие своих сторонников в стране.

Акцент на возможности создания на Балканах единой Македонии с последующим образованием южнославянской федерации для руководителей югославской компартии не был случайным. Известно, что эмигрантское правительство в Лондоне и британская дипломатия в 1942–1943 гг. стремились к созданию югославо-греческой оси на Балканах (греко-югославское соглашение 1942 г. о балканской унии) в противовес коминтерновским планам балканской федерации, в которой могла бы, как считали тогда в Лондоне, доминировать послушная Москве Болгария, способная обеспечить и советское влияние в Македонии¹⁸. Весной и летом 1944 г. британское руководство и лично У. Черчилль пытались прояснить ситуацию вокруг Македонии и намерения СССР и партизан Тито в отношении этой территории. Вывод был не в пользу британских интересов в регионе, поскольку на Балканах формировалось очевидное и значительное советское влияние. Британия, как считал Черчилль после встречи с Тито в Италии в августе 1944 г., мало что могла противопоставить усилению этого процесса¹⁹.

Действительно, с выходом Красной армии на Балканы ситуация стала меняться кардинальным образом. 2 августа 1944 г. первая сессия Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии (АСНОМ) приняла обращение к македонскому народу, в котором подчеркивалось, что «македонский народ вступает на положении национально освобожденного и равноправного члена

¹⁸ Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976. P. 187; Ristović M. Jugoslavija i gradanski rat u Grčkoj (1945–1950) // Balkan posle drugog svetskog rata. Beograd, 1996.

¹⁹ Barker E. Op. cit. P. 199.

в новую демократическую и федеративную Югославию на принципах, утвержденных на второй сессии АВНОЮ», и что македонцы становятся «союзником великих держав-победительниц»²⁰. В документе подчеркивалось, что, исходя из «многовековых идеалов македонского народа, первая сессия Народного собрания Македонии выражает перед лицом всего мира справедливое и неотступное стремление к воссоединению всего македонского народа на принципе права на самоопределение». Обращаясь к македонцам и македонкам, «подвластным Болгарии и Греции», авторы указывали, что, в соответствии с концепцией ЦК КПЮ о законности выдвижения политических требований лишь на основе последовательной борьбы с нацизмом, воссоединение всего македонского народа зависит от их «приобщения к гигантскому антифашистскому фронту». Только «борьба против коварных фашистских оккупантов принесет завоевание права на самоопределение и объединение всего македонского народа под опекой Югославии Тито», — говорилось в обращении²¹. Таким образом, югославское руководство теперь уже открыто заявило о своих планах по объединению всей Македонии и включению ее в состав новой Югославии. При этом предполагалось, конечно, что инициатива такого объединения должна будет исходить от пириńskих и эгейских македонцев, активно включившихся в антифашистскую борьбу в регионе и пока не ранжированных коммунистами по их политической принадлежности.

Быстрое продвижение советских войск на Балканах летом-осенью 1944 г., помимо основной, военной, задачи — изгнания гитлеровских захватчиков и слома их военной машины, имело и другую, не менее важную для Сталина, задачу обеспечения долговременного стратегического советского присутствия в регионе с опорой на новых союзников: почти коммунистическую Югославию и быстро переориентированную на Москву Болгарию. Беспрепятственный бросок советских танков через Болгарию в Западную Фракию, вплоть до турецкой и греческой границ, создававший надежный плацдарм вблизи Эгейского моря, мог обернуться серьезными последствиями: он подпитывал уверенность югославов в возможности реализации их планов объединения Македонии и последующего создания

²⁰ Документы о борьбе македонского народа. С. 677.

²¹ Там же. С. 678.

федерации с Болгарией, а болгарским коммунистам позволял, при определенных обстоятельствах, требовать у Греции возвращения Западной (Эгейской) Фракии. Не согласованная с западными союзниками и вызвавшая протест британской дипломатии заброска (по личному указанию Молотова) в конце июля 1944 г. в Грецию, в район дислокации отрядов ЭЛАС, «группы связи» (советских офицеров во главе с Г. М. Поповым) также, возможно, свидетельствовала об упреждающих шагах Москвы в подготовке к дискуссии с британскими союзниками о разделе Балкан на зоны влияния. Сферу своих, фактически блоковых, притязаний советская сторона обозначила в то время, когда в Каире дипломаты США и Великобритании вели сепаратные переговоры с представителями болгарского правительства. Одной из главных тем переговоров была македонская. София хотела видеть Македонию в возглавляемой ею федерации или допускала создание самостоятельного и независимого македонского государства, рассчитывая оказаться его приоритетным партнером. В любом случае вариант решения македонской проблемы в рамках югославской федерации, по мнению болгарских делегатов, должен был быть отвергнут²².

События развивались стремительно: 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии, несмотря на ее заявление 25 августа о нейтралитете, а 9 сентября в стране произошел государственный переворот, и к власти пришло правительство Отечественного фронта. Неделей раньше греческое правительство потребовало эвакуации болгарских войск из Эгейской Македонии и Фракии.

Югославское руководство, действуя в тот период в строгом соответствии с кремлевским сценарием, стремилось реализовывать свои планы поэтапно: сначала присоединение Пиринского края, а уже затем, учитывая международную ситуацию и настроения в Москве, для которой было важным сохранение дружественных отношений с Западом, — выдвижение новых задач. Вариант присоединения путем югославо-болгарского союза или южнославянской федерации обсуждался в Москве (в сентябре 1944 г. во время визита Тито) и одновременно в Софии, куда прибыли Вукманович-Темпо и македонское

²² Мински М. Македонското прашанье во международните односи во времето на одржувањето на првото заседание на АСПОМ (1943–1944) // АСПОМ: Педесет година македонска држава. С. 246–247.

партийное руководство. Болгарские руководители считали, что при создании федерации объединенная Македония окажется, в силу историко-культурных традиций и географических особенностей, ближе к Болгарии. Югославский вариант они расценивали как аннексию территории побежденного государства, что, естественно, вызывало негативное отношение²³. Между тем югославские македонцы продолжили давление на БРП(к)²⁴. Так, в письме от 1 октября 1944 г. в ЦК болгарской компартии Л. Колишевский, секретарь КП Македонии, подчеркивал, что «македонскому народу в болгарской части Македонии принадлежит право на самоопределение, вплоть до отделения или объединения на добровольной основе с другими народами». Вскоре после этого была достигнута договоренность о том, что в Горноджумайской области (территория Пиринской Македонии) будут сформированы военные части, которые войдут в состав болгарской народной армии и вместе с македонскими подразделениями НОАЮ поведут борьбу против гитлеровцев. Также планировалось создание там народно-освободительных комитетов, подчиненных областному комитету, которые временно действовали бы в рамках Отечественного фронта. В письме также говорилось о том, что на основе этих изменений македонский народ Пиринского края мог бы свободно вести пропаганду «в пользу объединения македонского народа или присоединения болгарской части Македонии к матери-земле». Отвергая радикальные заявления некоторых югославских партизанских командиров о необходимости подчинения им македонских подразделений, сформированных на территории Пиринского края, автор письма подчеркивал, что объединение предполагает известную временную перспективу²⁵.

В октябре 1944 г. Колишевский направил болгарскому руководству еще одно письмо, в котором выразил беспокойство, что, вопреки достигнутым договоренностям, болгары не выполняют согласованную программу по развертыванию в Пиринском крае македонской пропаганды, о чем он уже информировал Тито и ЦК КПЮ. Завершалось письмо фразой, позволявшей понять, до известной степени, характер представлений македонского и югославского партийного

²³ Rачев С. Чърчил, България и Балканите (1939–1945). София, 1995. С. 390–391.

²⁴ Болгарская рабочая партия (коммунисты) — название компартии с конца сентября 1944 г.

²⁵ Документы о борьбе македонского народа. С. 728–729.

руководства о сущности и перспективах объединения двух македонских земель. Колишевский писал: «Мы желаем решать все вопросы вместе с вами, но не можем смириться с тем, чтобы присоединение болгарской части Македонии безусловно обусловливалось заключением тесного союза между Югославией и Болгарией, а в том случае, если до этого желанного союза [дело] не дойдет, пришлось бы отказаться от права македонского народа на самоопределение и добровольное присоединение»²⁶. Варианты этой македонско-югославской формулы обсуждались между двумя компартиями вплоть до конфликта Информбюро с Югославией. Очевидно, что югославы хотели решить эти сложные вопросы как можно скорее, явочным порядком, возможно, не дожидаясь завершения войны и в обход всех сопутствующих международно-правовых и институциональных норм. При этом они рассчитывали на поддержку советского руководства, зная о его готовности в тот период оказать помочь своим новым союзникам в реализации двустороннего федеративного плана.

Осенью 1944 г. вопрос о югославо-болгарской федерации стал рассматриваться конкретно. Во время ноябрьского визита в Москву Э. Карделя и И. Шубашича он обсуждался со Сталиным, который предложил ускорить процесс создания союза. Уже в ноябре стороны обменялись своими проектами. В югославском проекте македонский вопрос вообще не упоминался, а один из пунктов болгарского проекта содержал предложение об обмене территориями. Закрепленная в болгарском документе формулировка гласила, что «обе стороны, уважая решение АВНОЮ, согласно которому македонцы, наряду с другими народами федеративной Югославии, признаны равноправным народом, признают его полное право на самоопределение». Были прописаны также условия, на которых предполагалось провести объединение. Так, «после признания объединенного федеративного государства югославского народа, согласно воле большинства населения, те части Македонии, которые были переданы Болгарии по договору 1913 г., и те части Болгарии, которые отошли к Югославии по договору 1919 г., будут присоединены к Македонии и, соответственно, Болгарии, согласно воле их населения». София заявила также о готовности оказать помочь

²⁶ Там же. С. 730.

населению Сербии и Македонии, пострадавшему от болгарской оккупации в годы войны²⁷.

В начале декабря Тито и Кардель, встречаясь с болгарским представителем в Белграде П. Тодоровым, обсуждали условия, на которых Болгария могла бы войти в федерацию. Тито считал, что на Болгарию должны будут распространяться те же права, на которых в федеративную Югославию входят все ее республики. Тодоров был готов согласиться, подчеркнув только, что в планируемой федерации болгары рассчитывают на подлинное равноправие с другими республиками. Ответом Тито стало его заверение, что Болгария как самая крупная федеральная единица будет обладать приоритетным статусом. В подробной схеме объединения, предложенной Тодоровым для обсуждения, предусматривалось присоединение Пиринской Македонии к республике Македония²⁸. Несмотря на кажущееся сближение позиций, в Софии, между тем, не склонны были идти на уступки югославам. Решение македонского вопроса стороны видели по-своему, что не позволяло согласовать текст окончательного договора о союзе. 22 декабря 1944 г. в Софию отправился Э. Кардель, и вскоре появился новый болгарский вариант договора. Его отредактированная македонская часть выглядела теперь следующим образом: «Часть Македонии, с 1913 года принадлежавшая Болгарии, будет присоединена к объединенному македонскому государству, которое в качестве равноправного члена войдет в состав федерации югославянских народов, а те части болгарской территории, которые отошли к Югославии по договору в Нейи от 1919 года, будут возвращены Болгарии». Характерно, что в переделанном по настоянию Карделя тексте отсутствовало начало фразы, имевшейся в первоначальном болгарском варианте: «После признания объединенного федеративного государства югославского народа». Кардель в письме Тито в конце декабря 1944 г., касаясь этой части договора, размышлял: «Не знаю, возможно ли для нас с принципиальной точки зрения согласиться на такую формулировку, которая имеется в их предложении о Македонии, т. е. согласиться с тем, что Болгарская Македония объединится с югославской только в случае объединения с Болгарией. Полагаю, что та-

²⁷ Avramovski Z. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federacije (1944–1947) // Istorija 20. veka. № 2. 1983. S. 92, 98–103.

²⁸ Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi. 1944–1949. Beograd, 2007. S. 62–63.

кое право македонцы имеют, не обращая внимания на то, дойдет ли дело до федерации с Болгарией или нет»²⁹. И далее Кардель отмечал, что текст договора еще недостаточно конкретен и что это отдаляет перспективу его заключения. «Болгарам бы это (то есть заключение договора в таком виде. — А.А.) принесло пользу, а нам — внешнеполитический ущерб». Данное свидетельство отразило сугубо инструментальный, а не декларируемый «пролетарско-классовый», интернационалистский подход югославского руководства к союзу с Болгарией и, соответственно, к македонскому вопросу. Кардель советовал Тито обратить серьезное внимание Сталина на опасность затягивания процесса объединения, поскольку в ситуацию «могли вмешаться англичане» и воспрепятствовать дальнейшим действиям в этом направлении. «Сейчас самое время, — писал Кардель. — Сомневаюсь, что когда-либо позже будет так же»³⁰.

Внутри югославского руководства, видимо, не было единства по поводу того, какой должна быть федерация двух стран. Тито в своем окружении говорил, что никогда не согласится на союз, в котором Болгария будет равна всей Югославии. Так возник проект, по которому Болгария должна была войти в федерацию на тех же условиях, что и югославские республики, в качестве седьмого ее члена, что не могло устроить Софию и вызвало также возражения Сталина. Советский лидер, по всей вероятности, усмотрел в югославском проекте развернутую программу усиления Югославии на Балканах, противоречившую кремлевским планам и чреватую конфликтом с Западом. Отсюда его категоричная оценка, прозвучавшая на встрече с югославами в Москве в начале января 1945 г.: проект «не годится». По мнению Сталина, Болгария и Югославия являлись двумя государствами, которые «могли бы войти в конфедерацию с перспективой дальнейшего полного объединения <...>, основанного на принципе дуализма» (он привел в качестве примера Австро-Венгрию). В югославском же проекте, считал Stalin, по которому Болгария получала бы равные права с отдельными югославскими народами, «болгары усмотрят желание проглотить их». В ответе А. Хебранг, возглавлявший югославскую делегацию на переговорах, попытался охарактеризовать позицию болгар, указав на их стремление облегчить решение вопроса

²⁹ Avramovski Z. Devet projekata ugovora. S. 105–107.

³⁰ Ibid. S. 107–108.

о Македонии, а также, опираясь на федерацию с Югославией, выйти из международной изоляции. Как считали югославы, «договор позволил бы болгарам уйти от ответственности за преступления, совершенные во время войны», и, вместе с тем, позволил бы сохранить положение Болгарии в качестве суверенного государства. Как можно было понять, именно эти обстоятельства вынудили югославское руководство отклонить в начале января 1945 г. уже согласованный, «дуалистический», вариант договора и принять новый, основанный на вхождении Болгарии в федерацию с теми же правами, какие будут иметь отдельные народы Югославии: сербы, хорваты, македонцы и другие. В таком случае будущая федерация смогла бы «внутренними усилиями правильно воздействовать на Болгарию», а сам договор, как рассчитывали югославы, был бы значительно лучше принят в Югославии³¹. Если попытаться адекватно интерпретировать аргументацию Хебранга, который надеялся на поддержку югославских планов Кремлем, то участие Болгарии в войне на стороне Германии и ее союзников заслуживало лишения ее собственной государственности и проведения в дальнейшем «перевоспитания» бывшего германского сателлита внутри югославской федерации. Можно себе представить, как этот замысел мог быть реализован на практике!

Между тем Сталин и Молотов еще раз напомнили югославским «товарищам», что осуществление их плана, «если повернуть дело круто», может привести к тому, что «болгары могут шарахнуться в сторону Америки и Англии и даже в сторону Турции. Надо готовить федеративное объединение, основанное на принципе дуализма». По мнению Молотова, «даже договор о дружбе и взаимопомощи испугает турок и греков, испугает румын, наступит сумятица в Европе. Это будет целое событие в Европе. Испугаются все, не испугается только один Советский Союз»³². Но, видимо, и Советскому Союзу пришлось испугаться, как только его руководство узнало обо всех территориальных претензиях Белграда к своим соседям, свидетельствовавших о непомерных аппетитах верхушки КПЮ, стремлении к тотальной ревизии версальских соглашений в пользу «новой Югославии». В частности, на вопрос Сталина о том, как обстоят дела с Грецией, Хебранг ответил, что от Греции Югославия рассчитыва-

³¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 128–129.

³² Там же. С. 129.

ет получить греческую Македонию и Салоники. Требования эти, как он сказал, раньше не выдвигались, чтобы не создавать трудности для ЭЛАС внутри страны, но сейчас время пришло. Молотов по этому поводу заметил, что греческие македонцы сами могут поставить территориальный вопрос, а последовавшая тут же реплика Сталина свидетельствовала о нежелании Москвы поддерживать беспредельные югославские амбиции: «Создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобное положение»³³. В беседе с Г. Димитровым на следующий день Stalin еще раз выразил свое негативное отношение к югославскому проекту договора с болгарами, а также к территориальным претензиям югославов к Венгрии, Греции, Австрии, Албании и Италии³⁴.

В конце января 1945 г. югославы и болгары были вновь вызваны в Москву, где им предложили ограничиться заключением договора о политическом и военном союзе. К тому времени британская дипломатия в нотах в Москву, Софию и Белград дала понять всем инициаторам болгаро-югославского сближения, что Лондон против их концепции объединения³⁵. В новых вариантах договора предусматривался обмен территориями. В версии заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского вопрос был редуцирован до принятия на себя договаривающимися сторонами обязательства мирно урегулировать все территориальные вопросы, связанные с договорами от 1913 и 1919 гг.³⁶ Югославский исследователь Ж. Аврамовски приводит фрагмент из записи переговоров в Москве в январе-феврале (запись содержала несколько пропусков), сделанной руководителем югославской делегации М. Пьяде. Из документа следует, что Stalin с особым вниманием отнесся к македонскому вопросу в планируемом болгаро-югославском договоре. Так, он советовал серьезно подготовиться к послевоенному обсуждению всего македонского вопроса в целом. На данном этапе следовало, по его мнению, использовать гибкие формулировки относительно Македонии, заявить о том, что она будет самостоятельна. «Предоставить ей полную независимость как самостоятельному государству. Это осложнито бы англичанам...

³³ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 130.

³⁴ Resurgent irredentism. P. 44.

³⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 346. П. 158а. Д. 5. Л. 1.

³⁶ Avramovski Z. Devet projekata ugovora. S. 116.

(слово нечетко) (так в тексте. — А.А.) независимую Македонию <...> Македония как третья федеральная единица <...>. Не следовало говорить о размене территорий <...>. О федерации секретный договор премьеров, либо обмен письмами между ними», — так Пьяде отрывочно записал замечания, сделанные Сталиным³⁷. Похоже, что к тому времени, спустя всего три недели после беседы с Хебрангом, у Сталина возник компромиссный вариант как уступка настойчивым требованиям югославов.

Безусловно, позиция советского лидера, упоминавшего о возможной реакции Британии на «македонские» статьи договора, формировалась в тот период под влиянием наступательной тактики англичан, пытавшихся вместе с американцами воспрепятствовать советским замыслам на Балканах. Активность Москвы в конце 1944 г. желавшей добиться от своих балканских «товарищей» скорейшего создания союза, вызывала растущую озабоченность Лондона. Кремль не хотел вступать в полемику с западными союзниками накануне обсуждения в Ялте проблем Восточной Европы, чем, возможно, и объяснялись действия советского руководства, заставившего болгар и югославов отложить подписание двустороннего договора. Возможно, Сталин думал поставить Запад перед свершившимся фактом и затем попытаться защитить южнославянское объединение, обсуждая компромиссные варианты его расширения за счет Греции или Турции, как того хотели англичане.

После англо-советской секретной договоренности 1944 г. («процентное соглашение»), закрепившей отход Греции на 90 % в зону британского влияния, Москва, не отказываясь в перспективе от советизации этой страны с опорой на КПГ, вынуждена была умерить территориальные амбиции своих новых балканских союзников. Дополнительным свидетельством серьезных намерений Лондона стала «декемвриана» — продолжавшиеся больше месяца вооруженные столкновения руководимых коммунистами партизан, с одной стороны, и греческих и британских регулярных частей — с другой, в ответ на решение правительства разоружить партизанские отряды.

На рубеже 1944–1945 г. британская дипломатия разрабатывала планы противодействия стремлениям Болгарии и Югославии

³⁷ Avramovski Z. Devet projekata ugovora. S. 95.

получить греческую территорию или добиться выхода Болгарии к Эгейскому морю³⁸. Еще в начале января 1945 г. в письме советника посольства Великобритании в Москве Дж. Бальфура В. М. Молотову говорилось о стремлении югославского руководства включить греческую Македонию в состав Югославии. «Мое правительство, — сообщал дипломат, — не возражает против создания македонского государства как федеральной единицы в будущей федеративной Югославии, но только при условии, что это государство (или югославское федеральное правительство, выступающее от его имени) не аннексирует никаких территорий, принадлежащих либо Греции, либо Болгарии, и не предъявит на них претензий на том основании, что такие территории являются “македонскими”»³⁹. Британский посол в Греции Р. Липер сообщал об отсутствии пограничного контроля на югославо-греческой границе и свободном передвижении через нее «банд ЭЛАС и Тито». Он отметил, говоря о македонской проблеме, что она во все большей степени становится конфликтным элементом в отношениях между руководством КПГ и местными группировками ЭЛАС, не одобряющими македонский сепаратизм. В Лондоне с вниманием следили за такими фактами, как создание болгарами военных бригад греческих македонцев, а также формирование на территории Югославии Эгейской партизанской ударной бригады, что рассматривалось англичанами как югославские претензии на Эгейскую Македонию. Тито в контрпропаганде пытался заверить британцев через их представителя при штабе НОАЮ Ф. Маклина, что у югославского руководства нет агрессивных планов против греческой Македонии, а все югославские территориальные претензии будут отложены до мирной конференции⁴⁰.

Для греческой компартии македонский вопрос представлял, как уже отмечалось, сложную проблему по внутриполитическим причинам: попытки солидаризироваться с югославской политикой были чреваты обвинениями в намерении расчленить страну. Сталкиваясь с давлением югославов, греческое коммунистическое руководство пыталось найти поддержку в Москве. В письмах в ЦК ВКП(б) оно подчеркивало: «Югославы хотят, чтобы из-за 120 000 македонцев мы

³⁸ Barker E. British Policy in South-East Europe. P. 201–202.

³⁹ АВИ РФ. Ф. 074. Оп. 346. П. 158а. Д. 5. Л. 4–6.

⁴⁰ Barker E. Op. cit. P. 202.

потеряли весь греческий народ, чувствительность которого в национальном вопросе в последнее время развилась, естественно, до крайней степени»⁴¹. Как сообщала советская разведка, «представители Народно-освободительной армии Югославии в своей работе по организации партизанского движения в Македонии встретили со стороны ЭАМ (Национально-освободительный фронт Греции. — А.А.) решительное сопротивление. ЭАМ отстаивает старые границы Греции и не допускает самоопределения Македонии. Такой позиции придерживаются коммунисты». «Секретарь ЦК КП Греции в беседе с представителем маршала Тито заявил, что ни о каком самоопределении македонцев не может быть речи, ибо македонского народа в природе не существует. Греческие коммунисты в Македонии решительно борются с движением македонцев к самоопределению <...>. Македонцам запрещается оказывать какое-либо содействие представителям армии маршала Тито»⁴². КПГ и в конце 1944 г. продолжала направлять в Москву сообщения, в которых подчеркивалось, что в связи с международным и внутренним положением, а также ввиду изменений состава македонского населения, сейчас не следует поднимать македонский вопрос, поскольку его выдвижение «в настоящее время принесло бы большой вред всему балканскому движению». «Это один из пунктов, на которых базируется наш лозунг о национальном единстве», — утверждалось в одном из таких документов⁴³. 12 февраля 1945 г. ЭАМ и входившие в него КПГ и народно-демократическая партия подписали с греческим правительством в г. Варкиза соглашение, по которому войска ЭЛАС должны были быть разоружены. В действительности значительная часть оружия, как потом признавались партизанские руководители, удалось сохранить, что, несомненно, оказало влияние на характер революционной ситуации в Греции позднее, в первые послевоенные годы: спустя полгода после Варкизского соглашения началась подготовка ко второму этапу гражданской войны. При этом греческие коммунисты рассчитывали, как и раньше, на помощь Болгарии и, главным образом, Югославии. В июле 1945 г. в греческую Македонию стали проникать вооруженные группы с севера, а некоторые функционеры КПГ были направ-

⁴¹ Цит. по: Улуян Ар.А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. М., 1994. С. 102–103.

⁴² Там же. С. 104.

⁴³ Там же. С. 133.

лены из Афин в Македонию и Эпир, где проходили их регулярные консультации с югославскими и болгарскими представителями⁴⁴. На VII съезде КПГ в сентябре 1945 г. была принята «Программа народной демократии», в которой содержались положения, определявшие «народную демократию» как первый этап на пути к социализму. Иными словами, идеологические установки греческой компартии представляли собой почти полную кальку с соответствующих программ, разработанных для восточноевропейских сателлитов СССР в Коминтерне, а после его распуска в 1943 г. — в Отделе международной информации ЦК ВКП(б). Однако достижение этой цели планировалось не мирным путем, а с опорой на силовые методы⁴⁵.

Выбрав вооруженную борьбу в качестве основного средства захвата власти, руководство КПГ, рассчитывавшее на поддержку широких народных масс, просчиталось. Основу партизанских отрядов, начавших борьбу в 1946 г., уже не с германо-итальянскими оккупантами, а с официальной властью в Афинах, составили не греки, а македонцы, которые надеялись на создание единого македонского государства на Балканах либо на признание своего народа в Греции в качестве законного и уважаемого малого этноса.

Весной 1946 г. генеральный секретарь КПГ Н. Захариадис и несколько сотрудников аппарата ЦК выехали в Прагу, куда они были приглашены на VIII съезд чехословацкой компартии. По пути состоялась их встреча в Белграде с югославскими руководителями — Тито, Ранковичем и Джиласом. Югославы дали согласие принять в Югославии «преследуемых монархо-фашистскими войсками» 20 тыс. чел., составивших вскоре ядро партизанской армии. Обсуждая в Праге с итальянскими и французскими делегатами ситуацию в Греции, представители КПГ услышали, что те рассматривают новый вооруженный конфликт в Европе, в силу вовлеченности в него мировых держав, как ведущий к усилению антикоммунистических тенденций. Г. Димитров также полагал, что такой конфликт вызовет, в контексте противоречий Запада с СССР, вмешательство западных держав с целью защиты греческого суверенитета⁴⁶. В этом он оказался прав — в марте 1947 г. на волне успехов партизан в север-

⁴⁴ Цит. по: Улуниян Ар.А. Коммунистическая партия Греции. С. 150, 157–158.

⁴⁵ Там же. С. 161–162.

⁴⁶ Димитров Г. Дневник. 9 марта 1933 — 6 февраля 1949. София, 1997. С. 520; Улуниян Ар.А. Указ. соч. С. 172–173.

ной Греции американцы приняли доктрину Трумэна, существенно усилившую способность Афин сопротивляться фактической внешней агрессии.

Во время трехсторонней советско-болгаро-югославской встречи в Москве в феврале 1948 г. Сталин предложил «свернуть восстание в Греции как можно скорее», считая, что у греческих коммунистов нет никаких шансов на успех, а США и Великобритания не допустят их победы по геостратегическим соображениям. Как известно из документов, полемику по этой проблеме Сталин вел с главой югославской делегации на переговорах Э. Карделем⁴⁷. Тогда же Кремль выступил против размещения югославской пехотной дивизии в Албании, чтобы не провоцировать «англо-американцев», а Тито на заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта сообщил своим коллегам, что советское руководство считает, что югославы слишком ангажировались в Греции, не вполне учтя сложившуюся там ситуацию⁴⁸. Можно предположить, что, выступая против посылки дивизии в Албанию, Сталин опасался, что вслед за югославским признанием Временного демократического правительства Греции и захвата греческими партизанами г. Коницы вблизи албанской границы американцы сочтут дивизию «интернациональной бригадой», готовой оказать помощь Демократической армии Греции в создании свободной зоны на севере страны. В таком случае военное вмешательство США в конфликт, которого так опасались в Москве, могло стать реальностью.

Тогда же, в марте 1948 г., югославское руководство пришло к выводу о том, что федерация с Софией в настоящее время не имеет смысла, так как она может быть использована Советским Союзом для контроля над Югославией по причине значительного советского влияния в Болгарии⁴⁹. Возникший советско-югославский конфликт не мог не оказать сильное влияние на планы федерирования. Как отмечалось в сентябре 1948 г. на XVI пленуме ЦК болгарской компартии, «федерация южных славян и возможное присоединение Пиринской области к Народной республике Македония возможны только в Югославии, которая останется верна общему

⁴⁷ Димитров Г. Дневник. С. 596–602; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.

⁴⁸ Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 348.

⁴⁹ Dedijer V. Novi prilozi za biografiju I. Broza-Tito. Beograd, 1984. Т. 3. С. 303–307.

социалистическому и демократическому фронту»⁵⁰. С точки зрения развития македонского вопроса конфликт и последующий разрыв с Югославией позволил болгарам уберечь свой Пиринский край и его болгарских македонцев от «македонизации» по-югославски со стороны Скопле и Белграда⁵¹, к которой они стремились все послевоенные годы.

---

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. II. 147. Д. 46. Л. 100–102.

⁵¹ О политике Белграда в Пиринском kraе в период конфликта и позиции Софии подробнее см.: Волокитина Т. В. От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории. М., 2017. С. 194–198.

Татьяна Андреевна Покивайлова

Переселения и депортации национальных меньшинств в Румынии (1940-е — начало 1950-х годов)

Массовые миграции населения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в первой половине XX в., выразившиеся в депортациях, беженстве, вынужденном переселении и пр., были связаны с глубокими социально-политическими трансформациями в регионе. Последние, в свою очередь, были обусловлены последствиями войн, территориальными переделами в связи с распадом Габсбургской и Российской империй, изменениями границ между государствами, а также националистической и дискриминационной политикой авторитарных и тоталитарных режимов на различных этапах их политической эволюции.

После Первой мировой войны Румыния оказалась в стане держав-победительниц. Вступив в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты, страна вскоре потерпела поражение, и большая ее часть была оккупирована войсками Германии и Австро-Венгрии. В мае 1918 г. Бухарест заключил сенатский договор с Германией, нарушив тем самым условия союза со странами Антанты. Объявив войну Центральным державам, Румыния ввела свои войска на территорию Буковины, Трансильвании и Баната. Незадолго до этого, в начале 1918 г., она

оккупировала территорию Бессарабии. Подписанные в Версале мирные договоры зафиксировали, помимо прочего, значительные территориальные приращения Румынии. Двукратное увеличение территории (со 137 903 до 295 049 км²) сопровождалось также значительным ростом численности населения (с 7 904 104 до 17 393 149 чел.). Румыния из мононационального превратилась в многонациональное государство, где наряду с титульной нацией проживало значительное число представителей национальных меньшинств, составлявших почти треть населения страны (28,1%)¹.

В 1918 — начале 1920-х годов в Румынии отмечена первая волна депортаций и массовых перемещений населения. Страну наводнили беженцы: из-за преследований украинских националистов, в Румынии искали приют массы евреев, здесь пытались обосноваться остатки разбитых армий Деникина и Брангеля, а также спасавшееся от большевиков гражданское население. В связи с этим хотелось бы отметить, что румынские власти предпринимали достаточно жесткие меры, чтобы сдержать поток беженцев. Многие из офицеров армии Деникина, которым удалось переправиться на территорию Румынии в устье Дуная или через Днестр, были арестованы румынскими властями, а врангелевцы, прибывшие из Константиноополя по договоренности между французским и румынским правительствами, оказались в концентрационных лагерях². Более 3 тыс. крупных собственников из приграничных районов Украины бежали на территорию Бессарабии³. Впоследствии многим из беженцев удалось перебраться в страны Западной Европы.

Хотя под нажимом великих держав в мирный договор с Румынией были внесены пункты о защите прав национальных меньшинств, на деле договоренности постоянно нарушались. Это наглядно проявилось в политике румынского правительства в социально-экономической, национальной и культурно-языковой сферах. Особой дискриминации подвергалось венгерское население Трансильвании, русское население Бессарабии, евреи, цыгане и другие этнические группы.

¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. С. 209–210; *Turliuc C. Interwind destinies modern Romania and its groups*. Iasi, 2003. Р. 50.

² *Arhivele Naționale Române* (далее — ANR). Fond Ministerul de interne/Diverse. Vol. II.

³ Ibid. Dos. 3-14, 12/1918. P. 224.

В 1919–1927 гг. в Венгрию переселились около 200 тыс. мадьяр⁴. Несколько сотен тысяч бессарабцев бежали из Румынии в СССР после Хотинского и Татарбунарского восстаний 1924 г.⁵ В связи с послевоенными трудностями и нежеланием румынских властей допустить рост численности национальных меньшинств официальное законодательство и подзаконные акты делали легализацию и натурализацию мигрантов практически невозможными⁶.

На присоединенных территориях активно проводилась политика колонизации, развернулось массовое переселение на новые земли румынского населения. Прежде всего это коснулось крестьян, которые по аграрной реформе 1921 г. получили земельные наделы, а также имущество представителей национальных меньшинств, депортированных или вынужденных покинуть эти территории.

Территориальные переделы 1940 г., затронувшие Румынию, вызвали новую, вторую, волну депортаций и массовых перемещений населения. На повестке дня оказалась судьба значительной части территорий, приобретенных Румынией в результате Первой мировой войны. 25 июня 1940 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп направил телеграмму послу в СССР графу Ф. В. фон Шулленбургу, в которой говорилось: «Германия остается верной московским соглашениям (советско-германский договор от 23 августа 1939 г. — Т.П.). Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 тыс. этнических немцев, и Германия, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано. Имперское правительство оставляет за собой право в подходящий момент сделать советскому правительству определенные предложения по вопросу о переселении этих “фольксдойче” по примеру этнических немцев Волыни»⁷.

⁴ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008. С. 68.

⁵ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 42.

⁶ Скворцова А.Ю. Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX века. М., 2009. С. 123.

⁷ Виноградов В.Н., Семенова Л.Е., Ерешенко М.Д., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 345.

После ультиматума советского правительства от 26 июня 1940 г. Румыния лишилась Бессарабии и Северной Буковины. Накануне возвращения Бессарабии Советскому Союзу между германским и советским правительствами была достигнута договоренность о переселении этнических немцев с территории Бессарабии и Северной Буковины в Германию, в захваченную ею в начале Второй мировой войны Польскую Силезию и в созданный в результате немецкой оккупации Протекторат Чехии и Моравии.

Советское правительство потребовало от румынской стороны безотлагательной эвакуации румынских войск и государственных учреждений с территории Бессарабии и Северной Буковины. Первоначально установленный для этого четырехдневный срок был вскоре продлен еще на два дня, но все равно вызвал значительные трудности. Кроме румынских войск на территорию Румынии хлынули беженцы. На одной из переправ, например, скопилось около 6 тыс. гражданских лиц. Советское командование отдало распоряжение не допускать бегства населения, вывоза имущества, подвижного состава, угона скота и др. С 3 июля 1940 г. советско-румынская граница была закрыта⁸. Между тем на территории Румынии оказалось много бессарабцев, призванных в румынскую армию, которые хотели возвратиться домой. Последовали обращения членов их семей к советским властям и командованию Красной армии с просьбой вернуть их назад в Бессарабию. В свою очередь, румынская сторона добивалась от советского правительства разрешения на эвакуацию чиновников госучреждений, семей офицеров и других лиц, не успевших выехать в Румынию⁹. По некоторым данным, вместе с румынской армией Бессарабию и Северную Буковину покинули около 200 тыс. чел., а общее число лиц, вернувшихся из Румынии на родину, составило 221 110 чел. 20 июля 1940 г. советское правительство разрешило эвакуацию румынских чиновников, военнослужащих и гражданских лиц, пожелавших выехать в Румынию. Разрешением воспользовались еще 13 750 чел.¹⁰

Второй Венский арбитраж до предела обострил межнациональные отношения между румынами и венграми, проживавшими

⁸ Мельтиохов М. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 324, 350.

⁹ Там же. С. 344, 350, 351.

¹⁰ Там же. С. 353.

в Трансильвании. Его решения, принятые под диктовку Гитлера и Муссолини, закрепили переход к Венгрии северной и северо-восточной части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. км² и с населением 2577 тыс. чел., из которых более 1 млн составляли румыны. Соотношение румынского и венгерского населения в Северной Трансильвании было примерно одинаковым, хотя спор о том, кто же — румыны или венгры — определяли большинство населения в этом крае, не утихает и до сих пор. В то же время Южная Трансильвания осталась в пределах Румынии, поэтому почти полмиллиона венгров оказались на территории другого государства. Сильная чресполосица расселения венгров и румын в Трансильвании делала практически невозможным совмещение этнических границ с государственными.

Таким образом, в результате арбитража под иностранным управлением оказались сотни тысяч мадьяр и румын. Более того, политика дискриминации, злоупотреблений и притеснений по национальному признаку, проводившаяся обоими государствами на фоне ужесточения отношений между ними, приняла чудовищный размах и безобразные формы. Так, по румынским данным, вступление венгерской армии на территорию Северной Трансильвании сопровождалось значительными жертвами среди румынского гражданского населения. Согласно сведениям на 30 октября 1941 г., 911 чел. были убиты, 771 чел. подвергся пыткам и избиениям, 3373 — насилию, 13 359 были арестованы, 12 595 депортированы¹¹. Повальное бегство румын из Северной Трансильвании, а венгров из Южной нашло отражение в статистике, приводимой в современной литературе. Вот цифры, характеризующие масштабы этих встречных потоков: более 200 тыс. румын покинули Северную Трансильванию и примерно около 100 тыс. венгров бежали из румынской, южной ее части¹². Материалы итало-германской комиссии, проводившей обследование трансильванских территорий в 1941–1942 гг., свидетельствуют о тяжелом положении там национальных меньшинств. Исключение составили только немцы, которые в условиях германского диктата пользовалось всеми привилегиями. И такая ситуация в Трансильвании сохранялась вплоть до свержения в Румынии диктаторского режима Иона Антонеску и освобождения ее Красной армией, хотя и после этого межна-

¹¹ Marinescu A. S. Înainte și după Dictatul. București, 2000. P. 94.

¹² Ibid. P. 95.

циональные отношения в Трансильвании оставались весьма напряженными¹³.

Что касается Добруджи, то подписанный 7 сентября 1940 г. в соответствии со Вторым Венским арбитражем болгаро-румынский договор был по срокам реализации более щадящим, нежели решение по Трансильвании. На обмен населением и переселение румын из Южной Добруджи в Румынию, а болгар из Северной Добруджи в Болгарию отводилось три месяца. По румынской переписи 1930 г. в Южной Добрудже проживали 378 тыс. чел., из которых 143 тыс. (37,8%) составляли болгары, 135 тыс. (35,7%) — турки и татары и 77 тыс. (20,3%) — румыны. Всего же на территории Болгарии проживали, по данным румынских исследователей, до 180 тыс. румын, а на территории Северной Добруджи всего 43 тыс. болгар, поэтому речь могла идти об обмене населением только с территорией Южной и Северной Добруджи¹⁴. В соответствии с указанным соглашением из Болгарии выехали 21 897 семей. Среди переселенных из Болгарии румын значительная часть приходилась на македонских румын. Из общего числа переселенцев в уезде Констанца осели 9 тыс. семей, 8 тыс. семей разместились в уезде Тулча, а остальные расселились по всей Румынии. В 1940 г. румыны-македонцы, эвакуированные из Кадрилатера (Южной Добруджи) жили в основном в уездах Констанца, Тулча, Брэила, Яломица. В 1941 г. в Румынии были созданы центры по колонизации, которые распределяли среди переселенцев земли и дома, оставшиеся от выселенных из этих мест немцев и болгар. Необходимо отметить, что до 1946 г. положение колонистов было законодательно не определено. В 1946 г. румынское правительство приняло закон, по которому эвакуированному из Кадрилатера населению предоставлялись участки земли от 5 до 10 га и дома¹⁵.

Программа румынизации страны была выдвинута кондуктором (руководителем) румынского государства Антонеску в феврале

¹³ Turluc C. Interwind destines. Р. 133; Трансильванский вопрос. С. 412–413.

¹⁴ Costea M. Relații politico-diplomatice româno-bulgare (1938–1940). Cluj-Napoca, 2010. Р. 290, 292–297, 403–420; Валева Е.Л. Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сборник статей / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 452–470.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. П. 153. Д. 66. Л. 179–180.

1941 г. В ней предусматривалось удаление евреев из столицы Румынии Бухареста и других городов и размещение их в отдельных поселениях типа гетто с ограниченными контактами с внешним миром и последующей депортацией их за границу, а также продвижение граждан румынской национальности во все экономические, государственные и культурные структуры страны. Предусматривалось сосредоточение в руках румын в течение 5–10 лет всей торговли и других видов коммерческой деятельности¹⁶.

В годы Второй мировой войны, в которой Румыния выступила на стороне гитлеровской Германии, огромные массы евреев, а также цыган были подвергнуты физическому уничтожению и депортациям. Это была третья волна массовых выселений этнических групп населения с территории Румынии. Румынские историки в течение длительного времени отрицали наличие в стране холокоста. Помехой для его признания являлся, в частности, тот факт, что масштабы массовых депортаций были несколько меньшими, чем на территории Северной Трансильвании и в Венгрии. Кроме того, румынских евреев в основном депортировали в концентрационные лагеря, расположенные на оккупированной советской территории в Транснистрии, а не в самой Румынии. Однако трудно оспорить признанный факт, что за годы войны численность еврейского населения, проживавшего на территории Румынии, уменьшилась с 850 тыс. чел. в 1937 г. до 420 тыс. чел. в 1946 г., то есть в два раза. За период 1944–1948 гг. еще 40 тыс. евреев выехали в Палестину¹⁷.

Проблемы, связанные с депортацией цыган в годы Второй мировой войны, в румынской историографии пока еще мало исследованы. Достаточно трудно определить и общую численность этой этнической группы населения. По переписи 1930 г. численность цыган в Румынии составляла 262 501 чел. по национальному признаку (1,5% от всего населения) и 101 015 чел. по языку (0,6%). В ряде районов Румынии цыгане заявляли о своей принадлежности к другим национальностям¹⁸. Основными территориями их проживания являлись Трансильвания, Добруджа и Олтения.

¹⁶ Ion Antonescu: «De cînd train în închisoare am discutat cu nemții tot programul de guvernămînt» // Magazin istoric. 1998. № 5. P. 12–13.

¹⁷ Turluc C. Interwind destines. P. 89, 93–95.

¹⁸ Sandru D. Deportarea țăganilor în Transnistria // Arhivele Totalitarismului. Anul V. № 17 (4/1997). București. P. 23–24.

В военное время цыгане наряду с евреями подвергались массовому геноциду. По специальному указу Министерства внутренних дел Румынии предстояло депортировать цыган со всей территории Румынии в Транснистрию. 16 июня 1942 г. начались их массовые аресты и сосредоточение в хорошо охраняемых центрах, откуда по железной дороге они спецэшелонами направлялись в концентрационные лагеря. Первые транспорты в Транснистрию отправились спустя три месяца после начала операции. Как отмечает румынский историк Д. Шандру, общих данных о числе депортированных цыган нет. Имеющиеся сведения носят отрывочный характер. Так, 14 сентября 1942 г. из Румынии было вывезено 1710 цыган. Несмотря на усиленную охрану, некоторым удавалось бежать. В декабре 1942 г. был издан закон, по которому любые попытки цыган к бегству и последующему возвращению в Румынию влекли за собой суворое наказание, вплоть до смертной казни¹⁹. К сожалению, статистикой, связанной с этим законом, мы не располагаем.

ТERRITORIALНЫЕ переделы 1940 г. затронули и немцев: примерно 17 тыс. чел., в основном из Северной Буковины, Бессарабии и Добруджи, покинули Румынию. По договоренности между германским и румынским правительствами в ноябре 1940 г. в Румынии была создана организация «Группа этнических немцев», которая пользовалась особыми привилегиями. Возглавил организацию по назначению из Берлина этнический немец румынского происхождения Андрас Шмидт. Коммунальная собственность, которая принадлежала ранее этническим немцам, переходила в руки этой организации²⁰. Согласно подписанный 12 мая 1943 г. специальной межправительственной конвенции румынские граждане немецкой национальности подлежали призыву на военную службу в частях СС. К концу войны около 50 тыс. румынских этнических немцев служили в германской армии. В 1944 г. 20 тыс. немцев из Трансильвании и 66 тыс. из Баната ушли вместе с отступавшими из Румынии частями вермахта. Всего же страну покинули около 200 тыс. этнических немцев²¹.

После свержения диктатуры Антонеску и выхода Румынии из войны произошел кардинальный поворот нового румынского

¹⁹ Sandru D. Deportarea țăganiilor în Transnistria // Arhivele Totalitarismului. Anul V. № 17 (4/1997). București. P. 28–29.

²⁰ Baier H. Germanii din România. 1944–1956. Sibiu, 2005. P. 20.

²¹ Turiuc C. Interwind destines. P. 130–191.

правительства в отношении этнических немцев, граждан Румынии. В августе-сентябре 1944 г. на территории Румынии начались аресты немцев, служивших в войсках Третьего рейха, и руководителей организаций этнических немцев²². По закону, опубликованному в румынском правительственном вестнике от 3 января 1945 г., был создан Генеральный секретариат по ликвидации собственности этнических немцев. Выступая на заседании правительенного кабинета 28 сентября 1944 г., министр юстиции, коммунист Л. Пэтрэшкану заявил, что собственность «немецкой этнической группы» подлежит продаже, причем не англичанам, не русским и не американцам, а румынским гражданам²³.

1945–1946 годы — время массовой насильтственной депортации этнических немцев из Румынии. Немецкое население, поголовно обвинявшиеся в сотрудничестве с нацистской Германией и в фашизме, лишалось гражданских прав и подлежало либо выселению, либо отправке на принудительные работы, в том числе и в Советский Союз. Интернированию подлежали мужчины в возрасте от 17 до 45 лет и женщины — от 18 до 30 лет. Исключение делалось лишь для матерей, имевших ребенка до одного года, и лиц, работавших на особо важных промышленных предприятиях. Составлялись списки, подлежащих отправке на принудительные работы. Для интернированных создавались особые лагеря. Всего в Советский Союз на принудительные работы были направлены 69 тыс. этнических немцев; 11 тыс. чел. оставлены в Румынии на основании специального ходатайства румынского правительства²⁴. Депортация проводилась румынскими властями под контролем советской военной администрации. Как следовало из донесения заместителя наркома внутренних дел по войскам А. Н. Аполлонова и заместителя начальника внутренних войск НКВД А. Сладкова наркому внутренних дел Л. П. Берии об интернировании немцев с территории Венгрии и Трансильвании, операция по изъятию немцев началась 10 января 1945 г.²⁵ На территории

²² Sandru D. Plans for Dislocation of the German Peasantry from Romania, 1945 // Totalitarism archives. National Institutes for the study of totalitarianism. 2002. № 1(22). P. 107.

²³ Baier H. Germanii din România. P. 21.

²⁴ Eadem. Deportarea etnicilor nemților din România în Uniunea Sovietică. Sibiu, 1994. P. 5.

²⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 41–43.

Румынии одновременно с арестами этнических немцев проводилась тотальная экспроприация и конфискация их имущества. 14 февраля 1945 г. советский представитель в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Румынии А. П. Павлов сообщил Главному военному представителю США в СКК бригадному генералу К. В. Р. Скайлеру, что «этота операция закончена»²⁶.

Закон 1945 г. об аграрной реформе стал еще одним сильным ударом по этническим немцам. Устанавливая юридическое равенство крестьян независимо от национальности, закон фиксировал и единственное исключение. Таковыми стали проживавшие в стране немцы. Генеральный секретарь Национально-демократического фронта, член Политбюро ЦК Румынской коммунистической партии В. Лука на одном из заседаний заявил: «Что касается немцев, то аграрная реформа в отношении них осуществляться не будет, так как большинство из них было изгнано из страны, и мы постоянно имеем скандалы и нерешенные проблемы». В ходе проведения реформы этнические немцы на основе обвинений в коллаборационизме полностью лишились своих земельных наделов и имущества. По статистике эта мера коснулась 95% этнических немцев — сельских жителей²⁷. Потеряв собственность, часть немцев переселилась в города, но там их ждали интернирование. Министр сельского хозяйства Р. Зэрони вообще потребовал выселения этнических немцев из мест их проживания²⁸.

Кампания по депортации немцев из Румынии продолжалась вплоть до 1947 г. Одним из ее последних актов стало обращение министра внутренних дел Румынии Т. Джорджеску в СКК с просьбой санкционировать выселение 2 тыс. лиц немецкой национальности, якобы не имевших румынского гражданства²⁹. В итоге численность немецкого населения в Румынии сократилась к 1948 г. в два раза³⁰.

При проведении аграрной реформы румыны были убеждены в своем привилегированном положении, поскольку не только немцы, но и венгры рассматривались как враги румынского государства.

²⁶ Три визита Л. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т. А. Покивайлова. М., 1998. С. 81.

²⁷ Baier H. Germanii în Romania. P. 5.

²⁸ ANR. Fond CC Preșidintie Consiliului de Miniștri. Stenograme. 30 august 1945. Р. 109.

²⁹ Ibid. Fond al PCR. Cancelarie. Dos. 57/1947. P. 2.

³⁰ Turluic C. Interwind destines. P. 131.

Представители власти постоянно подчеркивали, что «среди венгров находится много сторонников Хорти». Как правило, в селах со смешанным населением в земельных комитетах по проведению аграрной реформы доминировали румыны, как и в тех селах, где большинство составляли венгры. Следствием такого неравноправия являлась напряженность в отношениях, а порой дело доходило и до насилиственных действий. Так, в одном из сел уезда Бихор румыны выгнали из своих домов венгров-колонистов, то есть тех крестьян, этнических венгров, которые поселились здесь в 1940–1944 гг., когда Северная Трансильвания входила в состав Венгрии. Понятно в связи с этим и отношение крестьян-венгров к рабочим отрядам из румын, сформированным на предприятиях и направленным в деревню для оказания помощи при проведении аграрной реформы. Когда в одно из сел Клужской области, где преобладало венгерское население, прибыл такой отряд, венгры оказали ожесточенный отпор: в ход пошли ружья, вилы, камни, палки. Столкновение привело к жертвам с обеих сторон³¹.

Вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании (всей или большей ее части, как было записано в Соглашении о перемирии с Румынией, заключенном в сентябре 1944 г. в Москве) был окончательно решен на Парижской мирной конференции 1946 г. Благодаря настойчивости советской стороны вся Трансильвания вошла в состав Румынии.

В ходе освобождения страны Красной армией совместно с частями румынской армии осенью 1944 г. имели место столкновения румын и венгров. В освобожденных районах Северной Трансильвании переход к мирной жизни был прерван насилиственными действиями так называемых волонтеров (добровольцев), а на самом деле — вооруженных отрядов румынских националистов, хлынувших на территорию Северной Трансильвании вслед за армией, а также румынских чиновников и жандармерии. Первые сигналы о беспорядках в трансильванских городах и селах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в конце сентября — октябре 1944 г. К началу ноября межэтнические столкновения приняли такой размах, что стали предметом обсуждения во время переговоров в Москве о предварительных условиях перемирия с Венгрией. Венгерская делегация,

³¹ ANR. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 57/1945. P. 4.

возглавлявшаяся генералом Ф. Фараго, передала члену СКК генерал-лейтенанту Ф. Ф. Кузнецovу две вербальные ноты от 14 и 23 октября, в которых содержалась просьба к союзным державам принять необходимые меры для спасения венгерского населения на эвакуированных территориях. В нотах указывалось, что члены румынской организации «Волонтеры», присвоившие себе имя руководителя Национал-цэрэнистской партии д-ра Юлиу Маниу,чили зверства по отношению к венграм³². 14 октября 1944 г представитель советского НКИД в СКК сделал резкое заявление румынскому правительству о том, что «отряды трансильванских «добровольцев» Маниу систематически устраивают провокации и вооруженные столкновения в Трансильвании». 4 ноября 1944 г. министр внутренних дел Румынии признал справедливость заявлений советского представителя о насильственных действиях полу военных отрядов «гвардии Маниу» в отношении мирного венгерского населения и о резком обострении межнациональных отношений в Северной Трансильвании³³. 12 ноября 1944 г. подобные факты были признаны также и вице-премьером правительства Петру Грозой. Безусловно, ссылки на то, что в период хортистского господства в Северной Трансильвании (1940–1944 гг.) десятки и сотни румын стали жертвами венгерской оккупационной армии и жандармерии, не могли служить оправданием, и за преступления хортистских властей не должно было расплачиваться мирное венгерское население. 12 ноября 1944 г. командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р. Я. Малиновский от имени СКК дал указание правительству К. Сэнэтеску немедленно очистить территорию Северной Трансильвании от румынской администрации. Северная Трансильвания в эти дни стояла на пороге гражданской войны, которая могла обернуться национальной катастрофой для венгров Трансильвании. В результате межэтнических конфликтов и дискриминационных действий румынских властей Трансильванию покинули около 125 тыс. венгров. И только в марте 1945 г., когда в Румынии под национальным А. Я. Вышинского утвердилось правительство П. Грозой, контролируемое румынскими коммунистами, Трансильвания

³² Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав. С. 163.

³³ Покивайлова Т.А. Трансильванский вопрос на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X научная конференция. Москва, октябрь 2005 г.). М, 2007. С. 95.

была передана под административное управление румынских властей. Министр юстиции в новом кабинете коммунист Л. Пэтрэшкану предложил депортировать с территории Румынии 300 тыс. венгров, не имевших румынского гражданства. Возможно, румынскому правительству в 1944–1945 гг. был желательнее радикальный вариант, осуществленный в Словакии президентом ЧСР Э. Бенешем, когда мадьяр полностью депортировали в Венгрию, но подобных действий в отношении трансильванских венгров, как понимали в Бухаресте, не допустили бы союзные державы, и прежде всего СССР.

Помимо депортаций представителей национальных меньшинств за пределы Румынии, бухарестские власти в конце 1940-х – начале 1950-х годов предприняли попытки выселения этнических групп населения из пограничных районов вглубь страны. Цель подобных акций – пресечь массовый нелегальный переход южных и западных границ Румынии, попытаться изменить национальный облик пограничья в пользу титульной румынской нации.

После разрыва советско-югославских отношений, когда в конфликт были втянуты все страны советского блока, румынское правительство пошло на радикальные меры по зачистке пограничной с Югославией территории и переселению румынских граждан сербской национальности во внутренние районы Румынии. Было принято решение о создании вдоль границы с Югославией полосы отчуждения шириной 10–15 км и об удалении оттуда всех «враждебных элементов». К июню 1951 г. из румыно-югославского пограничья были выселены 10 500 семей (33 657 чел.)³⁴.

Все вышеизложенное свидетельствует, что в многонациональной Румынии массовые перемещения населения, прежде всего представителей национальных меньшинств, выражавшиеся в депортациях, насилистенных переселениях, бегстве за границу, объяснялись сложным переплетением как внутренних, так и внешних факторов. Их всестороннее и внимательное рассмотрение позволяет осветить трагические повороты в судьбах этносов в прошлом, реальный отзвук которых имеет место и в наши дни.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 198. Д. 76. Л. 234.

Александр Животич

Национальная «карта» в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.)

Возникший весной-летом 1948 г. советско-югославский конфликт, в орбиту которого были вовлечены и другие страны «социалистического лагеря», явился стимулом для реанимации спорного вопроса о статусе албанцев в Югославии, одного из ключевых в отношениях между Белградом и Тираной. В кардинально изменившейся обстановке Албания рассчитывала решить его в свою пользу, ожидая полномасштабной советской поддержки.

К тому времени проблема статуса югославских территорий, населенных по большей части этническими албанцами, имела уже свою историю: в частности, она неоднократно поднималась на протяжении 1944–1946 гг. при двусторонних контактах. В этот период интенсивного югославско-албанского сотрудничества, обусловленного идеологической близостью и политической монополией коммунистических партий двух стран, в югославском руководстве оформились две точки зрения. Согласно одной из них, территории с преобладающим албанским населением следовало уступить Тиране, а позже,

DOI 10.31168/4469-1553-8.11

после включения Албании в состав Югославии, интегрировать их в единое государство. По второму варианту эти районы должны были оставаться югославскими. В дальнейшем же, после объединения двух стран и ликвидации границы, которая разделяла албанцев, живших по обе ее стороны, межнациональная напряженность и радикальный албанский национализм постепенно сошли бы на нет.

До начала советско-югославского конфликта вопрос о югославских албанцах наиболее интенсивно обсуждался во время визита в Югославию албанского лидера Энвера Ходжи в 1946 г. Но поскольку его позиция не встретила поддержки Йосипа Броз Тито, а на помощь СССР в тот момент рассчитывать не приходилось, албанская сторона вплоть до 1948 г. больше его не поднимала. Из-за обострявшихся противоречий на международной арене ни Великобритания, ни США не предлагали албанцам поддержку их территориальных претензий к Югославии в качестве компенсации за возможную передачу Греции Северного Эпира¹. Начавшийся советско-югославский конфликт авторитарный и амбициозный лидер албанских коммунистов Ходжа решил использовать для реализации с помощью Советского Союза своего личного и общалбанского политического идеала — создания «Великой Албании». С этой целью предполагалось присоединить югославские территории, населенные албанцами, прежде всего Косово и Метохию².

Наученные горьким опытом прошлого югославские власти опасались вооруженных провокаций со стороны подстрекаемых Тираной «своих» албанцев. Эти опасения имели под собой реальную основу: албанское население в Югославии в основном было настроено враждебно к коммунистическому правительству. Кроме того, живы были воспоминания о поддержанных соседними странами и великими державами вооруженных мятежах албанцев против сербских и югославских властей в период Балканских и Первой мировой войн. Белград не исключал, что в условиях эскалации конфликта с СССР и его союзниками могло случиться нечто подобное. Готовясь к возможному неблагоприятному для себя развитию событий, центральные власти

¹ Подробнее о югославско-албанских отношениях после окончания Второй мировой войны и вплоть до начала советско-югославского конфликта см.: Животић A. Југославија, Албанија и велике сile (1945–1961). Београд, 2011.

² Borozan D. Albanija i kampanji Kominforma protiv Jugoslavije 1948–1950 // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. Beograd, 1998. S. 52.

обязали руководства республик предоставить подробную информацию о положении албанского населения на своей территории.

Большая часть албанского населения Югославии проживала в Косово и Метохии (по официальным данным на 1948 г. — около 520 тыс. чел., или 71 % всего населения автономной области)³. В Черногории албанцы осели в трех округах — Барском, Титоградском и Андреевачком. Всего, по данным правительства республики, их насчитывалось 22 447 чел.⁴ Значительным было число албанцев на территории Македонии — 201 749 чел., или 17,5 % всего населения республики⁵. Их компактная масса сосредоточивалась в западной части, особенно — вдоль югославско-албанской границы, что вызывало, особенно в начале конфликта, сильное беспокойство центрального правительства. В немалой степени это объяснялось тем, что вооруженные провокации в пограничье начались уже летом 1948 г.⁶ На заявление ЦК Албанской партии труда (АПТ) о поддержке антиюгославской резолюции Информбюро (июнь 1948 г.) сразу же отреагировало руководство Коммунистической партии Македонии, подчеркнув в заявлении, что такая позиция провоцирует шовинистические и националистические албанские группировки в Косово и Метохии, а также в Македонии на открытое выступление против югославских властей. 4 сентября 1948 г. ЦК АПТ в ответном заявлении отверг критику македонского руководства. Тито и руководство КПЮ были обвинены в намерении превратить Албанию в седьмую югославскую республику, а также в антисоветской деятельности в Албании и репрессиях против народа Косово и Метохии. Приводились заявления представителя КПЮ в Албании С. Златича и югославского посла в Тиране Й. Джерджи о том, что пришло время окончательно решить косовский вопрос⁷.

³ Дипломатски архив савезног министарства иностраних послова. Политичка архива (далее — ДАСМИП. ПЛ). 1948. Ф. 6. 4893. Допис Претседништва Владе НР Србије МИП-у од 8. новембра 1948.

⁴ Там же. Допис Претседништва Владе НР Црне Горе МИП-у од 4. септембра 1948.

⁵ Там же. 4650. Допис Председателства на Владата на НР Македонија МИП-у од 30. септембра 1948.

⁶ Подробнее о вооруженных инцидентах на югославско-албанской границе см.: Животић А. Немирна граница. Пограничне тензије између Југославије и Албаније (1948–1954) // Историјски записци. 2009. № 1–2. С. 108–127.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 474. Л. 93–105.

Предлагали ли Златич и Джерджа передать при этом Албанию Косово или нет, остается неясным (в доступных источниках сведения на этот счет отсутствуют), однако некоторые отдельные документы дают основания предположить, что в контактах с албанскими функционерами такая возможность отмечалась. За этим заявлением последовала серия выступлений Ходжи, в которых он открыто призывал албанское население Югославии вместе с остальными «здравыми силами» бороться против югославского режима, подталкивая их тем самым к восстанию, выходу из состава Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) и присоединению к Албании как к центру объединения албанского народа⁸. Заметим, что эту политическую «карту» Ходжа с небольшими перерывами (когда это было в его интересах, особенно в 1968–1974 гг.) разыгрывал до конца жизни и пребывания на посту руководителя страны.

Схожей с заявлением македонского ЦК была реакция Албанского комитета Косово и Метохии, входившего в Народный фронт Югославии. В своем сообщении он отверг утверждения правительства Албании как необоснованные и крайне тенденциозные⁹. Подобным образом отреагировали и 35 албанских учителей, работавших в школах в Косово¹⁰. Эти выступления совпадали с позицией руководства КПЮ и явно поощрялись партийными органами.

На протяжении всего 1948 г. руководители АПТ в публичных заявлениях систематически затрагивали вопрос о статусе югославских областей, населенных албанцами. Результатом агрессивной пропаганды стала небольшая полемическая война. Югославия и лично Тито беспрестанно обвинялись в проведении ревизионистской политики и последовательного курса на ассимиляцию албанского населения в Косово и Метохии, в западной Македонии и восточной Черногории¹¹. Следующим шагом стала кампания с целью предать огласке факты пыток, которым якобы подвергались албанцы в Югославии, и репрессий со стороны югославских органов госбезопасности. Подчеркивалось, что югославское правительство превратило Косово

⁸ Коматина М. Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 94.

⁹ Borozan D. Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije. S. 52.

¹⁰ Борба. 1948 22. јул.

¹¹ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите (1945–1981). София, 2005. С. 74–75.

в рассадник шпионов и что албанское меньшинство используется для противодействия Албании, АПТ и ее лидеру Энверу Ходже¹².

Очевидно, что, ощущив опасность, исходившую от систематического педалирования проблемы положения албанского меньшинства на территории ФНРЮ, югославское министерство иностранных дел отреагировало на нападки, втянувшись в продолжительную и острую полемику по этому вопросу. Стремясь привлечь внимание мировой общественности, югославская сторона подчеркивала, что речь идет о классическом албанском ирредентизме, преследующем цель насилия и отделения значительной части территории республики. Поначалу скрытые, закамуфлированные в обращении Тираны к югославским народам о необходимости свергнуть режим Тито, призывы к вооруженному восстанию югославских албанцев расценивались в Белграде как прямое вмешательство во внутренние дела ФНРЮ. Вплоть до середины 1953 г. позиция Тираны в вопросе о положении албанского меньшинства в Югославии фактически оставалась неизменной, за исключением незначительных отклонений и коррекции курса¹³.

Главным рычагом, с помощью которого албанская сторона муссировала албанский вопрос в Югославии, были центральный орган АПТ газета «Zëri i Popullit» («Голос народа») и газета Демократического фронта Албании «Bashkimi» («Союз»). На страницах этих изданий регулярно появлялась информация об албанцах, страдающих от рук «палачей Ранковича и Тито». Практически ежедневно газеты призывали югославских албанцев, особенно косоваров, восстать против режима Тито и воплотить в жизнь исторический идеал объединения всего албанского народа под крылом матери-Албании¹⁴. Часто публиковались статьи Ходжи и других партийных лидеров, в которых открыто выдвигались претензии на территории Сербии, Черногории и Македонии, а югославское руководство обвинялось в насилии и физическом истреблении представителей албанского меньшинства¹⁵. Логическим следствием подобных обвинений являлись исхо-

¹² Коматина М. Енвер Ходжа и югославско-албански односи. С. 94.

¹³ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 75.

¹⁴ О контрапреволуционарној и клеветничкој кампањи против социјалистичке Југославије. И. Београд, 1949. С. 116–119.

¹⁵ Pritti P. Socialist Albania since 1944: Domestic and Foreign Developments. Cambridge, 1978. P. 106.

дившие непосредственно от албанского лидера призывы к албанскому народу вместе со «здоровыми силами в Югославии» с оружием в руках свергнуть «клику Тито»¹⁶. Югославская сторона отвечала выражением братских чувств к албанскому народу, перечислением всех тех преимуществ, которыми пользуется албанское меньшинство в ФНРЮ, и заявлениями о его полной интегрированности в югославское общество¹⁷.

Албанское руководство не упускало возможности поднять указанный вопрос и в обращениях к общественности, казалось бы, по не относящимся к нему поводам. Так, выступая в Народном собрании по случаю обнародования двухлетнего хозяйственного плана на 1949/1950 гг., Ходжа обвинил Югославию в систематическом угнетении албанского народа, в намерении истребить албанское население ФНРЮ и в методичном распространении шовинистической ненависти к албанцам. В категоричном тоне Ходжа подчеркнул, что Югославия готовит албанцам «то же, что и правительство Цалдариса чамам»*, намекая на исход албанского населения из северной Греции в южную Албанию после окончания Второй мировой войны¹⁸. В связи с подобным утверждением югославское руководство пришло к выводу, что Ходжа начал использовать «методы империалистов» (имелись в виду попытки англичан и американцев привлечь внимание к этому вопросу по окончании войны, чтобы посеять раздор между Югославией и Албанией)¹⁹.

В 1949 г. албанское правительство намеревалось создать в стране новую организацию — комитет по освобождению Косово и Метохии, хотя уже существовала ассоциация югославских политических эмигрантов. 5 июля 1949 г. советский посол в Тиране Д. С. Чувахин поинтересовался в беседе с видным албанским политическим и партийным функционером Мехметом Шеху, как далеко албанцы продвинулись

¹⁶ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 78.

¹⁷ Борба. 11. april 1949.

* Чамы — этническая группа в составе албанцев, населяющая районы Эпира вдоль побережья Ионического моря. Топоним «Чамерия» (греч. Τσαμουριά) широко используется в современной албанской литературе (*прим. ред.*).

¹⁸ ДАСМИП. ПЛ. 1949. Строго поверливо. Ф. I. Извештај Посланства у Тирани МИП-у од 3. јуна 1949.

¹⁹ Там же.

в осуществлении этого замысла²⁰. Шеху рассказал о стоящей перед албанцами дилемме: организовать борьбу с режимом Тито в каждой из республик в отдельности или координировать ее из одного центра, причем сам он выступал за второй вариант. Шеху подчеркнул, что поставленная задача может быть решена только путем вооруженной борьбы, которую проще всего вести в Косово и Метохии, учитывая компактное проживание и многочисленность албанского населения на этой территории, а также предполагаемое недовольство местных албанцев режимом и репрессивной политикой югославских властей. Албанский политик поинтересовался мнением посла: следует ли, начав восстание, сразу объявить об объединении югославских территорий, населенных албанцами, с Албанией, или сделать это после свержения Тито. Чувахин посоветовал проявлять осторожность, указав, что любой поспешный шаг может навредить общему делу. Он рекомендовал более глубоко изучить проблему и решать ее в ходе борьбы всех югославских народов против режима Тито, потому что только так могут быть созданы предпосылки для возможного присоединения к Албании Косово, Метохии, территории Черногории и Македонии. По мнению советского дипломата, албанский национальный вопрос в Югославии, мог быть разрешен предлагаемым образом только после свержения Тито. Также Чувахин недвусмысленно указал Шеху на то, что лозунг об объединении Косово и Метохии с Албанией в ходе борьбы албанцев совместно с другими югославскими народами не встретил бы поддержки со стороны последних, особенно негативной, по его мнению, была бы реакция сербов²¹.

2 сентября 1949 г. Ходжа, воодушевленный позицией Чувахина, обратился с письмом в ЦК ВКП(б)²². Излагая историю албанского вопроса в Югославии, он исказил число албанцев, проживающих в ФНРЮ: вместо 700 тыс. назвал цифру более 1 млн чел. Ходжа предлагал поднять в Югославии вооруженное восстание, в котором важную роль играли бы албанцы, выступая совместно с другими югославскими народами, но под албанским флагом. Он подчеркнул, что албанский народ в Югославии веками подвергался издевательствам со стороны сербов и потому находится на очень низкой ступени

²⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 2. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 161–165.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 206–214.

развития политической культуры и культуры вообще. Ходжа доказывал, что исправление албанской границы с ФНРЮ усилит положение Албании как самого верного советского союзника на Балканах. Албанский руководитель предложил создать в Косово самостоятельное руководство и национально-освободительный комитет, которые в соответствии с резолюцией Информбюро боролись бы с «троцкистской кликой Тито», а также сформировать в крае особые партизанские группы под руководством косовских албанцев. После совместной победы над режимом Тито Албания, по замыслу Ходжи, должны быть переданы области с численным преобладанием албанского населения. Он заявил, что для этого сложились все условия, так как местные албанцы полностью потеряли доверие к югославскому правительству и готовы направить свое недовольство на свержение режима Тито и присоединение к Албании. В то же время Ходжа обещал, что албанское правительство будет придерживаться максимально сдержанной позиции по этому вопросу и не допустит дальнейших шагов без необходимых консультаций с Москвой, чтобы избежать обвинений в шовинизме и подрывной антиюгославской деятельности. Сознательно подменяя термин «народно-освободительная борьба» термином «национально-освободительная борьба», Ходжа раскрыл свою истинную цель — реализацию программы объединения всех албанцев на Балканах. Прикрытием же служил лозунг идеологической борьбы против «югославских троцкистов».

С письмом были ознакомлены все члены Политбюро ЦК ВКП(б). Советская сторона, безусловно, понимала важную роль Албании в противостоянии КПЮ, «диссидентство» которой нарушало единство стран советского блока. Понимала, однако, и стремление албанцев использовать ситуацию к своей выгоде при решении национального вопроса. Судя по имеющимся источникам, в Москве не собирались «исправлять» границы на Балканах и решать албанскую национальную проблему, провоцируя тем самым волну недовольства других народов, прежде всего сербов, и дестабилизируя таким образом обстановку в регионе. В результате Москва не отреагировала на план Ходжи.

Албанский руководитель попытался использовать свой визит в СССР в марте-апреле 1949 г., чтобы получить советскую поддержку по вопросу о статусе албанского меньшинства в Югославии. В беседе со Сталиным он, рассуждая об отношениях с ФНРЮ, затронул

и эту проблему, делая особый упор на массовых репрессиях «клики Тито» в Косово, Черногории и Македонии. Желая дополнитель но подкрепить свою позицию, он вновь сильно завысил численность югославских албанцев, чем не только вызвал нескрываемое удивление Сталина, но и, по всей вероятности, возбудил его знаменитую подозрительность в истинности намерений собеседника. Стремясь убедить Сталина в оправданности албанских претензий, Ходжа в очередной раз прибегнул к заявлению о многовековом сопротивлении албанцев «великосербским шовинистам» и о постоянном терроре — арестах, преследовании, насильственном труде, принудительной вербовке, что, по мнению Ходжи, являлось реакцией режима на «патриотические чувства албанского народа». Stalin внимательно выслушал Ходжу, но вместо ожидаемой поддержки лаконично заключил, что албанское правительство должно проводить мудрую политику²³.

Не добившись желаемого результата, Ходжа предпринял еще одну попытку во время второй встречи со Сталиным в ноябре 1949 г. Он повторил свои аргументы о политике угнетения и необходимости единства албанского народа, а также выразил убеждение, что народ Косово должен сам принять решение о своем будущем, недвусмысленно намекнув на планируемое объединение края с Албанией. Однако, несмотря на выраженное Сталиным понимание, непосредственной поддержки опять не последовало²⁴.

Тем временем Тирана продолжила нападки на югославскую политику в отношении албанского национального меньшинства и открыто заявляла о территориальных претензиях на Косово, Метохию и ряд других областей. 26 сентября 1949 г. на митинге в Валоне (Влёре) видный партийный и государственный деятель, министр промышленности Тук Якова заявил, что албанское руководство не забыло о Косово и требует его объединения с Албанией.

Процитировав «предателя Тито», заявившего, что этот вопрос будет решен «позже», Якова призвал югославских албанцев совместно с другими народами Югославии «подняться на борьбу против клики Тито, победить и завоевать свободу». Оратор подчеркнул, что в этом случае проблема Косово легко разрешится, и край на основании

²³ Ходжа Э. Хрущев убил Сталина дважды. М., 2013. С. 47–48.

²⁴ Там же. С. 55–59.

принципа самоопределения войдет в состав Албании²⁵. Открытое выражение территориальных претензий, призыв к вооруженному восстанию и отделению части югославской территории (а подобные высказывания все чаще встречались в речах албанских руководителей, в газетных статьях и радиопередачах) не могли не вызвать ответной реакции Белграда: 31 октября 1949 г. югославское Министерство иностранных дел направило в Тирану ноту протеста²⁶. Однако албанская сторона не только проигнорировала протест югославов, но и использовала его для новых обвинений югославского правительства в «неприкрытом шовинизме и национализме», в политике террора, проводимой в отношении всех югославов, но особенно косовских албанцев. Подчеркивалось, в частности, что югославские власти угнетают и эксплуатируют албанский народ «хуже, чем все сербские короли в прошлом». В соответствии с тактикой, основанной на сознательномискажении статистических данных, утверждалось, что в Югославии проживают более 900 тыс. албанцев, указывалось, что жертвами карательных действий властей стали тысячи расстрелянных албанцев, что югославское правительство топит в крови вековое стремление албанского народа объединиться и создать единое государство²⁷. Поскольку этот документ имел хождение не только в узких дипломатических кругах, но и был прочитан по Радио Тираны, он породил большой отклик среди югославских албанцев, явился дополнительным стимулом протестных настроений.

В 1949 г., в условиях ужесточавшегося советско-югославского конфликта, албанцы дали отмашку к усилению антиюгославской кампании в печати. Ее стержнем явились заявления о репрессивной политике югославского режима в областях, населенных албанцами²⁸. В редакционных статьях, несомненно инициированных «верхами» партийного руководства, обращалось внимание на антиалбанские и шовинистические действия югославских властей в Косово, звучали обвинения югославов в попытках ассимиляции албанского насе-

²⁵ ДАСМИП. П.А. 1949. Ф. 1. 4169. Телеграма Посольства у Тираны МИП-у од 27. септембра 1949.

²⁶ Там же. 420085. Нота югославског МИП-а албанском МИП-у од 31. октобра 1949.

²⁷ Там же. Пота албанског МИП-а югословенском МИП-у од 22. новембра 1949.

²⁸ Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije prema Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji. Beograd, 1961. S. 24.

ления и в систематических расправах над ним²⁹. Помимо «подогревания» протестных настроений, публикации были призваны убедить читателя, что забота о югославских албанцах — вопрос общенационального значения. По всей видимости, и участившиеся пограничные инциденты, и заброска на территорию ФНРЮ все большего числа диверсионных групп преследовали цель, помимо прочего, поддержать сопротивление албанцев югославским властям.

Дополнительным поводом для новых обвинений со стороны Тираны явились высылка из ФНРЮ секретаря албанского посольства в Белграде Ризы Ходжи по обвинению в разведывательной и подрывной деятельности и проведение в январе 1950 г. судебного процесса в Скопье по делу местных албанцев, завербованных разведкой Албании. В Тиране использовали «случай» Ходжи и судебный процесс в Скопье в качестве примера антиалбанской политики правительства ФНРЮ, террора и запугивания «жаждавших свободы» косовских албанцев. Вновь был поднят вопрос о статусе областей с преобладающим албанским населением. Поддерживая прежние обвинения югославов в террористических действиях против Албании, албанский МИД направил ноту протеста правительству ФНРЮ³⁰. Однако помощник министра иностранных дел Югославии, указав на оскорбительный характер ноты и содержавшиеся в ней откровенные фальсификации, поручил миссии в Тиране вернуть ее албанцам³¹. Отметим, что современная албанская историография в значительной степени опровергла былье пропагандистские утверждения о тяжелом положении албанского национального меньшинства в Югославии во время ее конфликта со странами Информбюро³².

Несмотря на то, что советской стороне резкие обвинения албанцев были политически выгодны, она стремилась сдерживать напор Тираны. Советские источники того времени свидетельствуют об обеспокоенности Москвы албанскими территориальными

²⁹ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 82; Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije. S. 24–26.

³⁰ ДАСМИП. П.А. 1950 Ф. 1. 42068. Нота албанског МИП-а југословенском МИП-у од 16. фебруара 1950.

³¹ Там же. 43051. Телеграм Владимира Поповића Посланству у Тирани од 17. фебруара 1950.

³² Об оценках современной албанской историографией положения албанцев в Югославии подробнее см.: Lalaj A. Kosova. Rruga e gjatë drejt vëtëvendosjes 1948–1981. Tirana, 2000.

претензиями. Иллюстрацией тому служит запись беседы Э. Ходжи с послом СССР К. Д. Лёвычиным 19 февраля 1953 г.³³ Ходжа подробно рассказал о подготовленной албанскими спецслужбами брошюре по косовской проблеме, предназначеннной для распространения на территории Югославии. Лёвычин привел в дневнике характеристики, данные его собеседником «сербской колонизаторской политике» в Косово и Метохии и освободительной борьбе албанского народа, отметил, в частности, прозвучавшее обвинение югославов в убийстве 70 тыс. албанских патриотов во время Второй мировой войны, а также в изъятии у албанцев земли для последующей передачи их сербам и черногорцам. Ходжа подчеркнул, что, раскрывая в пропагандистских материалах «подрывную деятельность клики Тито» и последствия репрессивной политики Тито в регионе, албанцы преследовали цель подтолкнуть своих соотечественников в Югославии к совместной с другими народами ФНРЮ борьбе против режима Тито. Как следует из записи в дневнике посла, Ходжа с жаром и экзальтацией говорил о праве албанского народа на самоопределение и отделение. Лёвычин посоветовал проявить осторожность при публикации брошюры, тем самым сдержанно дав понять, что советской стороне не нужен чрезмерный шум по этому вопросу.

Обвинения албанской стороны не соответствовали истине. На деле в Косово и Метохии происходило ровно обратное. После заиграта сербским и черногорским колонистам вернуться в Косово, которое они покинули во время войны, их земли поделили между собой албанцы.

Советская сторона ограничивалась вербальной поддержкой позиции Тираны и по мере нормализации отношений с ФНРЮ все активнее стремилась исключить этот вопрос из перечня обсуждаемых во время контактов с албанскими государственными и партийными деятелями. В связи с этим в середине 1954 г. советские дипломаты отмечали, что такая тактика принесла плоды и что албанская сторона практически перестала упоминать о проблеме албанского населения Югославии как о поводе для критики и обвинений в адрес югославского партийного и государственного руководства³⁴.

³³ РГАПИ. Ф. 5. Оп. 128. Д. 14. Л. 136–140.

³⁴ Там же. Л. 45–46.

Несмотря на то, что Тирана прикладывала большие усилия, пытаясь повлиять на югославских албанцев, результаты были более чем скромными. Непосредственно после публикации резолюции бухарестского совещания Информбюро среди югославских албанцев, которые в большинстве своем были настроены против властей, возобладало мнение, что это — политический маневр в сторону западных государств. Крайне незначительное число албанцев — членов КПЮ поддержало резолюцию. На югославских партийных форумах этот факт объяснялся ожиданием исхода конфликта, а также тем, что за резолюцией стояли русские, ненавистные югославским албанцам³⁵. Полицейские органы Албании использовали эмигрантов-информбюровцев, по большей части албанцев и в меньшей степени черногорцев, для пропагандистской и диверсионной работы на территории Югославии. Однако главной их целью было укрепление влияния на албанское национальное меньшинство и распространение идеи «Великой Албании». М. Шеху в обширном докладе, направленном в Москву, выразил мнение, что албанские эмигранты не выступают против югославского режима не только по идеологическим, сколько по национальным причинам и что единственный вопрос, который их интересует, — это вопрос объединения Косово с Албанией. В 1949 г. албанские спецслужбы привлекли к сотрудничеству 55 политических эмигрантов из Югославии (32 албанца и 23 черногорца) для ведения пропаганды и организации диверсионных акций в ФНРЮ. Из них были сформированы 14 групп со следующими местами дислокации: 1) две группы располагались в окрестностях Шкодера («окно» для перехода границы находилось в районе Ульциня); 2) группа Йоле Марковича базировалась в Букшиде под Шкодером («окно» — в районе Подгорицы); 3) группа Димитрия Йойича находилась в Врмоши («окно» — в окрестностях Плава и Андриевицы; 4) группа, располагавшаяся в деревне Тет, отвечала за район между Плавом и Гусинье; 5) группа Шабана Зенелии базировалась в Тропое, а действовала в секторе Печ — Дяковица; 6) группа Шабана Браха размещалась в Круме («окно» — в Дренице); 7) группа Шевчета Мечу действовала в секторе Драгаш — Призрен, а базировалась в окрестностях Кукуса; 8) неподалеку от Пешкопии находилась группа, действовавшая

³⁵ Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). 507. XVIII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

в окрестностях Тетово, Ресно, Гостивара и Дебара. Все группы действовали конспиративно. Их члены представлялись албанскими военными и носили албанскую униформу. В зависимости от обстановки на сопредельной территории и поставленных задач группы формировались как мононациональные, реже — многонациональные³⁶. Албанцы действовали успешнее, нежели слабо мотивированные и разделенные между собой черногорцы. Для эмигрантов, отобранных представителями албанских властей, зимой 1949–1950 гг. были организованы специальные курсы³⁷. В Дурресе проходили подготовку семь человек, во Влёре — 27, в Берате — шесть. Во Влёре и Дурресе преподавалось политическое просвещение, изучались приемы пересечения границы и основы нелегальной работы. В Берате четыре человека из Македонии, два из Косово и четыре черногорца осваивали радиотелеграфию³⁸.

Албанской разведке удалось создать свои центры в Приштине, Дяковице и Призрене, но югославские службы безопасности быстро вычислили и ликвидировали их. Албанское дипломатическое представительство распространяло среди косовских албанцев большое количество пропагандистских изданий³⁹. В 1949 г. по официальным данным из Албании на территорию ФНРЮ, в пограничные районы, удаленные примерно на 20 км от югославско-албанской границы, было переброшено около 270 тыс. экз. различных материалов пропагандистского характера: листовок, выступлений албанских государственных и партийных лидеров, газет, брошиор и карикатур⁴⁰. Более успешной оказалась деятельность албанских разведслужб по вербовке албанцев-офицеров югославской народной милиции. Но благодаря оперативным мероприятиям служб госбезопасности (УДБ), большая их часть была арестована, некоторым удалось бежать в Албанию. Поначалу албанские пропагандистские структуры, работавшие со «спецконтингентом», действовали под лозунгом борьбы против режима Тито, в поддержку Сталина и Ходжи. Однако это не приносило практически никаких результатов; более эффективным ока-

³⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 131. Л. 248–254.

³⁷ Там же. Л. 16–22.

³⁸ Там же. Л. 248–254.

³⁹ АЈ. 507. XVII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шилтарској националној мањини.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 131. Л. 23–26.

зался упор на национальные чувства, на идею объединения албанцев⁴¹. Но в целом указанные акции не особенно оправдывали себя: им успешно противостояли югославские «силовики», а кроме того, правительству ФНРЮ удалось пригасить недовольство албанцев дополнительными материальными вложениями, открытием новых школ и больниц и постепенным повышением уровня жизни албанского населения, который, хотя и оставался довольно низким, был все же значительно выше, чем в самой Албании⁴².

Одним из серьезных шагов, направленных на ослабление албанской пропаганды, стало расширение конституционных полномочий автономной области Косово и Метохия: ее статус теперь приравнивался к статусу Воеводины. Тем же документом ликвидировалась иерархия в отношениях между республиканскими органами власти и автономными областями⁴³. На практике это означало, что республиканские органы обладали на территории автономной области только теми полномочиями, которые были утверждены конституцией и законами и сводились в основном к надзорным функциям, в то время как органы власти Косово и Метохии были обязаны обеспечивать соблюдение законов и положений республики в той мере, в какой они не противоречили принципам автономии⁴⁴. В дальнейшем конституционные изменения усилили автономию Косово: полномочия органов управления были так велики, что область неформально имела статус еще одной югославской республики⁴⁵.

В противовес албанскому правительству, стремившемуся с помощью идеологической риторики добиться присоединения Косово и Метохии, в Белграде возникла идея поднять вопрос о статусе югославского меньшинства в Албании. По имеющейся информации югославы жили в двух албанских областях — Шкодер (деревни Врака, Ворич и Штоя и до 50 семей в самом городе) и Корча — вдоль

⁴¹ АЈ. 507. XVIII. КИМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

⁴² Там же.

⁴³ Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 2004. С. 281.

⁴⁴ Там же. С. 282.

⁴⁵ О развитии автономии Косово и Метохии подробнее см.: Димић Ђ. Историја српске државности. III. Срби у Југославији. Нови Сад, 2002; Богдановић Д. Књига о Косову; Гаталовић М. Косово и Метохија у државној политици Југославије 1958–1965. Београд, 2016.

границы с ФНРЮ⁴⁶. Представители югославского меньшинства были там совершенно бесправны: не могли пользоваться своим языком в государственных органах власти, а небольшая группа учителей, направленных из Югославии накануне Второй мировой войны, вскоре после публикации резолюции Информбюро была выслана из страны⁴⁷. Еще более тяжелым было положение македонцев, проживавших в деревнях Врбник, Церье, Зрновска, Леска, Пустец, Сулин, Туминец, Горица и Глобоцани вокруг озера Преспа, в зоне, отстоявшей от границы примерно на 28 км. Пребывавшее в беспросветной нищете население занималось сельским хозяйством, животноводством, рыбной ловлей и производством древесного угля. Накануне Второй мировой войны часть его переселилась в Македонию⁴⁸. До начала конфликта 1948 г. в этих селах имелись македонские учителя, однако они жили и работали в очень тяжелых условиях, так как албанское правительство отказывалось платить им жалование⁴⁹. В целом славянское население Албании было объектом целенаправленной агрессивной албанизации, что привело к массовой ассимиляции славянских меньшинств и радикальному сокращению их численности.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, в Белграде после всестороннего анализа существующего положения было принято решение отказаться от постановки вопроса о статусе югославского меньшинства из-за его малочисленности и незначительности шансов на успех⁵⁰. Тем самым Белград лишился возможности оказывать влияние на его политическую, экономическую и культурно-просветительскую эмансиацию. Действия югославского правительства косвенным образом способствовали дальнейшей албанизации и ассимиляции малочисленного югославского меньшинства. Попытки же

⁴⁶ Подробнее о сербском, черногорском и македонском национальных меньшинствах в Албании см.: Petranović B. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; Vlahović P. Uaseljavanje Arbanasa tokom XIX i XX veka u južnoslovenski etnički prostor. Skopje, 2000; Будимовски Д. Македонците во Албанија. Скопје, 1983; Балевски М. Балканските политички прилики и дипломатски битки за манастириот Свети Наум. Скопје, 1984.

⁴⁷ АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-254. Белешка о поступцима албанских власти према југословенској мањини.

⁴⁸ Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 479.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-254. Белешка о поступцима албанских власти према југословенској мањини.

привлечь внимание к данной проблеме через органы печати не приносили ожидаемых результатов⁵¹.

К началу 1950-х годов проблема югославских албанцев оказалась тесно связанной с судьбой другой этнической группы — турецкой, проживавшей на территории Косово и Метохии и в западной Македонии. На основании югославско-турецкого договора 1953 г. турки получили право покинуть ФНРЮ. По данным переписи 1948 г., в Югославии проживали 97945 турок; в 1953 г. их число возросло до 259935 чел. (для сравнения: число албанцев за это время увеличилось незначительно — с 750431 до 754245 чел.⁵²). При характеристике демографической картины, особенно в тех областях, где турецкая национальность практически не признавалась, следует иметь в виду, что многие турки самоопределялись как албанцы, а те, кто не хотел этого делать, подвергались давлению. Когда же турки получили возможность выезда на историческую родину, уже албанцы начали самоопределяться как турки для того, чтобы выехать из Югославии. Так, в 1948 г. в Косово и Метохии были зарегистрированы 1315 чел. турецкой национальности, а в 1953 г. — более 50 тыс. Схожая ситуация наблюдалась и в Македонии, где число турок в период между двумя переписями населения увеличилось с 95940 до 203938 чел.⁵³ Больше всего турок, а также албанцев, эмигрировали из срезов Неродим, Бишевац, Гнилане, Каменица и Буяновац. Такое положение сохранялось до конца 1956 г. Очередная эскалация албанского вопроса в Югославии и призывы не эмигрировать со стороны правительства Албании остановили этот процесс⁵⁴. Югославские власти, со своей стороны, также ограничивали выезд албанцев, например, на территории Македонии была разрешена эмиграция только из тех мест, где этнические турки составляли численное большинство⁵⁵. Албанцы из Косово и Метохии, на которых оказывалось давление, направленное на то, чтобы они не уезжали в Турцию, переселялись в Македонию и получали там соответствующие документы на выезд из ФНРЮ, самоопределяясь как турки. Между самими албанцами по этому вопросу отсутствовало единство. Одни поддерживали политику переселения, другие требовали положить ей конец, усматривая в пе-

⁵¹ Борба. 1949. 21, 22. фебруар.

⁵² Радић Р. Исељавање становништва са југословенског простора средином педесетих година // Историјски записи. 1999. LXXII. № 1–2. С. 155–156.

⁵³ Там же. С. 157.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 158–160.

реселении попытку ассимиляции албанцев и полагая, что им следовало остаться жить на тех территориях, которые, согласно национальной программе «Великой Албании», должны были войти в ее состав⁵⁶.

Одним из важных последствий конфликта между Югославией и Албанией стало наличие большого количества оружия в Косово. В 1955 г. югославские органы безопасности провели на этой территории операцию по его изъятию. Акция началась в районе города Печ, где за две недели было собрано около 12 тыс. единиц вооружения. Далее последовали изъятия и в других районах: Сува Река, Дренице, Качаник, Вучитрн. Действия властей сопровождались арестами большого числа албанцев⁵⁷. В интересах нормализации отношений албанское правительство не поднимало этого вопроса в контактах со своими югославскими коллегами⁵⁸. Улучшение отношений с Албанией югославская сторона использовала также для ликвидации одного из ирредентистских течений в албанской партийной элите Косово. 12–19 июля 1956 г. в Призрене прошел судебный процесс, в ходе которого за сотрудничество с албанской разведкой была осуждена группа партийных функционеров из Дьяково, Призрена и Ораховца. Во время процесса упоминались и высшие албанские партийные руководители Косово и Метохии, но их дело было передано для разбирательства в партийную организацию. Несмотря на наличие неопровергимых доказательств, албанское правительство постаралось свести эту проблему к минимуму, отрицая какое-либо свое участие в инкриминируемой косовским албанцам деятельности и связи с фигурантами процесса. 9 июля 1956 г. Ходжа подтвердил это и в беседе с советским послом в Тиране Л. И. Крыловым⁵⁹. В контактах с представителями ФНРЮ албанская сторона не начинала дискуссии по этому вопросу, очевидно опасаясь югославской реакции. Позднее, после Брионского пленума (1966 г.), осужденные по этому процессу были реабилитированы, а их «дело» было объявлено результатом деятельности УДБ⁶⁰.

⁵⁶ Радић Р. Иселавање становништва са југословенског простора средином педесетих година. С. 158–160.

⁵⁷ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 101–103.

⁵⁸ Marmulaku R. *Albania and the Albanians*. London, 1975. P. 148–149.

⁵⁹ РГАПИ. Ф. 5. Оп. 128. Д. 391. Л. 45–47.

⁶⁰ Подробнее о призренском процессе см.: *Bulatović Lj. Prizrenski proces*. Novi Sad, 1988; Стамова М. Албанският въпрос на Балканите; *Pelikán J. Jugoslávie a východní blok 1953–1958*. Praha, 2001.

Стремясь уменьшить недовольство местных албанцев и решить проблему сепаратизма, югославские власти пошли по пути повышения жизненного уровня в проблемных районах Югославии, рассчитывая сделать его несопоставимым с соседней Албанией. В 1953–1956 гг. в Косово и Метохии развивались горнодобывающая промышленность, энергетика, открывались национальные школы с преподаванием на албанском языке, росли жизненные стандарты в целом⁶¹.

Начало нормализации отношений с Югославией лишило декларативной советской поддержки попытки интернационализировать вопрос статуса албанского меньшинства в ФНРЮ, спровоцировать сепаратистский мятеж и дестабилизировать югославский режим. Переизмена политического климата в советско-югославских отношениях означала временное сокращение амбиций албанского руководства и стало причиной приостановки пропагандистской войны между Тираной и Белградом, основное внимание в ходе которой было сфокусировано на проблеме статуса албанского национального меньшинства в Югославии.

Перевод с сербского яз. Б. С. Новосельцева

---

⁶¹ АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ.1/11-32. Космет у послератном развоју.

Александр Сергеевич Стыкалин

Еврейский вопрос в Венгрии XX века в «исторической политике» правительства В. Орбана*

В конце XIX в. в Королевстве Венгрия, представлявшем собой часть дуалистической Австро-Венгерской монархии, существовали более благоприятные, чем в большинстве европейских стран, условия для продвижения евреев по ступеням социальной лестницы. Отчасти это было связано с давними традициями веротерпимости в поликонфессиональном обществе земель короны «Святого Стефана (Иштвана)». Достаточно сказать, что управляемое венгерской знатью Трансильванское княжество было первым государством, где еще в 1571 г. (за год до Варфоломеевской ночи во Франции!) был принят закон, по существу, уравнивший в правах католиков, кальвинистов и лютеран¹. Однако в первую очередь причины толерантности венгерских властей к евреям заключались в особенностях этнической структуры Венгрии рубежа XIX–XX в. Венгры составляли

---

* Работа подготовлена в рамках комплексной Программы ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы»; проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века».

¹ Эти права, однако, не распространялись на православных – румын и русин, в то время сугубо крестьянских этносов в Трансильвании.

всего около 50 % населения восточной (управлявшейся из Будапешта) половины двуединой Австро-Венгрии. В этих условиях правительство в противовес усилившимся с каждым десятилетием центробежным национальным движениям (румынскому, словацкому, югославянскому) сознательно стремилось увеличить удельный вес венгерского элемента в монархии за счет ассимиляции тех национальных групп, которые легче ей поддавались. Это касалось, прежде всего, еврейского меньшинства, ибо оно при отсутствии каких-либо дискриминационных мер проявляло склонность к далеко идущей мадьяризации.

Толерантная политика венгерских правительств по отношению к евреям способствовала их притоку в пределы страны, главным образом из соседней австрийской Галиции, и успешной культурноязыковой ассимиляции. К началу XX в. евреи составляли около 5 % населения Венгерского королевства. Около трех четвертей из них уже были венгероязычными, причем немалая доля евреев проживала в тех исторических областях, где преобладали не венгры, а представители национальных меньшинств (Трансильвания; Верхняя Венгрия с ее заселенными по большей части словаками комитатами; Закарпатье, то есть будущая Закарпатская Украина). Школа, пресса, многочисленные культурные общества не только настойчиво убеждали венгерских евреев в преимуществах ассимиляции, но и трактовали этот объективный процесс в моральных категориях, как «некий чрезвычайно важный, достойный всяческих похвал и признания нравственный, угодный нации поступок»². Именно венгерские евреи, по выражению известного мыслителя Иштвана Бибо, превратились в своего рода «программных ассимилянтов», и недаром все сионисты, начиная с основоположника этого учения Т. Херцля, считали именно евреев Венгрии самыми «заядлыми и неисправимыми» апологетами ассимиляторских проектов.

В последние десятилетия XIX в. в благоприятных условиях, исключавших дискриминацию (по крайней мере, на государственном уровне), в Венгрии происходила активизация евреев в сфере бизнеса. Исторически сложившаяся в еврейской среде Средней Европы способность быстро и рационально адаптироваться к меняющимся, подчас неблагоприятным экономическим обстоятельствам,

² Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005. С. 165.

выискивать новые экономические возможности³, поставила евреев по мере развития капитализма в более выгодное положение в сравнении с выходцами из венгерского дворянства, опутанными сетью унаследованных от феодализма традиций и условностей, плохо совместимых со свободным предпринимательством. Историки могут привести немало примеров того, как венгерские бизнесмены еврейского происхождения в кратчайшее время сколачивали баснословные состояния. Так, Йожеф Лёвингер, отец всемирно известного философа, одного из крупнейших марксистов XX в. Дьёрдя Лукача, был сыном небогатого сегедского ремесленника, едва умевшего написать свое имя. В юности Йожеф сумел устроиться на службу в один из только что возникших будапештских банков. Незаурядные способности позволили ему уже в 24 года возглавить венгерское отделение Anglo-австрийского банка, а позже стать директором Венгерского кредитного банка. В 1890 г., когда его сыну Дьёрдю было всего пять лет, Лёвингер-старший, считавший себя венгерским патриотом, взял мадьярскую фамилию, а в 1899 г. получил дворянство (вместе с титулной прибавкой к фамилии, которая отныне стала звучать Сегеди фон Лукач)⁴. Внук неграмотного ремесленника Дьёрдь Лукач, начав печататься еще до Первой мировой войны не только в Венгрии, но и в Германии, был в 1910-е годы известен образованной немецкоязычной публике как Георг фон Лукач⁵. И много лет спустя, в 1950-е годы, когда Дьёрдь Лукач, примкнувший еще в 1918 г. к коммунистическому движению, пытался отстаивать в нем неортодоксальные взгляды, его соратники при каждом удобном случае напоминали советским дипломатам о том, что он «пришел в партию из буржуазной семьи, глава которой своим золотом купил себе в свое время баронство»⁶.

³ Karády V. The Jews of Europe in the Modern Era: A Socio-Historical Outline. Budapest: New York, 2004.

⁴ См.: Стыкалин А. С. Дьёрдь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Истории еврейской общины Сегеда посвящен выпущенный в год рождения Лукача к столетию этой общины труд: Low I., Kulinyi Z. A Szegedi Zsidók 1785-től 1885-ig. Szeged, 1885. Из работ о положении евреев в Венгрии эпохи дуализма см.: Zsidóság a dualizmus kori Magyarországon. Siker és válság / Szerk. Varga László. Budapest, 2005.

⁵ Титульная дворянская приставка сохранена и в позднейшем русскоязычном издании юношеских эссе знаменитого философа: фон Лукач Г. Душа и формы. Эссе / Пер. с нем. С. Земляного. Послесловие А. Стыкалина. М., 2006.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 859. Л. 36.

Сам факт получения еврейским буржуа венгерского дворянства свидетельствовал не только о толерантности будапештских властей в еврейском вопросе, но и о лояльности венгерского еврейства, его готовности играть по устоявшимся правилам дворянской политической культуры королевской Венгрии. Само стремление еврея-банкира заполучить дворянский титул говорило об устойчивости в модернизирующейся стране феодальной системы ценностей. В 1910-е годы Йожеф Лукач входил в число приближенных одного из политических «тяжеловесов» Габсбургской монархии, венгерского премьер-министра Иштвана Тисы, консерватора до мозга костей, человека твердого и волевого, в последние годы австро-венгерского дуализма ставшего знаменем консервативного лагеря в Венгрии и до последних дней жизни отчаянно пытающегося спасти двуединую империю⁷. Надо сказать, что карьера Лукача-банкира выглядела блестательно даже на общем хорошем фоне социальной мобильности венгерского еврейства рубежа веков — уже в 1896 г. 5%-му еврейскому меньшинству принадлежало 30% банковских вкладов Венгрии. В 1900-е годы капитал, который позже в определенных кругах окрестили «еврейским», активизировался и в сфере промышленного производства.

Формирующаяся еврейская буржуазия вносила свой большой вклад не только в экономическую модернизацию страны. К началу ХХ в. в крупных городах, особенно в Будапеште, складывается высококультурная общность ассимилированного венгерского еврейства, из которой вышел ряд интеллектуалов подлинно мирового масштаба. В их числе классик европейской социологии первой половины ХХ в. Карл Манхейм, основатель компьютерной техники гениальный Джон фон Нейман (сын еще одного получившего дворянство еврейского предпринимателя), «отец» американской водородной бомбы Эдвард Теллер, выдающиеся физики Лео Силард, Юджин Вигнер и др.

Между тем, по мере дальнейшего развития капитализма в Венгрии выходцы из среднепоместного дворянства, составлявшие главную социальную базу консервативно-националистического лагеря, продолжали активно приспосабливаться к законам

⁷ Исламов Т.М. Граф Иштван Тиса — «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. № 3. С. 47–53.

капиталистической экономики и, следовательно, не могли не видеть в молодой еврейской буржуазии преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента. Для общества с глубокими феодально-аристократическими традициями тот факт, что сравнительно немногочисленная прослойка евреев утвердила на самой вершине экономического «олимпа» своей страны, означал (как замечал тот же Бибо) своего рода «скандал», то есть явление, с которым психологически было трудно смириться. Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился укреплением властных позиций националистически ориентированных сил. С этого времени берет начало определенная корректировка политики в отношении евреев: благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием. Тому же Дьёрдю Лукачу, к примеру, принадлежность отца к будапештской финансовой элите не помешала почувствовать подобные перемены на себе: уже успевшему завоевать известность за пределами Венгрии эссеисту в 1911 г. было отказано, хотя и под надуманным «благовидным» предлогом, в получении преподавательской вакансии в Будапештском университете.

Реакцией на участившиеся случаи дискриминации стала постепенная радикализация сознания образованного венгерского еврейства. Все большая часть его молодого поколения, рожденного в 1880–1890-е годы, при всей лояльности к венгерской государственности связывала свои идеалы и устремления уже не с адаптацией к существующим правилам и системе ценностей, как их отцы, а с их коренным обновлением. Эти люди и в довоенные годы, как правило, находились на левом фланге политической и духовной жизни. Радикализация их сознания резко усилилась с началом Первой мировой войны, когда не только в Венгрии, но по всей воюющей Европе терпел крах устоявшийся десятилетиями жизненный уклад миллионов людей, действительность на каждом шагу давала основания для глобальной переоценки любой, даже самой устойчивой системы ценностей. Венгерское еврейство активно проявило себя не только в демократической революции 1918 г.; некоторая его часть, включая интеллектуалов крайне левого толка, участвовала и в осуществлении коммунистического эксперимента — Венгерской советской республики 1919 г. Склонность образованного венгерского еврейства к острой критике общественных порядков была причиной особого раздражения выходцев из дворянства, чей социальный критицизм долгое время заведомо не мог быть

столь же последовательным и радикальным, упираясь, прежде всего, в барьеры феодально- aristократических традиций⁸.

Установление в 1919 г. в Венгрии коммунистического режима, взявшего на вооружение идеи мировой революции, стало реакцией на неспособность более умеренных сил сохранить целостность многонационального венгерского государства. Однако коммунистический эксперимент, продлившийся 133 дня, завершился неудачей, за ним последовал Трианонский мирный договор 1920 г., имевший для Венгрии мало с чем сопоставимые исторические последствия⁹. Лидеры держав-победительниц, собравшись в Париже, не поддержали стремление Будапешта сохранить за собой обширные территории, которые, будучи заселенными другими народами, входили испокон веков в историческое Королевство Венгрия. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», — заявил в обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции известный французский политик А. Мильеран¹⁰. Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы руководствовались, впрочем, не абстрактными представлениями о справедливости, а в еще меньшей мере желанием «наказать» венгров за коммунистический эксперимент 1919 г. Речь шла о достижении равновесия сил в Дунайско-Карпатском регионе в интересах европейской стабильности, и ради этого пришлось подумать об ослаблении Венгрии — потенциального претендента на доминацию в регионе и вероятного союзника способной быстро встать на ноги Германии. Послевоенная территория государства составила менее 30% площади венгерской половины монархии Габсбургов. На ней в год Трианонского договора проживал всего 41% населения довоенной Венгрии. При этом наряду с землями, где большинство составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские

⁸ Позже, в межвоенный период, острый социальный критицизм в творчестве некоторых мыслителей националистического лагеря (Дежё Сабо и др.) сочетался с проявлениями ксенофобии, идеей защиты чистоты «венгерской расы» от чуждых инородных влияний, в первую очередь еврейского.

⁹ В силу своего особого статуса в дуалистической монархии Габсбургов Венгрия была причислена к побежденным в Первой мировой войне странам, с которыми предстояло заключить мирный договор державам-победительницам.

¹⁰ Цит. по: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. С. 319.

русины или украинцы), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ)¹¹. Несмотря на все усилия группы международных экспертов, тщательно изучивших особенности расселения разных этносов в тех районах, где в силу смешанности состава населения было трудно или, как в случае с Трансильванией, невозможно провести размежевание по этническому принципу, установленные границы оказались, в общем, далеки от идеала: в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным проживанием национальных меньшинств. Так, например, как минимум каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была теперь низведена до положения малого государства. Соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее как по площади, так и по численности населения.

Как многократно отмечалось в исторических трудах, итоги мирного договора с Венгрией явились потрясением даже для наиболее жестких критиков темных сторон довоенного режима и, в частности, его национальной политики. Влияние Трианона на венгерское национальное самосознание новейшей эпохи, в самом деле, трудно переоценить. Последнее, пишет современный венгерский историк Л. Контлер, «было скроено по образцу, вполне соответствовавшему миросощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением <...>. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн

¹¹ В соответствии с Тrianонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия — земли Верхней Венгрии (не только словацкие) и так называемой Подкарпатской Руси (будущей Закарпатской Украины), Австрия — самые западные, преимущественно немецкоязычные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парштум (согласно румынской терминологии — Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. км², что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс. км²).

граждан»¹². Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, последовательно направленная на ревизию трианонских границ, была всецело поддержанна общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимися к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ирредентистским лозунгам оказались 3 млн венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С внутриполитической точки зрения лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим и наиболее эффективным инструментом достижения национального единства. Настало время воинствующего национализма, поначалу в основном консервативно-монархической, а в 1930-е годы все чаще крайне правой окраски. Либеральные, демократические, а тем более социалистические ценности, вызывая в памяти нации события 1918–1920 гг., третировались не только официальной пропагандой, но и значительной частью общественного мнения, или, по меньшей мере, воспринимались им с подозрением как нечто способствовавшее национальному ущербу. Причем, поскольку все левое часто связывалось с присутствием инородных сил, происходит резкое усиление антисемитизма.

Тем не менее и после Трианона буржуазия еврейского происхождения, лояльная власти, сумела сохранить свои экономические позиции¹³. Так, например, в 1930 г. в Будапеште евреям принадлежало 26% жилья, сдаваемого в аренду, они обладали 45% общего годового дохода от аренды собственности¹⁴. В 1935 г. евреи (иудеи по исповеданию) контролировали 49% венгерской металлургии, 41% машиностроения, 73% производства текстиля; гораздо более слабыми были их позиции лишь в сельскохозяйственном производстве — около 10%¹⁵. Таким образом, любая экономическая дискриминация 5% населения страны автоматически влекла бы за собой перераспределение

¹² Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 424.

¹³ Так, например, упоминавшийся Йожеф Лукач сохранил свое влияние в финансовой жизни Венгрии и в эпоху хортизма, хотя его младший сын Дьёрдь (в 1919 г. — руководитель культурной политики Венгерской советской республики) жил в эмиграции в Вене, потом в Берлине и Москве, будучи за революционную деятельность заочно приговорен хортистскими властями к смертной казни.

¹⁴ Kádár G., Vagi Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 174. Budapest, Summer 2004. P. 34.

¹⁵ Ibid.

ление не менее 20–25%, а в некоторых областях промышленности и банковском деле до 50% и более собственности.

О масштабах присутствия интеллектуалов и предпринимателей еврейского происхождения в различных сферах деловой и общественной жизни Венгрии до 1938 г. дают представление современные венгерские издания, причем либеральной направленности, не склонные раздувать тему «еврейского засилья» в стране. При том, что доля евреев-иудеев в общей численности населения страны не превышала 5,6%, в 1930 г. евреями (по вероисповеданию) были, по некоторым данным, 55% врачей, 49% практикующих адвокатов и юристов, 30% инженеров, 59% банковских служащих, 46% торговцев¹⁶. Если же сюда добавить креицеровых евреев, то цифры оказались бы куда более внушительными. Около трети венгерских евреев имели свой бизнес.

В конце 1930-х годов под давлением не только нацистской Германии, но и собственных, все сильнее набиравших влияние крайне правых сил и при поддержке части общественного мнения правительство встало на путь законодательной дискриминации евреев. Первый закон, призванный ограничить активность венгерских евреев в экономической и общественной жизни, был принят в мае 1938 г. Согласно этому закону, среди госслужащих, а также врачей, адвокатов, журналистов, инженеров, представителей некоторых других профессий, зарегистрированных в соответствующих профессиональных организациях (в том числе коллегиях и гильдиях, объединяющих лиц свободного труда), евреи по вероисповеданию не должны были превышать 20%¹⁷. Согласно второму, гораздо более жесткому, дискриминационному антиеврейскому закону, внесенному правительством Б. Имреди в декабре 1938 г. и утвержденному в апреле 1939 г., евреи не могли получить венгерское гражданство, а также решением Министерства внутренних дел могли быть лишены гражданства, если получили его после 1 июля 1914 г. Они лишились отныне права быть госслужащими, в том числе на местном уровне, им запрещалось становиться редакторами газет и издателями, управлять театрами и кинотеатрами. Среди членов коллегии адвокатов, гильдии актеров, профессиональных организаций врачей и инженеров на долю евреев

¹⁶ Kadar G., Vagi Z. Rationality or Irrationality? P. 33.

¹⁷ См.: Magyarországi zsidótörvények és rendeletek 1938–1945 / Ősszcall. R. Vértes. Budapest, 1997.

отводилось отныне не более 6% (!). Их удельный вес среди имеющих разрешение на частное предпринимательство не мог превышать 12%. Евреи также отныне лишались возможности получить разрешение на предпринимательскую инициативу, которая предоставляла бы им монополию в своей сфере деятельности. Кроме того, согласно второму закону (в отличие от первого), к евреям относили не только иудеев, но и тех, у кого отец или мать (либо двое из четырех бабушек и дедушек) принадлежали к иудейскому вероисповеданию¹⁸.

Впоследствии хортристские правительства пошли по пути дальнейшего ужесточения антиеврейского законодательства. Так, закон, принятый в августе 1941 г., запрещал браки иудеев и христиан. Все большее расширяя круг своего действия, антисемитские законы, по образному выражению Бибо, «загоняли обратно в еврейские страдания», в состояние полной дискриминации, многие тысячи уже к тому времени абсолютно ассимилированных и тем острее ощущивших теперь свою отверженность евреев. В принятии антиеврейских законов проявилось усиление влияния Третьего рейха на венгерскую внутреннюю политику. Второй венский арбитраж (август 1940 г.), в соответствии с которым Венгрии удалось заполучить обратно Северную Трансильванию, хотя и не удовлетворил территориальные амбиции хортристов, внушил все же многим гражданам страны иллюзию того, что дальнейший успех курса на пересмотр унизительного для нации Трианонского договора будет в сложившихся условиях зависеть, прежде всего, от поддержки Берлина. Тем самым он усилил прогерманскую ориентацию не только политической элиты, но и значительной части населения. С другой стороны, против введения антисемитских законов выступало пробританское крыло хортристской политической элиты во главе с бывшим премьер-министром, выдающимся консервативным политиком графом Иштваном Бетленом, на которое все сильнее и последовательнее ориентировалась венгерская буржуазия еврейского происхождения. (Забегая вперед, заметим, что насильственно удаленный из венгерской политической жизни весной 1945 г. как самый влиятельный и опасный для своих конкурентов политик-антифашист последовательно антикоммунистической ориентации, защитник евреев Бетлен умер в заключении в больнице Бутырской тюрьмы в 1946 г.)

¹⁸ См.: Magyarországi zsidotörvénycék és rendeletek 1938–1945 / Összcall. R. Vértes. Budapest, 1997.

С началом Второй мировой войны из оккупированных вермахтом стран, в первую очередь из Польши, в пределы Венгрии переселилась значительная масса евреев, получивших от властей право на убежище. Однако в августе 1941 г. по требованию Берлина правительство Л. Бардошли лишило беженцев этого права. 16–18 тыс. евреев с неустановленным гражданством были переданы соответствующим германским спецслужбам, депортировавшим их в оккупированные районы Украины. Большинство депортированных из Венгрии польских евреев были расстреляны в г. Каменце-Подольском. Вместе с тем в 1942 г. правительство М. Каллаи отклонило германское требование о депортации из страны евреев — уроженцев Венгрии.

Согласно переписи 1941 г., в Венгрии, в ее заметно расширившихся в ходе Второй мировой войны границах¹⁹, проживали 725 тыс. лиц иудейского исповедания на 14 млн населения. Под действие антиеврейского законодательства в 1941 г. подпадали, по некоторым подсчетам, до 825 тыс. чел., не только иудеев²⁰. Попытки преодоления крайне правыми политиками из партии власти еврейского «засилья» вели к особенно тяжелым для всего общества последствиям в сфере

¹⁹ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили последовательно. 2 ноября 1938 г. в условиях, сложившихся после мюнхенского соглашения западных держав с Гитлером и расчленения Чехословакии, германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. км² с населением свыше 1 млн чел. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании второго венского арбитража Венгрия получила от Румынии Северную Трансильванию (около 43 тыс. км²) с населением более 2,3 млн чел. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании Третьего рейха и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (в частности, относившийся к историческим землям «венгерской короны» край Воеводина) площадью около 12 тыс. км².

²⁰ Braham R.L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. New York, 1981. Vol. II. P. 1143–1144; Kadar G., Vagi Z. Rationality or Irrationality? P. 37. Известный американский историк венгерского происхождения Иштван Деак в качестве минимальной применимельно к марта 1944 г. приводит цифру в 760 тыс. чел. (Deak I. The Holocaust in Hungary // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 176. Budapest, Winter 2004. P. 51). Заметная разница между встречающимися в литературе цифрами объясняется тем, что в 1941 — начале 1944 г. большое, причем лишь приблизительно установленное, число евреев погибли на фронте, умерли в трудовых лагерях при строительстве военных укреплений, а также вследствие ряда насильственных депортаций, проведенных главным образом на территориях, присоединенных к Венгрии в 1938–1941 гг. В условиях военного времени заметно спизилось и естественное воспроизведение населения. Численность евреев Будапешта немногим не достигала к весне 1944 г. 250 тыс. чел.

здравоохранения. Ведь в некоторых областях Венгрии под действие дискриминационных законов попадали 80 % врачей (!), а вследствие массовых депортаций 1944 г. оставался один врач на 50 тыс. чел. (!), страна тем самым оказывалась лишенной современного медицинского обслуживания, причем в условиях, когда возникла реальная опасность эпидемии тифа²¹.

Логическим завершением поступательного процесса дискриминации венгерских евреев явился холокост 1944 г., связанный после оккупации страны вермахтом 19 марта²². 5 апреля 1944 г. все венгерские евреи должны были нацепить желтую звезду, 7 апреля началась их массовая депортация в специальные лагеря, а затем в Освенцим. В Будапеште около 200 тыс. евреев были сосредоточены в гетто, небольшую часть из них успели депортировать в пределы Третьего рейха. Как минимум 5 тыс. евреев сумели спастись и в конце концов бежать из страны, в частности, при содействии шведского посольства, прежде всего дипломата Рауля Валленберга. В конце июня — начале июля депортация была приостановлена по требованию главы государства, регента Хорти. В те же дни он, по некоторым сведениям, обращался к германскому командованию с просьбой разрешить эмиграцию части евреев в нейтральные страны²³. После разрыва соседней Румынии 23 августа 1944 г. с Германией Хорти предпринял усилия, направленные на выход из войны, иначе Венгрия теряла все гипотетические шансы на удержание под своим контролем хотя бы минимума земель, полученных в 1938—1941 гг. В этих условиях премьер-министр генерал Г. Лакатош, возглавивший правительство в конце августа, отправил в отставку ряд высокопоставленных чиновников, ответственных за депортацию евреев, ослабил действие антиеврейских законов.

15 октября Хорти, предпринявший неуверенную и явно запоздалую попытку порвать с Третьим рейхом, был смещен вследствие государственного переворота, организованного крайне правой

²¹ Kádár G., Vagi Z. Rationality or Irrationality? P. 45, 47.

²² Целью оккупации было предотвращение разрыва Венгрии с Германией (после Сталинграда правительство Каллаи усилиению наложило тайные контакты с западными державами в целях обеспечения более щадящих условий выхода страны из войны в случае краха Третьего рейха.

²³ Patai R. The Jews of Hungary. History, Culture, Psychology. Detroit, Michigan, 1996. P. 580.

силой — нацистами при поддержке вермахта. В ноябре правительство Салаша отправило 50 тыс. будапештских евреев на строительство оборонительных укреплений, многие погибли. Среди них был застреленный конвоирами выдающийся поэт Миклош Радноти. Найденный в кармане его шинели сборник последних стихов был опубликован посмертно, вскоре после окончания войны, вызвав немалый общественный резонанс. Тысячи евреев погибли во время полуторамесячного штурма Будапешта Красной армией с декабря 1944 по февраль 1945 г. В результате ожесточенных боев 16–18 января советские войска освободили большое гетто в центре Будапешта, где содержались около 70 тыс. евреев. Из находившихся к зиме 1944/1945 гг. в венгерской столице евреев гибели избежали около 120 тыс. чел., живших в гетто, в специально отведенных домах, а также тайно укрывавшихся от преследований²⁴.

В литературе встречаются разные сведения о численности жертв холокоста в Венгрии, при этом наблюдается огромный разброс — от 440 до 680 тыс. чел.²⁵ Столь большая разница в цифрах обусловлена, едва ли не в первую очередь, несовпадением данных о числе депортированных в Освенцим и другие концлагеря²⁶. Некоторое за-

²⁴ Stark T. Zsidóság a vészkeresztekben és a felszabadulás után, 1939–1955. Budapest, 1995. 46. old. По данным Р. Патаи, возможно несколько заниженным, в остальной Венгрии на момент освобождения оставались не более 20 тыс. евреев (*Patai R. The Jews of Hungary. P. 590*).

²⁵ Известный исследователь холокоста Р. Брэхем называет цифру 564 тыс. чел. (Cm.: *Braham R. L. The Politics of Genocide. P. 1144*), в ряде публикаций приводятся и большие цифры. Так, по мнению некоторых авторов, около 620 тыс. чел. умерли вследствие террора и крупномасштабных депортаций в концлагеря после оккупации Венгрии германской армией 19 марта 1944 г.; общее же число потерь еврейского населения Венгрии за годы войны достигло 686 тыс. чел. (Cm., например: *Patai R. The Jews of Hungary. P. 590*). Начиная с середины 1990-х годов венгерский историк Т. Штарк на основе выверенного анализа многочисленных источников (в первую очередь, статистических) подверг эти цифры существенной корректировке. По его мнению, число жертв холокоста в Венгрии колеблется в пределах 440–465 тыс. чел., тогда как верхняя цифра всех потерь военного времени применительно к венгерским евреям едва ли превышает 510 тыс. чел. (Cm.: *Stark T. Zsidóság a vészkeresztekben. 75–87. old.*). Его выкладки считает убедительными Я. Дюрдик (*Gyurgyák J. A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszméltörténet*. Budapest, 2001. 188. old.).

²⁶ В литературе численность еврейских транспортов варьируется от 437 тыс. (*Kádár G., Vági Z. Rationality or Irrationality? P. 39*) и 445–450 тыс. (*Gyurgyák J. A zsidókérdés Magyarországon. 180. old.; Stark T. Zsidóság a vészkeresztekben. 20–26. old.*) до 600 тыс. чел. и более.

вышение исследователями числа жертв объяснимо также отсутствием проверенных данных о евреях, выживших после депортации, но не вернувшихся в Венгрию. По подсчетам, нашедшим отражение в литературе 2000-х годов, в Будапеште, где все же удалось предотвратить истребление обитателей большого еврейского гетто, погибли 40 % евреев, в венгерской провинции — 75%²⁷. Еврейское население в послевоенной Венгрии в ее новых границах, почти совпадавших с трианонскими, не достигало и 150 тыс. чел.²⁸ Мощнейший социальный слой, на протяжении 60 лет во многом определявший экономическую и, в немалой мере, культурную модернизацию страны, получил удар, от которого не мог оправиться.

После войны попытки уцелевших представителей еврейского предпринимательского слоя активизироваться в условиях глубокой разрухи вызывали противодействие не только левых сил, настаивавших на осуществлении программы постепенной национализации, но и значительной части общества в целом. Мало с чем сопоставимые в XX в. по масштабам жертвы, понесенные венгерскими евреями в 1944 г., отнюдь не устранили почвы для антисемитских настроений в стране. Напротив, на первые послевоенные годы пришла новая вспышка антисемитизма; в 1946 г. произошел ряд погромов²⁹.

С другой стороны, под влиянием пережитого опыта менялся менталитет венгерского еврейства. Дискриминации конца 1930-х — начала 1940-х годов, а затем и холокост способствовали глубокому кризису венгерской идентичности в сознании значительной его части. Поскольку лояльность программной ассимиляции вовсе не избавила венгерских евреев от страданий 1939–1944 гг., они все чаще стали

²⁷ Erdei A. A magyarországi zsidóság migrációja (1945–1955) // Beszélő. Budapest, 2004 április. P. 69.

²⁸ Весной 1945 г. начинается возвращение в Венгрию, а также на территории соседних государств, управлявшиеся в годы войны хортистскими правительствами, выживших евреев. Имеющаяся на этот счет статистика также различается. При этом процесс возвращения не был в 1946 г. завершен, а число выживших венгерских евреев, оставшихся за границей, с трудом поддается исчислению.

²⁹ Győri Szabó R. A kommunista párt és a zsidóság Magyarországon (1945–1956). 2. jav. bőv. kiadas. Budapest, 1997; Pelle J. Az utolsó vérvadak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből. Budapest, 1995. И. Бибо под впечатлением новой антисемитской волны, имевшей место не только в Венгрии, но и в Польше, проанализировал в своей известной работе 1948 г. исторические корни венгерского и — шире — центральноевропейского антисемитизма (на русском яз. см.: Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005).

связывать пути преодоления острого душевного кризиса с возрождением еврейского самосознания и эмиграцией. Уже в 1945 г. начался отъезд венгерских иудеев в Палестину. По некоторым данным, более 30 тыс. чел. официально обратились к властям за разрешением на выезд, однако реально до 1949 г. в Палестину из Венгрии прибыли едва ли более 15 тыс. евреев, а в дальнейшем коммунистические власти запретили выезд своих граждан из страны³⁰.

В начале 1950-х годов еврейский вопрос в Венгрии по-прежнему привлекал внимание общества, однако коренным образом изменил свое содержание. Речь теперь шла не об экономическом преуспевании европейской буржуазии, а об ультрарадикализме и невнимании к венгерским национальным ценностям узкой группы политиков европейского происхождения, возглавлявших компартию и государство (в основном из числа тех, кто вернулись в 1945 г. из СССР). Вопрос этот встал настолько остро, что привлек внимание советского руководства, которое в интересах ослабления внутриполитической напряженности в Венгрии предприняло ряд принципиально важных кадровых перестановок³¹. Произошло это, необходимо заметить, уже после смерти Сталина и после того, как был дан задний ход «делу врачей» в СССР и — шире — массированной антисемитской кампании, распространившейся к этому времени на всю советскую сферу влияния³². Все это, как и широкое представительство евреев в контролируемых компартией силовых структурах, их участие в репрессивных акциях или роль антисемитских мотивов в венгерском восстании 1956 г.³³, — предметы самостоятельных исследований.

³⁰ Stark T. Zsidóság a vészkorszakban. 77, 94. old.

³¹ Премьер-министр Матиаш Ракоши, еврей по национальности, по настоянию Москвы уступил в июне 1953 г. свой пост Имре Надю, несмотря на его репутацию «правоуклониста» и «бухаринца». Вопрос о необходимости преодоления сложившегося в Венгрии «перекоса» с присутствием евреев в партийном руководстве поднимался с советской стороны 13–16 июня 1953 г. в ходе встреч лидеров СССР и Венгрии (*The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. by Cs. Bekes, M. Bugle, J. M. Rainer. New York; Budapest, 2002. P. 14–23*).

³² См., например: Дело Сланского (Вступительная статья Г. П. Мурашко) // Вопросы истории. 1997. № 3, 4; Стыкалин А. С. Еврейский вопрос в странах советского блока // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 171–172.

³³ Антисемитские проявления в ходе венгерского восстания 1956 г. имели место, хотя отнюдь не определяли сути событий, оставаясь на периферии массового народного движения (*Litván G. Jewish Role in Hungarian Communism, Anti-Stalinism and 1956 // Király Bela Emlékkönyv. Budapest, 1992: Karády V., Vari I. Félelem és részvétel – zsidók*

Как одно из заметных, имевших широкий международный резонанс событий в новейшей венгерской истории, холокост 1944 г. продолжает оставаться в центре общественного внимания в ходе не прекращающихся в сегодняшней Венгрии войнах за историческую память нации. Это особенно отчетливо проявилось в 2014 г., когда не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами, особенно в еврейском мире, широко отмечалось 70-летие тех трагических событий. Их оценки и трактовки в СМИ отразили настроения на разных флангах венгерской общественно-политической жизни.

2014 год был объявлен с согласия правительства Виктора Орбана Годом памяти холокоста. Событие сопровождалось подготовкой большой программы выставочной, издательской, лекционно-просветительской деятельности, наполнение которой определенным конкретно-историческим и актуально-политическим содержанием показательно для понимания «исторической политики» в орбановской Венгрии на одном из ее весьма существенных направлений.

Для трансляции официальных, то есть поддержанных властями, исторических концепций использовались и художественные средства монументального искусства. Так, юбилейная дата дала новый повод осмыслить в более широком историческом контексте оккупацию Венгрии 19 марта 1944 г. нацистской Германией, стремившейся тем самым, как отмечалось выше, удержать отбивавшегося от рук и искавшего пути заключения сепаратного мира с Западом союзника. К этой дате на будапештской площади Сабадшаг был установлен памятник, воплотивший в себе в художественной форме некоторые весьма характерные черты официальной концепции «исторической

1956-ban // Világosság. 1989. № 6; Valuch T. Kisvarosítörténet. Az 1956-os forradalomban és a zsidóellenes megmozdulások Hajdúnánáson. Budapest, 2001; Matuz G. Zsidó gyilkosságok 1956-ban? Vadak a tévhitek. Budapest, 2004; Standeisky E. Antiszemítizmus az 1956-os forradalomban // Évkönyv XII. Budapest, 2004). В поток беженцев, устремившихся в конце 1956 г. на Запад, влилось 20–25 тыс. евреев, составивших чуть более 10% всей эмигрантской волны — цифра в 4–5 раз превышавшая долю евреев в населении страны (Pelle J. Az utolsó váravadak. A zettnikaigyűlőlet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből. Budapest, 1995. 106. old.). Мотивом эмиграции для многих евреев был страх перед разгулом антисемитизма. Независимо от того, насколько были значительны во время революции антисемитские проявления, они пошлили на отношение части мирового общественного мнения к венгерским событиям (Подробнее см.: Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // Стыкали A. C. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016).

политики». Хортистская Венгрия, вопреки активному участию во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха, предстала в ангельском облике невинной жертвы, подвергшейся нападению сильного хищника. Явное противоречие с исторической правдой не могло не вызвать острой реакции со стороны либеральных и левых историков и политиков как в прессе, так и на многочисленных мероприятиях памяти холокоста. Либеральные историки, выступая в рамках Года памяти (в том числе на альтернативных акциях, инициированных в пику официальным историческим концепциям), указывали на моральную неприемлемость той позиции, когда жертвы ставятся на одну доску с их убийцами; остро критиковались попытки снять ответственность за холокост с тогдашнего венгерского крайне правого правительства Д. Стояи, всецело переложив ее на вермахт и германские спецслужбы. В ходе полемики приходилось напоминать о том, что в акциях по депортации венгерских евреев не только в Освенцим, но и в пределы большого будапештского гетто непосредственно участвовали многие тысячи венгерских полицейских, чиновников местных органов власти, военнослужащих. Кроме того, немалая часть общества, ожидая от передела «еврейской собственности» снижения цен на продукты, а иногда и приобретения еврейского имущества, бесстрастно взирала на творимые грубейшие беззакония. При этом, как отмечалось в ходе дискуссий, речь идет не просто об искажении ангажированными историками отдельных, весьма существенных фактов, их замалчивании и сознательном нарушении баланса при изложении, а о ложном нарративе в целом, создающем у многих венгров довольно отстраненное представление о холокoste 1944 г. как о феномене, хотя и привязанном территориально к Венгрии, но относящемся не столько к национальной венгерской, сколько к европейской (!) истории. И это несмотря на то, что подавляющее большинство евреев было, как нами отмечалось выше, успешно ассилировано в венгерскую культуру и внесло в нее немалый вклад. Как эпизод «чужой», невенгерской истории преподносилась и трагедия с депортацией хортистами на территорию Украины летом 1941 г. десятков тысяч евреев, бежавших в Венгрию из Польши. Большинство их были расстреляны. Искажения имели место не только в выступлениях многих СМИ, но и в школьных учебных пособиях, одобренных правительством. Идеализация хортистской эпохи и режима проявляется также в замалчивании историками, близкими к власти,

подлинного значения той массированной и направлявшейся сверху антисемитской кампании, которая предшествовала холокосту и, по сути, создала предпосылки (в том числе социально-психологические) для радикального решения «еврейского вопроса» в 1944 г. (речь идет о целой серии законов конца 1930-х — начала 1940-х годов, последовательно ограничивавших позиции евреев в экономике и общественной жизни).

Возглавив впервые венгерское правительство по итогам выборов 1998 г. и находясь у власти вплоть до реванша социалистов в 2002 г., В. Орбан уже в период первого своего премьерства пытался реализовать в серии масштабных проектов определенную концепцию «исторической политики». Наиболее значительными из них были открытие «Дома Террора» с большой музейной экспозицией, посвященной истории как нилашистского террора, так и террора времен коммунистического правления Ракоши (конец 1940-х — начало 1950-х годов)³⁴, а также постоянная выставка «Миллениум», открытая в знак символического 1000-летия венгерской государственности. В ее экспозиции, например, не нашлось места всемирно известному философу-марксисту Д. Лукачу, отодвинутыми на второй план оказались выдающиеся деятели левых и леволиберальных убеждений, независимо от их вклада в венгерскую и мировую культуру. Ко времени возвращения партии ФИДЕС к власти в 2010 г. и в последующие годы эта концепция «исторической политики» претерпела изменения: теперь в ее эпицентре — не сознательное приведение к общему знаменателю нацистско-nilашистского и сталинско-ракошистского террора, а явное принижение роли «своих» крайне правых сил в преступлениях, совершившихся на венгерской территории во время Второй мировой войны, объяснение всех негативов той эпохи прежде всего давлением нацистской Германии.

Характеризуя сегодняшнюю ситуацию в стране, нельзя, впрочем, забывать о том, что силы, стоящие во главе Венгрии (партия ФИДЕС, руководимая Орбаном), испытывают главный вызов для себя не слева, а справа, не со стороны социалистов, резко ослабленных в 2010-е годы, а со стороны крайне правой и обладающей большим парламентским представительством партии Йоббик. В этих условиях сторонники Орбана вынуждены позиционировать себя как

³⁴ Число его посетителей превысило к настоящему времени 1 млн. чел.

консервативную правоцентристскую партию. Действительно, в глазах немалой части общества ФИДЕС воспринимается как партия центра, подвергающаяся давлению как «либеральных космополитов», чуждых национальным ценностям, так и радикальных националистов. Как бы то ни было, давление справа ощущается куда сильнее, а крен вправо выглядит куда весомее, что проявляется в явной идеализации «светлой» эпохи Хорти. Такие крупные и неодиозные политики того времени, как премьер-министр в 1921–1931 гг. граф Иштван Бетлен, впоследствии последовательно выступавший против сближения страны с нацистской Германией, а также граф Куно Клебельсберг, многолетний министр просвещения и культов, внесший огромный вклад в создание институтов элитарной культуры, заняли особенно видное место в официальном пантеоне национальной памяти. Замалчиваются или умаляются крайне правые тенденции, отчетливо проявлявшиеся в венгерской политике, начиная с 1932 г., после прихода к власти правительства Д. Гёмбёша. Вопреки множеству фактов явно преувеличиваются экономические успехи хортистского правления: согласно некоторым официальным версиям, конец успешному развитию страны якобы положила только Вторая мировая война.

Разумеется, сражения за историческую память в сегодняшней Венгрии отнюдь не ограничиваются спорами об эпохе Хорти, они происходят и на других полях. Для официально поддерживаемых консервативных исторических концепций характерна, в частности, идеализация эпохи дуализма (1867–1918 гг.), хотя в то время в Венгерском королевстве не были разрешены остройшие национальные проблемы, как и не был достигнут консенсус между австрийской и венгерской элитами, что привело в конечном итоге к краху всей дуалистической конструкции в 1918 г. В определенной мере можно говорить даже о культе эпохи дуализма в «орбановской» Венгрии, что нашло выражение среди прочего и в новой топонимике венгерской столицы (известная всем советским и российским туристам, посещавшим Будапешт начиная с 1960-х годов, площадь Москвы носит ныне имя Кальмана Селла, далеко не самого выдающегося премьер-министра дуалистической эпохи).

Полному отрицанию подвергается демократическая революция осени 1918 г. как проложившая дорогу последующему коммунистическому эксперименту (Венгерской советской республике 1919 г.), а затем и унизительному для Венгрии Трианонскому мирному договору

1920 г. «Смена вех» в оценке событий 1918 г. весьма рельефно проявилась и на уровне монументальной пропаганды. Памятник первому премьер-министру, а затем президенту республиканской Венгрии 1918–1919 гг. Михаю Каройи (один из шедевров выдающегося скульптора Имре Варги), открытый еще при Я. Кадаре, в 1975 г., близ здания венгерского парламента, был в 2012 г. демонтирован, а на его месте через два года возведен монумент его антиподу и непримиримому политическому противнику графу Иштвану Тисе, крупному венгерскому консервативному политику начала XX в., члену узкого руководства Австро-Венгрии в момент ее вступления в Первую мировую войну, погибшему в день революции 30 октября 1918 г. в перестрелке с революционными солдатами, попытавшимися захватить его будапештский особняк.

Отошло в тень и едва ли не наиболее славное событие всей 1000-летней венгерской истории, оставившее громадный след в национальной культуре, — революция 1848–1849 гг., с которой было связано не только решение задач национальной эманципации в условиях австрийского правления, но и утверждение в венгерской политической практике традиций либерализма. Консервативной команде Орбана чужда распространенная в кругах венгерских либералов трактовка 1848 г. как торжества либеральных политических концепций, поставленных на службу национальному идеалу. Если и происходит апелляция к традиции антигабсбургской революции 1848–1849 гг., то это великое событие венгерской истории трактуется исключительно как национально-освободительное движение. При этом затушевываются ее завоевания, связанные с обеспечением демократических свобод, политического равноправия, созданием правовых основ современной венгерской государственности и формированием условий для возникновения в Венгрии гражданского общества³⁵.

С весны 2016 г. из Будапешта стали доходить вести сначала о плахах закрытия архива Дьёрдя Лукача, а затем и о предполагаемом сносе его памятника. Ополчившись против либерализма, его венгерские критики справа посчитали союзником своих оппонентов великого марксиста-ревизиониста, с которым левых либералов объединяют

³⁵ В категориях национально-освободительного движения трактуются и события осени 1956 г. (Подробнее см.: Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. С. 7–19).

открытость ценностям мировой культуры, духовный космополитизм и презрение к национальным перегородкам в культуре, приверженность идеи прогресса и философский рационализм. Возлагая, вопреки фактам, на представителей венгерской либеральной и левой традиций всю полноту ответственности за Трианонский договор 1920 г., разрушение Венгрии в ее тысячелетних исторических границах, Орбан открыто позиционирует себя духовным наследником этих традиций Великой Венгрии. Однако, может быть, при этом не до конца понимает, что для интеллектуалов иного дискурса во всем мире фигура Лукача в большей мере является символом великого вклада венгров в мировую культуру, нежели спорные для всех соседей дотрианонские границы страны. Что же касается первоначальных планов сооружения на этом же месте памятника крайне правому историку Балинту Хоману, известному за пределами Венгрии самому узкому кругу специалистов по венгерской истории, планов все-таки нереализованных³⁶, то это тоже отчетливый знак. Знак ограниченности духовных горизонтов современного консервативного евроскептицизма, в том числе в его радикальном венгерско-орбановском варианте. Ибо международный масштаб этих двух личностей — Лукача и Хомана — несопоставим. Как венгерская либеральная и леволиберальная интелигенция ответит на все эти вызовы, покажет будущее.

---

³⁶ В конце концов на месте памятника Д. Лукачу решено воздвигнуть памятник Святому Иштвану, королю и основателю венгерского христианского государства.

Елена Борисовна Лопатина

Проблема автономии Силезии: от Ялты до наших дней

Силезия в течение столетий была регионом, где пересекались польские, австрийские, немецкие и чешские интересы. В связи с этим она отличалась культурным, политическим и правовым своеобразием, проявившимся в существовании силезской автономии. Органический статут Силезского воеводства был введен в политическую практику 15 июля 1920 г. и сохранял законодательную силу вплоть до 6 мая 1945 г., хотя проекты отмены автономии неоднократно выдвигались в межвоенный период¹.

Современная Силезия в составе исторических регионов Верхней и Нижней Силезии включает пять польских воеводств — Великопольское, Нижнесилезское, Любушское, Опольское и Силезское. В Силезии проживают 67,8 % всех граждан Польши, которым свойственно непольское самосознание, в том числе 92 % всех немцев Польши. Понятно, что немецкое культурно-экономическое влияние здесь довольно внушительно.

Вопрос об автономии для Силезии снова появился в риторике польских политиков и общественных деятелей в 1990-е годы,

¹ Подробнее см.: Chojnowski A. Konserwacje polityki narodowościowej gządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979. S. 135–137.

а в наши дни является предметом научных и политических дискуссий. Можно утверждать, что автономисты за последние полвека добились определенных успехов в борьбе за признание национальной идентичности силезцев.

Истоки современного состояния вопроса о статусе Силезии в составе Польши связаны с решениями Крымской (Ялтинской) конференции (4–11 февраля 1945 г.), на которой, среди прочего, рассматривались послевоенные границы Польши. Особенно острые споры вызвал вопрос о западной границе, в том числе о принадлежности Нижней Силезии (Правобережье Одера вплоть до правобережья Западной Нейсе).

На конференции президент Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельт отметил, что «делегация США согласна с предоставлением Польше компенсации за счет Германии, а именно Восточной Пруссии к югу от Кёнигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера», однако «перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправданно, с его точки зрения»². Вопрос о «компенсации территориальных потерь» Польши за счет Германии вызвал еще более резкий протест У. Черчилля. Британский премьер-министр с жаром доказывал, что, отрывая от немцев огромный кусок земли, союзники спровоцируют рост реваншистских настроений даже в разделенной послевоенной Германии. Он напомнил об историческом прецеденте, когда после окончания Первой мировой войны страны Антанты отняли у немцев колониальные владения, отдали Франции Эльзас и Лотарингию, не позволили немцам Австрии и Чехословакии воссоединиться с этнической родиной. Кончилось все приходом к власти радикальных реваншистов в лице Адольфа Гитлера. Весьма эмоционально Черчилль охарактеризовал и неблаговидное поведение Варшавы в 1938 г., ее участие вместе с Германией в отторжении от Чехословакии части территории (как «голодная гиена», набросилась Польша на маленькую соседнюю страну, оторвав от нее Тешинскую Силезию). Не согласился Черчилль и с предложением И. В. Сталина отдать Польше Нижнюю Силезию и балтийское побережье — часть Восточной Пруссии и Поморье с городом Гданьск (Данциг).

---

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. Т. 4 (Запись заседания глав правительств. 8 февраля 1945 г., 16 час., Ливадийский дворец).

В Ялте стороны так и не сумели прийти к согласию относительно приращения после войны земель польского государства. И на тот момент «бесспорная» территория Польши составляла 212 тыс. км² (современная площадь Польши – 312 тыс.).

21 апреля 1945 г. СССР подписал с временным правительством Польши договор о дружбе. В Москве не стали ждать «благословения» Лондона и Вашингтона и, воспользовавшись тем, что эти территории находились под советским контролем, передали под управление поляков принадлежавшие Германии территории в Поморье и Силезии площадью в 100 тыс. км². Так, благодаря Советскому Союзу, территория Польши «явочным порядком» увеличилась на треть.

На Потсдамской (Берлинской) конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) предложения Сталина по Польше были утверждены. С точки зрения перспектив развития немецкой экономики это являлось для Германии большим ударом. Польша получила месторождения каменного и бурого угля, медных руд, цинка и олова, что поставило ее в один ряд с крупными мировыми добывчиками этих природных ресурсов. А по запасам свинцовых и цинковых руд (залежи концентрируются в Верхней Силезии) Польша с того времени входит в первую десятку стран мира. По оценкам современных немецких экономистов, за послевоенный период польский бюджет получил только от добычи полезных ископаемых в отошедших к Польше областях более 130 млрд долларов, что примерно вдвое больше всех выплаченных Германией в пользу Польши reparаций и компенсаций³.

После войны судьба силезцев складывалась непросто. Решением Крайовой рады народовой от 6 мая 1945 г. автономия Верхней Силезии была упразднена. Воевода Александр Завадский на заседании Воеводской рады народовой в Катовицах отметил, что «навсегда закончился тот славный период, когда силезцы считались отдельным народом, связующим звеном между поляками и немцами»⁴. Польско-силезские отношения омрачались тем, что силезцы во время войны

³ Подробнее об экономике Силезии см.: Historia Górnego Śląska. Polityka, gospodarka i kultura europejskiego regionu / Pod red. J. Bahlke, D. Gawareckiego, R. Kacznarka. Gliwice, 2011. S. 13–14; Honka N. Społeczno-ekonomiczne i kulturowe uwarunkowania rozwoju marki regionu. Krapkowice, 2013. S. 45–47.

⁴ Wanatowicz M. W. Od indyferentnej ludności do śląskiej narodowości? Postawy narodowej ludności autochtonicznej Górnego Śląska w latach 1945–2003 w świadomości społecznej. Katowice, 2004. S. 77.

массово подписывали фолькслисты — документы, подтверждавшие принадлежность к немецкой нации и позволявшие получать определенные льготы. Согласно данным на октябрь 1943 г., в немецких фолькслисах фигурировали около 1,5 млн силезцев, что составляло порядка 90 % жителей региона. При этом немцами признавались 9,79 % силезцев, 50,17 % относили себя к переходной группе, 2,2 % считались поляками, которые могли бы «стать немцами»⁵. В фолькслисты по большей части не попадали лица, переселившиеся в Силезию после 1922 г., а также сотрудники государственных органов. Этот факт подкреплял позиции польских властей, не желавших восстанавливать автономию Силезии, хотя в историографии до сих пор не утихают споры о том, какие факторы повлияли на силезцев, массово попавших в списки немецких граждан или лиц, пригодных для германизации: было ли это вынужденной мерой и способом выжить в войне или выражением агрессии по отношению к польскому государству⁶.

Неудивительно, что сразу после войны в Нижней и Верхней Силезии начала проводиться политика репатриации — восстановления польских традиций и культуры. Этот процесс развивался на фоне очищения региона от немецкого присутствия, частичной реабилитации тех, кто оказался в немецких фолькслисах⁷, и «верификации» польского населения Силезии.Автохтонным населением, то есть людьми, которым разрешалось остаться в Силезии, признавали тех, кто прошел этнические проверки. У истоков политики верификации стоял Зигмунд Издебский — ученый-правовед, профессор университета в Познани, который сформулировал ее особенности в серии статей 1946 г. под общим названием «Рассвет Силезии»⁸. Издебский утверждал, что нужно с оговорками воспринимать данные об этнической идентификации жителей Силезии во время войны, посколь-

⁵ Błaszcak-Wacławik M., Natwicki T. Górnny Śląsk — szczególny przypadek kulturowy. Kielce, 1990. S. 63–65; Trosiak C. Górnny Śląsk między regionalizmem — autonomią — separatyzmem. Poznań, 2016. S. 130.

⁶ Trosiak C. Górnny Śląsk. S. 125–126; Boda-Kręzel Z. Nieniecka lista narodowościowa na Górnym Śląsku w latach 1941–1945 // Dzieje najnowsze. 1971. №3. S. 23–50.

⁷ Решения принимались, в том числе, на законодательной основе. См., напр.: Dekret z dnia 28 lutego 1945 r. O wyłączeniu ze społeczeństwa polskiego wrogich elementów // Dz. U. RP. 1945. №7. Poz. 30; №17. Poz. 96.

⁸ Одна из статей посвящена идентификации силезцев: Izdebski Z. Podstawy weryfikacji ludności na Śląsku opolskim // Zaranie Śląskie. 1946. S. 50–102.

ку большой вес имели внешние факторы. Судить о принадлежности конкретного человека к определенной этнической группе, считал ученый, следует с учетом его «психологических особенностей, образа жизни, речи, традиций воспитания детей»⁹. На основании такого анализа предлагалось установить принадлежность силезцев к польскому или немецкому народу или вычленить поляков и немцев — жителей Силезии: вопрос об этнической уникальности силезцев в трудах Издебского не ставился. В то же время сами силезцы неоднократно озвучивали такой тезис. По воспоминаниям одного из современников верификационных проверок, силезца по происхождению, режиссера и драматурга Станислава Беняша, «немец мог стать поляком, а поляк — немцем, и это никогда не было враньем или притворством: большинство силезцев были и поляками, и немцами одновременно, или, в зависимости от ситуации, готовы были называться кем угодно, чтобы дать возможность выжить себе и своим близким»¹⁰.

Концепция верификации на официальном уровне была оформлена в Министерстве возвращенных земель (*Ministerstwo Ziem Odzyskanych*) и опубликована 6 апреля 1946 г. под названием «К вопросу о подтверждении принадлежности к польской национальности лиц, проживающих на возвращенных землях»¹¹. Процедура верификации была в основном завершена во второй половине 1949 г., в результате чего поляками были признаны 863 277 жителей Верхней и 155 200 — Нижней Силезии, что составило 90 % от всех, проходивших эту процедуру¹². Интересно, что такими же цифрами, как было показано выше, оперировали немцы, относившие силезцев к германской нации.

Во времена Народной Польши в Силезии проводилась политика, направленная на интеграцию региона в состав польского государства. Осмысление и теоретическое обоснование этой политики содержится в работах Раймунда Булавского — профессора права и члена

⁹ Izdebski Z. Podstawy weryfikacji ludności na Śląsku opolskim // Zaranie Śląskie. 1946. S. 56–57.

¹⁰ Bieniasz S. Losy Górnosłązaków w dwudziestym wieku, ulotka Domu Współpracy Polsko-Niemieckiej. Gliwice, 1998. S. 13–14.

¹¹ Zarządzenie Ministra Ziem Odzyskanych z 6 kwietnia 1946 r. W sprawie tryby stwierdzenia przynależności narodowej osób zamieszkujących na obszarze Ziem Odzyskanych // Dz. U. MZO. 1946. № 4. Poz. 26.

¹² Misztal J. Weryfikacja narodowościowa na Śląsku Opolskim, 1945–1950. Opole, 1984. S. 159.

научного совета по вопросам возвращенных земель¹³. Булавский, в частности, предлагал переселить «ненадежных» жителей польских кресов, в первую очередь Силезии, в «старые регионы» Польши. На место силезцев предполагалось поселить тех, кто, с его точки зрения, были близки к жителям Силезии в культурном плане, поскольку также долгое время находились под воздействием немецкой культуры — это куявы и поморцы¹⁴. Хотя массовое переселение силезцев, предложенное комиссией, не состоялось, однако в современной польской историографии реализованный в 1945–1947 гг. комплекс мер по отношению к жителям Силезии именуется «трагедией силезцев»¹⁵.

Обозначенная в конце 1940-х годов польская политика в Силезии получила развитие во времена ПНР, когда действовал запрет на использование силезского языка в школах и в администрации, было ограничено изучение немецкого языка. Подобные действия вели к противоположному результату — дальнейшему отчуждению поляков и силезцев, росту пронемецких и сепаратистских настроений¹⁶.

С началом либерализации политической жизни в 1989 г. дискуссии о региональной идентичности развернулись в новой силой, и Силезия не могла остаться в стороне. В Верхней Силезии стали оформляться общественно-политические организации, в программах которых формулировались и пункты сепаратистского характера. Подобные организации можно разделить на две категории: этнические и региональные. К первой группе можно отнести Социокультурное общество германцев Катовицкого воеводства, ко второй — Союз Верхней Силезии и Движение за автономию Силезии¹⁷. Последнее прокламировало создание территории с особым политическим статусом, которая выступала бы своеобразным «мостом» между Германией

¹³ *Buławski R. Problemy osadniczo-przesiedleńcze ziemi odzyskanych.* Poznań, 1945.

¹⁴ *Kwilecki A. Ziemie Zachodnie w polskiej literaturze sociologicznej.* Poznań, 1970. S. 55.

¹⁵ Подробнее о политике 1945–1947 гг. по отношению к силезцам см.: Ćwienk T. Autonomia Śląska w perspektywie historycznej i współczesnej. Katowice, 2014; Trosiak C. Górnny Śląsk. S. 148–149.

¹⁶ Partia i aparat bezpieczeństwa województwa katowickiego wobec proniemieckich postaw ludności rodzinnej od lat pięćdziesiątych do siedemdziesiątych XX w. // Aparat bezpieczeństwa Polski Ludowej wobec mniejszości narodowych i etnicznych oraz cudzoziemców. Studia nad zagadnieniem. Warszawa, 2009.

¹⁷ Подробнее см.: Ćwienk T. Autonomia Śląska w perspektywie historycznej i współczesnej. S. 129–146.

и Польшей. Союз Верхней Силезии, признавая унитарный характер польского государства, стремился к большей самостоятельности территории в вопросах евроинтеграции, в частности, к созданию еврорегиона «Силезия» (еврорегион предполагал сотрудничество нескольких приграничных территорий). Наконец, обе организации были солидарны в том, что Верхней Силезии должна принадлежать особая роль в процессе вступления Польши в ЕС. И определенные основания для подобных заявлений были. Верхняя Силезия по уровню индустриализации и урбанизации занимала первое место в Польше, а по ВВП на душу населения конкурировала с самым мощным в стране Мазовецким воеводством. Кроме того, кризис, вызванный «шоковыми методами» либерализации экономики, ударил по воеводствам Верхней Силезии в меньшей степени, чем по остальным территориям Польши, благодаря чему уровень жизни был выше, чем в среднем по стране. В то же время Верхняя Силезия была ориентирована на западные рынки сбыта и поддерживала активные культурные связи с Германией и Австрией.

В 1992 г., когда вступил в силу Маастрихтский договор, силезские организации активизировали деятельность. В марте на заседании польского Сейма депутат Катовицкого воеводства Данута Вержбицкая отмечала рост сепаратистских настроений в регионе. Она, в частности, сообщила, что председатель сеймика Катовицкого воеводства Юзеф Бузман, который был и одним из основателей Союза Верхней Силезии, заявил, что Верхняя Силезия первой из польских регионов готова вступить в Евросоюз. Масло в огонь подливала и активность Союза немецкой молодежи Силезии, члены которого распространяли листовки, утверждавшие, что только немцы могут привести Верхнюю Силезию в ЕС. Эти события стали отражением политической обстановки внутри региона, при том что большая часть населения оставалась лояльной центральным властям. Уже в 1995–1996 гг. сепаратистские движения пошли на спад. Из-за кризиса в угледобывающей отрасли стала резко ухудшаться экономическая ситуация в регионе, и социально-политическая активность сменилась активностью производственной.

Следующим шагом движения за автономию Силезии явилась попытка зарегистрировать в 1997 г. Ассоциацию лиц силезской национальности в воеводском суде в Катовице, что означало бы признание силезского этноса. Но суд регистрацию запретил. А в декабре 2001 г.

правомерность такого решения подтвердил Европейский суд по правам человека. В дальнейшем самоуправление в Верхней и Нижней Силезии действовало в соответствии с требованиями, выдвигаемыми ЕС. Главным актом стала территориально-административная реформа 1998–1999 гг., существенно расширявшая полномочия регионов и муниципалитетов, которые, помимо прочего, получили представительские права на международном уровне, что позволило снизить «градус» напряженности.

Однако вопрос о предоставлении автономии Силезии и поныне остается открытым. В августе 2011 г. в городе Пщина Силезского воеводства состоялся пробный референдум, в котором приняли участие 1700 чел. Подавляющее большинство — 96,4% — высказалось за автономию. Во время всепольской переписи населения 2011 г. силезцами себя признали более 817 тыс. чел., в то время как в 2002 г. — только 173 тыс. Число носителей силезского диалекта в Польше согласно переписи 2002 г. достигало 56,6 тыс. чел., а в 2011 г. родным силезский называли 509 тыс. Даже некоторые жители Варшавы записывались силезцами, выражая солидарность с регионом. Главная причина — экономическая. Избиратели надеются, что автономный статус Силезского воеводства позволит оставлять в местной казне больше денег. Идея голосования принадлежит Движению за автономию Силезии, руководитель которой Ежи Гожелик уже известен публичными заявлениями о том, что чувствует себя силезцем, а не поляком. Его сторонники отстаивают идею существования силезской национальной идентичности, которая объединяет уроженцев польской Силезии и тех, кто проживает здесь долгие годы. Основные задачи, которые обозначены в уставных документах Движения за автономию, звучат так:

- добиться от государственных органов Польши формального признания силезцев национальным меньшинством;
- добиться признания силезского диалекта региональным языком;
- добиться введения силезского регионоведения как обязательного предмета в польских общеобразовательных школах и гимназиях¹⁸.

Вызывает недовольство автономистов также официальная польская историография, которая умалчивает о существовании польской

¹⁸ Ćwienk T. Autonomia Śląska. S. 135–140.

Силезии вне границ Польши в течение 700 лет. Автономисты настаивают, что антигерманские силезские восстания 1919–1921 гг. были гражданской войной с целью обретения силезцами независимости и от Польши, и от Германии. Силезская культура, по их мнению, нуждается в охране и бережном отношении из-за насильственных влияний культуры польской¹⁹. В наиболее крупных городах Силезии регулярно проходят марши автономии Силезии. Последний из них (пятый по счету) был проведен в Катовице, городе с населением более 300 тыс. жителей. Возглавлял марш сенатор польского парламента в 1997–2007 гг., депутат сейма с 2007 г. Казимеж Кутц – польский кинорежиссер, который по опросу *Gazety Wyborczej* был избран самым выдающимся гражданином Силезии. Участники марша несли транспаранты «Автономия 2020», выкрикивали лозунги – «Да здравствует Верхняя Силезия!». Члены Движения за автономию уже выступили за развитие полномасштабного регионалистского движения по всей Польше. Автономистов Польши поддерживают единомышленники из немецкой части Силезии, в том числе Гюнтер Дауэн, глава местной ячейки Европейского свободного альянса – партии, выступающей за признание широких прав за национальными меньшинствами Европы и приданье им максимального политического суверенитета.

Интересен тот факт, что силезский язык зарегистрирован в Международной организации по стандартизации. В 2007 г. Библиотека Конгресса США включила силезский язык в реестр языков мира. 6 сентября 2007 г. 23 депутата сейма внесли законопроект о приятии силезскому языку статуса регионального. Однако официальная Польша по-прежнему не признает силезцев особым народом, а язык считает диалектом польского или переходным диалектом между польским и чешским языками. На официальном уровне проект признания силезцев национальным меньшинством был отклонен 9 декабря 2015 г., поскольку «подавляющее большинство населения Силезии исторически идентифицирует себя с польским народом». Эксперты Министерства внутренних дел и администрации Польши

¹⁹ Wanatowicz M. W. Tożsamość śląska w oglądzie historycznym // Dynamika śląskiej tożsamości. Katowice, 2006. S. 54–55; Eadem. Od indyferentnej ludności do śląskiej narodowości? S. 77; Wódz J., Wódz K. Czy Ślazacy są mniejszością kulturową? // Kultura dominująca jako kultura obca. Mniejszości kulturowe a grupa dominująca w Polsce / Pod red. J. Muchy. Warszawa, 1999. S. 152.

вынесли вердикт, согласно которому «нельзя утверждать, что традиции и культура жителей Силезии принципиально отличаются от общепольских культурных образцов»²⁰. Также официальная Варшава указывает на то, что «на нужды образования в районах, где компактно проживают этнические и языковые меньшинства, ежегодно уходит порядка 45 млрд евро»²¹. Немалая доля этих средств поступает в Силезию, поскольку в Польше силезцы признаны этническим меньшинством, но не имеют статуса нацменьшинства.

В спорах о силезской идентичности есть три составляющие — культурная, экономическая и политическая. Первая подразумевает многогранность силезской культуры, которая, вобрав в себя польские, немецкие и чешские традиции, обрела характер уникальной, что действительно выделяет Силезию из остальной Польши. Вторая составляющая — экономическая — определяет потенциал силезской экономики, ключевую роль региона в современной Польше. Третья, политическая, составляющая вызывает всю массу споров о статусе Силезии и их высокий «градус». Однако в ближайшее время, несмотря на усилия силезских автономистов, шансы на изменение позиции Варшавы по вопросу о статусе Силезии невелики.

²⁰ Projekt Stanowicka Rządu wobec obywatelskiego projektu ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, a także niektórych innych ustaw.

²¹ System finansowania edukacji mniejszości narodowych. URL: <http://mniejszosci.narodowe.nswia.gov.pl/> (дата последнего посещения 4 XII 2018).

Татьяна Георгиевна Биткова

Этническое многообразие Румынии: проблемы, противоречия, перспективы

Немало этнических сообществ соседствуют на территории Румынии уже несколько столетий, но существование титульной нации с ними до сих пор является весьма непростой и по многим параметрам нерешенной проблемой. Этническая структура современной Румынии сложилась в результате территориальных изменений в XX в., после Первой, а затем и Второй мировых войн. Наряду с другими процессами следствием мировых столкновений становилась массовая, а порой принудительная миграция населения; представители титульной нации оказывались национальным меньшинством в другом государстве, некоторые нацменьшинства по многим причинам сильно сокращались.

Бенгры Трансильвании, оказавшиеся после Первой мировой войны в Румынии, после Второй мировой остались там же со всеми проблемами, которые отягощали их положение раньше; румыны Северной Буковины и молдаване, которых в Румынии считают румынами, стали гражданами Советского Союза. В результате холокоста и послевоенной эмиграции сильно уменьшилась еврейская диаспора. Много цыган, которые издревле проживали на придунайских землях, погибли в ходе этнических чисток, проводившихся режимом

Антонеску. Произошла значительная убыль немецкого населения Трансильвании.

Мозаика послевоенного этнического общежития Румынии складывалась мучительно. Немаловажное значение имела политика центральных властей, направленная на гомогенизацию общества. Все это отражалось и на межличностном общении разных этнических групп.

Сегодня при абсолютном преобладании этнических румын в стране зарегистрировано 18 общин национальных меньшинств. Они по-разному интегрированы в румынское общество, имеют различную социальную, политическую, экономическую значимость. При этом этническая палитра Румынии столь разнообразна, что не исчерпывается представителями этих сообществ.

Согласно переписи 2011 г., общая численность постоянного населения Румынии составляет 20 121 641 чел., но на вопросы о своей этнической принадлежности, родном языке и вероисповедании ответили далеко не все: лишь 18,88 млн чел. При этом 88,9% из них (16,79 млн) назвали себя румынами.

Наиболее многочисленными меньшинствами являются венгры и цыгане, которые от общей численности населения составляют, соответственно, 6,5% (1,22 млн чел.) и 3,3% (621,6 тыс. чел.). Они представляют собой наиболее сложные в плане взаимодействия с государственной властью, а также с представителями титульной нации в целом диаспоры, поэтому в первую очередь уделим внимание их проблемам.

Помимо венгров и цыган относительно крупные этнические общины представлены украинцами (50,9 тыс.), немцами (36,0 тыс.), турками (27,7 тыс.), русскими-липованами (23,5 тыс.), татарами (20,3 тыс.). Есть и меньшие сообщества — армян, итальянцев, греков, евреев, сербов, хорватов, чехов, словаков, поляков, болгар, русинов, македонцев, албанцев, чангошей, или чанго (субэтнической группы венгров).

Если сравнить результаты переписи 2011 г. с предыдущей переписью 2002 г., то оказывается, что в процентном отношении представителей нацменьшинств стало несколько больше. В 2002 г. на их долю приходилось около 10,5% населения, а в 2011 г. — 11,9%.

По данным переписи 2002 г. в стране проживало 21 680 974 чел., что приблизительно на 1,5 млн чел. больше, нежели зарегистрировано

в 2011 г. Кроме демографического спада, который фиксируется статистикой, серьезной причиной сокращения постоянного населения стала более интенсивная эмиграция в Западную Европу. После вступления Румынии в Евросоюз в 2007 г. трудовая миграция из Румынии в развитые страны ЕС резко возросла, и, судя по статистике, не только в абсолютном, но и в процентном отношении за счет этнических румын. Число лиц, уехавших за границу на срок не менее года, составляло в 2011 г., по данным Национального института статистики, 727 500 чел., что, однако, как отмечают аналитики, «представляет только около 30 % от реальной цифры»¹.

В целом же данные о миграции столь впечатляют, что напрашивается вывод: эмиграция приобрела в последние годы масштабы исхода населения из страны. Правда, начиная с 2008 г. интенсивность миграционной убыли населения несколько сокращалась из-за прибытия мигрантов из Молдавии, которым Румыния предоставляет свое гражданство, но с 2015 г. приток молдаван ослабел.

Сокращение населения фиксируется не только у румын, но и среди национальных меньшинств. Увеличивается, как говорит статистика, лишь число цыган, хотя общеизвестно, что масштабный наплыв румынских цыган в страны Западной Европы вызвал много скандалов даже на межгосударственном уровне. Правда, социологи утверждают, что истинное число цыган не поддается учету ввиду того, что они далеко не все инкорпорированы в социум страны проживания.

Как выглядит этническая картина Румынии под углом зрения расселения и компактного проживания меньшинств? Историческое ядро страны (так называемое Старое королевство, или Валахия с центром в Бухаресте, и Молдова с центром в Яссах) наиболее однородны в этническом отношении: здесь меньше всего компактно проживающих нацменьшинств. Немалую территорию занимает Трансильвания (другое название — Ардял) с историческим центром в Клуж-Напоке. Она расположена на северо-западе страны, и около 20 % населения здесь венгры. При этом в двух уездах Трансильвании румыны даже не составляют большинства — это Харгита

¹ Voiculescu L. RECENSĂMÂNT, date finale: Câți români mai sunt în România. Harta emigrăției în Europa // Gândul. 2013. 04.07. URL: <http://www.gandul.info/financiar/recensamant-date-finale-cati-romani-mai-sunt-in-romania-harta-emigratiei-in-europa-11082108> (здесь и далее дата последнего посещения 4 XII 2018).

и Ковасна. Здесь преобладают венгры с 85,2% и 73,7%, соответственно. Другими уездами со значительной долей венгерского населения являются Муреш (38,1%), Сату Маре (34,7%), Бихор (25,3%) и Сэлаж (23,3%).

Цыгане относительно равномерно распределены по всей территории Румынии. Их численность варьируется от 1,1% в уезде Ботошань до 8,9% в уезде Муреш².

Венгерское сообщество является самым значимым из этнических меньшинств не только из-за заметного удельного веса в общей структуре населения, но и по причине немалой политической активности, что влияет даже на политическое равновесие румынского общества в целом.

Сегодняшние проблемы румыно-венгерского общежития начались, когда значительная часть венгров — жителей Трансильвании — оказалась после Первой мировой войны в королевской Румынии, превратившись из титульной нации в этническое меньшинство страны с иными культурными и политическими традициями. Процессы вынужденного совместного проживания оказались непростыми и конфликтными для обеих сторон. Все это требовало определенных шагов со стороны Бухареста, который всегда стремился сохранить некое равновесие, но вместе с тем ставил задачу вовлечения венгров в румынскую жизнь, препятствуя их самоизоляции.

На протяжении XX в. венгров в соотношении с румынами в Трансильвании становилось все меньше: происходил поощряемый властями процесс массового переселения румын из Старого королевства³. К тому же часть этнических венгров — среди них преобладали городские жители — переселилась в Венгрию. Источники дают противоречивые данные о количественном соотношении венгров и румын на территории Трансильвании до Первой мировой войны. Независимые эксперты считают, что на долю венгров приходилась приблизительно половина населения. Элита же общества почти

² Rezultate definitive ale Recensământului Populației și al Locuințelor — 2011. URL: www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2013/07/RESULTATE-DEFINITIVE-RPL_2011.pdf

³ Szarka L. A városi magyar népesség számának alakulása a Magyarországgal szomszédos országokban (1910–2000) // Jyväskylä, 2001. augusztus 6–10. URL: <http://epa.oszk.hu/00400/00462/00012/7.htm>

исключительно состояла из венгров, тогда как основную массу крестьянского населения составляли румыны.

В социалистический период этнические сдвиги в сторону уменьшения венгерского населения поощрялись как Г. Георгиу-Дежем, так и Н. Чаушеску. Оба руководителя искали и находили возможности ограничить условия комфорtnого проживания венгерского населения. В ходе социалистической индустриализации продолжалось переселение румын из Старого королевства в Трансильванию, и шло оно в основном из сельских районов в города. В результате кардинальным образом и не в пользу венгров продолжала меняться структура трансильванских городов.

В 1952 г. власти вынуждены были пойти на образование Венгерской автономной области (АО). Румынские лидеры поняли, что венгерское меньшинство, которое составляло около 2 млн чел., «нельзя ни продать, ни ассимилировать»⁴. Однако уже с 1957 г. развернулся процесс постепенного размывания венгерской автономии. В 1960 г. Венгерская АО была переименована в Муреш-Венгерскую АО, а ее границы были изменены так, что венгерского населения в процентном отношении стало меньше. В новой Конституции 1965 г. венгерское меньшинство не упоминалось, а в 1968 г. венгерская автономия и вовсе была упразднена. Постепенно закрывались венгерские культурные центры, театры, школы. Произошло насилиственное объединение бывшего венгерского Университета им. Больяи и румынского Университета им. Бабеша⁵. Эти изменения тогда замалчивались, но не могли не вызывать недовольства венгерского сообщества в Румынии. Негативной была реакция и в самой Венгрии. В результате многие представители венгерской интеллигенции Румынии подверглись репрессиям, связи с Венгрией были резко сокращены, хотя Георгиу-Деж, опасаясь за собственную власть в ходе событий 1956 г. в Венгрии, поддержал новый режим Я. Кадара.

Сразу после падения коммунистического режима в 1989 г. этнические венгры потребовали восстановления утерянных прав и в первую очередь права на использование родного языка на всех

⁴ Csegldi M., Varga A. Relațiile romano-maghiare 50–60 // Sfera politică. № 97–98. București, 2001. Р. 74.

⁵ Государственный университет Бабеш-Больяи в г. Клуж-Напока — один из крупнейших вузов Румынии (21 факультет, 41 тыс. студентов в 2014 г.). Носит имя румынского микробиолога В. Бабеша и венгерского математика Я. Больяи (*prim. red.*).

ступенях обучения. В марте 1990 г. произошли ожесточенные уличные столкновения между румынами и венграми в г. Тыргу-Муреш, в результате которых пять человек погибли, а сотни получили ранения.

Эти события послужили уроком для центральных властей: они осознали, что необходимо серьезно заниматься проблемами взаимодействия с нацименьшинствами. С течением времени Румыния приняла комплексное законодательство по вопросам меньшинств. Это отражено не только в конституции, но и в органических законах. Большое значение для принятия румынскими властями законодательства, учитывающего нужды национальных меньшинств, имело давление со стороны европейских и евроатлантических организаций, ибо Румыния сразу после 1989 г. выразила желание вступить в НАТО и Евросоюз. Сегодня многие считают страну примером положительного опыта в этом весьма непростом вопросе, хотя в ее адрес имеется и немало нареканий со стороны европейских структур.

Национальная политика Бухареста зиждется в первую очередь на постулате унитарного государства при главенствующем положении языка титульной нации. В Конституции 1991 г., которая, с поправками 2003 г., является действующим законом страны, говорится: «Румыния – национальное, суверенное и независимое, единое и неделимое государство» (ст. 1).

Конституция также указывает, что «Румыния – общая и неделимая родина всех своих граждан без различия расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии» (ст. 4). В ст. 6 говорится, что государство «признает и гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на сохранение, развитие и проявление своей этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности»⁶.

Одно из самых важных прав, которого меньшинства добились еще в начале 1990-х годов, относится к представительству в парламенте. Принцип представительства меньшинств в парламенте стал конституционным положением и обозначен новой ст. 62 (2) в Конституции 2003 г. Статья говорит, что «организации граждан, представляющие национальные меньшинства, но не получившие достаточного количества голосов для прохождения в парламент, имеют право на одно

---

⁶ CONSTITUȚIA ROMÂNIEI. URL: www.ucv.ro/pdf/site/constitutia_romaniei.pdf

депутатское место по условиям избирательного закона. При этом граждане, принадлежащие к национальному меньшинству, имеют право быть представленными только одной организацией»⁷.

Это представительство, однако, зачастую носит лишь формальный характер. Аналитики подметили, что многие депутаты от нацменьшинств не проявляют никакой активности в парламенте. С другой стороны, отмечаются случаи, когда небольшая этническая община регистрируется специально для прохождения ее «лидера» в парламент. Так, бывший депутат от Социал-демократической партии (PSD) Ион Вела, после того как стал неугоден руководству своей партии, создал фантом под названием Хорватский демократический союз. «Я не имею никакой связи с этой этнической общностью», — признался Вела и заявил, что его выдвижение было «знаком гармоничного существования меньшинств в уезде Банат»⁸. Это не единственный пример такого рода, но он и ему подобные не могут дискредитировать законодательные усилия по правовому обеспечению румынских граждан, принадлежащих к малым этническим группам.

Значительные изменения в пользу нацменьшинств были проведены в административной сфере на местах. В 2001 г. был принят новый Закон о местном государственном управлении (№ 215/2001), предусматривающий использование языков меньшинств в административно-территориальных единицах, где меньшинство представляет не менее 20 % населения⁹. К этому добавилась поправка к Конституции 2003 г., значительно изменившая ситуацию в отношении использования языков меньшинств в судах. В то время как положение бывшей ст. 127 гарантировало право использования переводчика в суде, новая ст. 128 предусматривает право румынских граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам, использовать в суде свой родной язык. Кабинет министров Румынии имеет в структуре Департамент по межэтническим отношениям. Он действует на основании постановления правительства № 111/2005.

Хотя власти твердо держатся за унитарную форму государственного устройства, они вынуждены считаться с тем, что венгерская общность после 1989 г. занимает серьезный сегмент в политической

⁷ CONSTITUȚIA ROMÂNIEI. URL: www.ucv.ro/pdf/site/constitutia_romanici.pdf.

⁸ Minorități în tranziție. Cluj, 2005. P. 19.

⁹ Legea administrației publice locale nr. 215/2001 // lege5. URL: <https://lege5.ro/Gratuit/gezdenryhe/legea-administratiei-publice-locale-nr-215-2001>

структуре общества. Этническая политическая партия – Демократический союз венгров Румынии (ДСВР) регулярно проходит в парламент, преодолевая 5%-й барьер, и имеет в каждой из палат своих представителей. Ее почетным председателем был избран Ласло Тёкеш – неутомимый борец за права венгров в Румынии¹⁰.

Венгры, как правило, представлены в правительстве и составляют большинство государственных служащих в уездах с преимущественно венгерским населением. Венгерский язык сегодня официально используется во многих городах и районах Трансильвании. ДСВР не раз являлся той силой в румынском парламенте, от которой зависело решение вопросов государственной важности, ибо после 1989 г. победившие на выборах партии обычно не имели абсолютного большинства и искали возможности использовать ДСВР для своего продвижения во власть или с помощью образования коалиции, или путем отдельных договоренностей. По итогам парламентских выборов 2016 г. ДСВР представлен 21 депутатом в нижней палате парламента и девятью сенаторами – в верхней.

Однако, несмотря на участие во властных структурах, ДСВР не удается воплотить в жизнь первоочередное требование, которое выдвигает венгерская общность уже многие годы, – воссоздание государственного венгерского университета, существовавшего в Клуж-Напоке до 1959 г.

В июне 1999 г. парламент Румынии под давлением ДСВР внес изменение в Закон об образовании, разрешающее создание факультетов с преподаванием на языках меньшинств в существующих университетах. Это могло бы стать решением проблемы языка для венгерских студентов, но возникли другие осложнения, в частности, протесты абитуриентов-румын (и их родителей), получивших

---

¹⁰ Именно Ласло Тёкеша считают косвенным «виновником» румынской революции 1989 г., которая началась с восстаний в г. Тимишоара 16 декабря. В то время пастору Тёкешу было предписано покинуть свой дом из-за «антигосударственной деятельности». Вступившиеся за него местные жители, как венгры, так и румыны, дали отпор военным и милиции, что спровоцировало в дальнейшем падение режима. Затем Тёкеш был членом Фронта национального спасения – центрального органа власти страны после падения режима Чаушеску. В 1990–2009 гг., оставаясь епископом, он одновременно занимался политикой. С 2007 г. является депутатом Европарламента, с 2010 г. – его вице-председателем. В настоящее время позиционирует себя как независимый политик. В Европарламент избран по квоте Венгрии в партийном списке ФИДЕС – Венгерского гражданского союза.

на вступительных экзаменах более высокие оценки, чем венгры, но не зачисленных в вузы. Их протесты нашли поддержку со стороны некоторых политических партий и влиятельных СМИ. Румынская националистическая пресса, обращаясь к примеру Косова, предрекала самые тяжелые последствия для румынской государственности в случае позитивного для венгерской диаспоры разрешения проблемы с национальным университетом.

Таким образом, несмотря на конституционное урегулирование и принятие ряда законов, четко регламентирующих права меньшинств, в реальной жизни остается достаточно много проблем. Кроме того, венгров тревожит неуклонное уменьшение их численности в Румынии. В целом по стране венгры составляли в 2002 г. 6,6%, а в 2011 г. — 6,5% населения, тогда как в 1992 г. их доля в населении Румынии составляла 7,12%.

Языковые требования — важная часть политического самосознания румынских венгров, но этим не исчерпывается их программа. Венгерские политические лидеры уже не первый год продвигают во властных структурах Бухареста идею федеративного устройства Румынии, что могло бы обеспечить административную автономию Трансильвании. Они мотивируют это тем, что, несмотря на все перипетии, Трансильвания, где удельный вес венгров самый высокий в Румынии, продолжает отличаться своей культурно-исторической традицией от Старого королевства. Более высокая экономическая и политическая культура этого региона, писал, в частности, Д. Молнар, должна втянуть Старое королевство в более интенсивный цивилизационный процесс. Тем более что федеративное устройство отвечает потребностям процесса европейской интеграции¹¹.

Однако создание автономии Трансильвании мирным путем сегодня маловероятно. Во-первых, именно трансильванские города Клуж-Напока и Тыргу-Муреш после 1989 г. стали бастионами румынского национализма. Во-вторых, взаимное недоверие и даже неприязнь сторон имеют глубокие корни в прошлом. Они основаны, в числе прочего, на двух взаимоисключающих представлениях об истории Трансильвании.

Румынскими политиками и историками Трансильвания (или Ардял) (рум. *Ardealul*) рассматривается как неотъемлемая часть

¹¹ Molnar G. Problema transilvană // Problema transilvană. Iași, 1999. P. 12–37.

Румынии не только с точки зрения современной политико-административной реальности, но и как цивилизационная сущность румынской культуры. Ее называют родиной Децебала, правителя древней Дакии. Области, в настоящее время составляющие Трансильванию, были политическим центром Дакии. Позже она стала одной из провинций Римской империи, наследниками которой считают себя румыны. В конце XVIII в. в Трансильвании, в Ардяльской лингвистической школе, были найдены латинские корни румынского языка, построена и распространена за пределы Карпат модель румынской идентичности.

Венгерская историография предпочитает оценивать положение иначе, утверждая, что Трансильвания (*Erdély*) в Средние века была единственным в Европе оплотом венгерской культуры и государственности, а в XVI в. – единственным островом веротерпимости в Европе. В подтверждение нередко приводятся слова венгерского поэта и журналиста Эндре Ади (1877–1919): «Без Ардяля нет Венгрии, ибо Ардял всегда был истинной Венгрией»¹².

Важность местной автономии, децентрализации и федерализма признается сегодня повсеместно. Однако в румынском национальном сознании эти понятия в отношении Трансильвании вызывают скорее реакцию отторжения, что, правда, не останавливает политических лидеров венгерской диаспоры.

Процесс «унгуранизации» Трансильвании стал особенно заметным в 2000-е годы. В 2000 г. силами венгерского сообщества в г. Орадя был создан и теперь функционирует Христианский университет Парциум, где преподавание ведется на венгерском языке.

Летом 2004 г. и весной 2005 г. группа депутатов парламента от ДСВР выступила (правда, лично от своего имени) с законодательной инициативой об автономии так называемого Секуйского края, около 70% населения которого – венгры. Этот законопроект, что было ожидаемо, был отклонен.

Воодушевляющим примером для венгров, без сомнения, стал пример Косова, парламент которого в феврале 2008 г. объявил в одностороннем порядке о независимости края¹³. Приблизительно в это же

¹² Цит. по: *Csegldi M., Varga A. Relațiile romano-maghiare. P. 74–84.*

¹³ 22 июля 2010 г. Международный суд ООН признал законность решения властей Косова о провозглашении независимости от Сербии.

время, 5 сентября 2009 г., на территории Румынии провозглашается Секуйская автономия, в которую вошла большая часть территорий уездов Харгита, Ковасна и Муреш. Этот акт был принят на съезде Национального секуйского совета, который является юридически не зарегистрированной организацией, объединяющей мэров и местных советников уездов с компактным проживанием венгерского меньшинства.

Власти Румынии, естественно, не признали решения съезда. Правда, для смягчения остроты национального вопроса в коридоры местных университетов были возвращены снятые при Чаушеску портреты прежних ректоров-венгров, а в трансильванских почтовых отделениях появились таблички на венгерском. Сейчас Секуйский край является непризнанной национально-территориальной автономией, вызывая раздражение в Бухаресте.

В мае 2011 г. группа румынских европарламентариев от ДСВР объявила об открытии в Брюсселе представительства Секуйского края при Европейском парламенте, что вызвало крайнее возмущение румынской правящей элиты. Министерство иностранных дел Румынии 27 мая 2011 г. распространило заявление, в котором выражало сожаление в связи с «учреждением некоего “представительства” так называемой административно-территориальной единицы Румынии, которая не существует и не имеет под собой ни конституционных, ни законных оснований»¹⁴.

В 2000-е годы усилилась активность венгерской диаспоры и в сфере образования новых политических формирований. Кроме респектабельного ДСВР, входящего в коридоры бухарестской власти, появились и другие партии, причем достаточно радикального характера: Трансильванская венгерская народная партия (ТВНП) и Венгерская гражданская партия (ВГП). В 2011 г. почетным председателем последней был избран спикер Национального собрания Венгрии, член-учредитель партии ФИДЕС – Венгерский гражданский союз Ласло Кёвер, занимающий жесткие позиции в вопросах национальной политики.

Предтечей ТВНП стал так называемый Трансильванский венгерский национальный совет как самостоятельная политическая

¹⁴ Цит. по: В Европарламенте открылось представительство непризнанного Румынией Секуйского края // REGNUM. 2011. 27.05. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1409680.html#ixzz1NaJz9SQW>

организация, декларировавшая в качестве основной цели продвижение автономистской идеи. Он был создан 13 декабря 2003 г. по инициативе радикального крыла ДСВР во главе с Тёкешем, который представлял тогда оппозицию центральному руководству Союза.

Несмотря на трения и взаимные упреки, этим трем партиям в январе 2018 г. удалось подписать в Клуж-Напоке совместную декларацию о согласовании концепций автономии, что вызвало в очередной раз гнев в Бухаресте. Так, депутат румынского парламента Р. Ротару призвал президента Клауса Иоханниса провести референдум, чтобы принять решение об изменении избирательного порога на выборах в парламент. Депутат предложил пятипроцентный порог на национальном уровне заменить пятипроцентным порогом на уровне каждого отдельного уезда и тем самым отрезать Демократическому союзу венгров Румынии путь в парламент. «Я считаю, что нам необходимо устраниить регионализацию голосования, из-за которой региональная партия, которая получает небольшое количество мандатов, но превышает порог, установленный на национальном уровне, получает в парламенте большинство, необходимое для участия в формировании правительства. В этих условиях региональная партия в состоянии навязывать определенные политические решения, противоречащие общим интересам на национальном уровне. Я считаю, что ни одного гражданина Румынии больше не устраивает эта ситуация», — заявил депутат¹⁵.

В ответ на подобные высказывания в марте 2018 г. около 3 тыс. венгров вышли на очередной митинг в г. Тыргу-Муреш с требованием предоставить территориальную автономию уездам с компактным проживанием венгров.

Описанные события свидетельствуют о нарастании чувства национальной самодостаточности внутри венгерской диаспоры. Но немаловажным фактором, вселяющим венграм Румынии уверенность в обоснованности «ирредентистских» действий, является косвенная и прямая поддержка Будапешта. Не удивительно, что положение венгерского меньшинства в Румынии — ключевая проблема взаимоотношений Венгрии и Румынии. Трения по «венгерскому вопросу»

¹⁵ Un deputat PSD face o propunere care ar scoate UDMR din Parlament // digi24. 2018. 09 I. URL: <https://www.digi24.ro/stiri/actualitate/politica/un-deputat-psd-face-o-propunere-care-ar-scoate-udmr-din-parlament-856946>

продолжаются, хотя на межгосударственном уровне обе стороны сделали немало для урегулирования взаимоотношений. После трудных и длительных переговоров в 1996 г. был подписан Основной договор между двумя странами. Отсутствие такого договора исключало для обеих стран перспективу вступления как в НАТО, так и в ЕС.

С подписанием договора отношения между странами как будто стали налаживаться. Как раз тогда ДСВР, представляющий венгерское меньшинство, вошел в правительственную коалицию, но позже все вернулось на круги своя. «Подписывая договор, обе стороны пошли на компромиссы <...>, но ни одна из сторон не рассчитывала на разрешение проблем нацменьшинств», — это мнение венгерских авторов, которое транслировала румынская печать¹⁶. События последующих лет подтвердили справедливость заключения.

Правительство Венгрии, заявляя о поддержке своих бывших соотечественников, одновременно прилагает усилия, чтобы те не покидали места своего нынешнего обитания. С этой целью разработаны, в частности, специальные условия их материального стимулирования.

В 2002 г. в Венгрии вступил в силу закон, вызвавший бурю недовольства в Румынии и Словакии. Закон предоставил особые права и привилегии венграм, проживающим в соседних странах, за исключением Австрии. Согласно ему, лица, считающие себя венграми, правомочны иметь так называемое «удостоверение заграничного венгра», которое гарантирует им разнообразные льготы на венгерской территории.

В ответ на это румынский МИД заявил, что будет пресекать все попытки выдачи «удостоверений венгра» на своей территории. В отношении упомянутого Закона о статусе венгров Будапешт все же вынужден был пойти на уступки Бухаресту: они были зафиксированы в согласительном Меморандуме, подписанным главами правительств В. Орбаном и А. Нэстасе 22 декабря 2001 г. в Будапеште. Венгрия признала за всеми румынскими гражданами равные права по труду-устройству в Венгрии, декларировала отказ от поддержки действующих в Румынии венгерских политических организаций без согласия на то местных властей.

¹⁶ Kantor Z., Bardi N. UDMR și coaliția guvernamentală (1996–2000) // Sfera politică. № 97–98. București, 2001. P. 17.

Одновременно румынская дипломатия развернула активные действия, пытаясь привлечь на свою сторону европейское общественное мнение. Вскоре международные организации — ОБСЕ, Совет Европы — заявили о своем негативном отношении к венгерскому закону. Правительству Венгрии пришлось заняться его переработкой. Окончательный вариант был принят в 2004 г.

В этом варианте закон, по мнению независимых экспертов, вполне соответствует стандартам международного права. Правда, на деле Будапешт демонстративно и в лицу Бухаресту продолжал оказывать разнообразную поддержку трансильванским «автономистам», что противоречило букве закона. Одновременно наблюдались проявившиеся на дипломатическом уровне трения, напрямую не связанные с меньшинствами, но как бы подспудно вписывающиеся в этот контекст.

Как известно, Румыния аналогично действует на территории Молдавии и Украины, предоставляя не только льготы, гранты и пособия, но и румынское гражданство этническим румынам и лицам, прямые родственники которых проживали на территориях, входивших в Румынию в межвоенный период.

Сохранение внутриполитической стабильности в Румынии и поддержание благоприятного имиджа страны за рубежом требуют от официального Бухареста ведения достаточно сложной и осторожной политической игры в отношении трансильванских венгров. При этом политика Будапешта по оказанию какой-либо помощи венгерской диаспоре находит решительный отпор и квалифицируется как вмешательство во внутренние дела соседнего государства. В Бухаресте вынуждены учитывать и другую сторону проблемы. Любые уступки центральных властей требованиям венгров вызывают психологическое отторжение у этнических румын и усиление влияния националистических политиков, что также опасно для политической стабильности этого унитарного, но вместе с тем многонационального государства.

Не менее важное место во внутреннациональной политике Бухареста занимает цыганская диасpora¹⁷. Преобладающая часть цыганского населения живет, как известно, по своим внутренним законам, зачастую противоречащим законам страны пребывания. С такими

¹⁷ Другое название цыган, более распространенное в Румынии, — «рома».

сложностями сталкивается не только Румыния. В Европе, по разным данным, насчитывается сегодня от 6 до 10 млн цыган, но большая их часть проживает в странах Восточной Европы. В Румынии же — самая многочисленная цыганская диаспора: по разным источникам, она насчитывает от 500 тыс. до 3 млн человек. Адаптация цыган в обществе ввиду их большой доли в общей структуре населения — особенно серьезная проблема для Румынии.

Цыгане осели на придунайских землях еще в XIII–XIV вв. Некоторая часть из них в какой-то мере подверглась румынизации. Трагична история румынских цыган во Вторую мировую войну. Многих из них депортировали с территории Румынии в Приднестровье и там уничтожили. Из 25 тыс. депортированных цыган уцелели всего около 1500 человек. «Трагедия этого народа во время войны еще ждет глубокого исследования», — с основанием утверждает современный российский автор¹⁸.

Полагают, что сегодня лишь около 60 % цыган Румынии могут говорить на одном из цыганских диалектов¹⁹, что в известной мере считается признаком их румынизации. Однако еще П. Мериме в повести «Кармен» писал об удивительной восприимчивости цыганского племени к языку страны обитания. «Они лучше говорят на языке той страны, где живут, чем на своем собственном, и прибегают к последнему лишь для того, чтобы свободно разговаривать при посторонних», — подметил писатель. Это, однако, вовсе не говорит о какой бы то ни было ассимиляции цыган, о чем свидетельствует и коллизия повести Мериме.

Как известно, за рубежом порой самих румын идентифицируют как цыган. Это — заблуждение, конечно, но цыганская субкультура оставила все же некоторые следы в жизни румын. Так, например, в народных мелодиях румынских (как и венгерских) скрипачей, по мнению знатоков, заметно влияние цыганского фольклора. Но это не все. Вдумчивому наблюдателю может показаться, что не только цыганские напевы оказали влияние на румынскую культуру: цыганский дух оставил свой след в умах румын. «Страсть к песням и разгульдяйству также отчасти сформировали культуру румын <...>. Их

¹⁸ Куксин И. Холокост в Румынии // Вестник online. 16 (301). 2002. 07 VIII. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0807/win/kuksin.htm>

¹⁹ Evoluția Educației Romilor în România. Evaluare a țării și direcțiile de acțiune strategice ale Fondului de Educație pentru Romi. București, 2007.

“дойны” — тягучие и очень красивые, до полета души, песни, похожие и на восточные мелодии, и на традиционно славянские <...>. То, что у румын невероятно много общего с цыганами, объясняется просто: ловкость в ведении дел, такая, что граничит с мошенничеством, подлогом и мздоимством, свойственна и тем и другим. О Румынии говорят: это страна смычка и отмычки. Играют и поют все и “берут” тоже все. Да притом берут не за тем даже, чтоб помочь, а чтоб не сделать гадости! И то и другое, несомненно, раскрывает румынско-цыганские души²⁰. Это замечание одного из сторонних наблюдателей, может быть, и не бесспорно, но подобные ассоциации иной раз возникают и кажутся в какой-то мере верными. При этом надо сказать совершенно определенно, что абсолютное большинство жителей Румынии категорически отделяют себя от цыган. Об этом, в частности, свидетельствуют данные опросов. Большинство румын вообще избегают близких отношений с цыганами.

При Чаушеску предпринимались очень активные усилия по адаптации цыган в общество, но задача эта трудно поддается разрешению и сегодня. Цыганские общинны предпочитают следовать своим привычкам и традиционному образу жизни. Важной ячейкой в них является семья, где мужчина — глава, отвечающий за благополучие и достаток. Каждую общину, как правило, возглавляет вожак, избираемый в соответствии с его почтенным возрастом, опытом и мудростью. Ему поручается разрешать разнообразные споры. Если проблема серьезна (кражи, прелюбодеяние, акты физического насилия или запутанные ссоры между сторонами), созывается суд, который решает вопросы на основании обычая, которым цыгане подчиняются беспрекословно.

В преобладающем большинстве цыгане не стремятся к гармонии отношений с румынским социумом. Более половины из них не имеют официальной работы, не умеют читать и писать, да и к этому абсолютно не стремятся. В начале 2000-х годов около 100 тыс. румынских цыган не имели документов, удостоверяющих их право на жилье; 40% жили в браке, который не зарегистрирован законно, а у 21% — не было вообще никаких документов²¹.

²⁰ Балканская этимология: Румыния и румыны // Rest in World. URL: <http://restinworld.ru/stories/romania/11006/1.html>

²¹ Морозов Н. Английская баронесса против цыганского барона // Эхо планеты. № 45. 2003. 7–13 XI.

58 % мужчин и 89 % женщин, представляющих цыганское меньшинство в Румынии, не имеют никакого образования и профессиональной подготовки, а 60 % занятых — неквалифицированные рабочие. 27 % от общего числа детей школьного возраста — неграмотные. Высшее образование в начале 2000-х годов имели только 0,11 % цыган, тогда как в целом по стране эта цифра составляла 5,11 % населения²². Падение производства, инфляция, безработица 1990-х годов особенно тяжело ударили по неимущим цыганам. Половина из них лишилась работы. При этом, по утверждению румынских авторов, «ни Национальный институт статистики, ни Национальное агентство занятости не дают официальных сведений об уровне занятости цыган. Ясно, что уровень безработицы цыган значительно выше, чем у не-цыган, на всех возрастных уровнях и во всех образовательных категориях»²³.

С годами мало что меняется. Сегодня заметная часть цыганского населения имеет нелегальные доходы, занимается мелким бизнесом криминального характера, а иногда связана и с наркотрафиком. Хотя, согласно статистике, преобладающая часть цыган проживает вне больших городов, заметны они именно в городах из-за мелкого воровства и попрошайничества, к которым приучаются с детства. Воровством цыгане промышляют не только на улицах румынских городов. Масштабы могут быть более существенные и пагубные для общества в целом. Как сообщала пресса, именно цыгане, особенно в 1990-е годы, занимались кражей медных проводов на железных дорогах, переплавляя их в котлы для изготовления цуйки (сливовой водки). При этом преобладающая часть diáspory живет в крайней нищете. Это — единственная этническая группа в Румынии, среди представителей которой уровень бедности в три раза превышает средний показатель по стране²⁴.

Яркой иллюстрацией такого положения служит «цыганское гетто» Бухареста — район Ферентарь. Это квартал пятиэтажек, явившихся при социализме общежитиями для рабочих. Часть жилого фонда составляли однокомнатные квартиры для военных без семей.

²² Бессонов Н. Цыгане Восточной Европы (конец XX в.). Проблемы и пути их решения // Н. Деметер, Н. Бессонов, В. Кутенков. История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000.

²³ Evoluția Educației Romilor în România. Р. 15.

²⁴ Там же.

Позже дома были заселены цыганами, которые умудрялись размещаться в маленьких помещениях большими семьями. Сегодня дома выглядят удручающе: грязные стены серо-буро-коричневого цвета с подтеками; ни в одном доме нельзя найти двух одинаковых окон: все они — плод фантазии каждого отдельного жильца. К стенам пристроено большое количество самодельных балконов. На первых этажах местами видны самодельные пристройки, не сообщающиеся с домом и представляющие собой отдельные микроквартиры.

Весь район утопает в мусоре, выбрасываемом обычно прямо из окон. Время от времени приезжающий бульдозер собирает мусор, но территория быстро вновь превращается в свалку. В подъездах можно снимать фильмы ужасов без дополнительных декораций. При этом около подъездов много отдыхающих людей, просто сидящих на своих стульчиках или прямо на ступеньках. При всей немыслимой антисанитарии дети, как правило, одеты чисто. В целом же царит дух заброшенности и абсолютного равнодушия к внешней стороне бытия²⁵.

Некоторые цыганские семьи селятся прямо на свалках, строят там лачуги из подсобного материала. На свалках они и трудятся. Их каждодневное занятие — сортировка и продажа отходов (пластика и металломолома). Однако любой может заметить, что на несчастных и обездоленных они вовсе не похожи. Все это, как и поведение цыган и их отношение к внешнему миру, шокирует законопослушного гражданина, превращает цыган, и не только в Румынии, в презираемую касту, которой страшатся простые граждане, зачастую страдающие от навязчивого цыганского «сервиса» на улицах.

Реакция отторжения порой выливается в погромы, поводом для которых оказываются ссоры с цыганами или их неадекватное поведение. Мировые СМИ в свое время обошел сюжет о страшном цыганском погроме, случившемся в румынской деревне Хедерни в 1993 г. У группы цыган произошел конфликт с пожилым румыном. Когда сын хотел вступиться за отца, один из цыган нанес защитнику смертельное ножевое ранение. Негодование жителей села — румын и венгров — вылилось в цыганский погром. Было сожжено 13 домов, имелись убитые и раненые. Беспорядки, как выяснилось позже, явились

²⁵ Цыганские гетто Бухареста // Livejournal. 2016. 29 IX. URL: <https://maxim-nm.livejournal.com/268186.html>

следствием бездействия полиции, не реагировавшей на десятки жалоб жителей на правонарушения со стороны цыган.

В Румынии сегодня имеются и «новые цыгане», о роскошной жизни которых можно судить, посетив «деревню» Бузеску, что в 85 км от Бухареста. Это — настоящий цыганский Беверли Хиллс, поражающий скоплением помпезных, но безвкусных, с точки зрения культурного европейца, «дворцов», коих там насчитывается около восьмисот. Вычурность, смешение несовместимых элементов — это стиль, который иногда называют «цыганским романтизмом». Характерен он не только для Румынии, но и для других стран, где есть богатые цыгане. Нечто похожее мы можем встретить и в Подмосковье. А если поинтересоваться, как выглядят богатые дома цыган на их прародине — в Индии, то мы с удивлением обнаружим немало общего, но там это почему-то не выглядит столь кричаще и неуместно.

Но откуда средства у этих «изгоев общества»? Объяснение находим в одном из материалов в СМИ: «Большинство местных жителей разбогатели, зарабатывая на скупке и перепродаже черных и цветных металлов. Хотя есть и другие версии. Наш гид <...> категорично заявила: “Скупка металла — это лишь прикрытие. Настоящие деньги добываются нечестным путем”²⁶.

При этом «новые» цыгане, как и «старые», не склонны подчиняться румынским законам, о чем уже говорилось. Одна из особенностей жизненного уклада цыган — ранние браки, не допустимые ни одним европейским, в том числе румынским, законодательством. Наиболее заметно и вызывающе выглядят свадебные церемонии цыганской знати, ибо они попадают в СМИ. Вот один из примеров, имевший общеевропейский резонанс. Цыганский барон отдавал замуж младшую дочь. Как принято у цыганской знати, был и «кортеж сверкающих “мерседесов”, и невеста в белоснежной фатае с бриллиантовым колье». Однако, как выяснилось, невесте исполнилось всего лишь 12 лет, а жениху — 15. Именно возраст невесты возмутил докладчика Европарламента по Румынии, английскую баронессу Эмму Николсон, которая объявила цыганскую свадьбу «легальным изнасилованием», потребовав вмешательства полиции²⁷.

²⁶ Градюшко Н. Мажориос село. Репортаж из столицы цыган-миллионеров, застроенной безумными дворцами // Onliner. 2016. 16 X. URL: <https://realt.onliner.by/2016/10/16/buzescu>

²⁷ Морозов Н. Английская баронесса против цыганского барона.

Однако, как полагают некоторые наблюдатели, столь ранние браки не просто странная прихоть, они призваны сохранить общину, где все должно быть под контролем. Не имея своего государства, цыгане вынуждены сплачивать соплеменников с малолетства, чтобы выжить привычным для них образом в малых конгломерациях и не ассимилироваться.

Но окружающий социум, так уж выходит, не понимает желания цыган оставаться самими собой. Социум и само государство мстят им за это, порой даже внешне незаметно. Речь идет о действиях, не афишируемых на официальном уровне. «Их не принимают в больницы и школы, в районы их проживания не дотягивается общественный транспорт. А мусор просто не вывозится. Ограничен доступ цыган к программам социальной помощи. С этим беспокойным племенем связано множество скандалов, время от времени выплескивающихся на страницы газет. В Клуже врачи вдруг начали ставить румынским цыганкам «стерилеты» (противозачаточные спирали) без ведома пациенток»²⁸.

При этом нельзя упрекнуть румынские власти в отсутствии позитивного подхода к цыганской проблеме. Выделяется немало средств для культурной адаптации цыган в обществе. На радио и телевидении имеются еженедельные передачи, где поднимаются злободневные вопросы жизни цыган, ежегодно проводятся фольклорные фестивали, научные конференции. В 2002 г. на румынском языке вышла коллективная работа авторов разных стран «Цыгане в Румынии». Она подготовлена Центром документации и информации по вопросам нацменьшинств в Юго-Восточной Европе²⁹. Международные организации выделяют деньги на проекты в области образования цыган, развития их языка и литературы, улучшения социальных условий. Это тем более важно, что румынские цыгане — население очень молодое: средний возраст их составляет около 25 лет, а 33,9% из них — это дети 14 лет и младше. Для сравнения: данная возрастная группа румынского населения составляет лишь 15,6%³⁰.

В начале 2000-х годов Министерство просвещения Румынии начало издание школьных учебников на цыганском языке (язык

²⁸ Морозов Н. Английская баронесса против цыганского барона.

²⁹ Romii din România. Bucureşti, 2002.

³⁰ Evolutia Educației Romilor în România. Р. 15.

и математика). В 2003 г. (в соответствии с Законом GD 834/2003) был учрежден Национальный центр культуры цыган — государственное учреждение, подчиненное Министерству культуры, которое призвано заниматься сохранением и пропагандой традиционной культуры цыган, а также распространением современной культуры этой этнической группы. Основные цели центра вытекают из Закона 430/2001 «Стратегия улучшения положения цыган».

В 2003 г. под эгидой Всемирного банка состоялась международная конференция, посвященная проблемам цыган в Европе, которая объявила о программе адаптации цыган на 2005–2015 гг. Благодаря донорской поддержке на программу было выделено 34 млн евро. В 2005 г. был создан зарегистрированный в Швейцарии Фонд образования для цыган, который осуществлял свою миссию и в Румынии.

В 2015 г. ЕС выделил несколько миллиардов евро для интеграции цыган государств — членов ЕС, включая Румынию. Рассчитывая на эту помошь, Румыния в начале января 2015 г. приняла план стратегического развития до 2020 г. по интеграции цыган, расходы по реализации которого оцениваются в 100 млн евро. Однако лишь небольшая часть средств ЕС была реализована из-за чрезмерной бюрократии, долгих сроков оформления бумаг и необходимости предварительного финансирования проектов румынской стороной без ясной гарантии, что они будут обеспечены и в дальнейшем. Кроме того, коррупция, обретшая в Румынии масштабы стихийного бедствия, несмотря на активную борьбу с ней, затрагивает и область финансирования программ цыганского развития.

С 1990 г. в Румынии существует ассоциация — Партия цыган «Pro Europa» (ПЦПЕ), один представитель которой входит в парламент. Ассоциация является в первую очередь структурой, занимающейся культурно-образовательными программами. Однако со временем она стала проявлять и политические амбиции. В 2012 г. «Pro Europa» и Социал-демократическая партия (СДП) заключили соглашение о взаимной поддержке на парламентских выборах в декабре 2012 г. и об осуществлении целевых задач, направленных на развитие цыганской общины. Такого рода соглашение ПЦПЕ уже заключала с СДП в 2003 г., но тогда социал-демократы проиграли на парламентских выборах. Вместе с СДП ушла в оппозицию и цыганская партия.

В феврале 2016 г. Национальное управление по борьбе с коррупцией предъявило обвинения восьми представителям партии «Pro

Европа» в мошенничестве с фондами ЕС. Речь шла о двух проектах, которые содержали ложные данные об участниках учебных курсов по различным профессиям. Расходы были завышены, учащиеся оказались фиктивными, деньги изъяты и незаконно присвоены. Еще одно обвинение касалось представителя этой ассоциации, присвоившего деньги из средств государственного финансирования.

Одной из мер по облегчению доступа цыган к высшему образованию стала специальная программа поддержки абитуриентов-цыган, введенная правительством еще в 1997 г. В 2013–2016 гг. партия «Про Европа» объявила об участии в реализации национальной программы «Все для здоровья, все для образования». Ее целью, среди прочего, было объявлено увеличение числа цыганских детей и молодежи в лицеях и университетах в соответствии с предоставленной квотой. Однако проблема состоит в том, что претендентов на эти места мало. И по этой причине возникла новая трудность. Так, сразу же после начала реализации программы в Университете Бабеш-Больяи выяснилось, что коррумпированные цыганские лидеры за определенное вознаграждение предоставляли сертификаты и рекомендации абитуриентам не из числа цыган.

Общественные организации Румынии, поддерживая государственные программы социализации цыган, пытаются изменить отношение к ним в публичном сознании. На необходимость такой пропаганды указывали и авторы вышеупомянутой работы «Цыгане в Румынии»³¹. Речь в первую очередь идет о том, что СМИ, как правило, создают неблагоприятный образ цыган, акцентируя внимание на негативе.

Цыганские активисты, в свою очередь, жалуются на «структурный расизм» титульной нации и формальное отношение властей к цыганским проблемам, на то, что цыгане и их культура занимают маргинальное место в Румынии³². Так, только благодаря частной инициативе в 2013 г. удалось создать Музей цыганской культуры. По словам инициаторов, их просьбы о государственной поддержке остались без ответа. В настоящее время музей, по сути, играет роль культурного центра, а живет за счет спонсорской помощи.

³¹ Romii din România. P. 51.

³² Romii sunt încă străini pe teritoriul României // TELEU. URL: <https://teleu.eu/romii-sunt-inca-straini-pe-teritoriul-romaniei/>

В 2014 г. три актрисы-цыганки запустили в жизнь интересный проект под названием Театральная труппа «Giuvlipen». Его цель — не только вывести на сцену традиционную жизнь сообщества, но и познакомить зрителей-нецыган со своеобразием сегодняшней жизни диаспоры. Содержание спектаклей — злободневно, эстетика — авангардна. Вскрывая острые и серьезные проблемы, создатели часто используют смех иironию, а это неизменно пробуждает зрительский интерес. Комментаторы отмечали, что здесь впервые придуман и введен в цыганский язык и обиход термин «Giuvlipen», что можно перевести как «феминизм» — понятие, несовместимое с традиционным укладом цыганской жизни. Сегодня создательницы новой труппы добиваются государственного финансирования и основания первого в Румынии цыганского театра. Хотя по численности цыгане являются второй после венгров диаспорой, театра своего они не имеют. При этом в Румынии действуют девять венгерских театров, два — немецких и один — еврейский.

Деятельность цыганской интеллигенции благородна, вызывает похвалы и положительные эмоции, но для массы простых цыган она остается чем-то далеким и малопонятным. Непрятательный и малообразованный, но активный и лукавый цыганский люд Румынии после 1989 г. стал проблемой общеевропейской значимости. Начало 1990-х годов было отмечено массовой нелегальной миграцией цыган в страны Западной Европы. Если на первых порах этих «беженцев» принимали и обустраивали, то в дальнейшем отношение стало более холодным и, наконец, вылилось в депортации и дискриминационные меры. Причиной этого опять же явился специфический уклад жизни и криминальный род деятельности иммигрантов.

Положение еще более усугубилось сразу после вступления Румынии в 2007 г. в Евросоюз: в Западную Европу хлынул еще больший поток румынских цыган, склонных к асоциальному поведению и нелегальному бизнесу. Широкий резонанс в мировой прессе получили несколько громких криминальных инцидентов с румынскими цыганами, за которыми последовала их высылка. Все претензии, которыми переполнились европейские СМИ, зачастую адресовались «румынским гражданам», даже без детализации их особой этнической и культурной принадлежности, что создавало неблагоприятный «образ румына» в европейском массовом сознании и травмировало сознание простых законопослушных румын. События такого рода

послужили поводом к тому, что руководители Евросоюза даже высказывали сомнение в целесообразности сохранения безвизового режима для граждан Румынии.

Но встает вопрос общего порядка. Ведь цыгане, проживая на европейском континенте, как известно, много веков, так и не стали частью европейской общности и культуры ни в одной стране. Несмотря на выделение финансовых средств с целью их хотя бы минимальной адаптации, в целом проблема остается нерешенной. «Многие в ЕС попимают это, но боятся произнести вслух: цыгане принципиально “нереформируемы”. Ясно только одно — деньгами, специальными интеграционными программами проблему не решить»³³. Это замечание не лишено здравого смысла.

Охват всех цыганских детей хотя бы средним школьным образованием способен, без сомнения, принести свои плоды, но такие программы наталкиваются на твердое нежелание родителей обучать детей в школе. Есть и другие объяснения. Как говорит статистика, одной из наиболее важных причин отказа от школы является неустойчивое материальное положение родителей. Такой отказ встречается почти в три раза чаще в семьях, считающихся бедными или очень бедными, нежели в средних по достатку или богатых. Это показывает, насколько доступ к образованию обусловлен экономическими ресурсами семьи, что «порождает порочный круг нищеты, передающейся из поколения в поколение»³⁴.

Но главная причина, думается, кроется в другом. Она заключается в тех стереотипах поведения, которые с детства закладываются замкнутой традиционной средой с ее очень специфическими и зачастую низкими потребностями, что весьма трудно преодолеть с помощью чуждых для цыганского сообщества внешних программ. Дети с ранних лет учатся попрошайничеству и мелкому воровству, рано оказываются в браке или приобщаются к проституции, всецело зависят от ближайшего окружения, приучаются видеть мир его глазами и легко ориентироваться в этом странном для рядового европейца «цыганском мире». Конечно, есть и исключения. Некоторые

³³ Как выглядят трущобы румынских цыган // Толкователь. 2013. 03. 03. URL: <http://ttolk.ru/?p=16120>

³⁴ Abandonul școlar tîmpuriu: cauze și posibilități de prevenire // Unicef. 2012. 17 IV. URL: <http://www.unicef.ro/media/buletin-informativ-nr-7/abandonul-scolar-timpuriu-cauze-si-posibilitati-de-prevenire/>

цыганские дети, в основном из богатых семей, порой говорят свободно на иностранных языках и даже получают высшее образование. Однако это не то, что характеризует сегодняшнее состояние «цыганского вопроса» в Румынии.

При всем различии проблем и места венгерской и цыганской общин в румынском социуме, они являются причиной сходных явлений в самом этом социуме, порождая националистические настроения среди этнических румын. Отношение к этим нацменьшинствам — лакмусовая бумажка, характеризующая степень преодоления титульной нацией стереотипов национализма, зарождение которого на румынских землях относят к концу XIX в., а расцвет — к межвоенному периоду.

В этом контексте нельзя не коснуться и антисемитизма, исторически укорененного в румынском обществе. Еврейские предприниматели занимали видное место в экономике королевской Румынии и в результате оказались одной из мишеней социального протesta, возбуждая одновременно прилив националистических чувств³⁵. Парадокс сегодняшнего антисемитизма состоит в том, что евреев в Румынии уже почти нет. После холокоста и послевоенной многоволновой эмиграции в Израиль и другие страны диаспора фактически исчезла: она насчитывает лишь около 3 тыс. чел. и состоит в основном из лиц преклонного возраста. Тем не менее СМИ сообщают о различных случаях проявления антисемитизма в повседневной жизни.

Еврейская диаспора, как и другие зарегистрированные этнические сообщества, имеет своего представителя в румынском парламенте и через него — возможность заявлять о своих интересах. Главной заботой Федерации еврейских общин Румынии являются сегодня культурные вопросы, но также, ввиду солидного возраста своих членов, и материальные. Последние, как правило, решаются с помощью иностранных доноров.

³⁵ «Подобно венграм и немцам, евреи представляли собой категорию населения, которое проживало в основном в городах, имело более высокий уровень развития и сумело создать более многочисленную профессиональную и экономическую элиту, нежели румыны. В отличие от остальных меньшинств, более компактно проживавших в отдельных регионах, евреи проживали в городах по всей территории страны, представляя тем самым городскую элиту всех провинций» (Болован И. Положение национальных меньшинств в межвоенной Румынии // История Румынии. М., 2005. URL: <https://history.wikireading.ru/135052>).

Сохранение культурной самобытности — существенная забота и других этнических меньшинств, но острых дискуссий на эту тему в Румынии не отмечается. Политика здесь, во всяком случае на первый взгляд, напрямую не присутствует, если не считать украинцев. Обеспечение их прав в Румынии, как и прав румын на Украине, является порой предметом взаимных претензий и острых дебатов даже на межгосударственном уровне.

Итак, несмотря на принятие законодательных актов, предоставляющих национальным меньшинствам особые права, остается достаточно много непростых вопросов и ситуаций, которыми озабочены малые этнические группы Румынии.

Неожиданным для многих, как в Румынии, так и за рубежом, было избрание в 2014 г. президентом страны Клауса Йоханниса, этнического немца и к тому же протестанта. Все помнили, что совсем недавно, в 2000 г., во второй тур президентских выборов прошел Вадим Тудор — скандальный председатель крайне националистической партии «Великая Румыния», славившийся антивенгерской и антицыганской риторикой. Зарубежные комментаторы после избрания Йоханниса рассуждали о том, что положение нацменьшинств в Румынии, видимо, не хуже, чем в других странах Евросоюза. Ведь победа Йоханниса стала возможной в преимущественно православной стране, где сильны традиционалистские настроения и националистические предубеждения. Итог выборов явился сюрпризом, свидетельствующим о том, что выводы о сильном распространении национализма в Румынии могут быть не просто поспешными, но и ошибочными.

Юлия Александровна Щербакова

Национальные меньшинства современной Словакии*

Этнический состав Словацкой Республики

На картах, размещенных в Интернете, современная территория Словацкой Республики (СР) как бы составлена из многочисленных пазлов. И этот образ не случаен. Республика представляет собой гетерогенное в национальном отношении мультикультурное сообщество. Это отразили и проходящие регулярно, раз в десять лет, переписи населения. Последняя перепись 2011 г. зафиксировала постоянное проживание в стране более десяти национальностей (табл. 1)¹.

Приведенную статистику можно прокомментировать, привлекая данные переписей 2001 и 2011 гг. и сведения за 2014 г. Так, в марте 2014 г. население СР составляло 5 416 727 чел., что на 19 691 больше,

* При подготовке данной статьи были использованы опубликованные автором материалы: Щербакова Ю.А. Словацкая мозаика национальных меньшинств // Национализм и популизм в Восточной Европе. М., 2007; Щербакова Ю.А. Словацкая Республика: смена правящих элит и моделей трансформации // Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации. М., 2010.

¹ Obyvateľstvo sr podľa národnosti – sčítanie 2011, 2001, 1991. URL: https://cloud1.edupage.org/cloud/narodnostne_zlozenie_obyvatelstva__sr1.pdf?z%3atkjwfrvwfvqa%2b5%2binkpp12osldtbzkfqm9nr8afgurhod%2fuscgbxn5de1blui (здесь и далее дата последнего посещения 4 XII 2018).

Таблица 1

Национальность	Численность	% от общего числа жителей
Словаки	4352775	80,7
Венгры	458467	8,5
Цыгане	105738	2,0
Чехи	30367	0,6
Русины	33482	0,6
Украинцы	7430	0,1
Поляки	3084	0,1
Хорваты	1022	0,0
Сербы	698	0,0
Русские	1997	0,0
Евреи	631	0,0
Моравы	3286	0,1
Болгары	1051	0,0
Остальные	9825	0,2
Не установлено	382493	1,0
Итого	5397036	100

чем по переписи людей, домов и квартир в 2011 г. (см. таблицу). Этническим большинством являются словаки, — 80,7% населения (2011 г.). В 2011 г. граждане венгерской национальности составляли на 61 791 (0,7%) меньше, чем десять лет назад, в 2001 г. Цыган было на 15 818 (0,3%) больше, чем по переписи 2001 г. Вместе с тем, по мнению ряда представителей цыганской общины и муниципальных политиков, реальное число цыган может быть выше (до 5,6%), поскольку в ходе предыдущих переписей они идентифицировали себя как словаки или венгры. С учетом этого число

словаков и венгров будет меньше почти на 4%. Но эти данные вряд ли можно считать точными. Демографы предполагают, что реально в Словакии проживает самая большая в Европе цыганская диаспора, насчитывающая около 380 000 чел. (7%). Однако и по поводу этой цифры постоянно ведутся споры специалистов.

Представителями национальных меньшинств, численность которых по переписи 2011 г. составляет менее 1%, являются чехи (44 620 чел., что на 14 220 меньше, чем в 2001 г.), русины (33 482 чел., за десять лет увеличившие численность на 9221 чел.) и украинцы (сократившие численность на 3421 чел.). В эту группу входят также немцы, моравы, поляки, русские, хорваты, сербы, болгары, евреи.

Одной из особенностей расселения национальных меньшинств в Словакии является то, что почти все они занимают определенную часть территории страны. Так, южные области СР населяют венгры, в восточных и южных частях проживают цыгане. Чехи не имеют своей определенной территории, они рассредоточены по всей стране. Однако большинство чехов и моравов проживает в Братиславе.

На северо-востоке страны, от Замагурья до границ с Украиной, расселяются русины и украинцы².

И хотя словацкое общество внутренне консолидировано, а СР с 2004 г. является составной частью единой Европы, национальные меньшинства представляют собой определенные группы риска, создающие проблемы как для внешней политики Словакии, так и внутри страны. Прежде всего речь идет о венгерском и цыганском национальных меньшинствах. Современное состояние цыганского меньшинства вносит дополнительные проблемы в социальную жизнь Словакии, а венгерское национальное меньшинство проявляет себя как фактор дестабилизации внешней политики СР.

Историческая справка

В настоящее время не найдено универсальных подходов к рассмотрению национальных процессов, в том числе и национальных меньшинств. Их существует, как минимум, два: 1) сознательное игнорирование истории на основании утверждения, что у каждого народа своя правда и что «исторические» аргументы не способствуют решению возникающих проблем; 2) педалирование исторического фактора³.

Территория Словакии в XIX в. являлась частью Австро-Венгерской монархии; после 1918 г. она вошла в состав унитарной буржуазной Чехословацкой Республики (ЧСР); в 1939–1945 гг. существовало независимое словацкое государство; далее до 1989 г. Словакия была частью социалистической Чехословакии. Как одна из двух федеративных республик чехословацкого государства она была вовлечена в процесс политической и экономической трансформации в конце 1980–1990-х гг. и обрела государственную независимость 1 января 1993 г., став полноправным международным субъектом. Земли, населенные словаками, есть и в сопредельных государствах, прежде всего в Венгрии. В составе же Словакии имеются территории, где традиционно проживают другие народы: венгры, чехи, украинцы, немцы, русины и др. В XX в. национальные меньшинства Словакии прошли

² Характеристика населения Словакии. URL: http://geolike.ru/page/gl_5876.htm

³ Аксенюк А. Самоопределение: между правом и реальной политикой. URL: www.vremya.ru

непростой исторический путь, обусловленный радикальными внешнеполитическими и внутриполитическими изменениями, к которым привели две мировые войны.

Во времена Австро-Венгерской империи народы невенгерского происхождения, проживавшие на территории ее венгерской части, подвергались интенсивнейшей мадьяризации. В отличие от словацкого населения, которое хотя и не имело национального центра и развитой национальной буржуазии, но располагало интеллигенцией, боровшейся за национальное сохранение, немногочисленные представители немецкого меньшинства, разбросанные по всей словацкой территории и жизненно зависевшие от венгерского рынка, были практически не способны противостоять ассимиляционной политике венгерских властей.

Новая ситуация сложилась после возникновения в 1918 г. Чехословацкой Республики, которой государства Антанты вменили в обязанность предоставить меньшинствам самые широкие права: экономические, политические, культурные. Драматизм ситуации заключался в том, что Первая Чехословацкая республика прекратила существование отчасти из-за либеральной политики, проводимой в отношении национальных меньшинств. Такая политика позволяла словацким немцам получать образование на родном языке, образовывать национальные организации, в том числе и политические партии. В 1918 г. словацкие немцы оказались в одном государстве с мощным, культурно и политически зрелым судетско-немецким анклавом, расположенным на западе Чехии. Политический состав немецкого национального меньшинства не был однороден. В ЧСР существовало несколько немецких региональных партий.

После окончания Первой мировой войны 4 июня 1920 г. был заключен Трианонский мирный договор. Под ним поставили подписи, с одной стороны, вновь образованное государство — Венгрия и с другой — «союзные и объединившиеся державы»: США, Британская империя, Франция, Италия, Япония, Бельгия, Греция, Китай, Куба, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Югославия, Сиам и Чехословакия. Мирный договор с Венгрией был заключен спустя почти год после окончания Парижской мирной конференции. Это объяснялось как непростой внутренней ситуацией в Венгрии, так и сложностями определения границы с Чехословакией, которая прошла по территории со смешанным населением. Великие державы

удовлетворили территориальные требования Чехословакии как союзного государства⁴. Как и другие договоры, заключенные державами Антанты с Германией и ее союзниками после разгрома Центральных держав, Трианонский мирный договор являлся составной частью так называемой Версальской системы.

Версальская система основывалась на совокупности пяти международных договоров, регулировавших послевоенное устройство. Ее фундаментом стал «принцип национальности» или, другими словами, принцип самоопределения. Однако воплощение на практике этого разумного принципа столкнулось с трудностями. Во-первых, как отмечают исследователи, авторы данного проекта не всегда достаточно хорошо осознавали, что представляют собой народы, государственно-правовую судьбу которых они намеревались определить, и территории, на которых они проживают. «В результате такого, часто произвольного, национально-государственного размежевания, — пишет современный исследователь, — в Европе возникли районы с компактным проживанием этнических меньшинств — немцев в Польше и Чехословакии, венгров в Чехословакии, Румынии и будущей Югославии, украинцев и белорусов в Польше, что вскоре явилось источником острых конфликтов, впрочем, как и объединение в одном государстве сербов, хорватов, словенцев, македонцев и албанцев. Так, из 27-миллионного населения Польши одна треть состояла из проживавших компактными группами меньшинств: западных украинцев, белорусов, немцев, литовцев, а также 3 млн евреев»⁵.

Чехословакия, по сути, также являлась совокупностью меньшинств. Характерно, что новая столица Словакии — Братислава — была населена главным образом не словаками, а немцами и венграми. Представители словацкого национального движения утверждали, что термин «чехословацкий народ (нация)» оказался не более чем «дымовой завесой», своеобразным прикрытием для доминирования чехов в центральном госаппарате, сфере управления и т. д. Закарпатским украинцам (русинам) также не предоставили обещанного самодetermination. Тем не менее справедливости ради следует отметить, что

⁴ Сергионова Е.П. Определение границ. Первые шаги нового государства (1918–1920 гг.) // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2005. Кн. 1. С. 103.

⁵ Сыч А.И. Национальный аспект версальской системы. URL: http://etargentum.inuy1.ru/load/stati/istoricheskie/nacionalnyj_aspekt_versalskoj_sistemy/35-1-0-178

чехи прилагали серьезные усилия в 1920-е годы, чтобы обеспечить национальные права своих меньшинств⁶.

По условиям Трианонского договора территория Венгрии была поделена между несколькими вновь образованными европейскими государствами и уменьшена до размеров нынешнего государства. Чехословакии отошли 63 000 км² и 3,5 млн населения, из них 1 072 000 венгров, оказавшихся на словацкой территории, в составе Чехословацкой Республики. Государствообразующий и, прямо скажем, господствовавший в прошлом народ оказался национальным меньшинством. «Новая действительность стала для венгерского населения, оказавшегося в другом государстве, шоком. И только через несколько лет оно сумело адаптироваться к жизни в государственном образовании, где доминировали малознакомые им чехи и малоуважаемые ими словаки»⁷. Тем не менее венгры сумели создать свою печать, культурные и политические организации. Партии венгерского национального меньшинства, направляемые из Будапешта, прошли в 1920 г. в чехословацкий парламент, а в 1935 г. объединились в Венгерскую единую партию во главе с Й. Эстерхази. Часть политической элиты венгерского национального меньшинства не смирилась со своим положением и в 1938 г. выдвинула ирредентистские требования возвращения Венгрии отобранных у нее по Трианонскому договору земель вместе с населением. И этим чаяниям суждено было сбыться. 2 ноября 1938 г. Венский арбитраж при участии министров иностранных дел Германии и Италии передал Венгрии южные районы Словакии и Закарпатской Украины общей площадью 12 000 км² с населением 972 000 чел., из которых 350 000 являлись словаками и украинцами⁸.

События 1938–1939 гг., повлекшие за собой создание Словацкой Республики, вновь, как и двадцатью годами ранее, изменили жизнь национальных меньшинств. Привилегированное положение получили словацкие немцы, которых насчитывалось примерно 140 000 чел.⁹

⁶ Подробнее см.: Серапионова Е.П. Национальные меньшинства в межвоенной Чехословакии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 5 (49) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001563-8-1> DOI: 10.18254/S0001563-8-1

⁷ Gabzdilova S. Etnicke mensiny na Slovensky – moznosti vyskumu ich historickej pamati // Slezsky sbornik. Opava, 1997. N 1–2. S. 87.

⁸ Forinovanie obrazu Strednej Európy // Vyber. № 31. Bratislava, 1990. S. 20.

⁹ Gabzdilova S. Etnicke mensiny na Slovensky. S. 87.

Именно они стали одним из инструментов политического влияния нацистской Германии на политику нового словацкого государства. В этот же период воплотились в жизнь надежды оторванных от своей родины венгров: южная Словакия, где они преимущественно были расселены, была отторгнута от Словацкой Республики и передана Венгрии. Из 650 597 венгров (перепись 1920 г.) в Словакии в 1939 г. осталось 65 000¹⁰. Их положение напрямую зависело от положения словаков в Венгрии, поскольку словацкое государство провозгласило принцип паритета в национальной политике.

В ходе Второй мировой войны все политические силы Чехословакии, боровшиеся против нацистской Германии за восстановление Чехословацкой Республики, согласились с тезисом, что обновленное чехословацкое государство должно стать государством двух славянских народов — чехов и словаков. Поведение и политическая деятельность неславянских национальных меньшинств — венгров и немцев были признаны фактором дестабилизации Первой Чехословацкой Республики. Обоим национальным меньшинствам были предъявлены обвинения в их коллективной ответственности за Мюнхенский диктат, за насильственное расчленение Чехословакии, за ужасы оккупации. Составной частью концепции послевоенного возрождения республики стал план выселения немцев и венгров за ее пределы. Получив международное одобрение на Потсдамской мирной конференции, чехословацкое правительство выселило из страны в 1945–1948 гг. 3 млн граждан немецкой национальности. Сейчас трудно точно установить, сколько именно немцев были выселены из Словакии. Имеющиеся данные свидетельствуют, что до выселения в 1945 г. на словацкой территории насчитывалось 60 000 лиц немецкой национальности, а в 1991 г. — 5414¹¹.

Судьба венгерского национального меньшинства после Второй мировой войны оказалась также непростой. Чехословакия была возвращена отторгнутая от нее в 1938 г. часть южной Словакии с компактно проживавшим там венгерским населением, но политика выселения венгров не получила международного признания, и решение «венгерского вопроса» проводилось в рамках внутренних мероприятий. В 1945–1947 гг. часть венгерского национального меньшинства

¹⁰ Gabzdilova S. Etnicke mensiny na Slovensky. S. 88.

¹¹ Ibid.

(12%) была обменена на словаков, проживавших в Венгрии, другая часть венгров, в основном интеллигенция и буржуазия, подверглась насильственному выселению (всего было выселено 70 000 чел.), до 40 000 венгров были переселены в чешские области¹². После конфискации в соответствии с Кошицкой правительственной программой 1945 г. поместий и крупной частной собственности лиц венгерской национальности многие из них эмигрировали на Запад. Оставшееся венгерское население было в тот период фактически лишено гражданства, запрещено создание венгерских политических и культурных организаций, закрыты школы, обучение в которых велось на венгерском языке. Лицам венгерской национальности запрещалось и членство в КПЧ¹³. Чехословацкое правительство предприняло попытки проведения ресловакизации омадъярившихся этнических словаков: последним предлагалось объявить себя вновь словаками. Определенная корректировка отношения к венгерскому национальному меньшинству в сторону смягчения его положения произошла в 1949 г., когда между Чехословакией и Венгрией был подписан Договор о дружбе и взаимной помощи, а обе страны стали частью «социалистического лагеря», провозгласив принцип пролетарского интернационализма. 1960-е годы стали для Чехословакии, в состав которой входила и Словакия, временем либерализации политического развития. В рамках этих процессов в 1969 г. в Чехословакии был принят Закон о положении национальных меньшинств, согласно которому они объявлялись субъектом, составлявшим совместно с чехами и словаками чехословацкое государство. Это внесло значительные коррективы в идею о государстве двух славянских народов. Чехословацким гражданам венгерского, польского, немецкого, украинского происхождения гарантировалось участие в представительных и иных выборных органах, получение образования на родном языке, использование его как официального в областях, населенных преимущественно (более 50%) представителями данной национальности¹⁴, право на печать и информацию на родном языке и т. д. Также закон гарантировал право граждан свободно вы-

¹² Bajcera I. Cesta k internacionálnej jednote. Bratislava, 1982. S. 144.

¹³ Ibid.

¹⁴ В 1960–1961 гг. в социалистической Чехословакии была проведена территориально-административная реформа. Если раньше по численности преобладали в семи административных районах, то после 1961 г. — только в двух.

бирать себе национальность, содержал положение о том, что национальная принадлежность не может служить основанием для каких-либо ограничений в политической экономической и общественной жизни. Новый закон закреплял не только индивидуальные права граждан – представителей меньшинств, но и права национальных групп как этнического целого, что было особенно важно для венгерского национального меньшинства. Правда, речь в социалистической Чехословакии могла идти лишь о культурно-языковых правах. Национальные меньшинства не имели своего коллективного политического представительства¹⁵.

Ситуация коренным образом изменилась после ноября 1989 г., когда национальные меньшинства обрели политическую свободу. Важным обстоятельством, положительно повлиявшим на положение национальных меньшинств в Словакии, стало провозглашение ею приверженности демократическим принципам новой, посленоябрьской, Чехословакии, а не преемственности с существовавшим в годы Второй мировой войны словацким государством.

Правовое положение национальных меньшинств в современной Словакии

Принципы и основные инструменты для успешного решения вопроса меньшинств определила рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств. Ее подписали около 40 европейских стран, в том числе и Словакия. Это означало, что Словакия взяла на себя обязательства воздерживаться от принятия таких мер, которые, изменяя состав населения в каком-либо регионе проживания лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, ущемляют права и свободы, вытекающие из принципов, изложенных в указанной конвенции¹⁶.

Правда, в конвенции нет разъяснения понятия национального меньшинства. Его нет и в документах Генеральной Ассамблеи ООН. Однако в недрах подкомиссии по предотвращению дискриминации

¹⁵ Политическое развитие Чехословакии после войны. URL: <http://biofile.ru/bio/38393.html>.

¹⁶ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. URL: <https://ru.coe.int/168007cdde>

и защите меньшинств Комитета по правам человека ООН родилась формулировка, согласно которой «меньшинствами признаются только общности граждан иного этнического происхождения, если им свойственны стабильные, отличные от большинства этнические, религиозные и лингвистические традиции и черты и если они объединяют сравнительно большое число людей в целях сохранения этих традиций и черт»¹⁷. В октябре 1993 г. рабочая группа подкомиссии Комитета по правам человека ООН предложила дополнить данное определение следующими важными положениями:

«1. Защита меньшинств распространяется на этнические группы, обладающие общей культурой, религией или языком.

2. Права защиты меньшинств распространяются на лиц, которые не являются гражданами государства. Однако эти лица должны постоянно проживать на территории страны и быть в ее юрисдикции. У них нет права выбирать государственные и муниципальные органы власти, быть избранными. Нет прочих, предусмотренных только для граждан, прав.

3. Права меньшинств на сохранение и развитие своих культуры, языка и религии относятся к негражданам и иностранцам, проживающим в стране.

4. Наличие в стране этнических, религиозных и лингвистических меньшинств определяют не законы и государственные постановления, а только объективные критерии, которыми являются характерные для меньшинств черты.

5. Автохтонные народы (в том числеaborигены) могут быть меньшинствами.

6. Права меньшинств носят индивидуальный (персональный) характер, а не являются коллективными правами»¹⁸.

И если европейским ученым удалось в основном договориться, что национальными меньшинствами признаются только общности граждан, на протяжении долгого времени проживающие в стране, то политические лидеры не нашли общего языка в этом вопросе. Поэтому определение меньшинства остается в компетенции каждой страны¹⁹.

¹⁷ Цит. по: Дрибинис Л. Перспектива решения проблем меньшинств в Европейском Союзе. URL: <http://www.tolerance.dialog.lv/>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

В современной словацкой литературе можно встретить следующее определение меньшинства: «Меньшинство как социологическое, политологическое и культурно-антропологическое понятие означает строго ограниченную группу лиц, которая отличается от окружающего ее “большинства” и сама себя определяет как группу»²⁰.

Различаются *национальное меньшинство* — официально признанная этническая группа и *этническое меньшинство*, определяемое общностью языка и культуры. Под национальным меньшинством понимается меньшинство другого народа, которое реализует право на самоопределение вне государства своего проживания, при условии наличия его гражданства. Например, представители венгерского меньшинства в Словакии имеют гражданство Словацкой Республики. Этническое меньшинство не является государствообразующим народом по причине своей малочисленности, например, лужицкие сербы в Германии, кашубы в Польше. Цыгане, численность которых весьма значительна, проживают на территории ряда государств, поэтому также не могут считаться государствообразующим народом. Ранее, до образования государства Израиль, этническую группу составляли евреи.

В современной Словацкой Республике проблеме национальных меньшинств придается важное значение. Упоминание о национальных меньшинствах можно найти в преамбуле к Конституции Словакии 1992 г. Там указывается: «Мы, словацкий народ <...> вместе с представителями национальных меньшинств и этнических групп, проживающих на территории Словацкой Республики, <...> стремимся к применению демократических форм правления, гарантiiй свободной жизни, развитию духовной культуры и экономическому благосостоянию»²¹.

В Конституции имеется специальный раздел «Права национальных меньшинств и этнических групп». Согласно содержащейся в этом разделе ст. 33, «принадлежность к какому-либо национальному меньшинству или этнической группе не должна никому причинять ущерб». Ст. 34 Конституции конкретизирует права национальных меньшинств:

²⁰ Menšina. URL: <https://cs.wikipedia.org/wiki/Men%C5%AAina>

²¹ 460/1992 Zb Ústava slovenskej republiky z 1. septembra 1992. URL: <http://www.vyvlastnenie.sk/predpisy/ustava-slovenskej-republiky>

«1. Гражданам, образующим в Словацкой Республике национальные меньшинства или этнические группы, гарантируется всестороннее развитие, в частности, право совместно с другими представителями меньшинства или группы развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке, объединяться в национальные сообщества, создавать и содержать учреждения образования и культуры. Подробности устанавливаются законом.

2. Гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам или этническим группам, на условиях, установленных законом, кроме права на владение государственным языком гарантируется:

а) право на образование на своем языке;

б) право пользоваться своим языком в официальных отношениях;

в) право участвовать в решении вопросов, касающихся национальных меньшинств и групп.

3. Осуществление прав граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам и этническим группам, не должно создавать угрозу суверенитету и территориальной целостности Словацкой Республики или приводить к дискриминации остального населения»²².

«Согласно нашему законодательству, — отмечает словацкий историк Б. Блехова, — все национальные меньшинства имеют право на культурные, образовательные учреждения: детские и учебные заведения, театры, музеи, СМИ и т. д. Словакия подписала целый ряд договоров по этим вопросам, рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств была ратифицирована словацким парламентом в 1995 г. Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств подписана Словакией в 1998 г., хотя даже не все государства-члены ЕС подписали эту хартию. При Министерстве культуры Словакии работает отдел культуры меньшинств, который помогает различным учреждениям национально-культурного профиля. Это, прежде всего, театры, а в маленькой Словакии их много: венгерский театр в Комарно и Кошице, цыганский театр “Роматхан” («Territoria цыганства». — Прим. ред.), театр Александра Духновича в Прешове и др. В Словакии также функционируют 11 музеев национальных культур, причем некоторые из них существуют уже более ста лет, но большинство из них возникло в 1990-е гг.,

²² Ustava Slovenskej republiky // Sbirka zakonu. № 460. Praha, 1992. S. 2660–2678.

когда разрабатывались специальные программы. Финансирование, направляемое на развитие культуры и языков малых народов, осуществляется главным образом на основе грантов»²³.

Все значимые национальные меньшинства имеют свои национальные сообщества. Численностью и традициями среди них выделяется Венгерский общественно-культурный союз в Словакии (ЧЕМАДОК). Русинское население в Восточной Словакии объединено в «Русинском возрождении» и Содружество интеллигенции русинов Словакии. В 1990 г. был создан Союз русинов — украинцев Словацкой Республики, который заменил Культурный союз украинских трудящихся. Еще одним национально-культурным сообществом является Польский клуб — Союз поляков и их друзей в Словакии. В Словакии существуют Хорватский культурный союз, Культурный союз болгар «Христо Ботев», большое количество цыганских объединений и некоммерческих организаций (Культурное содружество цыган Словакии, Содружество цыганской молодежи — сторонников реформ, Институт цыганской общественной политики, Содружество молодых цыган). Многие из сообществ имеют образовательный характер и осуществляют культурную и правовую поддержку своих членов²⁴.

Правительство Словацкой Республики по согласованию с Советом ЕС выделяет национальным меньшинствам, проживающим на ее территории, дотации. Пример тому — программа «Культура национальных меньшинств» (2017 г.)²⁵, в соответствии с которой финансовые средства распределяются следующим образом (табл. 2).

Вместе с тем в настоящее время в СР отсутствует специальный закон, посвященный национальным меньшинствам. Права, в общем виде гарантированные конституцией, конкретно определяет ряд законов, принятых зачастую еще в социалистической Чехословакии: Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский кодекс, закон № 81/1966 о периодической печати и других средствах массовой информации, закон № 29/1984 о средней и начальной школе («школьный закон»), закон № 254/1991 о Словацком телевидении,

²³ Блехова Б. На перекрестке границ и народов. URL: <http://www.rusk.ru>

²⁴ Blažej J. Obyvateľstvo. URL: <http://profil.kultury.sk/sk/obyvate%C4%BEstvo/>

²⁵ Информация о распределении финансовых средств по программе «Культура национальных меньшинств» (2017 г.). URL: http://www.narodnostnemensiny.gov.sk/data/files/6721_informacia-o-rozdeleni-financnych-prostriedov-pre-programm-knm-2017.pdf

Таблица 2

Название меньшинства	Сумма (в евро)
Болгарское	41 400
Чешское	266 400
Хорватское	55 800
Венгерское	2 268 000
Моравское	35 100
Немецкое	10 350
Польское	75 600
Цыганское	770 400
Русинское	340 650
Русское	62 100
Сербское	33 300
Украинское	117 000
Еврейское	61 200
Межэтнический и межкультурный диалог	270 000
ИТОГО	4 500 000

periодической печати и других средствах массовой информации нет упоминаний о нормах использования языков национальных меньшинств. «Школьный закон» определяет, что «воспитание и образование осуществляется на словацком языке. Гражданам чешской, венгерской немецкой, польской и украинской (русинской) национальности в объеме, обусловленном интересами их культурного развития, предоставляется право на образование на их родном языке»²⁶. Образовательные нужды цыган и хорватов закон игнорирует, но в отношении цыганского национального меньшинства в настоящее время ситуация исправляется введением в ряде школ должности помощника учителя по работе с цыганскими детьми. Законы о словацком радио и словацком телевидении имеют те же недостатки — они содержат весьма общие указания по поводу применения языков национальных меньшинств (словацкое телевидение (радио) обеспечивает посредством вещания на родном языке интересы национальных и этнических групп, проживающих в Словакской Республике).

закон № 255/1991 о Словацком радио, закон № 270/1995 о государственном языке Словакской Республики, закон № 184/1999 о применении языков национальных меньшинств.

Какова же совокупность реальных прав, предоставляемых словацким законодательством проживающим на ее территории национальным меньшинствам? Каждый участник судебного разбирательства и следствия имеет право на использование своего родного языка и на предоставление переводчика, причем данная норма не является специфическим правом национальных меньшинств, а относится к любому инакоговорящему. В законе о

²⁶ URL: <http://www-8.mensiny.vlada.gov.sk>

Для представителей национальных меньшинств одним из наиболее важных и сильно задевающих чувство национальной самоидентификации является вопрос о возможности использования родного языка. Государственным языком в Словакии по конституции является словацкий. В соответствии с законом 184/1999 от 10 июля 1999 г. о применении языков национальных меньшинств к таковым на территории Словацкой Республики относятся болгарский, чешский, хорватский, венгерский, немецкий, польский, цыганский, русинский и украинский²⁷.

В 1994 г. в Словакии был принят закон, по которому границы населенных пунктов, в которых национальные меньшинства составляют более 20% от общего числа жителей, обозначаются двуязычными указателями (название дается на словацком языке и на языке национального меньшинства). Однако в этом же законе указываются исключения: например, название населенного пункта Габчиково следует писать только по-словацки.

В соответствии с законом № 270/1995 о государственном языке Словацкой Республики²⁸ наряду со словацким мог быть использован и чешский язык как «наиболее понятный». На нем говорили в официальных учреждениях, заполняли официальные бланки, многие фильмы демонстрировались в кинотеатрах с чешскими субтитрами, на чешском языке публиковались отдельные статьи в словацких СМИ. В 2009 г. в закон о государственном языке было внесено изменение, подготовленное в канцелярии министра культуры М. Мадьярич²⁹. Оно устраняет статьи об особом положении в Словакии чешского языка в связи с его «понятностью» и устанавливает правила письменного и устного использования словацкого языка — от средств массовой информации до официальных указателей, вводит высокие штрафы (до 5 тыс. евро) за неправомерное использование иностранных слов. Предполагалось, что изменения в законе будут «охранять» словацких граждан от применения непонятного большинству сло-

²⁷ ZÁKON 184/1999 o používaní jazykov národnostných menšíň. URL: <http://www.narodnostnemensiny.gov.sk/pravne-predpisy/>

²⁸ ZÁKON 270/1995 Z. Z о государственном языке Словацкой Республики. URL: [https://cs.wikipedia.org/wiki/Z%C3%A1kon_o_st%C3%A1tn%C3%A1m_jazyce_\(Slovensko\)](https://cs.wikipedia.org/wiki/Z%C3%A1kon_o_st%C3%A1tn%C3%A1m_jazyce_(Slovensko))

²⁹ ZÁKON 318/2009 Z. Z. URL: <http://www.culture.gov.sk/vdoc/194/zmeny-a-novelizacie-zakona-o-statnom-jazyku-1ac.html>.

ваков венгерского языка, но они коснутся также и чешского языка. Закон устанавливает, что вся письменная информация, предназначенная для общественности, в том числе и концертные афиши,дается на словацком языке и содержит перевод на другой язык. Это положение не относится к чешским музыкальным группам, которые обязаны печатать свои афиши на словацком языке³⁰.

Словацкий язык в качестве официального применяется во всех областях государственной и общественной жизни. Организации национальных и этнических групп обязаны предоставлять свои документы на регистрацию исключительно на словацком языке.

Закон о применении языков национальных меньшинств устанавливает, что граждане имеют право использовать свой родной язык в государственных учреждениях тех административно-территориальных образований, где число представителей национальных меньшинств по результатам двух последних переписей населения составляет не менее 15% (ранее 20%), а таких в Словакии насчитывается восемь с венгерским населением и одно — с русинским. Всего в стране 79 территориальных образований.

Положение венгерского национального меньшинства в контексте развития словацко-венгерских отношений после 1989 г.

В мозаике национальных меньшинств Словакии венгерское занимает особое место. Его значение обусловлено компактностью проживания, ярко выраженной лингвистической обособленностью, интенсивностью этнической самоидентификации, непосредственной географической близостью к стране этнического большинства — Венгрии, а также немаловажным обстоятельством — наличием в общественно-политической структуре страны двух этнических венгерских партий. Факт существования партий национального меньшинства не является уникальным. Свои этнические партии имеют шведы в Финляндии, австрийцы в Италии, турки в Болгарии, баски

---

³⁰ Štráflová M. Zákon komplikuje život českým krajanům na Slovensku. URL: <http://www.radio.cz/cz/rubrika/udalosti/novy-jazykovy-zakon-komplikuje-zivot-ceskym-krajanum-na-slovensku>

и каталонцы в Испании. В Словакии их наличие объясняется специфическими интересами представителей венгерского меньшинства в образовании, культуре, экономике, а также отсутствием в программах общенациональных словацких политических партий положений, касающихся национальных меньшинств. Иными словами, «спрос рождает предложение».

В современной Словакии идет процесс снижения численности представителей венгерского меньшинства. Приводимые в литературе данные свидетельствуют, что, по сравнению с 1921 г., когда по переписи населения насчитывалось 651 тыс. венгров, в 2011 г. их численность составила 458 тыс. чел. «Как бы это ни казалось удивительным, но с демографической точки зрения демократический период в развитии страны после 1989 г. можно считать наиболее негативным двадцатипятилетием, на протяжении которого постоянно снижается число венгров в Словакии», — отмечает словацкий социолог венгерского происхождения Л. Дюрдик³¹. Причины такого положения он видит, во-первых, в низкой рождаемости в среде венгерского меньшинства, а во-вторых, в возрастающей миграции его представителей в другие страны, которая значительно облегчилась после вступления Словацкой Республики в ЕС.

Не удивительно, что взаимоотношения словаков и венгров занимают важное место во внутренней жизни СР и оказывают влияние на ее внешнюю политику. Общее положение и политico-культурные требования венгерского национального меньшинства приобрели новые черты после раздела чехословацкой федерации и возникновения независимой Словацкой Республики. Все венгры Словакии выступили против распада чехословацкой федерации, опасаясь, что в новом государстве их права будут значительно ограничены.

Уже в декабре 1992 г. влиятельные политические партии, представлявшие венгров в Словакии — Венгерское христианско-демократическое движение, коалиция венгерских партий Сосуществование и Венгерская народная партия — обратились в ОБСЕ и ЕС с письмом, в котором указали на нарушение в Словакии Конвенции по охране прав национальных меньшинств. Предметом их критики стали Конституция СР и некоторые законы.

³¹ Gyurgyik L. Ubúdanie slovenských Maďarov bude pokračovať'. URL: <http://madari.sk/magazin/aktuality/laszlo-gyurgyik-ubudanie-slovenskych-madarov-bude-pokracovat>

Партии венгерского меньшинства негативно отнеслись и к принятию Словакии в Совет Европы. В Меморандуме о принятии СР в Совет Европы они негативно высказались по поводу замедления темпов экономической трансформации, непоследовательности правительства в вопросах соблюдения прав меньшинств и выражали сомнение в легитимности раздела чехословацкой федерации, который произошел без прямого участия граждан Чешской и Словацкой республик³².

Активность политических представителей венгерского меньшинства вызывала у части словацкого населения опасения относительно сохранения территориальной целостности государства. Эти опасения особенно усилились после выступления председателя венгерского правительства Й. Антала на III конгрессе Всемирного союза венгров. Он сказал, что Венгрия имеет право проявлять активный интерес к жизни венгерского населения в соседних государствах. Источником для антивенгерских выступлений в Словакии стали рассуждения председателя коалиции Сосуществование М. Дюрая о легитимности автономистских устремлений венгерского меньшинства, с которыми он выступил на заседании парламента.

М. Дюрай, Б. Бугар и другие представители венгерского меньшинства в Словакии поддерживали тесные контакты с ведущими политиками в Венгрии, среди которых были руководители Венгерского демократического форума (ВДФ). Последний неоднократно высказывался в поддержку деятельности организаций венгерского меньшинства в Словакии. Это явилось поводом для части словацкой общественности обвинить венгерское меньшинство в том, что оно играет роль «пятой колонны» в Словакии.

Тогдашний словацкий премьер-министр В. Мечиар открыто обвинил Венгрию в манипуляции венгерским национальным меньшинством в Словакии. Напряженность в словацко-венгерских отношениях несколько ослабла после принятия Словакии в Совет Европы в июле 1993 г. Вслед за этим событием последовала серия переговоров президента М. Ковача с организациями национальных меньшинств о решении спорных вопросов, которые мешали установлению

³² Homisínová M., Sutaj S. Maďarska mensina v procesoch spoločenskej transformácie // Mensinove etnicke spoločenstva na Slovensku v procesoch spoločenskych premien. Bratislava, 1994. S. 97.

плодотворных отношений между всеми группами населения в стране. Результатом этих переговоров стало намерение создать специальный Комитет по делам меньшинств и начать подготовку законов, регулирующих их права³³.

Дальнейшее развитие внутриполитической ситуации в Словакии было отмечено парламентским кризисом весны 1994 г. Коалиция правящих партий (Движение за демократическую Словакию и Словацкая национальная партия) утратила, вследствие выхода части депутатов из ее рядов, парламентское большинство, что вызвало отставку правительства Мечиара. Ведущей политической силой в Словакии вплоть до выборов осенью 1994 г. стала широкая коалиция оппозиционных партий, которую поддерживали и партии венгерского меньшинства.

На состояние словацко-венгерских отношений повлияла и радикальная перемена политической ситуации в Венгерской республике. ВДФ, на протяжении четырех лет определявший внутри- и внешне-политический курс Венгрии, потерпел поражение на парламентских выборах в мае 1994 г. Коалиция левых партий во главе с премьер-министром Г. Хорном получила большинство голосов и стала решающей политической силой в стране.

Новое венгерское руководство стремилось достичь взаимопонимания в словацко-венгерских отношениях. Во время визита в Словакию в августе 1994 г. Г. Хорн подчеркнул необходимость двустороннего диалога в связи со строительством плотины в районе Габчиково — Надьямарош. Затронуты были также проблемы венгерского национального меньшинства в Словакии. Однако подготовка досрочных парламентских выборов в Словакии помешала Братиславе поддержать и развить инициативу венгерской стороны.

Результаты выборов подтвердили преференции значительной части словацкого избирателя в пользу Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) и его председателя Мечиара. В коалиции со Словацкой национальной партией (СНП) и новой партией Объединение рабочих Словакии ДЗДС стала правящей партией. Коалиция заявила о своем решении продолжить курс на интеграцию в европейские структуры и на развитие двусторонних отношений с Венгрией.

³³ Olejnik M. Postavenie madarskej narodnostnej mensiny na Slovensky v kontexte vývoja madarsko-slovenskych vzťahov po roku 1989 // Slezsky sborník. № 1–2. Opava, 1997. S. 122.

Представители словацкой политической элиты прекрасно понимали, что без урегулирования потенциально конфликтных отношений со своей ближайшей соседкой интеграция в европейские и трансатлантические структуры невозможна. Это подчеркнул в интервью газете *Národná Obroda* президент Ковач: «На каждой встрече с представителями стран — членов ЕС мы и венгры получаем подтверждение, что наш шанс стать членами ЕС и НАТО зависит от решения спорных вопросов, обременяющих наши отношения. Это в полной мере относится к положению венгерского национального меньшинства»³⁴. Реализация подобного императива привела к активизации дипломатической деятельности с обеих сторон и подписанию в марте 1995 г. Договора о добрососедстве и сотрудничестве между Словакской Республикой и Венгерской Республикой. Договор состоял из 22 статей, которые группировались вокруг трех проблем:

- принцип нерушимости государственных границ;
- взаимная поддержка при вступлении в ЕС и НАТО;
- положение национальных меньшинств.

Стороны договорились, что в области обеспечения прав национальных меньшинств они будут руководствоваться подписанной ими рамочной конвенцией Совета Европы и другими международными документами³⁵.

Словацкая общественность приняла подписание договора со смешанными чувствами. Так, политические представители СНП считали, что включение в Договор некоторых международных документов равноценно признанию существования коллективных прав у национальных меньшинств, а это несет в себе угрозу целостности Словакии. Но большинство политических партий, в том числе и партии венгерского меньшинства, приняли подписание Договора в целом позитивно.

Партии венгерского национального меньшинства переместили центр критики на подготовку закона о языке, который должен был бы создать правовую базу для альтернативного обучения в школе. Министерство образования, вопреки явному протесту со стороны венгерской общественности, прежде всего родителей и учителей, попыталось ввести в венгерских школах двуязычное обучение.

³⁴ Národná obroda. 1995. 12 I. S. 1, 2.

³⁵ Olejník M. Postavenie madarskej narodnosnej mensiny na Slovensky. S. 124.

Необходимость преподавания словацкого языка диктовалась стремлением повысить уровень владения им выпускниками венгерских школ. Венгры усмотрели в этом первый шаг к ликвидации венгерских школ и, в конечном счете, к ассимиляции венгров. На митинге протеста в Комарно в апреле 1995 г. депутаты словацкого парламента от венгерских партий, объединившись с членами Союза венгерских педагогов, решительно выступили против данного законопроекта и пригрозили акциями гражданского неповиновения в случае его принятия³⁶.

Вплоть до 1998 г. в политической жизни Словакии тлел непрекращающийся конфликт между президентом Ковачем и премьером Мечиаром. Партии венгерского национального меньшинства выступали с поддержкой президента, против политики, проводимой правительственной коалицией. Не устраивал словацких венгров, в частности, Закон об административно-территориальном устройстве СР, согласно которому резко, с 39 до 79, возросло количество территориальных единиц в Словакии. Новое административное деление, по мнению представителей венгерского национального меньшинства, «растворило» этнических венгров в словацкой среде. Критически оценивали венгры — граждане СР правовое положение языков меньшинств, а также объем государственного финансирования их национальной культуры³⁷.

С другой стороны, определенная часть словацкой общественности воспринимала компактное проживание венгерского меньшинства на юге Словакии как потенциальную угрозу целостности своего государства. По результатам опроса общественного мнения, проведенного социологической службой «Фокус» в 1995/1996 гг., 34 % респондентов словацкой национальности были убеждены, что «тайной целью большинства венгров, живущих в Словакии, является изменение границ и присоединение южных областей Словакии к Венгрии»³⁸.

В 1998 г. существовавшие в Словакии венгерские партии объединились в единую партию — Партия венгерской коалиции (ПВК) и вошли в правительство СР. С того времени и до 2010 г. ПВК имела

³⁶ Dostal O. Slovenska «madarska otazka». URL: <http://www.arts.gla.ac.uk/Slavonic>

³⁷ Olejník M. Postavenie madarskej narodnosťnej menšiny na Slovensky. S. 125.

³⁸ Aktualne problemy Slovenska na prelome rokov 1995–1996. Bratislava, 1996. S. 125.

постоянное представительство в словацком парламенте. Примечательно, что на выборах в парламент за нее голосует больше избирателей, чем число избирателей венгерской национальности в СР. Первым председателем партии стал Б. Бугар, которого сменил П. Чаки.

В 1998–2006 гг. партия входила в состав правительства М. Дзурины, где была представлена четырьмя министрами (П. Чаки — министр по европейской интеграции и правам национальных меньшинств; Л. Миклош — министр окружающей среды; Л. Дьюровский — министр регионального развития; Ж. Шимон — министр сельского хозяйства). В 2006–2010 гг. ПВК находилась в оппозиции правительству Р. Фицо, в составе которого была представлена националистическая Словацкая национальная партия.

На парламентских выборах 12 июня 2010 г. партия не сумела преодолеть пятипроцентный барьер (она получила 109 639 голоса (4,33%)) и лишилась места в парламенте. Два депутата от ПВК входят в Европарламент. С 2000 г. ПВК присоединилась к Европейской народной партии³⁹.

Осознавая пагубность усиления национализма для развития демократии в стране, ее имиджа на международной арене, из Партии венгерской коалиции летом 2009 г. выделилось политическое объединение «умеренных». Бывший многолетний лидер ПВК Б. Бугар основал новую партию, название которой образуют словацкое и венгерское слово «мост» — «MOST – HID». Партия ставит своей целью развитие сотрудничества и установление дружеских отношений внутри венгерской диаспоры, между венграми и словаками, венграми и представителями других национальных меньшинств⁴⁰.

Конец XX – начало XXI в. характеризовались внутриполитической стабилизацией страны и успешной интеграцией Словакии в европейские и трансатлантические структуры. Словакия и Венгрия являются членами ЕС и регионального объединения — Вышеградская четверка. Однако «словацкий венгерский вопрос» до настоящего времени не снят с повестки дня. Рана, полученная в 1920 г.,

³⁹ Партия венгерской коалиции. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%80%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BB

⁴⁰ Мост(партия). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%82_\(_D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%82_(_D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F)

не заживает до сих пор. «Травма Трианона» питает венгерский национализм, а очертания «Великой Венгрии», существовавшей до Первой мировой войны, можно встретить на майках, в виде наклеек на автомобилях и вообще в самых неожиданных местах. Последствия Трианона определяют и актуальную политику. Так, в 2010 г., после проведения референдума, венгерское правительство стало предоставлять по упрощенной процедуре гражданство этническим венграм, проживающим за границей. Правящий Венгерский гражданский союз (ФИДЕС) получил, таким образом, дополнительные 2 % голосов на парламентских выборах: 95 % «заграничных» венгров отдали свои голоса этой партии, которая инициировала изменения в законе о гражданстве. Начиная с 2010 г., в день подписания Трианонского мирного договора, 4 июня, венгры отмечают День единения нации⁴¹.

Реакцией на этот шаг венгерской стороны стал закон, принятый первым правительством Р. Фицо (2006–2010), запрещающий двойное гражданство в Словакии и лишающий словацкого гражданства лиц, имеющих гражданство другого государства. По данным словацкого Министерства внутренних дел, словацких паспортов в соответствии с этим законом лишились около 2 тыс. чел. Из них – 512 чел., имеющих чешское гражданство; 464 – немецкое, 281 – австрийское; 183 – британское; 97 – венгерское; 87 – американское; 46 – норвежское; 41 – швейцарское; 38 – голландское; 33 – бельгийское; 32 – ирландское; 31 – австралийское; 30 – канадское; 24 – итальянское; 13 – финское; 12 – французское; 11 – шведское; по четыре чел. – люксембургское и российское; три – китайское; по два чел. – датское, исландское, польское и украинское; по одному чел. – новозеландское, израильское, испанское, сербское, сингапурское и одно невыясненное.

Действия словацкого правительства, которые оно объясняет стремлением противодействовать венгерскому национализму, в реальности наносят ущерб положению чешского национального меньшинства в Словакии. Это подтверждается не только изменением статуса чешского языка, но и запретом двойного гражданства, поскольку наибольшее число пострадавших словацких граждан имело чешское гражданство.

⁴¹ Лопатто М. Травма Трианона. URL: <https://www.svoboda.org/a/2544411.htm>

Цыганское меньшинство

Картина, рисующая положение словацких национальных меньшинств, была бы неполной без упоминания о цыганском населении страны. Тем более, что связанные с ним проблемы выходят далеко за границы Словацкой Республики. В Европе около 5 млн цыган являются самым многочисленным и беднейшим национальным меньшинством. В Словакии фактически проживают более 400 тыс. цыган. Как уже отмечалось выше, среди словацких ученых ведутся дискуссии относительно их численности. По разным сведениям, она составляет от 89 тыс. (по данным переписи населения 2011 г.) до 430 тыс. (8% населения Словакии), из них две трети находятся в продуктивном возрасте. Цыганские дети составляют седьмую часть всех детей школьного возраста в Словакии.

В местах компактного проживания цыган (Восточная Словакия) безработица составляет 90 %. Только каждый десятый цыган в продуктивном возрасте имеет работу, бедность среди цыган передается от поколения к поколению. Катастрофическая ситуация сложилась в сфере медицинского обслуживания и образования. Цыганское население крайне неохотно принимает участие в правительстенных программах по трудоустройству. Многие цыгане зависят от социальной системы, что формирует у них социопатологические черты. Программы помощи цыганам не приносят ожидаемых результатов. Осознавая этот факт, словацкое общество разрабатывает многочисленные концепции и программы и выделяет значительные финансы на их реализацию, что влияет на рост антицыганских настроений в словацком обществе⁴².

При этом более 150 цыганских поселений не подключены к водопроводу, еще 370 — подключены частично. От отсутствия чистой воды страдают 38 % цыган, при том что проблема водоснабжения

⁴² Цыгане и нецыгане в Словакии, по меткому замечанию словацких социологов, живут в двух параллельных мирах. При этом данная формулировка имеет буквальное значение. Жалобы словаков на поведение цыган, которые мусорят и спрывают нужду у них под окнами, вызывала к жизни практику строительства стен между словацкими и расположившимися вблизи них цыганскими поселениями. В 2008–2013 гг. в 14 городах и поселениях были возведены стены, отделяющие цыган от нецыган.

Potočný M. Obyvatelé slovenského sídlisť postavili mezi sebe a Romy další zed'. URL: https://zpravy.idnes.cz/obyvatele-slovenskeho-sidliste-postavili-mezi-sebe-a-romy-dalsi-zed-1gw-/zahraniční.aspx?c=A100824_153249_zahraniční_ipl

словацких населенных пунктов давно решена. В результате цыганам приходится набирать воду из загрязненных колодцев или идти в соседние поселения. 65 цыганских поселений не подключены к электросети.

Фиксировались случаи принудительной стерилизации цыганских женщин. Цыгане сталкиваются с дискриминацией на рынке труда. По данным исследования, проведенного в июле – сентябре 2014 г. институтом финансовой политики при Министерстве финансов Словакии, работодатели при прочих равных условиях предпочитают брать на работу нецыган. На фиктивные анкеты со словацкими именами откликнулись приглашением на собеседование 40% предприятий, на цыганские – только 17%. Согласно опросам, 23% цыган сталкивались с дискриминацией в трудоустройстве или на работе. В результате работу имеют 15–17% цыган в стране, в то время как у нецыганского населения уровень безработицы составляет 11%⁴³.

Весной 2004 г. демонстрации и акции неповиновения, устроенные цыганами на востоке Словакии, оказались настолько серьезными, что потребовалось чрезвычайное заседание правительства и срочный выезд премьер-министра в район событий. Для наведения порядка были стянуты значительные силы (до 1 тыс. чел.) полиции и посланы регулярные войска. Все началось с того, что в одном из словацких городов группа цыган из 86 человек ворвалась в супермаркет и разграбила его. Полиция не успела оперативно отреагировать. Затем схожие инциденты повторились в десятках других населенных пунктов. Ситуация вышла из-под контроля, столкновения с полицией приобрели массовый характер. Появились раненые. По словам представителей так называемого цыганского парламента, отстаивающего интересы нацменьшинства, подобными акциями люди попытались привлечь внимание к своим проблемам, долгие годы игнорировавшимся словацким правительством⁴⁴.

Несмотря на вынесенное в 2012 г. решение прешовского областного суда о незаконности сегрегации, проблема сегрегации цыганских детей в школах продолжает оставаться очень острой. Многие цыганские дети вынуждены учиться в специальных школах для умственно

⁴³ Дискриминационные практики в отношении меньшинств. URL: https://www.ru.civic-nation.org/slovakiya/vlast/pravoprimenitelnye_praktiki/diskriminatsionnye_praktiki_v_otnoshenii_menshinstv/

⁴⁴ Шаповалов А., Шевель В. Табор уходит в никуда. URL: <http://www.rg.ru/2004>

неполноценных. Доля цыган в числе учеников специальных школ намного выше их доли в общей численности населения Словакии. Приведенные в 2014 г. исследования показали, что весьма часто определение в специальную школу было следствием ошибочного диагноза при тестировании, когда детям-цыганам не предоставляли тест на их родном языке. В итоге 20 % цыган не получают среднего образования (среди словаков эта цифра равна 1 %); 40 % цыган не заканчивают даже начальную школу и лишь 0,3 % цыган имеют высшее образование.

9 июля 2014 г. словацкий парламент отклонил внесение поправок к четырем законам республики в рамках «малой цыганской реформы». Инициатива Л. Каника, П. Поллака и В. Новотного была поддержана 53 депутатами и заблокирована большинством из партии «Направление – социальная демократия». Наибольшие нарекания вызвал расчет авторов поправок на то, что предлагаемые ими меры побудят цыган к трудоустройству и социальной интеграции. Провал реформы (уже в четвертый раз!) свидетельствует о том, что правящая партия не доверяет уполномоченному правительства по делам цыган Поллаку⁴⁵.

Как отмечают А. Марчинчин и Л. Марчинчинова – авторы одного из наиболее репрезентативных словацких исследований, вышедшего под говорящим названием «Потери от отчуждения цыган. Ключом к интеграции является уважение инакости», «неэффективность программ помощи цыганам объясняется отсутствием уважения к социокультурным особенностям цыганской этничности и к ее гетерогенности»⁴⁶.

Отчуждение цыган от словацкого общества влечет за собой большие экономические потери. По расчетам словацких авторов, интеграция цыган в экономику страны способна повышать ВВП Словакии на 7–11 % ежегодно⁴⁷.

⁴⁵ Дискриминационные практики в отношении меньшинств.

⁴⁶ Marcinčin A., Marcinčinová L. Straty z vylúčenia Rómov. Klúčom k integrácii je rešpektovanie inakosti. 2. jún 2009. S. 2. URL: www.iz.sk/download-files/sk/osf-straty-z-vylucenia-romov.pdf.

⁴⁷ Ibid. S. 5.

Анна Сергеевна Гладышева

Цыгане Румынии в начале третьего тысячелетия

Цыгане — этническая общность индоарийского происхождения, о которой во все времена слагались легенды и мифы, которая и сама неустанно подогревала интерес к себе, ведя довольно замкнутый образ жизни. Мало кто за пределами цыганского мира знает, как и чем живет этот народ. Те, с кем судьба сталкивала цыган, всегда воспринимали их как «чужих», потому что они не стремились к открытому диалогу, бережно хранили свои обычай и традиции. Так веками складывалось непонимание иноэтнической цыганской культуры, которое сохраняется и по сей день.

Некоторые современные исследователи сходятся во мнении, что цыгане проникли в Европу из Индии и обосновались в Византийской империи не в XI в., как считалось ранее, а в IX в.¹ В Валахии цыгане осели примерно к XIII в.², вступив в контакт с романоязычным и славянским населением. Первый известный историкам документ о начале процесса закабаления цыган, к тому времени полуоседлых, относится к XIV в. Статус рабов сохранялся за ними в румынских землях вплоть до второй половины XIX в.³ Результатом контактов цыган с местными жителями стало формирование влашской группы диалектов, на которых говорят современные цыгане Румынии. В каче-

¹ О происхождении цыган и истории их проникновения в Европу подробнее см.: Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н. Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. М.: София, 2009. С. 31–33.

² Вопрос о времени проникновения цыган на территорию современной Румынии по сей день остается дискуссионным в исторической науке.

³ Pons E. Tiganii din România. O minoritate din tranziție. București, 1999. Р. 11–12.

стве самоназвания они используют самый распространенный в цыганской среде этноним «рома» (рум. – *rom*). Большинство цыган исповедуют православие, однако в разных регионах страны среди них встречаются также католики, греко-католики, протестанты и представители других конфессий и деноминаций.

В обычательском представлении с цыганами зачастую ассоциируются жители Румынии. Этот стереотип в корне не верен, но на его формирование повлиял ряд моментов. Во-первых, в Румынии проживает самая многочисленная цыганская диаспора Центральной и Юго-Восточной Европы⁴. По последней переписи 2011 г. цыганами назвали себя 619 тыс. граждан страны⁵ (для сравнения: в соседней Болгарии на тот же 2011 г. приходилось 325 тыс. чел.). Реальную численность цыган установить достаточно сложно, потому что многие из них скрывают этническую идентичность или в силу своего образа жизни вовсе оказываются вне поля зрения официальной статистики. По мнению специалистов-статистиков, в Румынии по самым приблизительным подсчетам проживают до 2–2,5 млн цыган. Во-вторых, на протяжении как минимум семи веков румыны и цыгане сосуществуют на севере Балканского полуострова, и многовековое совместное проживание двух народов отразилось на облике каждого из них. Некоторые традиции и обычаи цыган вошли в обиход румын, чего они уже давно не замечают и, более того, всячески стремятся от креститься от черт, сближающих представителей титульной нации со своими давними соседями.

В предлагаемой вниманию читателя статье предполагается осветить демографическую ситуацию внутри цыганской общины Румынии, ее экономическое положение, реализацию гражданских прав цыган, проблему социализации членов общины, вопросы миграционной политики государства.

Цыгане являются вторым по численности (3,2%) этническим меньшинством в Румынии, уступая пальму первенства лишь венграм (6,5%). После Второй мировой войны цыганская община, пережившая фашистский террор, стала объектом политики румынизации, в результате которой многие цыгане вынуждены были признать

⁴ В масштабах всей Европы численность цыган выше только в Испании (725 тыс. на 2011 г.).

⁵ Comunicat de presa. URL: <http://www.recensamantromania.ro/rezultate-2/> (дата последнего посещения 4 XII 2018).

себя румынами. Данные переписей населения 1956 г. и 1966 г. свидетельствуют о сокращении численности diáspоры за десять лет почти вдвое. Рост этнического самосознания цыган оказался в определенной мере обусловлен подписанием Румынией в 1975 г. Хельсинских соглашений. В 1977 г. цыганами себя назвали в 3,5 раза больше граждан Румынии, чем в 1966 г.⁶

К концу 1980-х годов Румынию охватил демографический кризис, обусловленный падением уровня жизни, естественной убылью населения, а после декабря 1989 г. и миграционными процессами. Цыганскую общину он обошел стороной. Ее численность продолжает расти благодаря высокой рождаемости. Цыганская семья в среднем насчитывает 6–7 человек. Перепись 1992 г. показала, что в результате сокращения доли немцев цыгане именно к этому времени стали третьим по численности народом страны. Этот показатель остается с тех пор неизменным, несмотря на эмиграцию некоторых представителей общины в страны Западной Европы, особенно после вступления Румынии в ЕС в 2007 г.

На государственном уровне признано наличие в стране 18 этнических меньшинств, однако самые сложные (хотя и совершенно разного рода) проблемы власти имеют в отношениях с венгерской и цыганской diáspорами. Если позиции венгров как политически и экономически активной части населения окрепли после 1989 г.⁷, то цыгане в ходе общественных трансформаций оказались фактически за бортом новой жизни.

Децентрализация экономики, приватизация и привлечение иностранного капитала легли после 1989 г. в основу нового курса страны, проводившегося правительством П. Романа. Эти мероприятия положили начало социально-экономической маргинализации цыганской общины. Реформы начала 1990-х годов цыгане встретили как малообразованная и слабо защищенная в экономическом

⁶ Scurtu I., Alexandresu I., Bulei I., Mamina I. Enciclopedia de istorie a României. Bucureşti, 2002. P. 436.

⁷ Одной из острейших национальных проблем является дезинтеграционная политика этнических венгров, их стремление к максимальной автономизации в составе румынского государства. О межнациональных отношениях в современной Румынии см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический очерк. М., 2015. С. 232–233.

и социокультурном плане часть населения. Их традиционная хозяйственная модель, не способная встроиться в механизм рыночной экономики, оказалась в глубоком кризисе. Цыганскую общину практически вытеснили из сферы мелкооптовой торговли как неконкурентоспособного предпринимателя. Малограмотность цыган стала препятствием на пути к получению ими земли в процессе приватизации. В результате этого часть цыган, работавшая прежде в коллективных хозяйствах, была вынуждена покинуть деревню. По имеющимся данным, в 1992 г. в городах сосредоточился уже 41 % выходцев из цыганской общины, тогда как в 1977 г. их было там 32%⁸.

Падение уровня производства и низкая конкурентоспособность румынских товаров спровоцировали рост безработицы и усиление имущественного расслоения населения. В 1992 г. уровень безработицы составил в целом по стране 10,1 %. Низкая квалификация рабочих-цыган или ее полное отсутствие способствовали тому, что среди цыган безработица достигла огромной цифры — 45,2 %, причем лишь 3 % из них получали пособия⁹. Экономическая ситуация начала 1990-х годов усилила падение интереса цыган к труду, способствовала нежеланию искать работу и побудила часть диаспоры вступить на путь криминала. В наши дни цыгане в Румынии зачастую выискивают средства к существованию, попрошайничая, занимаясь гаданием, мелким воровством и мошенничеством, а цыганская мафия участвует в поставках наркотиков на румынский рынок. Лишь незначительная часть цыган интегрировалась в румынское общество, заняв собственную нишу в его экономической структуре.

На преодоление застойных явлений в цыганской среде и переориентацию от принудительного труда, который был распространен в социалистической Румынии, к заинтересованности в получении образования, повышении квалификации, трудуоустройстве направлены основные мероприятия румынского правительства, начиная с 1990 г.

После падения режима Н. Чаушеску цыгане Румынии получили реальные, а не задекларированные лишь на бумаге гражданские права и статус национального меньшинства. Первым документом новой власти стала Декларация Фронта национального спасения о правах национальных меньшинств от 5 января 1990 г., признавшая

⁸ Pons E. Tiganii din România. P. 51.

⁹ Ibid. P. 52–53.

за ними личные права и свободы. Конституция 1991 г. гарантировала цыганам право на этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность (ст. 6), а в случае дискриминации они получили возможность апеллировать к международным соглашениям по правам человека (ст. 20). Конституция также узаконила право цыган на изучение родного языка и получение образования на нем (ст. 32). В 2003 г. в Основной закон страны был внесен ряд поправок, одобренных на референдуме. Согласно одной из них, этническим меньшинствам предоставили право на использование национального языка в административных органах и суде (ст. 120 и ст. 128).

Следствием бурного развития политической жизни в начале 1990-х годов в Румынии явилось возникновение многочисленных цыганских партий и общественных организаций, вовлекших в свою деятельность немалую часть цыганской элиты: Демократическая партия свободных цыган, партия «Pro-Europa», Христианско-демократическая партия цыган Румынии, Либерально-демократический союз цыган Румынии, Партия кэлдэрарей* и кочевых цыган и др. Все они работали за представительство цыган в центральных и местных органах власти, выступали в защиту политических, экономических, социальных и культурных прав меньшинства. На первых парламентских выборах в мае 1990 г. ни одна из принимавших в них участие цыганских партий не прошла в палату депутатов. Однако согласно закрепленному конституцией за национальными меньшинствами праву на один мандат в нижней палате парламента (ст. 62) интересы цыганской общины смог представлять профессор экономики и член партии «Pro-Europa» Г. Рэдукану. Дальнейшее политическое развитие страны показало, что цыгане в целом политически пассивны и практически не заинтересованы в реализации своих избирательных прав, поэтому число цыганских партий заметно сократилось. С 2000 г. на протяжении длительного времени в румынском парламенте диаспору представлял лидер партии «Pro-Europa» Н. Пэн, благодаря которому в интересах цыган был реализован ряд важных законодательных инициатив.

На внепарламентском уровне за реализацию гражданских прав цыган выступает несколько общественных организаций. В 1990 г.

* Кэлдэрары (рум. *căldărari*), также кэлдэрари, котельщики (от рум. *căldare* – котел, ведро) – сложившаяся в Румынии цыганской этнической группе в составе большой цыганской группы рома. Традиционные занятия – лужение, ремонтные работы по жести, перепродажа металломолом, мелкая торговля (*прим. ред.*).

было воссоздано Демократическое объединение цыган Румынии, которое позиционирует себя в качестве преемника Всеобщего союза цыган Румынии, функционировавшего в 1934–1938 и 1946–1954 гг. Серьезную поддержку представителям диаспоры, попавшим в трудную жизненную ситуацию, оказывает Цыганский центр социального обеспечения и образования (рум. — Romani CRISS), существующий с 1993 г. На практике деятельность этих организаций не всегда эффективна из-за крайне ограниченных финансовых возможностей¹⁰. С 1990 г. диаспора поддерживает связи с международными цыганскими организациями (Международный цыганский союз, Международный комитет цыган, Цыганский форум при Совете Европы и пр.), принимает участие в их деятельности, направленной на улучшение социально-экономического положения цыган и сохранение их культурной самобытности. С 1990 г. на цыганском языке в Румынии выходят периодические издания и литературные произведения, проводятся различные фестивали, а с 8 апреля 2006 г. ежегодно отмечается Национальный день цыган. Это мероприятие призвано пробудить интерес в обществе к иноэтничной культуре и ее языку.

Цыгане считаются, с полным на то основанием, самой малограмотной диаспорой Румынии. За последние десятилетия был разработан целый комплекс мероприятий по ликвидации неграмотности и вовлечению цыган в образовательный процесс. Выдающаяся заслуга в этом принадлежит румынскому лингвисту, профессору Бухарестского университета, советнику Министерства национального просвещения Румынии Г. Сарэу, который заложил основы преподавания цыганского языка в стране¹¹. В 1992 г. под его редакцией вышел в свет первый цыганско-румынский словарь, а в 1994 г. — первый школьный учебник цыганского языка. Сейчас в распоряжении желающих изучать цыганский язык около 30 учебников, пособий и словарей, подготовленных Г. Сарэу. В 1992 г. по его инициативе впервые был открыт факультативный курс цыганского языка на кафедре иностранных языков и литературы Бухарестского университета. В 1997 г. там же было учреждено отделение индианистики, где изучались хинди и цыганский языки, а в следующем учебном году открылось

¹⁰ Pons E. Tiganii din România. Р. 85.

¹¹ Подробнее о жизни и деятельности Г. Сарэу см.: <https://gheorghesarau.wordpress.com/about/>

отделение цыганского языка и цыганской литературы, занимающееся подготовкой будущих преподавателей. В начальных учебных заведениях и лицеях цыганам предоставляется возможность получения образования на родном языке, но, к сожалению, доля неграмотных пока остается высока. С 1994 г. в Румынии реализуется одна из программ Министерства национального образования, согласно которой ежегодно в ряде университетов и лицеев страны резервируются места для выходцев из цыганской общины. Если в 1994/1995 учебном году таких мест было выделено всего десять, то в 2014/2015 г. – 602¹², то есть рост очевиден. К сожалению, как показывает практика, до половины бюджетных мест остается невостребованными цыганами. Эта ситуация ежегодно провоцирует шквал недовольства со стороны румынской молодежи, которая заинтересована в получении образования, но не имеет права занимать зарезервированные для цыган места в учебных заведениях.

Важнейшим аспектом социализации румынских цыган являются их взаимоотношения с титульной нацией и другими этническими группами, проживающими в стране. Несмотря на предоставление цыганам гражданских прав, в румынском обществе сохраняется их устоявшееся восприятие как «антисоциального» элемента, бытавшее в годы коммунистического режима. После 1989 г. произошла определенная трансформация межэтнических отношений. Если ранее существование «цыганской» проблемы не афишировалось, то в современном обществе цыган считают «позорным пятном» Румынии. В стране имеют место проявления и даже рост расовой неприязни по отношению к цыганам, которая зачастую приобретает форму открытой агрессии. Румынское общество не принимает цыган, поскольку они следуют собственным патриархальным «законам» и традициям, отстаивают личные и семейно-клановые интересы, не желая жить «как все», не считаясь со своими согражданами и теми демократическими нормами, обязательное следование которым повлекло за собой вступление страны в ЕС. В этих условиях выходцы из цыганской среды, оторвавшиеся от национальных корней, в первую

¹² Pons E. Țiganii din România. Р. 123; COMUNICAT DE PRESĂ Locuri speciale pentru romi în instituțiile de învățământ superior de stat în anul universitar 2014–2015. URL: http://www.prefecturatulcear.ro/_documente/archiva_comunicate_de_presa/2014/Comunicat%20de%20presa,%20locuri%20speciale%20pentru%20romi%20in%20facultati%20in%20anul%20universitar%202014-2015.pdf

очередь интеллигенция, стремятся скрыть от окружающих факт своего родства с цыганами.

Антицыганскими настроениями пропитано все общество снизу и доверху. Нежелание трудоустраивать цыган, личная неприязнь, межэтнические конфликты стали нормой повседневной жизни. К дискриминации подключаются и политические силы: например, ультраправые организации и партии пропагандируют откровенно расистские лозунги. В 2010-е годы появились не только абсурдные проекты о переименовании Румынии в Дакию, чтобы само название страны не могло вызывать ассоциации с цыганством (ромами), но и предлагалось заменить в официальных документах обозначение цыган со слова «гтом» на слово «țigăni». За показным стремлением к предотвращению «путаницы», которую якобы пытаются устраниить авторы подобных идей, в действительности скрываются ксенофобские настроения и нетолерантное отношение к цыганам. Все это проявляется даже на высоком государственном уровне. Так, бывший глава румынского государства Т. Бэесеску неоднократно выступал с публичной критикой образа жизни цыган. Подобные действия противоречат прокламируемой правительством национальной политике и являются одной из причин ее слабой эффективности.

Агрессия в отношении цыган и экономические трудности, с которыми они сталкиваются, провоцируют продолжающийся отток членов диаспоры из страны. В 2007 г. Румыния, как уже отмечалось, стала полноправным членом ЕС, что повлекло за собой новую волну эмиграции граждан в более благополучные государства европейского содружества. При этом страну покидали, конечно, не только представители титульной нации. В поисках лучшей доли цыгане массово хлынули во Францию, Италию, Испанию, но и там судьба не благоволила им. В 2009 г. французский президент Н. Саркози предпринял решительные меры по борьбе с межэтническими конфликтами и, не в последнюю очередь, с засильем цыган. За разгоном кочевых поселений последовала первая депортация в сентябре 2010 г. нетрудоустроенных и не имевших разрешения на проживание во Франции цыган на родину – в Болгарию и Румынию. В последующие годы доля выдворявшихся из страны цыган увеличивалась, отражая антигуманный характер предложенного варианта «решения» цыганского вопроса. Мероприятия французского правительства компрометировали нормы европейской правовой системы, считающейся

одной из самых демократичных в мире. Политика депортаций нарушила и Конвенцию ООН по правам человека, принятую по итогам и на основе опыта Второй мировой войны, в годы которой сотни тысяч цыган стали жертвами фашистского геноцида. Критика действий Н. Саркози в структурах ЕС не положила конец выдворению цыган (между прочим, законных граждан ЕС) из Франции. Прокламируемые лояльность и толерантность европейского сообщества не нашли подтверждения на деле.

Незнание и непонимание иноэтничной культуры увеличивает дистанцию между народами, населяющими Румынию. Если сограждане румынских цыган не будут стремиться понять «другого» и его культуру, взаимная неприязнь народов только возрастет. Политический, культурный, социальный диалог — залог поддержания добрососедских и взаимовыгодных отношений между этносами, проживающими в стране. В наши дни залогом адаптации цыган становится только их полная интеграция в румынское общество. Но при этом заинтересованность сторон должна быть обоюдной.

Библиография работ Ларисы Семеновны Лыкошиной (2000–2017)

2000

Лешек Бальцерович (Политический портрет) / Отв. ред. Б. С. Орлов. М., 2000. 57 с.

2001

Александр Квасьевский (Политический портрет) / Отв. ред. Б. С. Орлов. М., 2001. 72 с.

Польские ученые о проблеме Центральной Европы (Обзор) // Политическая наука. М., 2001. № 4. С. 85–91.

Динамика социальной структуры в Польше: изменение стратегии и места социальных групп в обществе (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. М., 2002. Серия 11: Социология. № 2. С. 46–62 (в соавторстве).

Рец.: *Marciniak W.* Rozgrubione imperium. Upadek Związku Radzieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej. Kraków, 2001. 592 s. // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 270–278.

2002

Польский культурный центр в Москве // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 227–229.

Социальная политика периода трансформации: концепции, средства, институты, инструменты // Новый социальный облик Восточной Европы. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2002. С. 25.

Социальная структура польского общества в контексте трансформации (Обзор) // Новый социальный облик Восточной Европы. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2002. С. 112.

«Проигравшие» в процессе социально-политических перемен в Польше (Реферативный обзор) // Новый социальный облик Восточной Европы. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2002. С. 126.

Польская семья в период трансформации (Обзор) // Новый социальный облик Восточной Европы. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2002. С. 167.

2003

Лешек Бальцерович — «отец польских экономических реформ» // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2003. С. 73–106.

Четыре реформы. От концепции до реализации (Реферативный обзор) // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2003. С. 213–226.

«Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии: аналитический обзор. М., 2003. 67 с.

Реф.: *Balcerowicz P.* Front terroru przeciwko terroryzmowi // Res Publica Nowa. 2002. № 5. S. 8–24. // Мир после 11 сентября 2001 в оценках аналитиков. Сб. рефератов. М., 2003. С. 27–31.

Some aspects of civil society formation in Poland // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 2. С. 96–106.

«Ницца или смерть»: отношение Польши к проекту конституции ЕС // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2003. № 10. С. 13–16.

2004

Кризис власти в Польше. Левые уходят? (Аналитический обзор) // Восточная Европа в начале XXI века. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004. С. 127–137.

Трудный путь в Европу (О некоторых проблемах вступления Польши в ЕС) (Реферат) // Восточная Европа в начале XXI века. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004. С. 142–151.

Александр Квасьневский – президент всех поляков // Мир перемен. 2004. № 2. С. 177–188.

Польские правые на пороге XXI века (Аналитический обзор) // Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева М., 2004.

Реф.: *McManus-Czubińska C., Miller W.L., Markowski R., Wasilewski I.* Podwójna tożsamość polaków // System partyjny i zachowania wyborcze. Warszawa, 2002. S. 241–267 // Восточная Европа в начале XXI века. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004. С. 138–141.

Реф.: *Myxa Я.* Польская социология в 1990–2000 гг.: исследование общества после перелома // Социальные науки в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже веков. Сб. статей, обзоров, рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004. С. 176–181.

Реф.: *Желиховский Р.* Издательская деятельность Института политических исследований ПАН в 1991–2000 гг. // Социальные науки в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже веков. Сб. статей, обзоров, рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004. С. 104–108.

Рец.: *Nizioł M.* Dylematy kulturowe międzynarodowej roli Rosji. Lublin, 2004. 222 s. // Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 181–186.

2005

Образ России в польской общественной мысли // Страны Восточной Европы и Россия. Взаимоотношения в начале XXI века. Сб. статей, обзоров, рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий, Л. Н. Шаншиева. М., 2005. С. 111–120.

Рец.: *Jasińska-Kania A.* Zmieniające się identyfikacje europejczyków: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. Warszawa, 2004. S. 146–162. // Россия и современный мир. 2005. № 4. С. 228–230.

2006

Польша после выборов 2005 года (Аналитический обзор). М., 2006.

Проблемы польской религиозности (Сводный реферат) // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2006. С. 122–124.

Конфессиональная проблематика в экспозе премьер-министра П. Борецкого // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2006. С. 38–41.

Церковь и общество в современной Польше // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2006. С. 18–37.

Лех – брат Ярослава, Ярослав – брат Леха и их партия «Право и справедливость» // Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 43–53.

Польские левые вновь в оппозиции // Актуальные проблемы Европы. 2006. № 3. С. 107–122.

2007

Национальные и этнические меньшинства в современной Польше // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Т. Г. Биткова. М., 2007. С. 20–43.

Нереальное решение реальных проблем (К вопросу о популизме и национализме в Польше) // Национализм и популизм в Восточной Европе. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2007. С. 55–83.

Польша – страна на восток от Одера и на запад от Буга // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 4. С. 110–128.

2008

Системные изменения в Польше в оценках общества и элиты (Обзор) // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 41–48.

Некоторые аспекты исторического и национального сознания в Польше // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 98–110.

Поляки об актуальных проблемах внешней и внутренней политики страны (Обзор) // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 49–56.

Польские парламентские выборы 2007 года (Сводный реферат) // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 38–40.

Геополитические приоритеты Польши // Восточная Европа в современной геополитике. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2008. С. 73–102.

Образ России в польской общественной мысли (Исторический аспект) // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 61–77.

Рец.: Рыхард А. Посткоммунизм: институциональный порядок или хаос? // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 33–37.

Рец.: Жулковский М. Изменения системы ценностей // Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2008. С. 93–97.

2009

Польская политическая элита: штрихи к портрету // Элиты в странах Восточной Европы (Начало XXI века). Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2009. С. 32–52.

Образ России в польской общественной мысли // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. Сб. научных трудов. М., 2009. С. 8–43.

Циркуляция политических элит: от лис к львам // Элиты в странах Восточной Европы (Начало XXI века). Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2009. С. 135–138 (в соавторстве).

2010

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шицелиной. М., 2010 (в соавторстве).

Польские политические партии в поисках идейной идентичности // Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2010. С. 45–85.

Концепции и оценки развития России (XX – начало XXI в.) в зарубежных исследованиях (коллективная монография). М., 2010.

Энергетическая безопасность Польши // Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2010. С. 77–99.

2011

Религия и церковь в повседневной жизни современного польского общества // Повседневная жизнь в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2011. С. 116–134.

Проблемы польской молодежи рубежа XX–XXI вв. // Поколение перемен в странах Восточной Европы. 1990–2010 гг. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий, Л. Н. Шаншиева. М., 2011. С. 91–114.

Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в. (Аналитический обзор) // Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России. М., 2011.

«Польско-польская война» начала XXI века // Россия и современный мир. 2011. № 4. С. 158–173.

2012

На пути от социализма к демократии (80-е годы XX – начало XXI в.) // Польша в XX веке. Очерки политической истории. Кол. монография / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 807–931.

Польша в Европейском союзе и Вишеградской группе // Вишеградская группа. Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа». 2012. № 4. С. 54–77.

Дональд Туск – либерал во власти // Россия и современный мир. 2012. № 3 (76). С. 167–179.

«Политическая критика» – «последняя надежда польской левицы»? // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 2. С. 131–150.

Рец.: *Grosse T.G. W objęciach europeizacji. Wybrane przykłady z Europy Środkowej i Wschodniej*. Warszawa, 2012. 450 s. // Вишеградская группа. Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа». 2012. № 4. С. 108–110.

2013

Дональд Туск. Политический портрет. М., 2013. 100 с.

Польская левица после парламентских выборов 2011 года // Партии и избиратели в странах Центральной и Восточной Европы (2000–2010 гг.). Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2012. С. 44–71.

Польша в Европейском союзе // Внешняя политика стран Восточной Европы в первом десятилетии XXI в. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2013. С. 28–51.

Современная польская семья // Семья и семейные ценности в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2013. С. 48–64.

Церковь и общество в современной Польше // Государственно-церковные отношения в СССР и странах Восточной Европы в период общественно-политических кризисов второй половины XX века / Отв. ред. Г. П. Мурашко, А. И. Филимонова. М.; СПб., 2013. С. 210–240.

Дональд Туск – дважды премьер III Третьей Речи Посполитой // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 10. Славянский мир профессора Г. Ф. Матвеева / Отв. ред. Ю. А. Борисенок, А. Н. Литвинова, З. С. Ненашева. С. 354–377.

Восточная политика Польши в контексте российско-польских отношений // Россия и Европа в новых геополитических реальностях / Отв. ред. Л. Н. Шишелина. М., 2013. Т. 9. С. 143–154.

Польша и проект «Восточное партнерство» // Вишеградская Европа. Приложение к журналу «Современная Европа». 2013. № 4. Вып. 2. С. 20–33.

Закат польского крестьянства? // Крестьянство в странах Восточной Европы. 1990–2010 гг. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2013.

2014

Бронислав Коморовский — президент Польши // Российская академия наук. Отделение историко-филологических наук. Вестник истории, литературы, искусства. М., 2014. С. 280–296.

Польская историческая политика в контексте политической жизни страны // Великая Победа, добытая единством: к 70-летию освобождения Украины и Белоруссии от фашизма (Сборник материалов «круглых столов», приуроченных к Четвертому международному историко-культурному форуму «Великая Победа, добытая единством»). Курск, 2014. С. 282–291.

Польская идентичность в контексте политического развития страны // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2014. С. 27–47.

Польско-российские отношения в 90-е годы XX века // Nowa Polityka Wschodnia. 2014. № 6. S. 177–190.

Об «исторической политике» в контексте политической борьбы в современной Польше // Славяноведение. 2014. № 5. С. 44–55.

Польша о событиях 2014 г. в Украине // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2014. № 34. С. 6–8.

«Гданьский либерализм». Люди и идеи // Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: конец 60-х – 80-е гг. ХХ в. М., 2014. С. 233–252.

Феномен братьев Качиньских в польской политике // Blog «Rosjanie o Polsce» <http://blogrosjanieopolsce.pl/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD-%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2-%D0%BA%D0%>

B0%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B2-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE

Реф.: Хвальба А. Самоубийство Европы. Великая война 1914–1918 гг. // Первая мировая война. Современная историография. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. В. П. Любин, М. М. Минц. М., 2014. С. 172–186.

Рец.: Хвальба А. Самоубийство Европы. Великая война 1914–1918 гг. // Россия и современный мир. 2014. № 3. С. 143–151.

Рец.: Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013. 486 с. // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 200–203.

2015

«Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши. Монография. М., 2015. 258 с.

Силезский сепаратизм? // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 139–154.

Польская общественная мысль о России // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 2. С. 20–48.

Российско-польские отношения в 2004–2014 гг.: от Майдана до Майдана // Страны Восточной Европы и Россия: Развитие отношений в 2005–2015 гг. М., 2015. С. 29–46.

Геополитика в польско-российских отношениях (Реферативный обзор) // Страны Восточной Европы и Россия: Развитие отношений в 2005–2015 гг. М., 2015. С. 47–55.

Об «исторической политике» в современной Польше // Россия и Польша: история общая и разделенная. М., 2015. С. 66–77.

«Историческая политика» в современной Польше и проблемы Второй мировой войны // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн / Отв. ред. А. С. Железняков, В. В. Теплухин. Воронеж, 2015. С. 225–238.

Путь от Гданьска до Брюсселя. Штрихи к политическому портрету Д. Туска // Современная Европа. 2015. № 1. С. 56–68.

«Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 170–179.

Польша и украинский кризис // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 113–126.

Братья Качиньские и десятилетняя «польско-польская война». Конец «великого противостояния»? // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 73–89.

Восточное партнерство 2009–2014 // Современная Европа. 2015. № 6. С. 159.

Десять лет спустя: о выборах 2015 года в Польше // Современная Европа. 2015. № 6. С. 89–98.

Рец.: *Cianciara A. K.* Partnerstwo Wschodnie 2009–2014. Warszawa, 2014 // Современная Европа. 2015. № 6. С. 159–160.

2016

Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского. М., 2016. 80 с.

Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе // Проблемы европейской безопасности. Сб. научных трудов. М., 2016. С. 175–191.

Польша и поляки в российском общественном дискурсе // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 65–84.

Польша и украинский кризис // Страны Восточной Европы и украинский кризис. М., 2016. С. 55–70.

Феномен братьев Качиньских в польской политике // Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия. М., 2016. С. 281–297.

Национализм в современной Польше // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 71–89.

Отношения России и стран Вишеградской группы: испытание Украиной. Доклад Российского совета по международным делам // Сер. 22/2015. Доклады Российского совета по международным делам. 80 с. (в соавторстве).

Проблемы национальных меньшинств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Материалы «круглого стола» в Институте славяноведения РАН // Славяноведение. 2016. № 3. С. 98–107.

Круглый стол «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке» // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 351–363 (в соавторстве).

Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 183–190.

Ян Карский о польском подпольном государстве // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн / Отв. ред. В. В. Теплухин. Воронеж, 2016. С. 43–54.

Национальные меньшинства в контексте политического развития Республики Польша // Восточная Европа: межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий, Л. Н. Шаншиева. М., 2016. С. 81–106.

Вишеградское родство // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 151–152.

Роман Дмовский о национальном вопросе // Электронный научно-образовательный журнал — История. 2016. № 5 (49).

Рец.: Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014. 340 с. // Славяноведение. 2016. № 1. С. 117–121.

Рец.: Бондарева Л. Русская государственность в трудах историков Зарубежья. Работы русских историков-эмигрантов белградского круга (1920–1941) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 97–98.

2017

Политическая элита современной Польши // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 169–187.

Президент Лех Качиньский и легенда о нем // Политические лидеры в современной Восточной Европе. Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. 2017. С. 39–67.

Волынская трагедия в общественном дискурсе современной Польши // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 40–60.

Сведения об авторах

АНИКЕЕВ Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

БИТКОВА Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН

ГЛАДЫШЕВА Анна Сергеевна — аспирант Румынской академии

ЖИВОТИЧ Александр — доктор исторических наук, проф. философского факультета Белградского университета

КАНАРСКАЯ Анна Николаевна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЛОПАТИНА Елена Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

МАСТЕРОВ Валерий Петрович — обозреватель «Независимой газеты», многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше, член Союза журналистов России

НОСКОВА Альбина Федоровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

ПАРФИРЬЕВ Дмитрий Станиславович — магистрант кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

ПОКИВАЙЛОВА Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

СТАНКОВ Николай Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЩЕРБАКОВА Юлия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Научное издание

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.
Национально-территориальные проблемы
и положение меньшинств в странах региона.
События. Факты. Оценки

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *П. К. Донской, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21
Тираж 300 экз. Заказ № 1763

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА